

9 ТРУДЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ТРУДЫ
ВЫСШЕЙ
ШКОЛЫ

СЕКРЕТНО

ВЫСШАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ШКОЛА
КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
имени Ф. Э. Дзержинского

251

Секретно

Т Р У Д Ы
В Ы С Ш Е Й
Ш К О Л Ы

9

№ 11604

Москва 1975

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

генерал-майор **В. Н. Титов** (главный редактор), полковник **М. А. Козичев** (зам. главного редактора), полковник **В. П. Ерошин** (зам. главного редактора), полковник **А. П. Воронин**, полковник **П. С. Дмитриев**, подполковник **В. Я. Дорохов**, полковник **С. В. Корнаков**, полковник **В. В. Коровин**, полковник **В. Ф. Лапин**, полковник **А. С. Логачев**, полковник **М. Г. Майоров**, подполковник **Ю. Т. Милько**, полковник **В. В. Назаров**, подполковник **Е. Б. Песков**, подполковник **Л. А. Постников**, полковник **А. Г. Сидоренко**, полковник **В. В. Холопов**, подполковник **А. В. Челядинов**, капитан **А. Н. Яцушко** (ответственный секретарь).

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Подполковник *В. П. Роженцев*

О ПОНЯТИИ АГЕНТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ ПРОТИВНИКА¹

Научный анализ агентурной деятельности противника представляется нам полезным с точки зрения не только теории, но и практики. В теоретическом плане такой анализ может способствовать раскрытию сущности довольно сложного явления оперативной практики органов КГБ, а в связи с этим и привести к единообразному толкованию смысла термина, которым это явление обозначается. С практической стороны предлагаемое в настоящей статье исследование агентурной деятельности противника может, как нам кажется, способствовать в определенной степени совершенствованию системы контрразведывательных мер (как системы противодействия такой деятельности противника), более глубокой и целенаправленной аналитической работе в этой области борьбы органов государственной безопасности с противником.

Агентурная деятельность противника по своему характеру — деятельность разведывательная². Исходя из этимологического толкования термина «агентурная деятельность», можно заключить, что исследуемое понятие тесно связано с понятием основного сред-

¹ Статья печатается в порядке обсуждения.

² Под разведывательной деятельностью в данном случае понимается такая деятельность противника, которая направлена как на добывание разведывательной информации о Советском государстве, так и на непосредственный подрыв его сил. См. Контрразведывательный словарь. М., изд. ВКШ КГБ, 1972, стр. 88.

ства разведывательной деятельности — агентуры. Известно, что в качестве средства разведывательной деятельности могут выступать как разведывательная техника в широком значении, так и люди, специально подобранные и подготовленные для выполнения определенной разведывательной задачи. В это последнее определение средства разведывательной деятельности мы включаем и агентов разведывательных служб противника. Таким образом, вся разведывательная деятельность по характеру используемых сил и средств может быть разделена на два основных вида:

разведывательная деятельность, осуществляемая с помощью людских сил и средств (в том числе с помощью агентуры);

разведывательная деятельность, осуществляемая с помощью технических средств¹.

В свою очередь, разведывательная деятельность, осуществляемая с помощью людских сил и средств, также не является однотипной. В ней можно выделить разные системы организации и использования людских сил и средств, разные методики проведения разведывательной деятельности. Эти различия, по нашему мнению, связаны главным образом с неоднородностью объектов разведывательной деятельности и различным характером разведывательных задач.

Разведывательная деятельность специальных служб противника может быть направлена:

во-первых, на объекты, которые обычно размещаются на территории разведываемого государства и тщательно охраняются от посягательств на их безопасность. Решение разведывательных задач в отношении такого рода объектов возможно, как правило, «изнутри» разведываемого государства, с позиций, которые это государство рассматривает как свои собственные. Такие позиции разведка создает путем нелегального, негласного внедрения своих разведывательных средств в общество разведываемой страны. Процесс такого внедрения в специальной литературе получил наименование «агентурное проникновение», а позиции, которые создаются в результате агентурного проникновения (соответственно названию способа их создания), — нелегальных, или агентурных позиций²;

¹ Каждый из этих видов играет в разведывательной деятельности относительно самостоятельную роль, так как на практике разведывательная техника, агенты и доверенные лица применяются в сочетании и тесном взаимодействии. Однако степень участия того или иного средства в решении главным образом конечных разведывательных задач позволяет выделить эти виды разведывательной деятельности как самостоятельные.

² О понятиях «агентурное проникновение» и «нелегальные позиции» см., например, монографию «Разведка США». М., изд. ВКИУ КГБ, 1970, стр. 406—422.

во-вторых, на такие объекты, доступ к которым разведывательным силам и средствам открыт или, по крайней мере, для овладения (восприятия, воздействия) которыми противнику не приходится преодолевать сильного сопротивления. Для решения конечных разведывательных задач в отношении подобного рода объектов противнику не требуется агентурного проникновения в общество разведываемой страны. В этих случаях он обычно использует различные легальные возможности для внедрения туда своих разведывательных средств. Этот процесс в отличие от агентурного (нелегального) проникновения можно именовать как легальное проникновение в общество разведываемой страны. Позиции, создаваемые в результате этого проникновения, соответственно способу их создания называются легальными позициями¹.

На основании изложенного можно сделать вывод, что разведывательная деятельность, осуществляемая с помощью людских сил и средств, как и любая деятельность человека, строится в соответствии с характером тех объектов, которые в нее вовлечены. Отсюда различная (в зависимости от свойств того или иного объекта разведывательной деятельности) направленность организации и использования разведывательных сил и средств, различные методы и характер разведывательных действий. Учитывая указанные различия, можно выделить две основные разновидности этой деятельности:

разведывательную деятельность, направленную на агентурное (нелегальное) проникновение в общество разведываемой страны и на решение разведывательных задач с позиции этого проникновения;

разведывательную деятельность, связанную с решением раз-

¹ В специальной литературе высказана иная точка зрения, согласно которой в основу разделения позиций на легальную и нелегальную положен не способ их создания, а характер положения, которое занимает участник разведывательной деятельности. Так, А. Д. Калинин в статье, опубликованной в Трудах Высшей школы КГБ № 4 за 1972 год, пишет, что разведчики и агенты противника «...при выполнении заданий разведки могут находиться на легальном и нелегальном положении, то есть действовать с легальных или нелегальных позиций, что является основным признаком при определении разведывательных позиций...» (стр. 44).

В данном случае А. Д. Калинин отождествляет легальное и нелегальное положение и легальную и нелегальную позиции. Мы считаем, что такое отождествление вряд ли допустимо. Дело в том, что, по нашему мнению, легального положения агента противника как такового на суверенной территории разведываемого государства вообще быть не может. Легальное (законное) положение вражеский агент может занимать лишь в одном случае — в случае его разоблачения. Во всех других случаях положение вражеского агента (как и его деятельность) на территории разведываемой страны всегда нелегально.

ведывательных задач на основе легального проникновения в общество разведываемой страны¹.

В последнем случае разведка использует каналы экономических, политических и культурных связей между государствами для засылки по ним в разведываемое государство своих разведывательных сил под легальным прикрытием. На основе легального проникновения противник организует сбор разведывательной информации путем визуального наблюдения, получения ее от граждан разведываемой страны втемную, а также путем обработки открытой литературы и т. д. Но при легальном проникновении участник разведывательной деятельности не получает прав и социального положения члена этого общества и во взаимоотношениях с разведываемым государством выступает как член общества противной (враждебной) стороны. Участники разведывательной деятельности, находясь на территории разведываемого государства как представители враждебной стороны и не скрывая своей правовой связи с этой стороной, не получают доступа к таким объектам, к которым он может быть открыт на основе агентурного проникновения.

Агентурное проникновение в общество разведываемой страны включает в себя вербовку агентов из ее граждан (постоянных ее жителей) и засылку агентов-нелегалов (разведчиков-нелегалов) извне². Таким путем разведывательный центр

¹ Существует иная точка зрения на классификацию видов разведывательной деятельности (см. Авдеев Ю. И., Евдокшин А. С. Основы организации подрывной деятельности империалистических разведок. Раздел IV макета учебника. М., изд. ВКШ КГБ, 1972). Авторы в основу деления видов разведывательной деятельности империалистических разведок кладут «характер разведывательной позиции, используемой ими» (стр. 84).

«Соответственно двум основным видам разведывательных позиций — нелегальным и легальным — система организации и использования сил империалистических разведок подразделяется на два вида (или подсистемы): разведку с нелегальных позиций и разведку с легальных позиций» (стр. 84). Авторы этой точки зрения считают, что разведывательная позиция является «главным фактором, оказывающим решающее воздействие на все основные аспекты организации и использования агентов и разведчиков» противника (стр. 84).

Нам представляется, что указанная точка зрения спорна. Зависимость основных аспектов организации и использования разведывательных сил и средств от характера разведывательных позиций, по нашему мнению, носит лишь внешний, кажущийся характер. На самом же деле и характер разведывательных позиций, и все аспекты организации и использования разведывательных сил зависят от разведывательных целей и задач, от характера объекта разведывательной деятельности. Как известно, результат не может предшествовать (оказывать воздействие) задаче, предусматривающей его получение. Разведывательная позиция — результат решения вспомогательных, организационных задач. Разведывательные силы и средства не могут самопроизвольно занимать ту или иную разведывательную позицию. Ее занятие (завоевание) предусматривается разведывательной задачей, которая вырабатывается в зависимости от характера и свойства объекта разведывательной деятельности.

² См. Разведка США. Монография. М., изд. ВКШ КГБ, 1970, стр. 411.

в лице участника разведывательной деятельности приобретает права и социальное положение (действительное или легендируемое) члена общества разведываемой страны. Участник разведывательной деятельности, являясь членом общества разведываемой страны, по своей сущности и основному назначению в подлинном смысле — агент разведки противника¹. Следовательно, данная разновидность разведывательной деятельности, осуществляемая с помощью людских средств, не только по названию (агентурное проникновение и деятельность агента), но и по существу — деятельность агентурная. Именно эта разновидность разведывательной деятельности противника и является предметом нашего анализа в данной статье.

Таким образом, *агентурная деятельность специальных служб противника — это агентурное проникновение в общество разведываемой страны и деятельность их разведывательных сил и средств (разведчиков и агентов) с позиций этого проникновения.*

Но такое определение агентурной деятельности противника носит слишком общий характер. Чтобы выяснить конкретное содержание этого понятия, необходимо определить субъект, объект, цели и задачи агентурной деятельности, а для этого нужно рассмотреть агентурную деятельность как процесс.

Агентурная деятельность есть прежде всего процесс, совершающийся между субъектом этой деятельности и ее объектом, опосредствованный деятельностью агента².

В качестве совокупного субъекта агентурной деятельности выступает разведывательный орган противника (разведывательный центр), в качестве индивидуального субъекта — кадровые сотрудники разведывательных служб (разведчики).

Агент в данном процессе — средство агентурной деятельности. Поэтому основное назначение агента состоит в непосредственном осуществлении действий, направленных на достижение конечных целей агентурной деятельности.

Разведывательный центр, как субъект агентурной деятельности в целом, планирует, устанавливает, направляет, корректирует и контролирует специфические связи и отношения между собой и агентом, между агентом и объектом агентурной деятельности.

¹ В данном случае мы разделяем существующее мнение, что сущность и основное назначение агентуры разведки противника заключаются в том, чтобы скрытно действовать «внутри класса, социальных групп и их организаций, к которым она принадлежит, в интересах противоположных им классовых сил, в интересах их политических противников» (см. Корнаков С. В. Агентура органов советской контрразведки. Диссертация. Спецфонд ВШ КГБ, 1966, стр. 18).

² Под агентом здесь понимается прежде всего лицо, которое по своему назначению и сущности выполняет эту роль, а не как лишь негласный, внештатный сотрудник разведывательного органа противника. Поэтому в данном случае роль агента может выполнять и штатный, кадровый сотрудник разведки (разведчик).

Следовательно, содержание агентурной деятельности как процесса включает в себя установление, развитие и поддержание специфических отношений между субъектом агентурной деятельности и ее объектом.

Таким образом, в агентурной деятельности можно выделить две ее стороны:

- разведывательный центр и его деятельность;
- агент и его деятельность.

Каждый из участников агентурной деятельности, представляющий ту или иную ее сторону, имеет свои определенные функции. Так, кадровые сотрудники специальных служб противника как представители разведывательного центра выполняют обычно функции организации и управления агентурной деятельностью. Сотрудники, выполняющие эти функции, в практике контрразведывательной работы органов государственной безопасности СССР получили название разведчиков-агентуристов или просто агентуристов.

Основное назначение агентуры, как мы уже указывали, состоит в непосредственной «разведке» объектов, интересующих разведывательный центр, то есть в осуществлении функции исполнения. Однако в связи со сложностью задач агентурной деятельности в практике разведывательной работы используются специальные категории агентов (агент-наводчик, агент-вербовщик, агент-связник и т. п.), свидетельствующие о выполнении ими функций организации и управления агентурной деятельностью¹.

Агентурная деятельность осуществляется поэтапно².

Первый этап — это деятельность, направленная на:

- а) приобретение средства, с помощью которого могут быть реализованы конечные цели агентурной деятельности, иными словами, это подбор, изучение, проверка и вербовка агента, то есть вербовочная деятельность;

¹ Так, например, Федеральная разведывательная служба ФРГ использует в своей работе обширную агентурную сеть, среди которой есть следующие категории: *агенты-наводчики*, в задачу которых входит выявлять лиц, пригодных для использования в разведывательной работе; *агенты-курьеры*, используемые для закладки и изъятия вложений из тайников, для передачи лично агентам заданий, инструкций, технических средств и денег. Эта категория агентов может быть использована так же, как *агенты-вербовщики*, *агенты-радисты*.

² Нам представляется, что нельзя сводить агентурную деятельность только к деятельности агента, нельзя отождествлять эти понятия. Деятельность агента — средство решения задач и главным образом конечных задач агентурной деятельности. Но средство этой деятельности не может выступать в качестве такового само по себе. Для того чтобы оно стало им, необходимо «изготовить» это средство в предшествующих актах деятельности с помощью других средств. Следовательно, процесс «изготовления» средства, или, иными словами, подбор, изучение, вербовка, а затем обучение и воспитание агента, наряду с деятельностью самого этого агента, входит в содержание понятия агентурной деятельности. Поэтому агентурная деятельность — деятельность, направленная на агента, а деятельность самого агента.

б) продвижение приобретенного (завербованного) средства (если в этом будет необходимость) к объекту его непосредственной деятельности (например, засылка агента-нелегала на территорию разведываемой страны).

Этот этап агентурной деятельности может быть обозначен как **агентурное проникновение**.

Второй этап — это целенаправленная деятельность приобретенного средства, то есть непосредственное осуществление конечных целей агентурной деятельности.

Этот этап деятельности, по нашему мнению, может быть определен как **агентурная разведка**¹.

Управление агентурной деятельностью необходимо и присуще как для первого, так и для второго ее этапа. С учетом условий, в которых проводится агентурная деятельность, управление ею сводится по своей форме (особенно на втором этапе) главным образом к проблеме осуществления **агентурной связи**.

Таким образом, основными элементами агентурной деятельности являются: агентурное проникновение, агентурная разведка и агентурная связь.

Каждый основной элемент агентурной деятельности имеет специфические цели, объекты, свои методы и поэтому, с точки зрения форм организации этой деятельности, представляет собой определенный вид агентурной операции.

Под агентурной операцией мы понимаем ограниченную определенным временем часть агентурной деятельности, состоящую из подчиненных единому замыслу (промежуточной или конечной цели

¹ С нашей точки зрения, агентурная разведка — исполнительная часть агентурной деятельности. По своему содержанию это деятельность агентов противника, направленная на непосредственное выполнение ее конечных целей. Агентурная разведка в таком понимании имеет единый объект, субъект, единые цели, задачи, специфические условия и методы ее осуществления.

В отношении понятия «агентурная разведка» единого мнения пока нет. Одни авторы включают в содержание этого понятия все основные элементы, которые мы включаем в содержание понятия «агентурная деятельность» (см., например, монографию «Разведка США», стр. 410). Такое широкое толкование термина «агентурная разведка» не имеет тех преимуществ, о которых мы говорили выше. Авторы этой точки зрения, по существу, отождествляют понятия «разведывательная деятельность» и «разведка», а при отождествлении данных понятий затушевывается служебная роль этих терминов.

Другие авторы к агентурной разведке относят «получение доступа к наиболее важным охраняемым секретам, объектам, а также сбор сведений, добывание документов, образов изделий» (см. Контрразведывательный словарь, стр. 244). Здесь авторы одной из основных задач агентурной разведки ставят задачу «получения доступа к секретам». Разведка ли это по существу значения этого термина? По нашему мнению, решение такой задачи есть лишь создание благоприятных условий для разведки, но не сама разведка, хотя это решение и является деятельностью разведывательного характера. Понятие «разведка» уже по своему значению, чем понятие «разведывательная деятельность».

агентурной деятельности) мероприятий и действий и направленную на конкретный объект этой деятельности¹.

Исходя из этого определения весь процесс агентурной деятельности может быть представлен, как нам кажется, следующими видами операций:

- вербовочная операция;
- операция по заброске агентов в разведываемую страну;
- операция по осуществлению агентурной связи;
- агентурная операция по добыванию разведывательной информации;
- агентурная операция по осуществлению непосредственного подрыва².

Агентурная деятельность, с точки зрения ее организации, может проводиться как с легальных, так и с нелегальных разведывательных позиций.

Агентурная деятельность с легальных позиций означает:

- организацию и осуществление агентурного проникновения в общество разведываемой страны;
- организацию и осуществление агентурной связи с разведывательными силами, действующими с нелегальных позиций.

Эту деятельность применительно к СССР могут проводить агенты и разведчики противника из граждан капиталистических государств, временно или постоянно находящиеся в СССР или за его пределами.

Агентурная деятельность с нелегальных позиций означает проведение агентурной разведки и осуществление других разведывательных задач.

¹ При определении понятия агентурной операции мы исходили из общего понятия разведывательной операции. О понятии разведывательной операции см., например, диссертацию В. И. Николаева «Подрывная деятельность в форме сбора разведывательной информации». Спецфонд ВКШ, 1970, стр. 318.

² В. В. Холопов и А. Г. Сидоренко предлагают выделять и такой вид агентурной операции, как «эвакуация за границу агентов-нелегалов» (см. Сидоренко А. Г. и Холопов В. В. Борьба с подрывной деятельностью вражеских разведчиков и агентов, прибывающих в СССР в числе иностранцев из капиталистических государств. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 61). Нам представляется, что такого рода действия противника на территории СССР будут главным образом действиями по доведению плана эвакуации до агента-нелегала, снабжению его соответствующими документами, экипировкой и т. п., то есть будут сводиться к решению проблемы агентурной связи, а этот вид агентурной операции нами предусмотрен.

При наименовании двух последних видов агентурных операций автор исходил из следующих соображений: непосредственная цель агентурной разведки и агентурной деятельности в целом — косвенный или прямой подрыв. Косвенный подрыв может быть выражен в сборе агентом разведывательной информации, то есть разведывательно-информационная деятельность агента; прямой — в проведении им террористической, диверсионной и другой подрывной деятельности, то есть его непосредственная подрывная деятельность.

Агентурную деятельность с нелегальных позиций могут проводить:

агенты противника, завербованные из граждан СССР или граждан других социалистических (дружественных СССР) стран, постоянно или временно проживающие в Советском Союзе;

находящиеся на территории СССР агенты (разведчики) противника, которые выдают себя за членов социалистического общества, хотя в действительности ими не являются (агенты-нелегалы, разведчики-нелегалы).

Деятельность разведывательных сил противника с нелегальных позиций, в нашем понимании,— деятельность агентурная, без каких-либо ограничений. Агенты и разведчики противника, действующие с нелегальных позиций, могут осуществлять как промежуточные, так и конечные цели и задачи агентурной деятельности. Напротив, деятельность разведывательных сил и средств с легальных позиций не вся может быть названа агентурной. Агентурной, с нашей точки зрения, является та ее часть, которая направлена на агентурное проникновение в общество разведываемой страны и на организацию осуществления агентурной связи.

Кандидат юридических наук доцент
полковник Ю. Б. Долгополов

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР¹

Возникновение проблемы безопасности социалистического государства в теории и практике марксизма относится ко времени Парижской коммуны. Анализируя ее опыт, К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин пришли к выводу о том, что одна из главных причин поражения боровшегося за власть и взявшего ее пролетариата Парижа состояла в том, что его руководители не придали должного значения обеспечению безопасности достигнутых коммунарами побед. Коммуна в жизненно важный для ее существования момент оказалась излишне доверчивой и нерешительной в борьбе со своими врагами. За это коммунары поплатились своей жизнью, кровью поддерживавших их трудящихся и утратой всех завоеваний. Именно в связи с трагическим финалом Парижской коммуны В. И. Ленин сделал свой ставший лозунгом всех революционеров

¹ Статья печатается в порядке обсуждения.

вывод, что «всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться»¹.

Однако особое значение проблема безопасности социалистического государства приобрела с момента установления Советской власти в нашей стране. Объясняется это рядом причин, теоретических и практических. Они связаны с ленинским периодом развития марксизма и с несравненно большими масштабами и глубиной социальных преобразований, вызванных к жизни Октябрьской революцией.

Теория марксизма ко времени социалистической революции в России обогатилась новыми положениями. Если в период Парижской коммуны и в последующие годы марксисты придерживались взгляда, что пролетариат победит одновременно во всех или большинстве капиталистических стран, то В. И. Ленин пришел к выводу о том, что в условиях империализма социализм может победить первоначально в одной или нескольких странах. Обосновывая этот открытый им закон, он еще в 1916 году предупреждал, что буржуазия других стран не примирится с существованием социалистических государств и будет стремиться разгромить их².

Величайшее, подтвержденное жизнью теоретическое открытие В. И. Ленина требовало внесения серьезных коррективов в революционную практику Советской России. Перспектива существования и продвижения к коммунизму единственного пролетарского государства во враждебном окружении империалистических государств, во многих отношениях значительно более сильных, чем социалистическое, заставила по-иному взглянуть на вопросы политической бдительности и требовала нового подхода к проблеме безопасности социалистического государства. Идее о всеобщем вооружении народа, участвующего в защите социалистических завоеваний наряду с работой на производстве, пришли на смену теория и практика создания постоянных вооруженных сил (1918 год) и постоянных, а не временных и чрезвычайных органов государственной безопасности (1921 год)³.

Непрекращающаяся скрытая подрывная деятельность империалистических государств и их разведок против Советского государства, а позже и других социалистических стран, временами перерастающая в прямую вооруженную агрессию, вызывала необходимость в повседневном практическом противодействии разведкам и в более углубленной научной разработке рассматриваемой проблемы. Все это приводило к появлению новых понятий и терминов, их обозначающих.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 138—139.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 133.

³ См. Велидов А. С. На страже завоеваний Октября. «История СССР», 1970, № 1, стр. 8.

Основоположники марксизма-ленинизма, решая в теории и на практике задачи безопасности социалистического государства, не пользовались термином «государственная безопасность». Не встречается он также ни в первых официальных документах Советской власти, ни в записях выступлений или статьях руководящих деятелей Коммунистической партии и Советского государства на протяжении всего первого десятилетия Советской власти. Впервые термин «государственная безопасность» в советских источниках мы встречаем в 1934 году. В Постановлении ЦИК СССР от 10 июля этого года, предусматривавшем образование Наркомата внутренних дел СССР, говорилось о включении в его состав Главного управления государственной безопасности¹. В 1936 году термин «государственная безопасность» был официально включен в текст Конституции СССР и начал употребляться в партийных документах и актах органов Советского государства, в советской правовой литературе. Долгое время этим термином пользовались без какого-либо разъяснения его значения. И только буквально в последние годы в юридической и специальной чекистской литературе стали предприниматься попытки глубоко проанализировать указанную проблему².

Бесспорная заслуга авторов изданного в ВКШ Контрразведывательного словаря заключается в том, что они впервые попытались дать научное определение понятия государственной безопасности и разграничить понятия «государственная безопасность» и «охрана государственной безопасности», которые до этого часто смешивались, одно подменялось другим. Так, в Юридическом словаре говорится: «Государственная безопасность — в СССР система мероприятий, направленных на охрану политической и экономической основ Советского социалистического государства и его государственных границ»³. Нечетко изложен этот вопрос и в монографии «Правовое положение органов государственной безопасности» (изд.

¹ См. СП СССР. 1934, № 22, ст. 311.

² См.: Контрразведывательный словарь. Макет. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 65; Григорян Л. А. Охрана государственной безопасности — функция социалистической государственной власти. М., изд. ВКШ КГБ, 1970; Карпушин М. П. Государственная безопасность. М., изд. ВКШ КГБ, 1971.

Определению в Словаре, работам Л. А. Григоряна и М. П. Карпушина предшествовала целая серия обсуждений и докладов на кафедрах государственного и международного права, СД-I, СД-II (в то время СД-9), теории государства и права и на совете Школы, а также публикации работ, в которых наряду с другими вопросами обсуждались и формулировались отдельные элементы будущих определений рассматриваемого понятия. В связи с этим представляется справедливым назвать имена Е. Б. Пескова, М. П. Третьякова, В. Н. Струнникова, А. Е. Лунева, Н. В. Крупского, В. И. Масленникова, И. С. Розанова, Б. В. Щетинина, А. В. Суходрева, Б. С. Тетерина, Б. П. Курашвили, С. В. Корнакова, П. С. Дмитриева, В. Н. Еремнина, А. Г. Сидоренко, Ю. Е. Булыгина, В. В. Холопова и некоторых других преподавателей Высшей школы и практических работников, внесших свой вклад в определение данного понятия.

³ Юридический словарь. М., Госюриздат, 1953, стр. 114; Юридический словарь, изд. 2-е, т. I. М., Госюриздат, 1956, стр. 175.

ВШ КГБ, 1963). На стр. 90 этой работы говорится о необходимости выяснить содержание понятия государственной безопасности, а излагается суть понятия охраны государственной безопасности. Тут же утверждается, что при разъяснении термина «государственная безопасность» следует говорить об охране (?!) государственной безопасности.

Анализ материалов, посвященных раскрытию содержания понятия «государственная безопасность», позволяет сделать вывод о существовании нескольких подходов к определению этого понятия. Одна группа авторов рассматривает государственную безопасность как «состояние». Так, например, в уже упоминавшемся Контрразведывательном словаре обоих выпусков говорится: «Государственная безопасность СССР — состояние незыблемости, прочности...»¹. По этому пути идут авторы почти всех последующих определений. Л. А. Григорян на стр. 37 упоминавшейся выше работы пишет: «Государственная безопасность — состояние незыблемости всех основ, устоев общественного и государственного строя...» Ю. Е. Булыгин: «Государственная безопасность — состояние прочности, незыблемости общественного и государственного строя...»². В. Н. Еремин: «Государственная безопасность — такое состояние государства, при котором обеспечивается устойчивость его социально-политического строя...»³.

Не отрицая в принципе возможности такого подхода к анализу содержания рассматриваемого понятия, следует отметить и его слабости. Они, как нам представляется, заключаются в некоторой неполноте, замкнутости такого рода определений рассматриваемого явления. Сказать, что «безопасность» — состояние, значит в известной степени повториться, ограничиться грамматическим толкованием данного термина⁴.

Другой подход к определению понятия государственной безопасности состоит в попытке раскрыть его с помощью термина «способность». Так, в Контрразведывательном словаре обоих выпусков после определения государственной безопасности как состояния не-

¹ Контрразведывательный словарь. Макет. ВКШ КГБ, 1969, стр. 65; Контрразведывательный словарь, М., изд. ВКШ КГБ, 1972, стр. 72—73.

² Булыгин Ю. Е. К вопросу о чекистской науке. Сборник материалов о предмете и тематике исследований вопросов теории оперативной деятельности органов КГБ. М., изд. ВКШ КГБ, 1972, стр. 9.

³ Еремин В. Н. К вопросу о теории разведывательной деятельности. Доклад. Материалы кафедры СД-2, 1968, стр. 22.

⁴ Это особенно наглядно в определении, данном М. П. Карпушиным. Он пишет: «Государственная безопасность — прочность самого существования государственного и общественного строя данного государства...» (Карпушин М. П. Государственная безопасность. М., изд. ВКШ КГБ, 1971, стр. 19). В этом определении, как мы видим, нет слова «состояние». На его месте стоит прочерк (тире). Но ничего не изменилось. Смысл остался прежним. В этой части определение М. П. Карпушина ничем не отличается от определения, данного авторами словаря, Л. А. Григоряном и другими.

зыблемости и т. д. говорится, что это и «способность Советского государства противостоять подрывной деятельности внешних и внутренних врагов»¹.

Л. А. Григорян, обратив внимание на недопустимость определения явлений посредством одновременного применения двух разнородных терминов, обозначающих разные понятия («состояние» и «способность»)², обошел молчанием возможность применения в данном случае самого термина «способность», таящего в себе разные, в том числе и абсолютно неприемлемые для нас, аспекты. Остановимся на одном из них.

Действительно, если мы признаем, что государственная безопасность — это способность государства противостоять агрессии и другой враждебной деятельности, то должны будем, следуя логике своих рассуждений, отвергнуть право на государственную безопасность у тех стран, которые вообще по объему своего экономического и военного потенциала либо в данный момент, вследствие стечения неблагоприятных обстоятельств, не могут противостоять посягательствам политического противника на коренные устои своего государства. Таким образом, если взять за основу приведенное определение государственной безопасности, можно прийти к выводу о правомерности агрессивной или подрывной деятельности империалистических государств и их разведок на том основании, что жертва агрессии или подрывной деятельности не обладает способностью противостоять империалистическим государствам и их разведывательным органам. Так, например, мы должны были бы признать правомерными разведывательные полеты американской авиации над Кубой и израильской авиации над Египтом и другими арабскими странами на том основании, что кубинские и арабские вооруженные силы не обладают пока действенными военными средствами, чтобы не допустить этих полетов.

Слабой стороной раскрытия сущности государственной безопасности через понятия «состояние» или «способность» является и то, что в обоих случаях государственная безопасность предстает перед нами как нечто статичное, неподвижное. Динамика рассматриваемого явления при таком подходе не прослеживается.

Со своей стороны мы считаем более правильным определить государственную безопасность как *систему общественных отношений*.

Тут мы полностью солидаризируемся с Б. С. Тетериным в соот-

¹ В одной из статей уже упоминавшегося Сборника материалов о предмете и тематике исследований вопросов теории оперативной деятельности органов КГБ также утверждается, что «государственную безопасность следует рассматривать как способность государства противостоять посягательствам политического противника на коренные устои данного государства...» (стр. 113 указанной работы).

² См. Григорян Л. А. Охрана государственной безопасности — функция социалистической государственной власти. М., изд. ВКШ КГБ, 1970, стр. 36.

ветствующей части его определения государственной безопасности. В статье «О предмете и системе теоретических основ советской контрразведки» он пишет: «Государственная безопасность СССР, охрана которой возложена на органы государственной безопасности, — система общественных отношений...»¹. Однако этот подход к понятию государственной безопасности в цитируемой и других работах Б. С. Тетерина не получил, к сожалению, развития².

В чем же сущность этих отношений? Прежде всего следует отметить, что это отношения политические, классовые, отношения, связанные с осуществлением государственной власти.

В первые десятилетия существования нашего государства речь шла о механизме власти союза рабочих и крестьян, а в современный период — о механизме социалистического народовластия. Политический характер рассматриваемых отношений проявляется также в том, что многие из них регулируются той частью социальных норм, которые носят название корпоративных.

Центральное место среди них занимают нормы, содержащиеся в решениях политических, партийных органов. В Программе КПСС, постановлениях съездов и решениях конференций Коммунистической партии, а также в постановлениях ее Центрального Комитета на основе всестороннего анализа международной и внутренней обстановки Советского государства на конкретных этапах его исторического развития определяется расстановка классовых сил внутри страны и на международной арене и вскрываются возможные источники опасности для Советского государства. В соответствии с этим на коммунистов в государственных органах и общественных организациях возлагаются обязанности по укреплению государственной безопасности СССР.

Значительная часть рассматриваемых отношений закреплена в правовых актах Советского государства. Важнейшую роль в закреплении этих отношений играют нормы советского государственного и административного права. В Конституции СССР, основном источнике советского государственного права, юридически закреплён сам термин «государственная безопасность». Конституционными нормами определена также компетенция государственных орга-

¹ Тетерин Б. С. О предмете и системе теоретических основ советской контрразведки. Сборник материалов о предмете и тематике исследований вопросов теории оперативной деятельности органов КГБ. М., изд. ВКШ КГБ, 1972, стр. 74.

² Отдельные элементы определения государственной безопасности как системы отношений мы встречаем и у М. П. Карпушина. Он также указал, что анализ различных документов и актов позволяет прийти к выводу, что правильнее для деления государственной безопасности на внутреннюю и внешнюю избрать не источник, а объект посягательства, то есть сферу отношений (внутренних или внешних), подвергающихся угрозе (см. Карпушин М. П. Государственная безопасность. М., изд. ВКШ КГБ, 1971, стр. 18). Здесь к отношениям отнесен объект посягательства, а не государственная безопасность в целом.

нов в области охраны государственной безопасности СССР. В Конституции указано, что охрана государственной безопасности подлежит ведению Союза ССР в лице его высших органов государственной власти и органов государственного управления (ст. 14).

Важное место в правовом регулировании системы общественных отношений, составляющих в своей совокупности государственную безопасность СССР, занимают нормы советского административного права. Нормами административного права определяется правовое положение органов государственной безопасности. Оно складывается из юридического закрепления их места в системе органов советского государственного управления, правовой регламентации их организации, деятельности, компетенции и т. п. Нормами административного права регламентируются специальные режимы, установленные в интересах обеспечения государственной безопасности, а также определяется правовое положение других органов, главным образом административно-политических, являющихся участниками общественных отношений в сфере государственной безопасности.

Правовое регулирование является важнейшим средством закрепления отношений государственной безопасности. Не случайно поэтому первые попытки раскрыть понятие государственной безопасности и смежных понятий, пусть не во всем удачные, были предприняты именно в юридической литературе, хотя, как правильно заметил И. В. Костромин, это понятие «нельзя ограничивать юридической интерпретацией»¹.

Объектами государственной безопасности являются основы общественного и государственного строя, военная мощь СССР и его суверенитет. Основное содержание общественного и государственного строя составляют классовая структура советского общества, политическая и экономическая основы государства и организация взаимоотношений между советским государством в целом и его составными частями — социалистическая федерация. Посягательства на основы общественного и государственного строя создают угрозу государственной безопасности СССР. Некоторые авторы включают в это понятие посягательства не только на основы строя, но и на строй в целом. Не всегда покушение на отдельные элементы, входящие в состав общественного и государственного строя, угрожает государственной безопасности СССР. Например, все еще встречающиеся со стороны отдельных лиц покушения на социалистическую собственность редко поднимаются до уровня, угрожающего государственной безопасности СССР, хотя социали-

¹ Костромин И. В. Методологические вопросы планирования научно-исследовательской работы проблемной лаборатории. Сборник материалов о предмете и тематике исследований .вопросов теории и оперативной деятельности органов КГБ. М., изд. ВКШ КГБ, 1972, стр. 113.

стическая собственность и входит в понятие экономической основы СССР (ст. 4 Конституции СССР).

Поэтому при рассмотрении объектов государственной безопасности СССР правильнее говорить об основах, коренных устоях государственного и общественного строя, а не о строе в целом, состоящем из разных, неравнозначных элементов.

Военная мощь СССР как объект государственной безопасности определяется обороноспособностью, то есть состоянием Советских Вооруженных Сил, их оснащенностью военной техникой, боеготовностью и моральным состоянием личного состава, его готовностью к выполнению задач, стоящих перед Советской Армией и Военно-Морским Флотом. Военная мощь СССР во многом зависит от уровня экономического развития страны и морального состояния населения.

Под государственным суверенитетом как объектом государственной безопасности СССР обычно понимается верховенство советской государственной власти на своей территории и независимость в международных отношениях¹. Государство не может считать себя находящимся в безопасности, если оно не обладает самостоятельностью в решении своих политических, экономических и идеологических внешних и внутренних вопросов. Посягательство на такую самостоятельность угрожает государственной безопасности, так как может явиться предпосылкой вынужденного отказа от социалистических завоеваний и строительства коммунистического общества, от сложившихся в советском обществе социалистических общественных отношений.

Органическую часть суверенитета Советского государства составляет неприкосновенность его территории. Территория — необходимый атрибут государства. Потеря территории ведет к прекращению фактического существования государства, превращению его в фикцию. Территория Советского государства есть материальное выражение верховенства, независимости и неприкосновенности советского народа. В том, что территория является достоянием населения ее народа, имеющего свою государственность, коренится и природа территориального верховенства государства. Поэтому не может быть и речи о безопасности Советского государства без обеспечения неприкосновенности его территории.

Понятие государственной безопасности СССР имеет ряд общих черт со смежными понятиями (такими, как общественная безопасность и порядок, оборона страны, внешние политические и культурные сношения и юстиция, правопорядок), а также ряд отличий. Общим для этих понятий является волевой, надстроечный, а не ба-

¹ См. Ушаков Н. А. Суверенитет в современном международном праве. М., изд. ИМО, 1963, стр. 6.

зисный характер отношений, их составляющих, а также очевидная политическая направленность этих отношений. Не случайно поэтому, что не только отношения государственной безопасности, но и вся эта сфера в науке управления и в праве носит название административно-политической¹.

Важной общей чертой рассматриваемых отношений является то, что их существование и дальнейшие перспективы развития в настоящее время определяются главным образом внешнеполитическими факторами, а не внутренними условиями и потребностями развития советского общества.

Сказанное не в равной степени относится ко всем перечисленным группам отношений. К одним, например к обороне страны, оно относится в полной мере. В Программе КПСС, в частности, говорится, что «с точки зрения внутренних условий Советский Союз не нуждается в армии»². К другим — в меньшей. Так, к внешним сношениям это относится прежде всего в той части, которая непосредственно не связана с развитием народного хозяйства и социально-культурным строительством в нашей стране. Однако в целом доминирующее влияние внешнеполитических факторов на существование и развитие рассматриваемых отношений сохраняется.

Вместе с тем понятие государственной безопасности имеет и ряд существенных отличий от смежных понятий. Разграничивать эти понятия, как нам представляется, следует по целям, ради которых та или иная группа отношений устанавливается и закрепляется нормами права или иными социальными нормами, а главное — по предмету и характеру регулирования этих отношений.

Руководствуясь этим критерием, и следует искать водораздел, разграничивающий понятие государственной безопасности и смежные понятия. Так, содержание понятия «общественная безопасность и порядок» составляет «система общественных отношений, регулируемая нормами права и морали в целях обеспечения неприкосновенности граждан, защиты их прав, охраны народного достояния, обеспечения спокойствия в общественных местах и создания необходимых условий для общения людей в процессе удовлетворения различных жизненных потребностей, для нормальной деятельности государственных и общественных организаций»³.

Содержание понятия государственной безопасности, как мы имели возможность убедиться, несколько иное. Отношения государственной безопасности устанавливаются в интересах обеспечения прочности и незыблемости основ государственного и общественного

¹ См. Научные основы государственного управления в СССР. М., «Наука», 1968, стр. 151.

² XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. III. М., Госполитиздат, 1962, стр. 311.

³ Советское административное право. Специальная часть. М., изд. ВШ МВД СССР, 1971, стр. 5.

строя Советского государства, его военной мощи и суверенитета. В предмете регулирования отношений общественной безопасности и порядка, с одной стороны, и государственной безопасности, с другой, конечно, есть совпадающие моменты. Таковы, например, интересы советского гражданина, условия нормальной деятельности государственных и общественных органов и организаций и некоторые другие. Но если в понятии общественной безопасности и порядка на первое место ставятся **личные** интересы гражданина, его личное достоинство, честь, иные права и интересы, то в понятии государственной безопасности центральное место занимают **политические** интересы советского гражданина, его цели и устремления как члена социалистического общества, строителя коммунизма. Общественный интерес здесь в какой-то степени превалирует над личным. Непреодолимой границы между этими двумя группами отношений нет. Но нельзя и не видеть, что они не тождественны: между ними есть разница, и немалая.

Понятия государственной безопасности и обороны страны также имеют общие элементы. Так, объектом и государственной безопасности, и обороны страны является неприкосновенность советской территории. Но для государственной безопасности это лишь один из важных объектов, в то время как для обороны страны это главный объект.

Различие между понятиями государственной безопасности и обороны страны заключается также в том, что отношения обороны связаны главным образом с материальными, физическими, вооруженными средствами обеспечения неприкосновенности советской территории и населяющего ее народа, организованного в советское общество. В отношениях государственной безопасности военные средства обеспечения неприкосновенности территории используются, но не являются ведущими, основными. Они применяются главным образом при охране государственной границы СССР.

Определенный интерес представляет разграничение понятий «государственная безопасность» и «правопорядок» (закрепленные правом общественные отношения). Часть общественных отношений, относящихся к сфере государственной безопасности, закрепленная нормами права, входит в правопорядок. И в этой части понятия государственной безопасности и правопорядка совпадают. Вместе с тем значительная группа отношений государственной безопасности не регулируется нормами права, хотя и регулируется другими социальными нормами: нормами морали, корпоративными нормами, обычаями. Это отношения неправового характера. Однако это не означает, что понятие правопорядка уже, чем понятие государственной безопасности. Многие правоотношения, являясь составной частью правопорядка, то есть будучи урегулированы нормами права, не входят в понятие государственной безопасности, не имеют к нему никакого отношения. Таким образом, понятие «государ-

ственная безопасность» отличается от понятия «правопорядок» тем, что включает в себя, помимо отношений правового характера, отношения неправового характера. Правопорядок, помимо отношений государственной безопасности, регулируемых нормами права, включает правоотношения, не относящиеся к сфере государственной безопасности.

Целесообразность определения государственной безопасности как системы общественных отношений мы видим и в том, что некоторые смежные понятия, например понятие общественной безопасности, отдельные авторы также определяют как систему общественных отношений¹.

Подводя итог сказанному, можно дать следующее определение.

Государственная безопасность СССР — это *система регулируемых социальными нормами общественных отношений*, обеспечивающих незыблемость основ государственного и общественного строя Советского государства, его военной мощи и суверенитета².

Рамки статьи не позволяют раскрыть такое емкое понятие, как «государственная безопасность», во всем объеме. Автор видел свою цель в том, чтобы, во-первых, предложить подход к уяснению понятия «государственная безопасность» как *системы общественных отношений*, имеющих свой собственный предмет регулирования, и, во-вторых, в том, чтобы наметить, хотя бы в самых общих чертах, возможные направления изучения данных отношений и, следовательно, всего понятия в целом.

Старший лейтенант С. В. Володин

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ БЕЗОПАСНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА³

Безопасность государства как основного орудия политической власти находится в центре внимания каждого господствующего в обществе класса. Вопросы, связанные с безопасностью Советского государства, приобретают особое значение, так как эксплуататорские государства стремятся уничтожить его любыми средствами.

¹ См. Еропкин М. И. Управление в области охраны общественного порядка. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 11, 24.

² В основу второй части определения положены совпадающие элементы определений государственной безопасности Советского государства, данных в Конкретно-назвательном словаре, упоминающихся в книгах Л. А. Григоряна и М. П. Карпушина, а также в трудах других авторов, ссылки на которые нами давались.

³ Статья печатается в порядке обсуждения.

Проблема безопасности Советского государства многоаспектна. В данной статье автор стремится рассмотреть отдельные аспекты, относящиеся к определению понятия безопасности Советского государства. Актуальность выяснения понятия и сущности безопасности Советского государства обусловлена не только потребностями теории, что само по себе важно, но и заботой об усилении эффективности деятельности органов Советского государства, принимающих участие в обеспечении его безопасности¹.

Вопрос о безопасности Советского государства продолжает оставаться актуальным и при наличии мировой системы социализма. Это еще раз подчеркнул XXIV съезд КПСС². Следовательно, научная разработка различных аспектов безопасности государства является в конечном итоге ответом на запросы практики.

Безопасность Советского государства необходимо рассматривать как особое классовое явление, обозначаемое в научной литературе двояко: как «безопасность Советского государства» и как «государственная безопасность СССР». Данные термины употребляются большинством авторов как тождественные, так как они выражают конкретно-определенное реальное явление, присущее государству любого исторического типа³. Мы полностью согласны с таким толкованием, однако считаем, что термин «государственная безопасность СССР», употребляемый большинством авторов при фактическом объединении понятий «государственный строй» и «общественный строй» («государство» и «общество»), представляется нам не совсем удачным, так как остается неясным, что же понимается под «государственной безопасностью СССР» — безопасность Советского государства как политической организации общества, или безопасность социалистического общества, организованного в государство, или то и другое вместе взятое. Если имеется в виду безопасность государства, то получается, что речь идет о государственной безопасности государства; если же общества, то неясно, что такое «государственная безопасность общества». Более точным, на наш взгляд, является термин «безопасность Советского государства».

Рассматривая государство как специфическую организацию

¹ Разработке указанной проблемы способствовали своими работами Григорян Л. А., Карпушин М. П., Курашвили Б. П., Песков Е. Б., Розанов И. С., Тетерин Б. С. и др.

² См. Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971, стр. 77, 81.

³ Другой точки зрения придерживаются Л. А. Григорян, который считает, что существуют «военная безопасность», «государственная безопасность» и «общая безопасность страны» (см. Григорян Л. А. Власть и ее формы в СССР. Охрана государственной безопасности как функция социалистической государственной власти. Докторская диссертация. ВШ МВД, 1971, стр. 402), и Ю. Я. Коршунов, считающий, что «государственная безопасность СССР» является «видом безопасности Советского государства» (см. Коршунов Ю. Я. К вопросу о понятии охраны государственной безопасности СССР. Труды Высшей школы КГБ, 1973, № 6, стр. 55).

классового общества, необходимо иметь в виду, что понятия «государство» и «общество» не совпадают и при социализме, что государство и в социалистическом обществе обладает относительной самостоятельностью и является по отношению к обществу управляющей системой¹. Поэтому при рассмотрении понятия безопасности Советского государства и выработке определения необходимо не упускать из виду указанное различие, неоправданно игнорируемое некоторыми авторами².

Существующие в научной литературе определения понятия безопасности Советского государства можно в основном разделить на две группы. К первой относятся те, в которых безопасность Советского государства трактуется как определенные меры, система мероприятий по защите государства и т. п. Например, в Юридическом словаре она определена как «система мероприятий, направленных на охрану политических и экономических основ Советского социалистического государства и его государственных границ... Для надлежащего обеспечения государственной безопасности Советское государство располагает карательными органами, способными обезвредить шпионов, вредителей, диверсантов и других врагов советского народа, и Вооруженными Силами, способными охранить советские границы от нападения извне»³.

Но если безопасность Советского государства представить как «систему мероприятий», тогда без ответа остается вопрос о том, что же такое охрана безопасности государства (государственной безопасности). Ведь в таком случае получается, что это есть охрана определенной «системы мероприятий». Но безопасность Советского государства это не «система мероприятий», а своего рода качественное состояние, присущее государству. А если это так, то система мероприятий может определенным образом поддерживать, обеспечивать данное состояние, но не являться самим состоянием.

Ко второй группе относятся определения, авторы которых трактуют безопасность Советского государства как определенное состояние. Но и среди них нет единого мнения. Например, М. П. Карпушин утверждает, что безопасность социалистического государства — прочность социалистического государственного и общественного строя, территориальная неприкосновенность и независимость государства в проведении внешней и внутренней политики, а Л. А. Григорян считает, что государственная безопасность — это

¹ См. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., «Юридическая литература», 1970, стр. 194.

² См. Контрразведывательный словарь. Макет. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 65. Авторы в качестве объектов посягательства на безопасность государства называют и общественный строй, фактически отождествляя государство и общество.

³ Юридический словарь, т. I. М., Госюриздат, 1956, стр. 175; «Энциклопедический словарь правовых знаний». М., «Советская энциклопедия», 1965, стр. 75.

состояние незыблемости всех основ, устоев общественного и государственного строя: политических, экономических, идеологических, а также военного и научно-технического потенциала и т. д. Примерно той же точки зрения придерживается Ю. Я. Коршунов, полагающий, что «государственная безопасность СССР есть защищенность основ общественного и государственного строя Советского государства от посягательств со стороны враждебных социалистическому строю сил, осуществляющих подрывную деятельность»¹. С одной стороны, он фактически отождествляет Советское государство с обществом. При этом остается неясным, что понимает автор под «государственной безопасностью СССР» — безопасность собственно Советского государства или безопасность общества. С другой стороны, если государственная безопасность СССР — это защищенность только основ общественного и государственного строя СССР, то как тогда быть с подрывной деятельностью, которая направлена против отдельных государственных органов, советских организаций за рубежом, отдельных воинских подразделений и даже отдельных граждан Советского Союза и нередко имеет своей целью нанесение ущерба именно безопасности Советского государства. Ведь эти объекты не являются основой общественного и государственного строя СССР, под которой понимаются Советы депутатов трудящихся (политическая основа) и социалистическая система хозяйства, социалистическая собственность на орудия и средства производства (экономическая основа)².

Своеобразное определение находим у Б. С. Тетерина. «Государственная безопасность СССР, охрана которой возложена на органы государственной безопасности, — это система общественных отношений, выражающих и обеспечивающих способность Советского государства и советского общества противостоять посягательствам внешних и внутренних врагов на советский общественный и государственный строй, социалистическую систему хозяйства, на государственную независимость, территориальную целост-

¹ Коршунов Ю. Я. К вопросу о понятии охраны государственной безопасности СССР. Труды Высшей школы КГБ, 1973, № 6, стр. 56—57. Он также исключает из понятия «государственная безопасность СССР» территориальную неприкосновенность и целостность, государственную независимость, считая, что они «не являются объектами подрывных акций враждебных сил» (там же, стр. 53). Вряд ли он здесь прав, так как даже если указанные объекты и не являются объектами подрывных акций враждебных сил в настоящий момент, то являлись в недалеком прошлом и могут стать ими в будущем.

² См. Конституция СССР, статьи 2 и 3. Если встать на позицию Ю. Я. Коршунова, то подрыв экономической основы, например хищение социалистической собственности в крупных размерах и другие подобные преступления, надо признавать посягательством на «государственную безопасность», так как данные преступления совершаются скрытно (подрыв) и наносят ущерб. Ю. Я. Коршунов так и пишет: «...охрану государственной безопасности можно понимать как специфическую деятельность Советского государства и его органов, направленную на предотвращение ущерба нашей стране» (см. стр. 53 цитируемой работы).

ность и военную мощь СССР»¹. Определение государственной безопасности СССР через систему общественных отношений представляется нам не совсем удачным, так как «система общественных отношений» понятие очень широкое. Оно включает в себя, во-первых, производственные отношения и, во-вторых, отношения надстроечного характера в определенным образом организованном обществе². Б. С. Тетерин, хотя и ограничивает эту «систему» общественными отношениями, выражающими и обеспечивающими «способность Советского государства и советского общества противостоять посягательствам внешних и внутренних врагов на советский общественный и государственный строй, социалистическую систему хозяйства, на государственную независимость, территориальную целостность и военную мощь СССР», она остается довольно неопределенной. Это ограничение не вносит достаточной ясности в раскрытие понятия «государственная безопасность СССР». Кроме того, социалистическая система производственных отношений в целом в неменьшей степени, чем другие социалистические общественные отношения, обеспечивает «способность Советского государства и советского общества противостоять посягательствам внешних и внутренних врагов».

Общим недостатком приведенных определений является отсутствие в них указаний на классовую сущность, неотъемлемую от безопасности государства как политического явления. В них не подчеркивается, кто заинтересован в безопасности государства, в чьих интересах осуществляется ее обеспечение. Хотя того авторы или нет, в этих определениях «общественный строй» и «государственный строй» объединяются в один объект, хотя понятия «общество» и «государство», как известно, не совпадают³.

В более поздней работе Л. А. Григорян дополнил и уточнил свое определение государственной безопасности. Он пишет: «...государственная безопасность представляет собой такое состояние общественного и государственного строя, которое характеризуется прочностью, незыблемостью и несокрушимостью этого строя, ненарушимостью его основ, коренных устоев, а также территориальной неприкосновенности и независимости социалистического государства со стороны всяких подрывных сил и элементов»⁴. Ана-

¹ Тетерин Б. С. О правовой природе и содержании контрразведывательной деятельности советских органов государственной безопасности. Труды Высшей школы КГБ, 1972, № 4, стр. 27.

² См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 13, стр. 6—7.

³ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 37, стр. 414—421, 470—481. В. Е. Гулиев отмечает, что «преимущественно термин «государство» употребляется для обозначения особой организации в руках господствующего класса» (см. Гулиев В. Е. Империалистическое государство. М., изд. МГУ, 1965, стр. 89).

⁴ Григорян Л. А. Народовластие в СССР. М., «Юридическая литература», 1972, стр. 212.

логичное определение содержится и в Контрразведывательном словаре. «Государственная безопасность, — пишут его авторы, — состояние прочности, незыблемости и нерушимости общественного и государственного строя СССР в условиях существования как внутренних (в переходный период), так и внешних классово враждебных сил; способность Советского государства противостоять подрывной деятельности внешних и внутренних врагов»¹.

В определении, даваемом авторами Контрразведывательного словаря, в качестве источника опасности называется «подрывная деятельность внешних и внутренних врагов». С учетом того, что под «подрывной деятельностью» в специальной литературе и в том же Контрразведывательном словаре понимается разновидность политической борьбы, ведущейся путем скрытых акций², нам представляется, что понятие государственной безопасности необоснованно сужается. В реальной действительности посягательства на безопасность государства любого исторического типа могут носить и открытый характер. Советское государство на первом этапе своего развития, до возникновения социалистических государств в Европе, противостояло союзу империалистических государств. Открытые посягательства направлены были в данном случае в первую очередь именно на социалистическое государство как особую политическую организацию власти трудящихся, так как только ликвидация этой власти может повлечь за собой ликвидацию социалистического общественного строя³. Поэтому напрашивается вывод, что по сравнению с определением, содержащимся в макете Контрразведывательного словаря, авторы Контрразведывательного словаря сделали шаг назад. В первом случае государственная безопасность СССР определялась как «состояние незыблемости, прочности, нерушимости общественного и государственного строя СССР в условиях существования как внутренних (в переходный период), так и внешних классово враждебных сил; способность Советского государства противостоять **вооруженной агрессии и подрывной деятельности внешних и внутренних врагов**»⁴, то есть допускалась возможность «вооруженной агрессии», что указывало и на открытый характер посягательств на безопасность Советского государства.

Думается, что при определении безопасности Советского государства основное внимание должно быть сосредоточено именно на

¹ Контрразведывательный словарь. М., изд. ВКШ КГБ, 1972, стр. 72—73.

² См. там же, стр. 87—88.

³ Например, вооруженная интервенция стран Антанты, белогвардейские мятежи, агрессивное нападение фашистской Германии угрожали безопасности прежде всего Советского государства как политической организации власти трудящихся.

⁴ Контрразведывательный словарь. Макет. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 65.

государстве как особой суверенной политической организации с определенным механизмом осуществления государственной власти. В руководящих документах КПСС применительно к политической организации нашего общества именно Советское государство названо главным орудием построения и защиты социализма и коммунизма¹. Советское уголовное законодательство также отделяет государственные преступления, то есть преступления, угрожающие безопасности государства, от других видов преступлений.

Безопасность Советского государства — конкретное социально-политическое явление, обладающее специфическими, только ему присущими признаками, отличающими его от других явлений общественной жизни. Поэтому в основу определения необходимо положить наиболее характерные признаки, присущие данному явлению, и в первую очередь отразить его классовую сущность. Давая определение безопасности Советского государства, следует подчеркнуть, что речь идет о безопасности конкретного объекта, именно государства как особой политической организации власти, которому угрожают различного рода враждебные силы, пытающиеся всеми способами нарушить нормальное функционирование государства, ослабить его или даже ликвидировать.

Безопасность Советского государства есть состояние, которое характеризуется способностью государства противостоять посягающим на него враждебным силам и защищать интересы трудящихся или всего общества (в условиях общенародного государства).

Именно на государство с его механизмом власти ложится задача охраны и развития существующего государственного и общественного строя, защита интересов господствующего класса, а также в определенной степени и всего государственно-организованного общества, обеспечение его целостности, существования и развития в качестве самостоятельной социально-политической единицы. Главной целью государства как политического учреждения является прежде всего защита и поддержание, даже с применением насилия², существующего государственного и общественного строя от всех нападений.

Но в свою очередь государство как относительно самостоятельное политическое учреждение также нуждается в защите от разного рода посягательств и в создании благоприятных условий для своего функционирования. В этом оно опирается на поддержку тех социальных слоев общества, интересы которых выражает.

Л. А. Григорян считает, что государственная безопасность есть составная часть общей безопасности страны. Он пишет, что «воен-

¹ См. Программа КПСС. М., Изд. «Правда», 1961, стр. 101.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 11.

ная безопасность вместе с государственной безопасностью, внутренней общественной безопасностью (общественным порядком), режимом законности и правопорядком составляют общую безопасность страны»¹.

Представляется необоснованным включение в понятие «безопасность страны» режима законности и правопорядка, которые, бесспорно, влияют на обеспечение безопасности государства и общества, однако являются самостоятельными политическими и юридическими категориями, раскрывающими различные конкретно-определенные социальные явления².

Сама природа социалистического государства, развитие общества требуют укрепления законности, что, несомненно, оказывает большое влияние на обеспечение безопасности Советского государства³. Правопорядок как часть общественного порядка, регламентированного правовыми нормами, также является фактором, влияющим на безопасность государства.

Возникает вопрос, что понимать под «военной безопасностью». Л. А. Григорян отмечает только, что она связана с территориальной неприкосновенностью и ее нарушение «возможно, как правило, лишь в результате прямого вооруженного вторжения враждебных сил»⁴. Но ведь прямое вооруженное вторжение является посягательством прежде всего на государство, его неприкосновенность, суверенитет. Таким образом, открытое вооруженное нападение (или угроза его), которое в определенный период может исходить и из самого государственно-организованного общества, является посягательством на безопасность государства. В связи с этим вряд ли можно считать удачным употребление понятия «военная безопасность», опирающегося при определении вида безопасности не на объект посягательства, а на характер посягательства, его форму. Эти формы могут быть самыми различными, они зависят от конкретно-исторических условий общественного развития, практически их иногда даже трудно предвидеть. Да и сам термин

¹ Григорян Л. А. Власть и ее формы в СССР. Охрана государственной безопасности как функция социалистической государственной власти. Докторская диссертация. ВШ МВД, 1971, стр. 402.

² На разнопорядковость данных категорий указывает в своей статье «О правовой природе и содержании контрразведывательной деятельности советских органов государственной безопасности» и Б. С. Тетерин. См. Труды Высшей школы КГБ, 1972, № 4, стр. 27.

³ Это положение нельзя отнести к империалистическому государству. В противном случае невозможно было бы объяснить существование государств с фашистским режимом, где попирается законность. В таких государствах, наоборот, отказ от законности является, видимо, единственным путем упрочения безопасности государства.

⁴ Григорян Л. А. Охрана государственной безопасности — функция социалистической государственной власти. М., изд. ВКШ КГБ, 1970, стр. 37.

«безопасность страны» не является бесспорным¹. Так, например, мы можем говорить о безопасности стран Африканского континента в период, когда они были колониями и не являлись суверенными государствами — самостоятельными единицами социально-политического развития.

Безопасность общества не совпадает с безопасностью государства, являющегося, как правило, политической организацией экономически господствующего класса. Это два различных понятия, хотя в определенных случаях посягательство на безопасность государства является посягательством и на безопасность общества и, наоборот, посягательства на безопасность общества могут принять такой характер, что явятся угрозой и безопасности государства, препятствуя его нормальному функционированию.

Если безопасность Советского государства понимать как своего рода качественное состояние, присущее государству, то это состояние неотделимо от самого государства, представляющего собой цельное явление. В этом смысле нельзя искать безопасность государства где-то вовне, за его пределами. Поэтому вряд ли можно согласиться с М. П. Карпушиным, который в своей работе «Государственная безопасность», опубликованной в порядке обсуждения, утверждает, что следует различать внутреннюю и внешнюю безопасность государства. Для деления безопасности государства на внутреннюю и внешнюю он предлагает два критерия. Первый зависит от источника опасности. Опираясь на него, М. П. Карпушин говорит об угрозе внутренней безопасности государства, когда угроза коренится внутри государства, и об угрозе внешней безопасности, когда ему угрожают силы, действующие вне государства. Второй критерий зависит от объекта посягательства. Автор анализируемой точки зрения утверждает, что следует говорить об угрозе внутренней безопасности государства тогда, когда подрываются внутренние основы государства, его строй, независимо от того, какие силы, внутренние или внешние, направлены на его подрыв. Соответственно угрозой внешней безопасности будет являться угроза прочности международных позиций государства, то есть его суверенитету, территориальной неприкосновенности, независимо от того, откуда направлена угроза — изнутри страны или извне. Более правильным М. П. Карпушин считает деление

¹ См. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., «Юридическая литература», 1970, стр. 199—200.

Известный советский этнограф Ю. В. Бромлей также отмечает, что «явно доминирующая роль пространственно-территориального значения делает этот термин (страна. — С. В.) малоприменимым для обозначения единиц самостоятельного социального развития». См. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., «Наука», 1973, стр. 12—13. Землетрясения, засуха тоже угрожают безопасности страны, безопасности общества, но не угрожают безопасности государства, хотя эти факторы, как и множество других, могут быть использованы враждебными данному государству силами.

безопасности государства на внутреннюю и внешнюю на основе второго критерия. «Анализ различных документов и актов, — пишет он, — позволяет прийти к выводу, что правильное для деления государственной безопасности на внутреннюю и внешнюю избрать не источник, а объект посягательства, то есть сферу отношений (внутренних и внешних), подвергающихся угрозе».

Нельзя безоговорочно принять рассуждения М. П. Карпушина. Утверждение, что имеется угроза внутренней безопасности государства, когда подрываются внутренние основы государства, подрывается строй, независимо от источника опасности, — неверно, так как государство покоится на внутренней основе — конкретном обществе. Подрыв его «внутренних основ» может привести просто-напросто к ликвидации конкретного государства как особой политической организации, и тогда не может быть и речи о его «внешней безопасности», ибо государство перестанет существовать.

Если говорить о «внешней безопасности», неизбежно возникает также вопрос, почему угрозой внешней безопасности будет угроза прочности его международных позиций, «его суверенитету». Во-первых, понятие «международные позиции» не тождественно понятию «суверенитет»¹. Во-вторых, такой подход сужает понятие суверенитета. Общепризнанным является понимание суверенитета как свойства, «закключающегося в верховенстве власти государства внутри страны и независимости ее вовне...»². Суверенитет государства един и только проявляется во внутренней и внешней сферах деятельности государства. Но деятельность государства и само государство не одно и то же. Следуя логике рассуждений М. П. Карпушина, посягательства на верховенство власти государства (суверенитет) внутри страны надо относить к посягательствам на внешнюю безопасность государства, хотя и источник опасности, и объект посягательства находятся внутри страны. Вряд ли это так. Надо не забывать, что речь идет о безопасности государства, выступающего в качестве особой политической организации власти, все органы которой, и коллегиальные и единоначальные, выражают единую волю, обусловленную потребностями и интересами господствующего класса. Такие объекты, как государство в собственном смысле слова и сферы отношений (внутренних и внешних), являются различными. Если даже при

¹ Государства, не получившие по различным причинам международного признания и поэтому не имеющие «международных позиций», бесспорно, обладают суверенитетом. Непризнание какого-либо государства другими никоим образом не угрожает ему. Угрожать может только вмешательство со стороны других государств, как не признавших его, так и признавших, но относящихся к нему враждебно.

² Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., «Юридическая литература», 1970, стр. 202. См. также Кузьмин Э. Л. Мировое государство: иллюзии или реальность? М., «Международные отношения», 1969, стр. 41—49.

делении безопасности государства на «внутреннюю» и «внешнюю» исходить из объекта посягательства, то этим объектом является **государство**, представляющее определенную единицу социально-политического развития, которое нельзя разделить на «внутреннее» и «внешнее», как сферы отношений. Внешние отношения государства (видимо, под этим можно понимать только отношения данного конкретного государства с другими государствами или различными международными организациями) регулируются обычно международным правом, а в случае посягательства на внешние отношения государства они могут быть, в конце концов, просто прекращены (например, разрыв дипломатических отношений). Внутренние отношения (отношения внутри государственно-организованного общества) регулируются внутригосударственным правом.

Безопасность Советского государства — это определенное, конкретное явление, не поддающееся делению. Государство действительно осуществляет свою деятельность в двух сферах. Но государство — это единый социально-политический организм, поэтому безопасность его тоже едина.

Рассматривая понятия «обеспечение безопасности Советского государства» и «охрана безопасности Советского государства», необходимо отметить, что до последнего времени эти понятия в юридической и специальной литературе большинством авторов отождествлялись¹. Если же обратиться к Толковому словарю русского языка, то обнаруживается, что слово «обеспечить» означает — предоставить достаточно материальных средств, сделать вполне возможным, действительным, несомненным что-либо. Слово же «охранять» означает — оберегать, стеречь². Смещение указанных понятий, а отсюда, как правило, и расплывчатость определений обеспечения и охраны безопасности Советского государства, на наш взгляд, в определенной степени мешают разработке теоретических вопросов специальных чекистских дисциплин и проведению четкой границы между деятельностью государственных органов по охране и обеспечению безопасности Советского государства³.

Еще в 1960 году Е. Б. Песков отмечал важное значение понятия охраны безопасности Советского государства. Он писал: «Выяс-

¹ См.: Григорян Л. А. Охрана государственной безопасности — функция социалистической государственной власти. М., изд. ВКШ КГБ, 1970; Контрразведывательный словарь. Макет. М., изд. ВКШ КГБ, 1969; Лунев А. Е. Правовое положение органов государственной безопасности СССР. М., изд. ВШ КГБ, 1963.

² См. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., «Советская энциклопедия», 1970, стр. 413, 476.

³ Н. В. Черноголовкин правильно отмечает, что, «не установив существенных признаков... отправного понятия, не сформулировав его определения, трудно рассчитывать на плодотворный характер дальнейшего исследования». См. Черноголовкин Н. В. Теория функций социалистического государства. М., «Юридическая литература», 1970, стр. 75.

нить понятие охраны государственной безопасности необходимо, так как это поможет нам определить круг вопросов, которыми должны заниматься органы Советского государства, в том числе и органы КГБ, призванные обеспечивать государственную безопасность СССР»¹.

Различие понятий обеспечения и охраны безопасности государства подчеркивает Б. П. Курашвили. «...Нельзя, — пишет он, — смешивать понятия обеспечения и охраны безопасности Советского государства»². Следует признать, что обеспечение безопасности Советского государства есть более емкое понятие, включающее в себя наряду с непосредственной охраной безопасности государства, возложенной на конкретные органы Советского государства и являющейся определенной формой обеспечения его безопасности, и другие формы обеспечения безопасности Советского государства. Непреложным является факт, что почти все органы Советского государства, а также общественные организации, особенно на современном этапе, в той или иной степени принимают участие в обеспечении безопасности государства.

С этой точки зрения правильным в целом является утверждение, что «безопасность Советского государства обеспечивается системой мер, направленных как на развитие его политического, военного, экономического, научно-технического потенциала, так и на отражение посягательств внешних и внутренних врагов на советский общественный и государственный строй, государственную независимость и территориальную неприкосновенность. Эта система мер включает в себя и многообразную деятельность по охране государственной безопасности СССР»³.

Непоследовательны авторы макета Контрразведывательного словаря, в одном случае разграничивающие понятия «обеспечение государственной безопасности» и «охрана государственной безопасности», а в другом отождествляющие их. Они пишут: «Государственная безопасность СССР обеспечивается системой государственных мер по повышению экономического, военного и морально-политического потенциала страны, усилением ее оборонной мощи, укреплением органов, ведущих борьбу с подрывной деятельностью противника.

Меры, которые непосредственно направлены на борьбу с подрывной деятельностью противника, образуют понятие охраны госу-

¹ Песков Е. Б. Компетенция органов государственной безопасности СССР. М., изд. ВШ КГБ, 1960, стр. 5.

² Курашвили Б. П. Общие вопросы теории оперативного исследования. Диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ, 1968, стр. 169.

³ Основы контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности СССР. Макет учебника, ч. I. М., изд. ВКШ КГБ, 1972, стр. 3. См. также Карпушин М. П. Государственная безопасность. М., изд. ВКШ КГБ, 1971, стр. 22, 25—28.

дарственной безопасности»¹. Однако далее эти понятия отождествляются: «Охрана (обеспечение) государственной безопасности СССР — система (совокупность) государственных мер, направленных на раскрытие, предупреждение и пресечение политических, идеологических, экономических, военных и разведывательных подрывных акций противника, а также на охрану советского общественного и государственного строя, государственной независимости, территориальной неприкосновенности, военной, экономической мощи и иных государственных интересов от посягательств со стороны разведок империалистических государств, их агентуры, пропагандистских центров и антисоветских элементов внутри страны»². Это определение, в целом правильно отражающее основное содержание деятельности Советского государства именно в области обеспечения его безопасности, на наш взгляд, имеет те же неточности, что и приведенные выше определения.

Кроме того, когда авторы говорят об «охране советского государственного и общественного строя от посягательств со стороны империалистических разведок, пропагандистских центров и антисоветских элементов внутри страны», то возникает вопрос, как быть с посягательствами империалистических государств в целом на советский общественный и государственный строй. Ведь империалистические государства в зависимости от конкретных условий могут использовать самые различные формы (и открытые, и скрытые) борьбы с Советским государством. Разведка является одним из видов государственной деятельности империалистического государства³. Империалистические государства в зависимости от соотношения сил между двумя противоборствующими системами, от своих политических и военных доктрин могут использовать (и используют) в этой борьбе и другие виды государственной деятельности, а наметившееся расширение сотрудничества СССР и США, наверное, приведет к тому, что и появившиеся в связи с этим возможности в определенной степени будут использоваться для ослабления и подрыва Советского государства. Следует также отметить, что охрану советского общественного и государственного строя осуществляют и вооруженные силы (Советская Армия), и органы МВД, а определенная часть правотворческой и правоприменительной деятельности Советского государства и его органов непосредственно направлена на предупреждение и пресечение подрывных акций разведок империалистических государств, их агентуры и антисоветских элементов внутри страны.

Еще более расплывчатым и неопределенным является, на наш взгляд, определение охраны государственной безопасности СССР,

¹ Контрразведывательный словарь. Макет. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 65.

² Там же, стр. 208.

³ Подробно об этом см. Струнников В. Н. и Третьяков М. П. Разведка как вид государственной деятельности. М., изд. ВШ КГБ, 1967.

данное в Контрразведывательном словаре¹. К тому же в нем вообще нет речи об обеспечении безопасности государства (или государственной безопасности) и о безопасности Советского государства. Это представляется необоснованным, так как уход от указанных проблем никоим образом не может способствовать их успешному решению.

С учетом всего изложенного можно дать примерно такое определение *обеспечения безопасности* Советского государства: это деятельность государства и его органов, а также общественных организаций трудящихся, направленная на укрепление государства и создание условий для нормального функционирования механизма государственной власти в целях решения главной задачи — успешного построения коммунистического общества.

Охрана безопасности Советского государства представляет собой более узкое понятие.

Под *охраной безопасности* Советского государства следует понимать деятельность, непосредственно направленную на борьбу с политическими противниками и на предотвращение угроз государству и осуществляемую органами Советского государства, наделенными для этого определенными полномочиями.

Может возникнуть вопрос, почему в сформулированных нами определениях «обеспечения» и «охраны» безопасности Советского государства не упоминается территориальная неприкосновенность и независимость. В этом и нет необходимости. Для государства, понимаемого как организация политической власти, именно то и характерно, что государственная власть:

распространяется на определенную территорию, ограничена пространственными пределами;

осуществляется специально созданным для этого механизмом; обладает суверенитетом.

Таким образом, посягательства на суверенитет, территориальную неприкосновенность являются посягательствами на организацию политической власти в целом². Все это и послужило основанием для того, чтобы не вводить указанные признаки в определения.

В связи с тем что угроза безопасности Советского государства может носить как открытый, так и скрытый характер, принимаются различные меры по охране его безопасности. Охрану безопасности Советского государства от открытых нападений осуществляют в основном Вооруженные Силы СССР, а от посягательств скрытого характера — специальные органы (Комитет государст-

¹ См. Контрразведывательный словарь. М., изд. ВКШ КГБ, 1972, стр. 205—206.

² Подробнее о понятии государственной власти см. Шетинин Б. В. О понятии государственной власти. «Правоведение», 1973, № 6, стр. 17—22.

венной безопасности при Совете Министров СССР). Кроме того, в охране безопасности Советского государства принимает участие в пределах установленной компетенции и ряд других органов государственной власти и управления, а также суда и прокуратуры.

Большинство авторов, давая определение охраны государственной безопасности и понятия «государственная безопасность», исходят прежде всего из содержания современной деятельности органов Комитета государственной безопасности. Но, если обратиться к истории Советского государства, мы увидим, что содержание деятельности и название органов, на которые в основном возлагалась задача охраны безопасности Советского государства, менялись в зависимости от конкретно-исторических условий и практических нужд Советской власти. В какой-то период эти органы не были даже самостоятельными органами управления, а входили в другое ведомство.

Авторы приведенных выше определений «государственной безопасности СССР» исходят, как правило, не из определения и конкретизации объекта посягательства, а из характера посягательств, их вида и форм. Хотя характер посягательств и имеет определенное значение, нам это представляется не совсем удачным, так как виды, характер, формы посягательств могут быть самыми разнообразными. Их выбор противником зависит от конкретной ситуации, соотношения сил между противоборствующими системами, внутреннего положения советского общества и международной обстановки, а также от военных доктрин, принятых на вооружение в тех или иных империалистических государствах. Подвижность этого критерия не дает возможности четко разграничить виды безопасности на такой основе. На практике же речь всегда идет о безопасности конкретного объекта.

Приведенные определения охраны государственной безопасности СССР, как правило, раскрывают в той или иной степени только основную задачу, поставленную Коммунистической партией и Советским правительством именно перед контрразведывательными органами КГБ при СМ СССР. Охрана безопасности Советского государства является определенной областью государственного управления, отличной от других его областей. Обеспечение же безопасности Советского государства, то есть создание определенных условий для нормального функционирования механизма государственной власти, осуществляется во всех областях государственной и общественно-политической жизни, а также в области межгосударственных (международных) отношений. Конституция СССР косвенно тоже указывает на различие понятий «охрана государственной безопасности» и «обеспечение государственной безопасности». В статье 49 говорится, что Президиум Верховного Совета СССР «объявляет в отдельных местностях или по всему СССР военное положение в интересах обороны СССР или обеспе-

чения общественного порядка и государственной безопасности»¹, то есть само военное положение не «охраняет», а «обеспечивает» безопасность государства, создавая определенные условия, способствующие нормальной деятельности Советского государства, функционированию органов государственной власти «в отдельных местностях или по всему СССР».

Государственные органы, являясь составной частью механизма государства как классовой, политической организации, именно в силу своей классовой сущности способствуют упрочению позиций государства, защищая его интересы, отстаивая их и тем самым обеспечивая безопасность Советского государства. Этим же обосновывается и деятельность по обеспечению безопасности Советского государства ряда общественных социалистических организаций, направленная на упрочение позиций Советского государства, на воспитание граждан в патриотическом духе, в духе борьбы за коммунистическое общество.

Подполковник *Н. П. Маркин*

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ КГБ ПО РОЗЫСКУ АГЕНТОВ ПРОТИВНИКА В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ²

В военное время объем работы особых отделов КГБ по борьбе с шпионами, террористами и диверсантами значительно увеличится по сравнению с мирным временем. Важное место в ней займет оперативный розыск.

Розыскная деятельность особых отделов КГБ представляет собой определенную систему, которая включает: цель, объект, субъект, средства деятельности, собственно деятельность и ее результат. Под системой любой деятельности понимается упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных и образующих некоторое целостное единство³. В связи с этим следует подчеркнуть, что наличие указанных элементов еще не образует систему розыскной деятельности, необходимо, чтобы они были взаимосвязаны, образовывали целостное единство.

Для того чтобы начать деятельность по розыску агентуры про-

¹ Конституция СССР, ст. 49.

² Статья печатается в порядке обсуждения.

³ См. Садовский В. Н. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы. Сб.: «Социология в СССР», т. I. М., «Мысль», 1965, стр. 173.

тивника в условиях войны, необходимы следующие элементы: субъект деятельности, объект деятельности, силы и средства.

В качестве субъекта розыскной деятельности в боевой обстановке будет выступать система органов военной контрразведки (особые отделы КГБ бригад, дивизий, корпусов, армий, флотов, фронтов и 3-е Управление КГБ при Совете Министров СССР).

Одним из основных объектов оперативного розыска в будущей войне для органов военной контрразведки явится агентура противника¹. Как и в мирных условиях, в военное время оперативный розыск будет вестись на основании определенных фактических данных о действующих против советских войск агентах противника.

В специальной литературе имеются различные точки зрения на основания розыска. Так, по мнению одних авторов, основанием для розыска являются сообщения закордонной агентуры, показания задержанных шпионов и диверсантов, трофейные документы, материалы радиоконтрразведывательной службы, заявления граждан² и т. д. Этот взгляд совпадает с положениями об основаниях оперативного розыска, изложенными в Приказе КГБ при Совете Министров СССР № 00890 от 13 декабря 1955 года.

Такой подход представляется неправильным, потому что здесь речь идет по существу не об основаниях оперативного розыска, а об источниках, в которых они могут содержаться. Например, в уголовном процессе заявления и письма граждан, статьи и заметки, опубликованные в печати, а также некоторые другие источники относятся к поводам возбуждения уголовного дела. Однако для возбуждения уголовного дела наряду с поводами необходимы основания, к которым относятся полученные из определенных законом источников данные о наличии признаков преступного деяния, при отсутствии предусмотренных законом обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу³. С учетом этого основаниями оперативного розыска следует считать не агентурные сообщения, материалы следствия, трофейные документы и другие источники, а содержащиеся в них фактические данные, свидетельствующие о принадлежности конкретных лиц к агентуре противника.

Другие авторы под основаниями оперативного розыска понимают проверенные фактические данные о совершении или подготовке определенным лицом государственного преступления либо о намерении его совершить, а также данные, позволяющие подозревать

¹ О других объектах оперативного розыска см. Пьяников И. И. Оперативный розыск как форма деятельности контрразведывательных аппаратов советских органов государственной безопасности. Диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ, 1972, стр. 4—6.

² См.: Железников Н. И., Крылов С. М. Основы организации контрразведывательной работы особых отделов фронта в современной войне. М., изд. ВШ КГБ, 1965, стр. 13; Детинин В. И. и др. Чекисты в годы Великой Отечественной войны. М., изд. ВШ КГБ, 1967, стр. 11.

³ См. статьи 5 и 108 УПК РСФСР.

лицо, местонахождение которого неизвестно, в совершении государственного преступления¹.

В данном определении вопрос об основаниях оперативного розыска раскрывается в целом правильно. Однако и оно нуждается в уточнении. Одним из недостатков этого определения, на наш взгляд, является то, что здесь не указывается объем исходных данных о разыскиваемом, необходимый для объявления его в оперативный розыск. На практике и в теории это ведет к расширительному толкованию оперативного розыска. В частности, некоторые авторы считают, что оперативный розыск может вестись на основании фактических данных, свидетельствующих об агентурном характере утечки попавших к противнику сведений о важных военных объектах, промышленных предприятиях и т. д.² Такой подход к определению характера фактических данных, необходимых для ведения оперативного розыска, закреплён в нормативных материалах. Например, в Приказе КГБ при Совете Министров СССР № 0020 от 23 февраля 1968 года говорится, что в случае необходимости следует проводить мероприятия по розыску источников информации противника об особо важных объектах. В другом нормативном акте предлагается «создать четкую систему розыскных мероприятий в аэропортах и в пассажирском потоке внутрисоюзных авиалиний по выявлению враждебных элементов и лиц, подозрительных по своему поведению на провоз огнестрельного и холодного оружия...»³. Высказывалось также мнение, что «в системе розыскных мероприятий неоправданно малое место занимает выявление агентов-нелегалов противника»⁴. Отдельные ученые-юристы также считают, что под розыском следует понимать мероприятия по обнаружению не только скрывшихся преступников, но и преступников, личность которых не установлена⁵.

Как указывалось выше, сторонники данной точки зрения рассматривают оперативный розыск слишком широко. По нашему мнению, розыск предполагает поиск конкретных лиц, предметов и документов.

Аналогичные взгляды уже высказывались в юридической литературе. Так, В. А. Лукашов говорит, что по смыслу уголовно-про-

¹ См.: Основы контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности СССР. Макет учебника, ч. II. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 284—285; Пьяников И. И. Оперативный розыск как форма деятельности контрразведывательных аппаратов советских органов государственной безопасности. Диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ, 1972, стр. 53—54.

² См. Булыгин Ю. Е. Исследование оперативной информации по фактам утечки секретных сведений об оборонных объектах СССР к противнику. Диссертация. Спецфонд ВШ КГБ, 1967, стр. 272, 275—277.

³ Указание КГБ при СМ СССР № 78сс от 20 ноября 1970 г., стр. 5.

⁴ Сборник КГБ, 1971, № 2—3, стр. 49.

⁵ См. Попов В. И. Розыскная деятельность при расследовании преступлений. Диссертация. МГУ, 1965.

цессуального закона целью розыска является не установление неизвестных преступников, то есть лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых (п. 3 ст. 195 УПК РСФСР), а установление обвиняемых, местонахождение которых неизвестно (п. 1 ст. 195 УПК РСФСР)¹.

Доктор юридических наук М. П. Шаламов пишет, что если преступник не установлен, его личность неизвестна, то мероприятия по его установлению не входят в понятие розыска и составляют содержание расследования и раскрытия преступления². С учетом этого представляется не совсем точным положение Приказа КГБ при Совете Министров СССР № 00890 от 13 декабря 1955 года о том, что розыск вражеских агентов, забрасываемых в СССР, организуется сразу же после получения сигнала о состоявшейся или предполагаемой заброске, независимо от наличия на них установочных или других данных.

В связи с этим поиски неизвестных источников информации противника об особо важных объектах СССР, выявление среди пассажиров самолетов враждебных элементов и лиц, поведение которых дает основания подозревать их в провозе огнестрельного и холодного оружия, а также обнаружение агентов-нелегалов противника следует относить к области выявления (в форме получения и проверки первичных сигналов) лиц, причастных к шпионской и иной враждебной деятельности, а не к оперативному розыску. Эти примеры показывают, что на практике еще недостаточно четко разграничиваются розыскная деятельность органов КГБ и выявление ими подрывной деятельности противника, хотя они различны по своей сущности. Выявление (в форме получения и проверки первичных сигналов) есть добывание с помощью имеющихся сил и средств сведений, которые могут свидетельствовать о подрывной деятельности противника. Оперативный розыск — установление с помощью имеющихся сил и средств разыскиваемых органами госбезопасности лиц.

Для выявления в форме получения и проверки сигналов характерен поиск предположительно действующей агентуры империалистических разведок, а для оперативного розыска — поиск выявленных агентов противника, местонахождение которых в данный момент неизвестно.

Таким образом, выявление агентов противника в форме получения и проверки сигналов и оперативный розыск различаются:

по целям: целью выявления агентов противника является обнаружение действующих шпионов и диверсантов, а целью оператив-

¹ См. Лукашов В. А. Розыск скрывшихся преступников. Диссертация. ВШ МООП РСФСР, 1963, стр. 19.

² См. Криминалистика. Под редакцией С. А. Голунского. М., Госюриздат, 1959, стр. 329.

ного розыска — установление местонахождения выявленных агентов противника;

по основаниям их ведения: выявление вражеских агентов ведется на основании фактических данных, позволяющих предполагать, что в данном случае имеет место агентурная деятельность противника. Основанием для ведения оперативного розыска являются проверенные фактические данные, свидетельствующие о принадлежности лица, местонахождение которого неизвестно, к агентуре противника;

по характеру поиска: в отличие от выявления оперативный розыск представляет собой как бы вторичные поиски агентов противника. Ведется он только после получения достоверных либо предположительных данных о принадлежности лиц, местонахождение которых по каким-либо причинам неизвестно, к спецслужбам империалистических государств;

по характеру используемых признаков: выявление агентов противника осуществляется по признакам модели их деятельности, а розыск — по признакам, индивидуализирующим личность разыскиваемого. Для ведения оперативного розыска необходимо располагать таким минимумом данных о разыскиваемом, который позволил бы выделить его среди других лиц (отпечатки пальцев, приметы внешности и др.);

по контакту с объектом контрразведывательной деятельности: если при выявлении органы КГБ нередко наблюдают за поведением самих проверяемых лиц, то в ходе оперативного розыска подобный контакт возможен только со связями разыскиваемых;

по характеру действия системы мер, осуществляемых при выявлении и при розыске: система мер по выявлению в форме получения и проверки сигналов о подрывной деятельности противника действует постоянно, а система мер по розыску — только при наличии объектов розыска¹.

Как и в мирных условиях², в военное время успех в работе по розыску в значительной мере будет зависеть от полноты и точности данных о разыскиваемых агентах противника. В связи с этим в процессе организации и ведения оперативного розыска военные контрразведчики должны уделять большое внимание сбору дополнительных сведений о разыскиваемых.

В условиях мирного времени трудно дать полную характеристику силам и средствам, которые будут использоваться в оператив-

¹ См. Пьяников И. И. Оперативный розыск как форма деятельности контрразведывательных аппаратов советских органов государственной безопасности. Диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ, 1972, стр. 10.

² См. Обзор практики работы по сбору дополнительных установочных данных на лиц, подозреваемых в принадлежности к агентуре иностранных разведок, объявленных во всеобщий и местный розыск с неполными установочными данными, № 2/8/6693 от 31 октября 1965 года.

ном розыске в будущей войне. Однако на основании анализа предположительного характера подрывной деятельности агентуры противника в будущей войне, опыта розыскной работы армейских чекистов в минувшей войне, а также в ходе войсковых учений и маневров наиболее вероятные из них можно определить.

Одним из основных средств ведения розыскной работы во фронтовой обстановке, очевидно, явится агентура.

В этой работе будут использоваться прежде всего агенты, имеющие возможность осуществлять поиски разыскиваемых агентов противника в местах их вероятного появления или укрытия. Например, в годы Великой Отечественной войны с целью розыска шпионов и диверсантов, заброшенных немецко-фашистской разведкой, военные контрразведчики приобретали агентов среди военнослужащих, которые несли службу в местах вероятного появления разыскиваемых (первый эшелон действующих войск, отдельные дорожно-строительные батальоны, регулировочные посты автомобильного движения, питательные и обогревательные пункты, районы расположения важных военных объектов, пункты погрузки и выгрузки войск, столовые, общежития, эвакуационные пункты), а также из числа лиц, проживающих в прифронтовой полосе (лесники, охотники и т. д.)¹.

Анализ розыскной работы особых отделов КГБ в период кризисных ситуаций, войсковых учений и маневров с учетом опыта прошлой войны показывает, что наибольшими возможностями для розыска агентов противника в полосах боевых действий будут располагать агенты из военнослужащих строевых частей и отделений кадров штабов войсковых частей и соединений, подразделений охранения, комендантских подразделений, запасных полков, пунктов сбора военнослужащих, освобожденных из плена или вышедших из окружения, контрольно-пропускных пунктов на фронтовых коммуникациях, армейских приемных пунктов военнопленных и фронтовых лагерей для военнопленных, войск охраны фронтового тыла, войсковых частей, находящихся на передней линии фронта, а также из лояльно относящихся к советским войскам жителей полосы боевых действий, которые по роду своей работы часто бывают на водных переправах, в лесах, оврагах, удаленных от населенных пунктов строениях и в других местах вероятного появления или укрытия разыскиваемых².

Накануне и с началом войны в работе по розыску агентов противника в местах постоянной дислокации советских войск и на пу-

¹ См. ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 14, оп. 5, лор. 1019, л. д. 71, 87—88, 135—145; лор. 187, л. д. 194—201. Объединенный архив УКГБ при СМ СССР по Омской области, ф. 40, оп. 2, лор. 332, л. д. 2—6.

² См. Объединенный архив УКГБ при СМ СССР по Омской области, ф. 67, оп. 1, лор. 5888, л. д. 210—232.

тях их выдвижения в основные или запасные районы сосредоточения будут активно использоваться агенты и доверенные лица территориальных органов КГБ, органов милиции и органов государственной безопасности социалистических стран.

Важную роль в розыскной работе в минувшей войне сыграли агенты-опознаватели. Вербовались они в тот период главным образом из разоблаченных агентов противника, которые раскаялись в своей прошлой преступной деятельности и знали в лицо готовившихся к переброске или уже перебросенных в распоряжение советских войск других шпионов и диверсантов¹. Нередко такие агенты приобретались из числа задержанных или явившихся с повинной выпускников школ разведывательных органов противника, действовавших на участке того или иного фронта.

В будущей войне противник намерен осуществлять подготовку агентов для заброски в распоряжение советских войск в массовом масштабе. С учетом этого представляется, что во фронтовых условиях армейские чекисты могут перевербовывать и использовать в качестве агентов-опознавателей вражеских агентов, явившихся с повинной или давших на следствии откровенные показания и знающих в лицо других шпионов и диверсантов.

В годы Великой Отечественной войны в органы военной контрразведки часто поступали данные о том, что в определенном населенном пункте скрывается под чужим именем разыскиваемый агент гитлеровской разведки или проживают его связи, знающие о его местонахождении. В таких случаях в маршрутную поездку направляли специально подготовленных агентов, которым давались задания по выведыванию данных о разыскиваемом у знающих его лиц². Таких агентов принято называть маршрутными³.

В будущей войне армейские чекисты также могут получать информацию об укрывающихся в тех или иных населенных пунктах агентах противника или о лицах, располагающих данными о местонахождении разыскиваемых. Поэтому и в условиях современной войны специально подготовленных агентов можно направлять по определенным маршрутам для поисков разыскиваемых.

Во время Великой Отечественной войны в ходе розыска агентуры противника широко использовались оперативно-розыскные группы и квартиры-ловушки⁴.

В оперативно-розыскные группы, как правило, включались: оперативный сотрудник, перевербованный агент германской разведки,

¹ См. ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 14, оп. 5, пор. 187, л. д. 214.

² ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 14, оп. 5, пор. 1010, л. д. 157—163, 227, 283—298.

³ См. Контрразведывательный словарь. М., изд. ВКШ КГБ, 1972, стр. 9.

⁴ См. Инструкцию Главного управления контрразведки «Смерш» по организации розыска агентуры противника, 1943 г. ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 14, оп. 5, пор. 191; пор. 576, л. д. 479.

разведчик наружного наблюдения или младший командир из приданного органам военной контрразведки подразделения. С помощью оперативно-розыскных групп велся поиск разыскиваемых на фронтовых коммуникациях, в районах расположения аэродромов, складов с оружием, боеприпасами, горюче-смазочными материалами, на путях возможного передвижения разыскиваемых к объектам шпионско-диверсионных устремлений и в других местах их вероятного появления или укрытия.

Квартиры-ловушки организовывались у местных жителей, дома которых были расположены на путях вероятного передвижения разыскиваемых шпионов и диверсантов и могли быть использованы ими для ночлега¹.

В современной войне на оставленной противником территории капиталистических стран неизбежно активизируется подрывная деятельность против находящихся там советских войск. В то же время из-за отсутствия в этих странах у особых отделов КГБ необходимых агентурных позиций, слабого знания оперативными работниками иностранного языка, а также возможного враждебного отношения части местных жителей оперативный состав будет испытывать затруднения в приобретении необходимого количества агентов из гражданского населения. Исходя из этого, можно предполагать, что в будущей войне потребность в использовании оперативно-розыскных групп на занятой советскими войсками территории противника возрастет.

Анализ опыта розыскной работы органов военной контрразведки в период минувшей войны, а также войсковых учений и маневров показывает, что в боевых условиях оперативно-розыскные группы необходимо создавать из оперативных работников, военнослужащих подразделений охраны, агентов и доверенных лиц, знающих разыскиваемых шпионов и диверсантов. В случае необходимости в оперативно-розыскные группы могут включаться сотрудники радиоконтрразведывательной службы и проводники со служебными собаками².

Наряду с оперативно-розыскными группами широкое применение в розыске агентов противника во фронтовых условиях, по нашему мнению, найдут оперативно-войсковые группы, которые создаются из оперативных работников особых отделов КГБ, военнослужащих Советской Армии, пограничных войск или войск МВД³.

Опыт розыскной работы органов военной контрразведки в ми-

¹ См. ЦА КГБ при СМ СССР, ф. 14, оп. 5, пор. 191, л. д. 14. Деятельность органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Сборник документов и материалов. М., изд. ВШ КГБ, 1964, стр. 215—216.

² Подробно о составе оперативно-розыскных групп см. Контрразведывательный словарь. М., изд. ВКШ КГБ, 1972, стр. 77.

³ См. там же.

нувшей войне показал, что, в какой бы обстановке агент противника ни действовал, он не мог полностью избежать контактов с военнослужащими Советской Армии, а также с гражданскими лицами, проживавшими в полосе боевых действий (при изыскании транспортных средств, питания, мест для ночлега и т. д.). Это позволяет сделать вывод, что и в будущей войне в оперативном розыске могут использоваться квартиры-ловушки.

Анализ предполагаемого характера подрывной деятельности агентуры противника против советских войск в военное время дает основания полагать, что в боевой обстановке в розыскной работе найдут применение радиотехнические средства, наружное наблюдение, военная цензура и т. д.

Например, для розыска агентов-радиостов в боевых условиях может использоваться полевой отдел радиоконтрразведывательной службы управления особыми отделами КГБ фронта. Для этих целей из его сотрудников будут создаваться специальные группы¹. Успешный розыск агентов-радиостов в современных боевых операциях в значительной степени будет зависеть от наличия у органов военной контрразведки передвижных пеленгаторов.

Наружное наблюдение в ходе оперативного розыска при ведении боевых действий, на наш взгляд, широкого применения не найдет. Опыт минувшей войны показывает, что во фронтовой обстановке наружное наблюдение может осуществляться оперативным составом, агентами. Наблюдение с помощью разведчиков службы наружного наблюдения, по нашему мнению, будет осуществляться главным образом на занимаемой советскими войсками территории противника.

С помощью военной цензуры органы военной контрразведки будут осуществлять контроль за почтовой корреспонденцией родственников и иных связей разыскиваемых лиц.

Такова краткая характеристика объекта, субъекта, сил и средств, необходимых для достижения целей оперативного розыска в военное время. Далее, на наш взгляд, необходимо рассмотреть взаимодействие указанных элементов в процессе ведения оперативного розыска во фронтовых условиях.

С позиций системного анализа деятельность органов военной контрразведки по розыску агентуры противника в военное время представляет собой взаимодействие субъекта деятельности, объекта деятельности, сил и средств с учетом внешней среды². На практике

¹ Подробно об использовании радиоконтрразведывательной службы в оперативном розыске см. Радиоконтрразведка. Учебное пособие. М., изд. ВШ КГБ, 1965, стр. 185—202.

² Подробно о системе деятельности см. Оптнер С. Л. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. М., «Советское радио», 1969, стр. 159—161.

такое взаимодействие будет выглядеть как проводимая органами военной контрразведки с помощью имеющихся сил и средств система оперативных мероприятий, направленных на установление местонахождения разыскиваемых агентов противника.

Решения об объявлении в розыск агентов противника в условиях современной войны будут принимать те органы военной контрразведки, которые получают фактические данные, являющиеся основанием для его ведения.

В зависимости от территориальных масштабов проведения розыскных мероприятий оперативный розыск делят на два вида: розыск местный и розыск всесоюзный. Такое деление сложилось на практике и закреплено в действующих нормативных актах и в специальной литературе¹. Оно имеет важное практическое значение с точки зрения рационального использования сил и средств органов КГБ. Опыт органов госбезопасности показывает, что не всегда целесообразно сразу начинать оперативный розыск на всей территории СССР, с привлечением всех имеющихся негласных сил и средств. Однако с точки зрения теории деление оперативного розыска на виды является неточным. Под видом контрразведывательной деятельности в чекистской литературе понимается часть контрразведывательной деятельности, отличающаяся задачами, на решение которых она непосредственно направлена, а также специфическими методами и приемами их решения². Что касается оперативного розыска, то здесь оба его вида решают по существу одну задачу — установить местонахождение разыскиваемого. Выполняется эта задача в обоих случаях в основном с помощью одних и тех же методов. Поэтому единый процесс деятельности по розыску интересующих органы госбезопасности лиц целесообразно делить не на виды, а на этапы³. Первый этап розыска — местный, второй — всесоюзный. На этапы, а не на виды делят розыскную деятельность И. Н. Голубков и В. А. Лукашов в процессе исследования розыска скрывшихся преступников⁴.

В военное время, как и в мирных условиях, оперативный розыск может вестись органами военной контрразведки в два этапа. При

¹ См.: Приказ КГБ при СМ СССР № 00890 от 13 декабря 1955 года, стр. 7—8; Контрразведывательный словарь. М., изд. ВКШ КГБ, 1972, стр. 190; Пьяников И. И. Оперативный розыск как форма деятельности контрразведывательных аппаратов советских органов государственной безопасности. Диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ, 1972.

² См. Контрразведывательный словарь. М., изд. ВКШ КГБ, 1972, стр. 52.

³ Под этапом понимается отдельная стадия какого-либо процесса (деятельности, работы, исследования). См. Энциклопедический словарь, т. 3. М., изд. БСЭ, 1955, стр. 702.

⁴ См.: Голубков И. Н. Предупреждение уклонений от следствия и суда и розыск скрывшихся преступников. Диссертация. НИИМ МООП РСФСР, 1963, стр. 144; Лукашов В. А. Розыск скрывшихся преступников. Диссертация. ВШ МООП РСФСР, 1963, стр. 68.

этом система розыскных мероприятий строится с учетом трех элементов: времени, территории, сил и средств¹.

Представляется, что и в современной войне объем розыскных мероприятий будет зависеть от времени, прошедшего с момента выброски (высадки) вражеских агентов или перехода ими линии фронта.

В зависимости от времени, которое прошло с момента переброски агентов противника до принятия мер к их розыску, определяется расстояние, на которое агент противника мог удалиться от места выброски или перехода линии фронта, а следовательно, и территория, на которой нужно проводить розыскные мероприятия. Опыт деятельности армейских чекистов по розыску агентуры противника в минувшей войне, а также в послевоенный период показывает, что с течением времени границы оперативного розыска могут расшириться от района дислокации отдельной войсковой части или соединения Советской Армии до всей территории Советского Союза.

Количество привлекаемых для розыска сил и средств находится в прямой зависимости от территории, на которой он организуется и ведется. Например, если поступили данные, что агент противника действует в районе расположения конкретного соединения Советской Армии, то к его розыску привлекаются силы и средства особого отдела КГБ, обслуживающего указанное соединение, и другие находящиеся на этой территории органы КГБ или органы военной контрразведки других социалистических стран.

Если после выброски вражеских агентов прошло значительное время и есть основания предполагать, что они могут находиться в районе дислокации других воинских частей и соединений войск фронта, то к их розыску привлекаются силы и средства всех органов военной контрразведки фронта. В случае объявления розыска на территории всей нашей страны для его ведения используются силы и средства территориальных органов КГБ и органов военной контрразведки.

В процессе местного розыска осуществляются оперативно-розыскные мероприятия, направленные на быстрейшее обнаружение преступника, проводится дополнительный сбор материалов о личности разыскиваемого, о его родственниках и иных связях, а также о его преступной деятельности².

Следует ожидать, что в современной войне, как и в минувшей³,

¹ См. Голубков И. Н. Предупреждение уклонений от следствия и суда и розыск скрывшихся преступников. Диссертация. НИИМ МООП РСФСР, 1963, стр. 144.

² См. Приказ КГБ при СМ СССР № 00890 от 13 декабря 1955 года.

³ Количество шпионов, диверсантов и террористов, заброшенных вражеской разведкой непосредственно в зону боевых действий войск Красной Армии, составляло: в 1941 году — 35, в 1942 году — 54, в 1943 году — 53, в 1944 году — 63, в 1945 году — 88 процентов от общего числа заброшенных (см. Сборник КГБ, 1965, № 1, стр. 6).

разведка противника будет забрасывать своих агентов в первую очередь для проведения шпионско-диверсионной деятельности в полосах боевых действий советских войск. В связи с этим местный розыск агентуры противника в будущей войне, несомненно, приобретет решающее значение. От оперативности проведения первоочередных мероприятий по розыску агентов противника в полосах боевых действий будет зависеть своевременное пресечение шпионской и иной подрывной деятельности против советских войск.

Представляется неточным утверждение В. И. Акимова и некоторых других авторов, что первоначальные оперативно-розыскные меры (блокирование района вероятного местонахождения преступника, организация его поиска там, преследование преступника по горячим следам и организация засад в местах его вероятного появления) не входят в комплекс мероприятий местного розыска¹.

Проведение вышеуказанных мероприятий в местах вероятного нахождения агента противника способствует достижению цели оперативного розыска. Поэтому нам представляется, что первоначальные оперативно-розыскные меры входят в систему мероприятий местного розыска. К местному розыску, на наш взгляд, не относятся только те мероприятия, которые направлены не на установление местонахождения разыскиваемого, а на проверку данных, являющихся основанием для ведения розыска (например, опрос лиц, якобы наблюдавших выброску агентов с самолета противника, осмотр места крушения воинского эшелона, следов перехода линии фронта и т. д.).

Анализ опыта розыскной работы в период минувшей войны, войсковых учений и маневров показывает, что местный розыск агентуры противника в полосе боевых действий может проводиться: а) в местах возможного перехода линии фронта в сторону расположения советских войск; б) в местах выброски (высадки) агентов противника; в) на путях вероятного движения шпионов и диверсантов к объектам подрывной деятельности; г) в районах выполнения разведывательного задания; д) в местах большого скопления гражданских лиц (на вокзалах, у продовольственных пунктов и т. д.)².

Первоочередные мероприятия по розыску агентов противника в боевой обстановке органы военной контрразведки должны проводить немедленно, до заведения розыскного дела. В быстро меняющейся боевой и оперативной обстановке в первую очередь следует принимать меры к розыску шпионов и диверсантов. Времени для оформления в этот момент соответствующих документов не будет.

Характерными чертами местного розыска явится то, что во

¹ См. Акимов В. И. Криминалистика. Учебник, ч. II. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 90—95.

² В аналогичных местах организуется розыск агентуры противника и в мирных условиях. См. Приказ КГБ при СМ СССР № 00890 от 13 декабря 1955 года, стр. 8.

фронтальной обстановке он, во-первых, будет применяться особыми отделами КГБ значительно чаще, чем всесоюзный розыск, во-вторых, в отличие от мирного времени он может вестись на территории ряда государств противника и, в-третьих, вестись он может в контакте с органами военной контрразведки других социалистических стран.

Сроки ведения местного розыска, на наш взгляд, не должны превышать времени проведения современных фронтальных наступательных операций, то есть 16 суток, поскольку за указанное время наступающие войска могут уйти далеко вперед и район выброски (высадки) или деятельности агента противника окажется вне полосы боевых действий и тыла фронта.

Если в процессе местного розыска агент не будет установлен, он объявляется во всесоюзный розыск. Однако следует заметить, что при ведении боевых действий на территории стран противника во всесоюзный розыск целесообразно объявлять агентов лишь при наличии материалов, дающих основания полагать, что они могли проникнуть на территорию Советского Союза.

В отличие от мирных условий в военное время оперативный розыск будет объявляться главным образом путем издания и рассылки особыми отделами КГБ ориентировок, шифртелеграмм, радиотелеграмм и записок по ВЧ, поскольку времени для подготовки и рассылки алфавитных списков, конечно, не будет.

Как и в мирное время, в период войны всесоюзный розыск объявляется на основании проверенных данных о преступной деятельности разыскиваемого после использования всех возможностей местного розыска¹. Особенностью всесоюзного розыска в военное время является то, что он ведется всеми органами государственной безопасности не только на территории СССР, но и на всех театрах военных действий. В процессе его осуществления проводятся активные агентурно-оперативные мероприятия в местах вероятного появления или укрытия разыскиваемых.

В мирное время в процессе всесоюзного розыска военные контрразведчики наряду с агентурно-оперативными мероприятиями проводят и так называемые опознавательные-сигналетические мероприятия, в основе которых лежит использование специальных учетов органов КГБ, МВД и адресных бюро. Эти мероприятия проводятся с целью выявления разыскиваемых по установочным данным, отпечаткам пальцев и приметам внешности.

Опознавательные-сигналетические мероприятия будут проводиться в процессе розыскной работы и в военное время. Однако непосредственно в полосах боевых действий войск возможности для их осуществления у органов военной контрразведки будут ограничены. Так, например, при ведении боевых действий на территории

¹ См. Приказ КГБ при СМ СССР № 00890 от 13 декабря 1955 года.

противника военные контрразведчики не смогут в короткий срок провести проверку по дактилоскопическим учетам первых спецотделов органов МВД СССР, а также по учетам адресных бюро лиц, имеющих сходство с разыскиваемыми.

Успех розыскной деятельности органов военной контрразведки в военное время, как и в мирных условиях, зависит от объема данных о признаках, индивидуализирующих личность разыскиваемого, от квалификации оперативного состава, уровня специальной подготовки агентов и доверенных лиц, от качества используемых в розыскной работе оперативно-технических средств, а также от оперативности проведения розыскных мероприятий.

Из всех перечисленных факторов в условиях современной войны наибольшее значение, на наш взгляд, приобретут оперативность и индивидуальность розыска¹.

Под оперативностью понимается быстрое и четкое проведение мероприятий по установлению местонахождения разыскиваемых агентов противника².

Под индивидуальностью розыска понимается проведение розыскных мероприятий с максимальным учетом индивидуальных особенностей личности разыскиваемых шпионов и диверсантов. Учет в розыскной работе индивидуальных особенностей личности вражеского агента, его родственных и иных связей имеет важное значение для определения мест вероятного появления или укрытия разыскиваемого, а также выбора наиболее рациональных приемов его поиска.

Все изложенное выше позволяет сделать следующий вывод.

В военное время оперативный розыск будет вестись на основании проверенных фактических данных, достоверно либо предположительно свидетельствующих о принадлежности лица, местонахождение которого неизвестно, к агентуре противника, а также о практической деятельности выявленного в районе расположения советских войск или в их окружении вражеского агента, о личности которого органы военной контрразведки располагают хотя бы минимальным объемом данных, позволяющим выделить его из числа других людей.

Единый процесс деятельности по розыску агентов противника целесообразно делить не на виды, как это закреплено в нормативных актах и в специальной литературе, а на этапы, оставив для них прежнее название (для первого — местный, а для второго — всесоюзный розыск).

¹ На оперативность и индивидуальность как на важные требования розыскной работы указывает кандидат юридических наук И. Н. Голубков. См. Голубков И. Н. Предупреждение уклонений от следствия и суда и розыск скрывшихся преступников. Диссертация. НИИМ МООП РСФСР, 1963.

² О понятии «оперативность» см. Энциклопедический словарь, т. 2. М., изд. БСЭ, 1954, стр. 552.

Успех оперативно-розыскной деятельности в условиях современной войны будет зависеть от объема исходных данных об объекте розыска, от квалификации оперативного состава, уровня подготовки негласных сил и средств, а также от оперативности действий при организации и проведении розыскных мероприятий.

Кандидат юридических наук
подполковник *В. П. Фомичев*,
майор *В. В. Титаренко*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СССР

Предупреждение посягательств на государственную безопасность СССР¹ имеет в деятельности органов КГБ исключительное значение, поскольку предупреждение государственных преступлений направлено на защиту социалистического общества от преступных посягательств.

Вопросы совершенствования работы органов КГБ в области предупреждения подрывной деятельности противника постоянно находились и находятся в центре внимания и практических, и научных работников органов госбезопасности. В последние годы появился ряд работ по вопросам оперативного предупреждения и профилактической деятельности органов КГБ². Однако эти вопросы нуждаются в дальнейшем глубоком научном исследовании.

Главный недостаток научных трудов, посвященных проблемам предупреждения, заключается в том, что эти проблемы исследуют-

¹ Термин «предупреждение посягательств на государственную безопасность» употребляется в собирательном значении. Под ним понимается система мер предупреждения всех противоправных и непротивоправных деяний противника, которые могут причинить ущерб государственной безопасности СССР: меры по предупреждению особо опасных и некоторых иных государственных преступлений, меры профилактики в отношении лиц, вынашивающих намерение совершить такие преступления или политически вредные действия, а также меры по выявлению и устранению причин названных действий и условий, способствующих их совершению.

² См.: Смирнов Н. Р. За смелое применение профилактических, предупредительных мер и усиление связи с народом. Сборник КГБ, 1960, № 3(6); Укрепление законности и правопорядка — программная задача партии. М., «Юридическая литература», 1964; Милько Ю. Т., Шемякин С. Н. Профилактическая работа органов государственной безопасности Союза ССР. М., изд. ВШ КГБ, 1967; Пупков О. Н. Оперативное предупреждение подрывных действий и пресечение подрывной деятельности противника. Диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ, 1968.

ся изолированно, бессистемно. Отдельные авторы рассматривают контрразведывательную деятельность в «чистом» виде, то есть только как борьбу с разведывательными и иными специальными службами противника и только специальными средствами¹, что, на наш взгляд, не дает объективного и цельного представления о системе работы органов госбезопасности в области предупреждения.

В качестве объектов предупредительного воздействия эти авторы предлагают рассматривать только отдельные действия выявленных агентов противника или подлежащую оперативному пресечению деятельность конкретных лиц. По мнению О. Н. Пупкова, профилактическая работа, хотя и играет важную роль в обеспечении безопасности Советского государства, но «не относится непосредственно к борьбе с подрывной деятельностью противника»². Следовательно, профилактика на уровне контрразведывательной деятельности рассматривается им вне связи с предупреждением посягательств на государственную безопасность. Общее предупреждение, поскольку оно осуществляется политико-воспитательными, административными, уголовно-процессуальными и иными, в основном гласными, мерами, по мнению сторонников данной точки зрения, также не входит в систему контрразведывательной деятельности.

Не удивительно, что такие взгляды порождают ряд противоречий при исследовании проблемы предупреждения посягательств на государственную безопасность. Это особенно наглядно проявляется при рассмотрении следующих положений.

1. *Соотношение общего и частного предупреждения.* О. Н. Пупков в своей диссертации и авторы макета учебника «Основы контрразведывательной деятельности»³ рассматривают общее и частное предупреждение как целое и часть. Однако если общее предупреждение осуществляется в основном политико-воспитательными, административными и другими гласными мерами, то оно, исходя из вышеизложенного взгляда, находится в какой-то иной, не контрразведывательной системе и потому не может соотноситься с частным предупреждением как целое и часть.

2. *Соотношение общего предупреждения и общей профилактики.* В специальной научной и учебной литературе понятия «предупреж-

¹ См.: Основы контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности СССР. Макет учебника, ч. II. М., изд. ВКШ КГБ, 1969; Корнаков С. В., Пупков О. Н. О сущности контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности СССР. Труды Высшей школы КГБ, 1972, № 4, стр. 3—20.

² Пупков О. Н. Оперативное предупреждение подрывных действий и пресечение подрывной деятельности противника. Диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ, 1968, стр. 8, 9.

³ См.: там же, стр. 32; Основы контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности СССР. Макет учебника, ч. II. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 56.

дение» и «профилактика» часто отождествляются¹. Если признать это правомерным, то так называемое «частное предупреждение» можно рассматривать как часть профилактической деятельности. Однако это будет противоречить мнению тех авторов, которые исключают профилактику из системы контрразведывательной деятельности.

3. *Место предупреждения и профилактики в системе деятельности органов государственной безопасности.* Если объединить данные понятия одним термином — «предупредительно-профилактическая работа органов госбезопасности», то одни авторы относят ее к оперативной деятельности², другие считают ее видом деятельности контрразведывательных аппаратов³, третьи полагают, что предупредительно-профилактическая работа входит в систему контрразведывательной деятельности⁴.

Нетрудно убедиться, что такая противоречивость, отсутствие единого мнения по вопросам теории предупреждения, их недостаточная разработанность отрицательно сказываются на совершенствовании практической деятельности органов КГБ. Так, утверждение о том, что предупреждение направлено только на локализацию и парализацию отдельных враждебных *действий*, ведет к неправильному пониманию возможностей предупреждения в борьбе с подрывной *деятельностью* противника, а следовательно, может снизить эффективность контрразведывательной работы на важных участках и направлениях. Отсутствие четкого представления о системе общего предупреждения может привести к вредному для дела увлечению количеством осуществляемых предупредительных и особенно профилактических мероприятий. Отождествление общего предупреждения и общей профилактики может привести к смешиванию объектов профилактики и предупреждения, а это, в свою очередь, к неоправданному увеличению числа профилактируемых лиц.

Отсутствие четких границ профилактики создает объективные трудности при определении ее оснований, в результате чего некоторые оперативные сотрудники берут на себя несвойственные им функции администрации, военного командования, партийных и общественных организаций и принимают решения о проведении

¹ См.: Милько Ю. Т. и Шемякин С. Н. Профилактическая работа органов государственной безопасности Союза ССР. М., изд. ВШ КГБ, 1967, стр. 6; Основы контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности СССР. Макет учебника, ч. II. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 89.

² См. Милько Ю. Т. и Шемякин С. Н., *цит. работа*, стр. 6, 11.

³ См. Корнаков С. В., Пупков О. Н. О сущности контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности СССР. Труды Высшей школы КГБ, 1972, № 4.

⁴ См. Масленников В. И., Булыгин Ю. Е. Предмет и система курса «Контрразведывательная деятельность органов государственной безопасности Союза ССР». Рукопись лекции. Фонд ВКШ КГБ, 1970, стр. 16.

профилактических мероприятий в отношении лиц, действия и поступки которых не являются общественно опасными или пресечение которых вообще не входит в компетенцию органов государственности.

Можно было бы продолжить перечисление нерешенных и спорных вопросов, связанных с деятельностью органов госбезопасности по предупреждению посягательств на государственную безопасность СССР, однако и уже сказанное свидетельствует о настоятельной необходимости исследования проблем предупреждения в чекистской деятельности.

Авторы статьи, естественно, не ставят своей целью исследовать все аспекты этой сложной и многогранной проблемы, но, сознавая ее практическую и теоретическую значимость, делают попытку осветить некоторые, в основном общие, методологические вопросы, связанные с системным подходом к деятельности по предупреждению посягательств на государственную безопасность СССР.

Чем вызывается необходимость в подобном исследовании?

Если принять во внимание сказанное выше, то следует признать, что ни в практике, ни в теории нет общего достаточно ясного представления о деятельности органов КГБ по предупреждению посягательств на государственную безопасность. Усилия концентрируются в основном на решении частных вопросов. Между тем решение частных вопросов полезно, когда при этом решаются в какой-то мере и общие вопросы, проблемы. На это важнейшее методологическое правило указывал В. И. Ленин. Он писал: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы. А натыкаться слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность»¹. Приведенное высказывание В. И. Ленина убедительно объясняет с методологической стороны причины недостатков деятельности чекистских органов по предупреждению посягательств на государственную безопасность и указывает на объективную необходимость постановки и изучения ее общих проблем.

Для того чтобы представить предупредительно-профилактическую работу органов КГБ в качестве единой системы, определить ее место и значение в общей системе деятельности органов госбезопасности, необходимо, на наш взгляд, исходить из общих теоретических положений о предупреждении преступности в нашей стране.

О значении предупреждения преступности в будущем социалистическом обществе говорили классики марксизма-ленинизма. Так, К. Маркс писал: «Мудрый законодатель предупредит преступле-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 368—369.

ние, чтобы не быть вынужденным наказывать за него»¹. Теоретические основы и пути предупреждения преступлений в социалистическом обществе были сформулированы В. И. Лениным, когда он говорил об установлении всенародного учета и контроля за антиобщественными элементами². Эти идеи закреплены во всех программных документах нашей партии. XIV съезд КПСС вновь подтвердил положение Программы КПСС о том, что предупреждение преступлений является одним из важных направлений деятельности социалистического государства в процессе построения коммунистического общества.

Исходя из этого, можно сказать, что предупреждение преступности является общесоциальной функцией государства и органы КГБ вместе с другими органами и общественными организациями входят в социальный механизм предупреждения преступности.

Таким образом, объективная потребность государства в предупреждении преступности порождает и необходимость иметь в системе функций советских органов государственной безопасности функцию предупреждения посягательств на государственную безопасность СССР. Данная функция наряду с другими определяет содержание как системы чекистской деятельности в целом, так и отдельных ее подсистемных уровней.

Попытаемся дать краткую характеристику предупреждения посягательств на государственную безопасность как одного из видов деятельности органов КГБ.

Уже отмечалось, что этот вид деятельности определяется общесоциальной функцией государства — функцией предупреждения в нашей стране преступности в целом. Внутривидовые же отношения обуславливают качественную определенность данного вида предупреждения, отличающую его от подобных видов деятельности в других системах (например, от предупреждения преступности, осуществляемого органами милиции). Эта специфика определяется прежде всего политическим содержанием, а также объектом целенаправленного воздействия и общими мерами и методами предметно-практической деятельности.

Предупреждение посягательств на государственную безопасность представляет собой видовое образование и потому, что является не простой совокупностью составляющих его элементов (предупреждение шпионской, диверсионной, террористической деятельности противника и других преступлений), а главным образом совокупностью тех общих черт, которые присущи каждому из элементов. На наш взгляд, это общее выражается в политической направленности преступных и иных посягательств на основные

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. I, стр. 131.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 91; т. 35, стр. 202.

социальные, экономические и другие устои нашего социалистического общества, а также в наиболее общих причинах и условиях, способствующих осуществлению этих посягательств. Это позволяет говорить о закономерностях, присущих всем посягательствам на государственную безопасность, устанавливать и прогнозировать тенденции их развития, планировать предупредительно-профилактическую работу, внедрять в практику новые передовые научные методы, правильно организовывать деятельность органов КГБ в данном направлении, иметь соответствующие органы и научные центры в КГБ при Совете Министров СССР.

Характеризуя предупреждение посягательств на государственную безопасность СССР как вид деятельности органов государственной безопасности, авторы отдают себе отчет, что такое описание является далеко не полным, поскольку, как справедливо отмечают Э. В. Волкова и А. И. Филюков, «видовое сообщество во всем его объеме не может быть охвачено единым взглядом», ибо «вид повернут к наблюдателю не своей целостностью, а своими элементами, не своей качественной, а своей количественной стороной»¹. В связи с этим для более углубленного изучения поставленной проблемы обратимся к рассмотрению соответствующих уровней такого системного образования, как предупреждение посягательств на государственную безопасность СССР².

В криминологии, когда говорят о предупреждении преступности как системе, имеют в виду определенную взаимосвязанную совокупность мер, которые классифицируются по следующим признакам:

по цели предупредительных мер: общие и специальные;

по регулированию их уголовно-процессуальным законом: процессуальные и непроцессуальные;

по объекту воздействия: а) меры воздействия на лицо, совершившее преступление; б) меры по предотвращению отдельного преступления; в) меры по устранению причин преступлений и условий, способствующих их совершению³.

Подобная классификация предупредительных мер, несомненно,

¹ Волкова Э. В., Филюков А. И. *Философские вопросы теории вида*. Минск, 1966, стр. 20.

² При более глубоком исследовании такого видового образования, как предупреждение посягательств на государственную безопасность СССР, необходимо было бы указать и описать и другие его признаки, например: однородность (единство гносеологической основы) элементов, составляющих этот вид; дискретность (относительная обособленность) вида; его историчность; устойчивость во времени и, что очень важно для нас, дифференцированность вида, наличие в нем многообразия форм, что позволяет рассматривать его как единую систему конкретной деятельности. (По вопросу элементов видового уровня см. Волкова Э. В., Филюков А. И. *Философские вопросы теории вида*. Минск, 1966, стр. 143—145.)

³ См. Криминология. Учебник. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 168—178.

полезна, так как дает представление об их практической направленности, но следует признать, что в данном случае мы имеем дело только с классификацией мер предупреждения преступности, но не с системой деятельности по предупреждению, как таковой. Бросается в глаза отсутствие в приведенной классификации четко выраженных объектов и субъектов предупреждения, характерных для каждого уровня классификации. Вызывает сомнение и целесообразность выделения из общего предупреждения мер по устранению причин преступлений и условий, способствующих их совершению.

С учетом вышеизложенного авторы склонны присоединиться к позиции тех советских ученых, которые рассматривают предупреждение преступности как систему, состоящую из трех взаимосвязанных и взаимообусловленных подсистем: общего предупреждения, специального (криминологического) предупреждения и частного предупреждения преступности¹.

Достоинства такого подхода состоят в следующем. Во-первых, при таком подходе предупреждение преступности (разумеется, и предупреждение посягательств на государственную безопасность СССР) рассматривается как социальное явление, через призму диалектических категорий общего, особенного, единичного. Во-вторых, он представляет собой «системно-структурный подход к классификации мер предупреждения преступлений как части общей системы социального регулирования общественной жизни, образующей самостоятельную подсистему»². В-третьих, указанный подход позволяет восполнить образовавшийся «разрыв» между общим и частным предупреждением, сосредоточить усилия на специальном предупреждении, которое характеризуется своим специальным объектом и специфическими средствами реализации.

Определив методологическую основу классификации системы предупреждения посягательств на государственную безопасность СССР, обозначим ее подсистемные уровни терминами, которые применяются в теории и практике контрразведывательной деятельности, и попробуем дать общее описание структур соответствующих уровней³.

¹ См., например: Сахаров А. Б. Теоретические основы предупреждения преступлений. «Советская юстиция», 1972, № 3; Шляпочников А. С. К вопросу о классификации мер предупреждения преступности; Миньковский Г. М. Предмет криминологической профилактики преступлений и некоторые проблемы ее эффективности. В сб.: «Вопросы борьбы с преступностью», 1972, № 17.

² Сахаров А. Б. Теоретические основы предупреждения преступлений. «Советская юстиция», 1972, № 3, стр. 5.

³ Поскольку исследование подсистем предупреждения связано с глубоким научным исследованием, авторы при изложении этого вопроса здесь и далее намерены ограничиться только постановкой проблем, общим схематическим описанием направлений дальнейшей теоретической разработки.

Рассматриваемую систему деятельности целесообразно определить как совокупность взаимосвязанных мер общего, специального и частного предупреждения посягательств на государственную безопасность СССР¹.

Общее предупреждение включает предупреждение противоправных деяний, политически вредных и других антиобщественных проявлений, формирования преступного умысла в целом. Общие меры применяются, как справедливо отмечается в специальной литературе, «для предупреждения подрывных действий неопределенного круга лиц»². Общие меры предупреждения, осуществляемые органами КГБ, теснейшим образом связаны с социально-экономическими, культурно-воспитательными мероприятиями, направленными на осуществление задач коммунистического строительства и одновременно на устранение причин государственных преступлений и условий, способствующих им.

Общие меры предупреждения —

оказывают активное противодействие враждебному влиянию на советских граждан со стороны разведывательных, пропагандистских органов империалистических государств и отдельных антиобщественных, антисоветских элементов внутри страны;

способствуют партийным, государственным органам и общественным организациям в осуществлении коммунистического воспитания советских граждан;

помогают выявлять причины совершения государственных преступлений и устранять условия, способствующие им³.

Общее предупреждение, как и общесоциальное предупреждение преступности, осуществляется органами КГБ постоянно и не ограничено каким-либо временем, конкретной территорией или какими-то демографическими и социальными особенностями населения.

По своей цели общее предупреждение направлено на искоренение государственных преступлений в целом. По результату общее предупреждение должно нейтрализовать, парализовать, локализовать враждебное воздействие, оказываемое политическим противником на советских людей, а также на иностранных граждан, которых он может использовать в своих враждебных целях.

¹ Термины «общее» и «частное» предупреждение широко применяются в специальной литературе. По смыслу они совпадают с понятиями общего и единичного (индивидуального) предупреждения преступности, употребляемыми в криминологической литературе. Вводимый авторами термин «специальное предупреждение» означает тот промежуточный уровень, который связывает общее и частное предупреждение.

² Основы контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности СССР. Макет учебника, ч. II. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 55.

³ См. Милько Ю. Т., Шемякин С. Н. Профилактическая работа органов государственной безопасности Союза ССР. М., изд. ВШ КГБ, 1967, стр. 21.

*Объектом*¹ общего предупреждения является вся совокупность посягательств на экономические, политические, моральные и другие устои нашего общества как специфическое явление, протекающее в различных формах предметно-практической деятельности субъектов посягательств. Поскольку посягательства на государственную безопасность представляют собой специфическую деятельность политического противника, общее предупреждение можно рассматривать как воздействие на отдельные элементы этой деятельности: объект, субъект, цель, результат, средства и собственно деятельность. В этом, на наш взгляд, проявляется конкретность общего предупреждения, так как создается возможность выделить специфические объекты воздействия на каждом уровне общего предупреждения (в методологическом плане мы обязаны рассматривать и общее предупреждение по категориям общего, особенного и единичного). Так, на уровне общего особенного таким объектом являются посягательства на государственную безопасность в виде государственных преступлений. На уровне общего единичного объектом предупреждения являются посягательства на государственную безопасность в виде разведывательной и иной подрывной деятельности (экономическая, политическая, военная, научно-техническая разведки, идеологическая диверсия и т. д.). Предметность предупредительного воздействия для каждого уровня данной подсистемы (общее предупреждение) различна. Например, на самом верхнем уровне осуществляется воздействие на общественное мировоззрение, выражающееся в оценке социальной значимости посягательств на государственную безопасность СССР.

Субъектом общего предупреждения является Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР как исполнительно-распорядительный орган государства.

Средства общего предупреждения, используемые Комитетом государственной безопасности при Совете Министров СССР, носят общий правовой, организационный и воспитательный характер. В основе применения этих средств лежит определение политики в области борьбы с посягательствами на государственную безопасность СССР; нормотворчество субъекта в данной сфере деятельности; разработка соответствующих перспективных планов и прогнозирование; определение основных принципов взаимодействия с партийными и государственными органами, общественными организациями и координации совместной предупредительно-профилактической работы; определение организационных структур в данной области деятельности органов госбезопасности; научная разра-

¹ Здесь и далее под объектом предупреждения мы будем понимать деятельность, посягающую на те или иные объекты государственной безопасности СССР. Это является основанием для классификации объекта предупреждения на соответствующих подсистемных уровнях.

ботка проблем предупреждения; обобщение опыта и выработка на этой основе рекомендаций по вопросам предупреждения посягательств на государственную безопасность СССР; определение возможности использования в этой деятельности специальных оперативных сил и средств.

Специальное предупреждение является логическим продолжением общего предупреждения и характеризуется прежде всего специфической дифференциацией объектов предупредительного воздействия. Если на уровне общего единичного предупреждения объектом является деятельность разведок противника в области политики, экономики и пр., то для специального предупреждения общим объектом предупреждения является деятельность национальных разведывательных и идеологических центров противника. Специальным особым объектом предупреждения являются посягательства в виде отдельных государственных преступлений (шпионаж, террор, диверсия и пр.); единичным объектом — посягательства на конкретные политические, экономические, военные и научно-технические учреждения нашего государства.

Специальное предупреждение в отличие от общего на соответствующих подсистемных уровнях ограничено определенными рамками: например, временем, необходимым для устранения (или локализации, нейтрализации) причин некоторых государственных преступлений и условий, способствующих их совершению; отдельными демографическими и социальными группами населения; масштабами территории и производственной деятельности (географическая область, административная территориальная единица, производственное объединение и т. д.).

Это подтверждает история деятельности органов госбезопасности: борьба чекистов после гражданской войны с бандитизмом, с диверсиями на транспорте и фальшивомонетничеством в 1927 году, с вредительством и саботажем в годы первых пятилеток, с националистическим подпольем в западных областях Украины, Белоруссии и в Прибалтике в 1945—1953 годах и т. д.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на уровне специального предупреждения посягательств на государственную безопасность СССР общий объект предупредительного воздействия как бы распадается на две относительно самостоятельные группы. К первой группе относятся противоправные подрывные действия политического противника Советского государства, ко второй группе — непротивоправные действия (не являющиеся уголовно наказуемыми по советскому законодательству), которые могут угрожать безопасности Советского государства. В соответствии с данным делением объекта в специальном предупреждении существуют три относительно самостоятельных направления: 1) предупреждение подрывной деятельности противника, 2) пресечение ее, 3) профилактика непреступной деятельности лиц.

Профилактическая работа органов КГБ призвана стать надежной преградой враждебным проискам империалистических разведок и связанных с ними организаций и лиц. Она направлена на то, чтобы предупредить государственные преступления, предотвратить возникновение политически вредных эксцессов, не допустить антиобщественных проявлений со стороны политически незрелых лиц, оказать выгодное нам влияние на идейно неустойчивых людей.

Профилактические меры не имеют репрессивного характера. Сущность их заключается в том, чтобы вовремя остановить человека на пути, который может привести к преступлению.

Конкретизация системы предупреждения посягательств на государственную безопасность через категорию особенного предполагает, что профилактика как явление, возникшее в системе специального предупреждения, в то же время связана с общим предупреждением и обусловлена им. Однако между понятиями «профилактика» и «предупреждение» имеются существенные различия. Предупреждение шире, поскольку охватывает область противоправных и непротивоправных деяний. Объектом же профилактического воздействия могут быть только непротивоправные деяния, а также действия непроступного характера, имеющие устойчивые тенденции перерастания в преступления, борьба с которыми относится к компетенции органов КГБ. Профилактика применяется только в случае возникновения угрозы безопасности государства, ограничена местом, временем, социальными и демографическими группами населения, осуществляется специальными методами и приемами, не может применяться в отношении убежденных врагов нашего государства.

Профилактика так же, как и предупреждение противоправных деяний, в системе специального предупреждения обеспечивается применением соответствующих средств, отличие которых от средств общего предупреждения состоит в том, что, помимо мер гласного (политического, воспитательного, правового и пр.) характера, они включают и негласные, специальные (оперативные) меры. Так, если в общем предупреждении подрывной деятельности противника используются в основном различного рода пограничные, таможенные и другие режимы, то в специальном может широко использоваться дезинформация противника, а также агентурно-оперативные мероприятия органов государственной безопасности, направленные на локализацию, нейтрализацию и парализацию его усилий. Если в системе общего пресечения подрывной деятельности противника используются нормы советского и международного права, то оперативными мерами специального предупреждения могут быть: компрометация, разоблачение подрывной деятельности противника, разложение его организаций и т. п. То же самое следует сказать и в отношении профилактики.

Объектом профилактики на уровне специального предупрежде-

ния являются не конкретные лица, а отдельные социальные и демографические группы населения, внутри которых происходят различные негативные процессы. В ходе профилактики наиболее широко применяются меры публичного характера с использованием средств массовой информации (печать, радио, телевидение). При выявлении причин негативных процессов и условий, способствующих их возникновению, большое значение имеет проведение специальных агентурно-оперативных мероприятий.

Субъектом специального предупреждения являются главные управления и управления КГБ при Совете Министров СССР, а также контрразведывательные органы, в компетенцию которых входит предупреждение и пресечение подрывной деятельности противника.

Частное предупреждение. Подробно на этих вопросах мы останавливаться не будем, поскольку они довольно обстоятельно изложены в названных выше работах Ю. Т. Милько, С. Н. Шемякина, О. Н. Пупкова и других авторов. Отметим лишь следующее. Поскольку предупреждение посягательств рассматривается в единой системе деятельности, все основные черты вышестоящей подсистемы должны проецироваться в нижестоящий подсистемный уровень. В этом заключается взаимосвязь и взаимообусловленность всех элементов системы. Следовательно, подсистема частного предупреждения несет в себе, но уже в более развернутом, детализированном виде основные параметры и характеристики специального предупреждения.

Так, *общим объектом* частного предупреждения могут быть посягательства на государственную безопасность со стороны конкретных разведывательных органов, подразделений и специальных служб противника, а также антисоветских организаций и групп. В отличие от общего специального предупреждения при частном предупреждении происходит дифференциация объекта не только по национальной принадлежности разведок, но и по их организационной структуре, месту дислокации и пр. Объединяет же их то, что предупредительное воздействие направлено на деятельность противника, как таковую, то есть на те ее элементы, видоизменение которых позволяет на определенное время локализовать деятельность в целом.

Особенным объектом частного предупреждения являются конкретные посягательства перечисленных субъектов подрывной деятельности, содержащие признаки конкретного состава государственного преступления.

Единичным объектом частного предупреждения является отдельное посягательство на государственную безопасность: деятельность конкретного лица, совершающего государственное преступление, политически вредные или другие антиобщественные дейст-

вия, борьба с которыми относится к компетенции органов госбезопасности.

Субъектом частного предупреждения в зависимости от конкретного объекта может быть или контрразведывательное подразделение, или оперативный сотрудник, или следователь следственного подразделения КГБ.

Меры частного предупреждения подразделяются на процессуальные и непроцессуальные, или, согласно чекистской терминологии, на меры открытого (гласного) и оперативного характера. К оперативным мерам частного предупреждения относятся меры: а) принимаемые в связи с совершением преступления и выражающиеся в воздействии на лицо, его совершившее; б) направленные на предотвращение преступления; в) направленные на устранение причин и условий, способствующих совершению преступления¹; г) рассчитанные на профилактическое (групповое и индивидуальное) воздействие на лиц, в действиях которых нет состава государственного преступления, хотя они и носят политически вредный или антиобщественный характер.

В заключение на основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Предупреждение посягательств на государственную безопасность СССР как производное от общесоциальной функции государства по предупреждению преступности является одной из важнейших функций советских органов госбезопасности.

2. Предупреждение посягательств на государственную безопасность СССР — это единая система общего, специального и частного предупреждения. Поэтому результаты деятельности по предупреждению посягательств должны оцениваться с учетом результатов реализации целей вышестоящих подсистем и их уровней.

3. Объектом каждой подсистемы предупреждения посягательств на государственную безопасность является соответствующим образом дифференцированная деятельность реального или потенциального противника.

4. Предупредительному воздействию подвергается не деятельность противника в целом, а элемент или некоторая совокупность элементов структуры этой деятельности. Данный вывод нуждается в соответствующем разъяснении. В специальной литературе принята точка зрения, что предупредить подрывную деятельность противника от ее единичных до общих проявлений практически невозможно. В связи с этим обычно считают, что деятельность пресекается, а предупреждаются отдельные действия конкретного

¹ Классификация мер предупреждения, приведенных в пунктах «а», «б» и «в», взята из учебника «Криминология». М., «Юридическая литература», 1968, стр. 171.

противника¹. Представляется, что данная точка зрения глубоко ошибочна, поскольку противоречит современным взглядам на диалектику системных образований — их структур.

Действительно, если говорить о воздействии вообще на подрывную деятельность противника, то ее пресечь (в широком масштабе), а тем более предупредить невозможно. Но все эти сомнения отпадают, когда речь идет о конкретном воздействии на конкретный элемент или элементы структуры подрывной и вообще любой деятельности. Известно, что существование и целостность деятельности, как таковой, определяют следующие ее элементы: объект, субъект, средства, собственно деятельность, цель, результат и внешний по отношению к системе деятельности элемент — условия². Потеря любым из данных элементов своих существенных качественных свойств или прекращение его существования неминуемо ведет к эволюционному или скачкообразному видоизменению или разрушению системы деятельности в целом³. Не может быть целенаправленной деятельности, например, без цели, объекта, субъекта, средств или какого-либо иного элемента. На этом объективном свойстве системы и основано наше утверждение о характере предупредительного воздействия на деятельность противника, посягающего на государственную безопасность СССР. При воздействии на один из элементов или ряд элементов системы деятельности можно видоизменить и саму систему в целом, то есть на какое-то время локализовать, нейтрализовать или придать ей другую направленность. Так, результатом общего предупреждения, осуществляемого органами государственной безопасности, может быть изменение направлений антисоветской деятельности за рубежом, методов и форм разведывательной деятельности противника, ее тактических приемов и т. д.* Таким образом, здесь можно говорить о предупреждении подрывной деятельности противника. Пресечение же подрывной деятельности в отличие от предупреждения в «чистом» виде связано с устранением одного или нескольких элементов ее системы. В результате такого воздействия система разрушается полностью и прекращает свое существование.

¹ См., например, Основы контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности СССР. Макет учебника, ч. II. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 55.

² Подробно о системе и структуре деятельности см. Фомичев В. П. Дезинформация и ее использование в органах военной контрразведки. Кандидатская диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ, 1971, стр. 15—84.

³ По этому вопросу см. работы: Вольт Л. О. Соотношение структуры и элементов. «Вопросы философии», 1963, № 5; Зобов Р. А. Некоторые аспекты категорий отношения, целого, структуры, функции и их значение для научного исследования. В сб.: «Некоторые вопросы методологии научного исследования», вып. 2. Изд. ЛГУ. 1968; Свидерский В. И. О диалектике элементов и структур. М., Соцэкгиз, 1962.

Майор А. Н. Яцушко

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ, ЕГО ВИДАХ И ФОРМАХ

В современных условиях построения материально-технической базы коммунизма, дальнейшего развития советской государственности и социалистической демократии Центральный Комитет КПСС и Советское правительство предъявляют новые, повышенные требования к совершенствованию системы управления всеми сферами общественной деятельности.

Органы КГБ, являясь частью государственного аппарата, не могут находиться в стороне от решения задачи совершенствования управления внутри своей системы, тем более что в этом имеется явная необходимость¹. В одном из своих выступлений председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР тов. Ю. В. Андропов отметил: «...в повестку дня должна быть поставлена одна из важнейших проблем — улучшение руководства оперативной деятельностью во всех звеньях контрразведки»².

Решению этой проблемы в определенной степени способствует разработка понятийного аппарата, характеризующего процесс управления деятельностью контрразведывательных аппаратов органов КГБ. Этой же цели служит и уяснение сущности и содержания понятия «управленческое решение».

С понятием «управленческое решение» (его информационной подготовкой, выработкой проекта и принятием решения, организацией и контролем исполнения) связаны все этапы управленческого цикла. Функция управления, в процессе которой вырабатываются и принимаются решения, является одной из основных функций, ибо решение «содержит главную формулу всей управленческой деятельности»³. Поэтому можно утверждать, что понятие «управленческое решение» относится к числу важнейших понятий, характеризующих процесс управления.

В специальной чекистской литературе уделено значительное внимание вопросам методологии принятия решений, однако такие вопросы, как сущность и содержание самого понятия управленческого решения в условиях руководства контрразведывательной деятель-

¹ См.: Цинев Г. К. К вопросу о совершенствовании работы контрразведывательных аппаратов органов государственной безопасности СССР. М., изд. ВКШ КГБ, 1970, стр. 12; Масленников В. И. Об оперативной кибернетике как новой отрасли чекистских знаний. В сб.: «Некоторые проблемы теории и практики оперативной деятельности органов государственной безопасности СССР». М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 5, и др.

² Сборник КГБ. 1971, № 2—3, стр. 6.

³ Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. М., «Наука», 1972, стр. 20.

ностью, классификация решений, не нашли в ней отражения. В открытой литературе также нет единого мнения по вопросу о понятии решения. Вследствие этого и в чекистской, и в открытой литературе управленческие решения обозначаются различными терминами. Одни авторы различают административные и организационные решения¹, другие ведут речь об управленческих решениях, управленческой команде и актах управления², третьи оперируют понятиями «решение» и «команда»³. В специальной чекистской литературе употребляются термины «оперативное решение», «управленческое решение», «дезинформационное решение», «плановое решение» и т. д., хотя почти во всех случаях имеются в виду управленческие решения⁴.

Недостаточная теоретическая разработка данного понятия приводит к тому, что в практике управления действиями оперативных сил и средств контрразведывательных аппаратов не всегда принимаются те виды управленческих решений, которые соответствуют конкретным условиям. Иногда используются и те формы решений, которые не предусмотрены нормативными актами КГБ при Совете Министров СССР.

Актуальность рассмотрения вопросов, связанных со спецификой понятия управленческого решения применительно к сфере деятельности органов КГБ, его видов и форм вытекает также из требований контрразведывательной практики. Эти требования обусловлены необходимостью более эффективного выполнения решений КГБ при Совете Министров СССР, направленных на улучшение информационного обеспечения контрразведывательных аппаратов, совершенствование процесса разработки планов и других решений, повышение уровня организаторской работы по их выполнению, рационализацию системы контроля за выполнением решений.

В данной статье предполагается рассмотреть вопросы, позволяющие уяснить природу управленческого решения, его признаки, виды и формы.

Природа управленческого решения может быть понята на основе анализа проявлений сущности управления, поскольку оно является более общим понятием. Поэтому вначале целесообразно

¹ См. Петренко Ф. Секреты руководства. М., «Московский рабочий», 1968, стр. 231.

² См. Административное право. Под ред. А. Е. Лулева. М., «Юридическая литература», 1970, стр. 6—9, и др.

³ См. Бобров О. М., Беляков М. И. Научные основы организации управления социалистическим производством. Киев, 1970, стр. 44.

⁴ См.: Фомичев В. П. Дезинформация и ее применение в органах военной контрразведки. Диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ, 1971, стр. 47, 83; Булыгин Ю. Е. К вопросу о принципах и методах планирования оперативной деятельности органов государственной безопасности. В сб.: «Вопросы перспективного планирования, оперативной деятельности в органах государственной безопасности». М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 19.

уяснить смысл и особенности управления контрразведывательной деятельностью, например, областных органов КГБ.

Определения понятия управления, содержащиеся в литературе, можно разделить на несколько основных групп.

Различные авторы, признавая управление особым видом деятельности, воздействия, расходятся в трактовке средств этого воздействия. В частности, авторы, стоящие на позициях кибернетики, признают в качестве средства управляющего воздействия со стороны субъекта управления на объект информацию в сигнальной форме. Авторы-юристы рассматривают управление как общественно необходимую функцию и считают, что средством управляющего воздействия является господствующая воля, авторитет как проявление власти, выражающейся в юридических или общественно-моральных формах. Представители науки управления, для которых характерным является комплексный подход к учету политического, организационного, информационного и других аспектов управления, считают средством воздействия на управляемую подсистему наряду с информацией также стимулирование, постановку этой подсистемы в условия, вынуждающие ее действовать, различные санкции и т. д. Одним из средств управляющего воздействия признается управленческое решение.

Управление контрразведывательной деятельностью понимается нами как единый процесс разработки и реализации решений. Он включает в себя изучение и оценку оперативной обстановки, выбор цели и способов ее достижения, определение необходимых для этого средств и сроков, основанное на результатах выбора целенаправленное властное воздействие субъекта управления на оперативные силы и средства органа КГБ во имя объединения и упорядочения их действий, создание организационных предпосылок по достижению цели и контроль за результатами этих действий. Имеется в виду, что данное управление осуществляется людьми и в отношении людей и является социальным управлением.

Рассмотрим специфику этого управления в условиях деятельности областного или краевого органа КГБ.

Управление контрразведывательной деятельностью областного органа КГБ имеет сложный характер. В нем содержатся следующие признаки государственного управления.

1. Управление контрразведывательной работой областного органа КГБ носит исполнительный характер. Эта деятельность направлена на реализацию норм, установленных высшими органами государственной власти и государственного управления, и директив партийных органов.

2. Для управления контрразведывательной деятельностью существует специальный, сформированный государством аппарат. В него входят начальник УКГБ, его заместители, помощник по кадрам, начальники подразделений и их структурных единиц, члены

совета при начальнике органа, а также сотрудники кадровых, информационно-аналитических, десятых подразделений, секретариата, инспекции, подразделений шифр- и телефонной связи и др. При этом руководители являются субъектами управления, а сотрудники указанных подразделений выступают в качестве персонала, помогающего руководителям реализовать управление внутри органа КГБ. Все вместе они образуют управляющую подсистему. Объектами управления в областном органе КГБ являются прежде всего непосредственные исполнители, то есть рядовые сотрудники основных и вспомогательных контрразведывательных подразделений, составляющие в своей совокупности управляемую подсистему.

В ряде случаев при использовании оперативных средств седьмых, оперативно-технических и других подразделений рядовой оперативный работник второго или пятого подразделения УКГБ становится субъектом управления по отношению к сотрудникам НН, ПК и других служб при совместном решении вопросов в рамках утвержденного вышестоящим руководителем задания на то или иное мероприятие.

3. Управление контрразведывательной деятельностью в своей основе представляет собой юридически-властную деятельность, носящую характер целенаправленного воздействия указанных субъектов управления, выступающих от имени государства, на подчиненных официальных сотрудников органа КГБ. Для достижения основной цели государственного управления каждого из его субъектов государство наделяет в соответствующем объеме необходимыми распорядительными полномочиями на издание юридически обязательных актов, содержащих нормы права или являющихся реализацией имеющихся норм, то есть актов государственного управления (иначе актов управления)¹. Властные полномочия субъектов управления на издание и реализацию актов управления предполагают возможность применения со стороны государства мер воспитания, убеждения, разъяснения, поощрения или принуждения по отношению к объектам управления в целях побуждения их к выполнению воли Советского государства, выраженной в данных актах.

4. Управление контрразведывательной деятельностью областного органа КГБ является непрерывным и повседневным, что достигается четким распределением компетенции между различными руководителями, постоянным осуществлением какой-либо функции управления (принятие решения, организация и контроль выполне-

¹ В советском административном праве считается, что акты управления представляют собой подзаконные, односторонние юридически-властные предписания органов государственного управления (должностных лиц), с помощью которых реализуются цели и конкретные задачи исполнительно-распорядительной деятельности. См. Советское административное право. М., «Юридическая литература», 1973, стр. 214.

ния, информационная подготовка решения) в той или иной подсистеме управления, входящей в УКГБ.

5. Управлению контрразведывательной деятельностью присущ и признак подзаконности, проявляющийся в реализации принципа социалистической законности. В соответствии с этим принципом действия руководителей УКГБ должны основываться на строгом соблюдении всей системы правовых норм, действующих в СССР, на обязательном и своевременном исполнении приказов, инструкций, указаний и других правовых актов, издаваемых в системе органов государственной безопасности. Необходимость соблюдения этого принципа предполагает четкое знание руководителями требований нормативных актов и пределов своей компетенции по тому или иному вопросу, что немыслимо без полного и четкого отражения компетенции каждого сотрудника УКГБ в том или ином нормативном акте.

6. Деятельности руководителей всех уровней УКГБ присущ и такой признак государственного управления, как организационная сущность.

В процессе управления обеспечивается определение целей и задач деятельности объектов управления, конкретизация их в планах и других руководящих документах, адресованных исполнителям; достигается координация действий сотрудников и подразделений при решении контрразведывательных задач; устанавливается определенный порядок во взаимоотношениях между соисполнителями, руководителями и подчиненными; осуществляется всестороннее обеспечение выполнения задач, контроль за процессом исполнения, оценка результатов и внесение при необходимости изменений в планы.

Таким образом, рассмотренная сторона управления контрразведывательной деятельностью официальных сотрудников УКГБ содержит все основные признаки государственного управления в форме издания правовых актов управления, обладающих определенными юридическими признаками. Эти признаки подчеркиваются, например, в определении актов управления, приведенном Р. Ф. Васильевым. Он пишет: «Правовые акты советского государственного управления — это волевые властные действия государственных органов и органов некоторых общественных организаций, совершаемые ими на основе и во исполнение законов в процессе выполнения функций государственного управления и направленные на установление (изменение, отмену) правовых норм или на возникновение (прекращение, изменение) конкретных правоотношений. Эти действия иногда выражаются в виде устных велений (приказов, распоряжений), но в большинстве случаев оформляются документально»¹.

¹ Васильев Р. Ф. Правовые акты органов управления. Изд. МГУ, 1970, стр. 17.

Анализ особенностей управления контрразведывательной деятельностью УКГБ и актов управления, издаваемых руководителями этих подразделений в целях воздействия на подчиненных, показывает, что в актах имеются как родовые признаки правовых актов управления (государственно-властный характер, подзаконность), так и видовые признаки, отграничивающие их от всех других правовых актов (издание с целью решения задач государственного управления, издание непосредственно в процессе исполнительно-распорядительной деятельности)¹.

Почему же возникает необходимость в применении термина «управленческое решение», если термин «акт управления» является вполне устоявшимся и общепризнанным для выражения средства правового регулирования отношений управления в органах КГБ? Для ответа на данный вопрос необходимо выявить отличительные признаки понятия «управленческое решение».

Анализ точек зрения авторов, оперирующих терминами «решение» и «управленческое решение» при рассмотрении процессов управления, показывает, что большинство из них пользуются понятием «решение», имея в виду управленческое решение и связывая природу последнего с распорядительной стороной деятельности органов государственного управления. Они придают этому решению значение юридического акта в виде устного веления или документа, содержащего такие компоненты, как цель, задачи, способы, средства и сроки определенных действий, и направленного на организацию практической деятельности субъектов и объектов управления. Это те управленческие решения, которые являются правовыми актами управления.

Например, И. М. Болотников считает, что решение «выступает как определенное административное предписание»². По мнению О. В. Елчаниновой, «решение вообще — это акт, выносимый отдельным человеком, коллективом, органом... вывод, предложение, сделанное руководящим органом или руководителем на основе анализа цели, стоящей перед коллективом, обществом в целом, а также информации об их состоянии, присущих им закономерностях, тенденциях»³.

Ю. О. Любович указывает, что «решение есть комплексный акт, в котором органически сочетаются: а) логический процесс умозаключения — как проявление рассудка; б) психологический процесс принятия решения — как проявление воли; в) компетенция или

¹ См. Васильев Р. Ф. Правовые акты органов управления. Изд. МГУ, 1970, стр. 13—17.

² Болотников И. М. Основные принципы научного управления обществом. Л., 1968, стр. 10.

³ Елчанинова О. В. Роль социальной информации и математических методов в выработке управленческих решений. В сб.: «Научное управление обществом». Вып. 3. М., «Мысль», 1969, стр. 221.

авторитет — как проявление власти, права принимать решения, имеющие обязательную силу для исполнителей»¹.

В. Г. Афанасьев, характеризуя управленческое решение как «определенное постановление (письменное или устное), в котором перед объектом управления сформулирована цель, поставлена та или иная задача», отмечает, что «зачастую в управленческом решении дано общее направление работы по реализации цели, выполнению задач, предусмотрено обеспечение объекта управления необходимыми материальными, финансовыми и трудовыми ресурсами, определены лица, ответственные за выполнение решения»². Другие представители науки управления определяют управленческое решение как «социальный акт, содержащий постановку целей и задач, а также определение средств их осуществления»³. Авторы-юристы также считают управленческое решение социальным актом, хотя и суживают это понятие по сравнению с понятием, данным представителями науки управления⁴.

В Энциклопедическом словаре слово «акт», через которое определяются понятия «решение» и «управленческое решение», раскрывается как «1) действие или поступок; 2) в праве — документ, протокол, запись о каком-либо юридическом факте... облеченное в форму закона, указа, постановления, приказа и т. п. решение, содержащее те или иные правила поведения людей (нормативные акты). В зависимости от того, от какого государственного органа исходит подобный акт, различают акт законодательный и акт административный»⁵.

На основании этих определений можно сделать следующие выводы.

Во-первых, понятия «решение» и «управленческое решение» относятся прежде всего к деятельности отдельного человека или группы людей, коллективов, то есть они носят социальный характер.

Во-вторых, определяя понятия «решение» и «управленческое решение» через понятие «акт», И. П. Шадрин, О. В. Елчанинова, Ю. А. Тихомиров, Ю. О. Любович употребляют его в значении действия, поступка лица, процесса и его результата. В. Г. Афанасьев же говорит об управленческом решении в смысле его формы.

В-третьих, основным смыслом и содержанием процесса решения является акт выбора из нескольких вариантов всех основных ком-

¹ Любович Ю. О. Административные и организационные методы управления. М., «Знание», 1966, стр. 6.

² Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., Политиздат, 1968, стр. 198.

³ Шадрин И. П. Подготовка и принятие решения — функция научного управления социалистическим обществом. Диссертация. М., 1969, стр. 42.

⁴ См. Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. М., «Наука», 1972, стр. 33.

⁵ Энциклопедический словарь, т. I. М., изд. БСЭ, 1953, стр. 44.

понентов, фиксируемых устно или письменно в решении как результате процесса выбора (то есть цели действий, промежуточных задач, средств, способов и сроков их достижения).

В-четвертых, управленческое решение как устный акт или письменный документ используется для того, чтобы довести до объекта управления существо и содержание всех элементов деятельности (цели, задач, способов и т. д.), которые выбрал субъект управления в качестве эталона для себя и управляемого объекта, а также побудить этот объект действовать в нужном направлении (или бездействовать, прекратить действие).

В-пятых, решение может приниматься при осуществлении различных видов деятельности, характером которой определяются свойства процесса принятия решения и его результаты. Частным случаем решений являются управленческие решения, имеющие различные формы, в том числе и форму административно-правовых актов.

Определения понятия управленческого решения, сформулированные отдельными авторами, наряду с признаками, отражающими особенности государственного управления, содержат и черты, характеризующие специфику других видов социального управления. Так, в приведенном определении О. В. Елчаниновой говорится об отнесении к управленческим решениям не только директивных указаний со стороны руководителя, но и его предложений, носящих рекомендательный характер. Ю. А. Тихомиров также различает решения директивного и рекомендательного характера. К числу решений, носящих характер рекомендации, совета, пожелания, Ю. А. Тихомиров относит управленческие решения, содержащие научно-технические и иные нормы, призванные оказывать методическое влияние, внедрять методы социального планирования, морального и этико-психологического воздействия¹.

Отнесение к управленческим решениям предложений и рекомендаций свидетельствует о том, что управлением признается не только издание правовых актов управления и исполнительно-распорядительная деятельность в форме совершения иных юридически значимых действий (например, составление протоколов об административных поступках, задержание нарушителя и др.), тоже относящаяся к правовой форме, но и неправовая форма управленческой деятельности, которая является частью действий органов управления, не облакаемых в юридическую форму и представляющих собой деятельность организационно-инструкторского типа (например, изучение и распространение передового опыта, оказание практической помощи на местах, рассылка обзоров).

В практике органов КГБ также имеет место такая форма отно-

¹ См. Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. М., «Наука», 1972, стр. 48.

шений между сотрудниками, при которой управляющее воздействие их друг на друга носит характер обмена информацией в виде советов, рекомендаций и т. д. Управленческие отношения между отдельными исполнителями, так же как и между различными подразделениями УКГБ, возникающие на этой основе, носят «не административный, а функциональный характер. Это отношения координации, направленные на достижение согласованности их действий с целью решения задач, поставленных перед объектом управления»¹. И хотя эти рекомендации не являются обязательными для исполнения, ознакомление с ними заинтересованных сотрудников заставляет их следовать этим советам при осуществлении контрразведывательных мероприятий. В данном случае речь идет о неправовой форме управления, указанной выше и именуемой организационно-методическим руководством². В условиях руководства контрразведывательной деятельностью органов КГБ можно вести также речь еще об одной специфической форме управления, которой соответствуют определенные управленческие решения.

Поскольку цели всей контрразведывательной деятельности, отдельных ее мероприятий достигаются также и с помощью нештатных сотрудников органов КГБ (агентов, резидентов, доверенных лиц), то возникает необходимость в регулировании их действий. И если руководство агентами, сотрудничающими с органами КГБ на основе зависимости или материальной заинтересованности, в известной степени приближается к государственному управлению (так как в ряде случаев по отношению к агентам органы КГБ могут применить меры не только морального, но и правового или материального воздействия³, то управляющее воздействие на агентов, сотрудничающих на идейно-политической основе, а также на всех доверенных лиц осуществляется обычно при помощи информации неправового характера, содержащейся в задании агенту или поручении доверенному лицу. Хотя отношения между рядовым оперативным работником и находящимися у него на связи агентами, сотрудничающими с органами на идейно-политической основе, не носят юридически-властного характера, все-таки следует рассматривать оперативного работника как субъект управления, а его задания — как средство управляющего воздействия на агента. Попытка игнорировать эту истину равнозначна тому, что рядовому оперативному работнику отводится роль только передающего звена между вышестоящими руководителями и агентом, что опровергает-

¹ Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., Политиздат, 1973, стр. 165.

² См. Контрразведывательный словарь. М., изд. ВКШ КГБ, 1973, стр. 179—180.

³ Подробнее по этому вопросу см. Дорохов В. Я., Корнаков С. В. К вопросу о вербовке агентов из числа лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния. Вестник Высшей школы КГБ, 1963, № 10, стр. 53—62.

ся самой оперативной практикой. Именно поэтому каждому оперативному работнику областного органа КГБ необходимо изучать основы науки управления, чтобы на этой базе так организовать руководство деятельностью агентов, как этого требуют интересы эффективного обеспечения государственной безопасности.

Для всех указанных форм управления общим является то, что субъект управления при осуществлении руководства объектом управления должен четко определить свое отношение к действию (бездействию) последнего, сформулировать свою точку зрения по данному вопросу и довести ее до сознания управляемого объекта с целью побуждения его к началу, продолжению или прекращению действия (бездействия), то есть к целенаправленному поведению. Различной может быть лишь степень обязательности учета объектом управления мнения субъекта. Это значит, что в информации, которая передается от субъекта управления к объекту в виде побудительного импульса, в зависимости от характера отношений между ними (правовых или неправовых) может содержаться:

юридически обязательное для исполнения объектом управления указание относительно определенного действия (бездействия);

пожелание, совет, рекомендация объекту управления стремиться к определенной цели и придерживаться при этом желательного, с точки зрения субъекта, способа ее достижения или отказаться, воздержаться от нежелательных действий. Юридическая обязательность следования объекта пожеланиям субъекта в данном случае отсутствует. Вместе с тем проявление власти присуще и этой форме взаимоотношений субъектов и объектов управления.

Таким образом, можно констатировать, что, поскольку правовые акты управления не охватывают всех форм управления контрразведывательной деятельностью, возникает необходимость в использовании для характеристики средства управляющего воздействия понятия «управленческое решение», которое позволяет отразить как правовые, так и неправовые формы этого управления. Оно включает в себя и директивные и рекомендательные веления субъекта управления, а по признакам подзаконности и цели существенно не отличаются от актов управления. Подзаконность управленческих решений, принимаемых, например, в областном органе КГБ, вытекает из подзаконного характера всей деятельности сотрудников КГБ, а цель их (повышение степени организации деятельности объекта управления) — из необходимости осуществления контрразведывательной деятельности наиболее эффективным образом.

Совпадают и такие признаки актов управления и управленческих решений, как их социальный характер; их сущность (как волеизъявление субъекта управления); содержание (цели, задачи, спо-

собы, средства, сроки); назначение; форма внешнего выражения (устная или письменная); сущность процесса, результатом которого они являются (в обоих случаях осуществляется процесс решения¹, основное содержание которого — акт выбора одного из нескольких вариантов), хотя процедура данного процесса может быть и различной, что является следствием их разной юридической характеристики (в отдельных случаях) и степени регламентации этой процедуры.

Сравнение общих и специфических признаков, присущих правовым актам управления и управленческим решениям, позволяет сделать вывод, что понятие «управленческое решение» более полно отражает все разнообразие форм управленческой деятельности в областных органах КГБ, включая правовые и неправовые. Следовательно, управленческое решение является родовым понятием по отношению к видовому понятию «акт управления», вследствие чего его признаки присущи всем актам управления. Признаки же актов управления содержатся только в отдельных управленческих решениях. Поэтому представляется правомерным в качестве признаков управленческого решения рассматривать только те, которые присущи и неправовым управленческим решениям, и административно-правовым актам. Управленческим решениям как актам субъектов управления в областном органе КГБ присущи следующие признаки:

социальный характер акта, то есть связь акта с процессом управления контрразведывательной деятельностью штатных и нештатных сотрудников УКГБ, агентов и доверенных лиц;

целевое предназначение акта, выражающееся в том, что акт должен служить цели повышения степени организованности контрразведывательной деятельности;

адресование акта определенному объекту управления;

наличие в акте основных компонентов (цели, промежуточных задач, способов, средств и сроков), характеризующих целенаправленную деятельность.

Наличие в акте субъекта управления этих общих признаков делает его средством организующего воздействия на контрразведывательную деятельность агентов, доверенных лиц, рядовых и руководящих сотрудников УКГБ. Такие же признаки, как директивность, общеобязательность для исполнения, соблюдение определенной процедуры выработки и принятия акта, обеспечивающие правильность его формы и наименования, характерны лишь для части управленческих решений — правовых актов управления.

С учетом вышеизложенного следует считать, что управленческое

¹ Издавая конкретный правовой акт, соответствующий орган государственного управления решает на основе закона тот или иной вопрос, отнесенный к его компетенции. См. Советское административное право. М., «Юридическая литература», 1973, стр. 214.

решение в сфере деятельности органов КГБ — это устный акт или письменный документ, который содержит волеизъявление субъекта управления, адресован оперативным силам и средствам, а также другим лицам, участвующим в реализации целей контрразведывательной деятельности, является результатом основанного на анализе, оценке и прогнозировании состояния оперативной обстановки выбора одного из вариантов возможного поведения объектов управления, включает предписания или рекомендации о целях, задачах, средствах, способах, сроках достижения целей, задач и об ответственных за это лицах, предназначен для повышения степени организованности контрразведывательной деятельности.

Многообразие вопросов оперативной, административно-правовой, уголовно-процессуальной и политико-воспитательной деятельности, по которым приходится принимать решения руководителям и рядовым оперативным работникам областного органа КГБ, их различная масштабность и важность с точки зрения борьбы с происками иностранных разведок, а также неодинаковый объем полномочий у субъектов управления на принятие решений предопределяют разнообразие их видов и форм, хотя процесс решения во всех случаях сводится к выбору и формулированию вывода о цели деятельности и программе ее реализации.

Следует отметить, что по вопросу разграничения видов и форм управленческих решений в литературе нет пока единого мнения. Поэтому вполне своевременно и обоснованно на совещании начальников секретариатов органов КГБ в 1969 году был поставлен вопрос об обеспечении правильного выбора вида акта управления, соответствующего данной ситуации, и юридически грамотного оформления его проекта¹.

Специфические признаки, присущие определенным управленческим решениям, позволяют осуществить их классификацию по определенным видам. Управленческие решения могут быть разделены на виды по следующим основаниям.

По юридической характеристике все управленческие решения, касающиеся вопросов контрразведывательной деятельности УКГБ, делятся на правовые акты управления (нормативные и индивидуальные) и решения, не являющиеся правовыми актами управления.

По видам деятельности, которые регулируются управленческими решениями, различаются решения, касающиеся оперативной, административно-правовой, уголовно-процессуальной и политико-воспитательной деятельности УКГБ.

По объектам управления выделяются решения, касающиеся деятельности штатных (гласных и негласных) сотрудников УКГБ и

¹ См. Материалы совещания начальников секретариатов органов КГБ. М., изд. КГБ при Совете Министров СССР, 1969, стр. 95—109.

внештатных сотрудников (внештатных оперативных работников, агентов, доверенных лиц).

По субъектам управления управленческие решения подразделяются на решения начальников УКГБ, отделов, отделений, групп, рядовых оперативных работников.

По степени обязательности выполнения волеизъявления субъекта управления различаются императивные (обязательные для исполнения, директивные) и рекомендательные управленческие решения.

Управленческие решения могут классифицироваться и по таким признакам, как время действия, срочность исполнения, роль в возникновении, протекании и прекращении процессов управления, способ выработки и принятия, функции управления, на реализацию которых они бывают направлены, форма выражения (устная или письменная), форма документа, в котором излагается решение.

Под формой управленческого решения можно понимать как способ выражения принятого решения (устная или письменная форма), так и форму изложения решения, принимаемого в письменном виде (в данном случае имеются в виду различные по наименованию акты управления и другие документы)¹. Именно форма документа может быть видовым отличием управленческих решений, являющихся актами управления. Несоблюдение установленной нормативными актами формы является одним из поводов признания акта управления неправомерным.

В открытой литературе в качестве форм управленческих решений вообще и актов управления в частности рассматриваются программы партии, директивы и решения ЦК КПСС, местных партийных органов, законы и постановления органов государственной власти и государственного управления, различного рода положения, инструкции, распоряжения и приказы руководителей, планы, решения общественных организаций и т. д.

Исходя из вышеуказанного определения управленческого решения для условий органов КГБ и из установившегося в литературе понимания формы документов, в которых выражаются решения субъектов управления, можно выделить управленческие решения, исходящие от субъектов управления контрразведывательной деятельностью областного УКГБ.

Анализ нормативных актов и практики управления свидетельствует о том, что наиболее характерными правовыми формами управленческих решений в УКГБ являются:

планы, подписанные должностным лицом, имеющим на это право, приказы и указания начальника УКГБ, функциональные расста-

¹ См. Ипакян А. П. Подготовка и принятие управленческих решений в органах внутренних дел. М., изд. ВШ МВД СССР. 1971, стр. 9.

новки, рапорты, постановления, заключения, задания (на установку, наружное наблюдение и т. д.);

устные указания и распоряжения подчиненным сотрудникам.

К неправовым формам решений сотрудников УКГБ относятся письменное или устное задание агенту и оперативное поручение доверенному лицу.

Подполковник В. А. Кальман

О ПОНЯТИИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ, ДОБЫВАЕМОЙ ОРГАНАМИ КГБ

Определение понятия разведывательной научно-технической информации имеет большое теоретическое и практическое значение. Расширение содержания этого понятия может повлечь за собой стремление к добыванию любой научно-технической информации, в том числе и не представляющей разведывательного интереса. Чрезмерное сужение содержания может привести к тому, что добытые ценные разведывательные материалы будут несвоевременно реализованы или вообще не найдут должного применения.

В чекистской литературе имеется несколько определений понятия разведывательной научно-технической информации. Одни авторы считают, что разведывательная научно-техническая информация — это сведения о научно-техническом потенциале, состоянии науки и техники и перспективах их дальнейшего развития, о влиянии науки и техники на различные стороны общественной жизни и деятельности разведываемых государств и роли в укреплении их потенциала¹. Другие авторы указывают, что разведывательная научно-техническая информация — это данные о теоретической разработке, проектировании, внедрении в производство, технологии изготовления, испытаниях различного рода изделий, о новых методах научных изысканий в отдельных отраслях знаний².

В целом эти определения правильно отражают мысль о том, что речь идет именно о научно-технических сведениях. Вместе с тем, поскольку мы исследуем понятие разведывательной научно-технической информации, добываемой советскими органами государственной безопасности, целесообразно уточнить и конкретизировать содержание самого понятия, рассмотрев основные требова-

¹ См. Авдеев Ю. И. и др. *Формы и методы подрывной деятельности империалистических разведок*. Макет учебника. М., изд. ВКШ КГБ, 1971.

² См. Николаев В. И. *Подрывная деятельность противника в форме сбора разведывательной информации*. Диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ, 1970.

ния, предъявляемые к разведывательной научно-технической информации, и ее целевое назначение.

В широком понимании термин «научно-техническая информация» включает в себя все сведения по вопросам науки и техники. И в этом плане изучением и обобщением открытых зарубежных источников о научно-технических достижениях занимается государственная система научно-технической информации, например Всесоюзный институт научной и технической информации Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике. Однако в открытые издания не поступает информация о фундаментальных и прикладных исследованиях, которые в перспективе могут дать одной стороне значительные военно-экономические преимущества, о проводимых в глубокой тайне работах над проектированием и созданием новейших видов вооружения и т. п. Эти данные тщательно охраняются противником, и добыть их можно в основном лишь путем использования агентурно-оперативных сил и средств, которыми располагают только органы разведки и контрразведки.

Анализ содержания разведывательной научно-технической информации и ее целевое назначение позволяют выделить основные требования, предъявляемые к ней. Ими являются: секретность, документальность, достоверность, актуальность, своевременность, систематичность и комплектность. Рассмотрим эти требования подробнее.

Секретность означает, что в процессе практической работы контрразведывательные подразделения должны отдавать предпочтение добыванию особо важных, совершенно секретных и секретных научно-технических сведений. Заслуживают внимания также материалы с грифом «конфиденциально», «для служебного пользования» или «для ограниченного пользования», так как в ряде стран, и прежде всего в США, установлен строгий порядок так называемой «автоматической деклассификации» секретных сведений, согласно которому гриф «секретно» по истечении определенного срока (например, 2—4 лет) автоматически снижается до грифа «конфиденциально» и соответственно снижается степень секретности, а также упрощаются правила обращения с такими документами. Открытые научно-исследовательские материалы, как правило, не представляют интереса для научно-технической разведки (НТР). Однако в некоторых капиталистических государствах научно-исследовательские организации и фирмы не всегда засекречивают даже особо важные научные работы или технические проекты, если они ведутся не по правительственным контрактам или юридически еще не оформлены как правительственные заказы. Фактически же эти документы являются секретными и могут представлять значительный интерес для советской научно-технической разведки.

Документальность означает, что разведывательная науч-

но-техническая информация должна добываться по возможности в виде подлинников или копий материалов научно-исследовательских, проектных, производственных, правительственных учреждений или частных фирм и военных организаций. Такие материалы содержат наиболее точные и подробные научно-технические данные. Устная или письменная информация, полученная из агентурных источников в форме сообщений, часто не имеет столь большой научной или технической ценности, за исключением случаев, когда эта информация исходит от источника, являющегося высококвалифицированным специалистом в данной области знаний.

Достоверность разведывательной научно-технической информации означает, что добытые сведения должны объективно отражать реальную действительность, содержать в себе технически обоснованные расчеты, чертежи, схемы, характеристики и правильные выводы о научной или технической ценности и перспективности данного проекта или вопроса; в ней не должно быть дезинформационных сведений. Это качество разведывательной информации имеет очень большое значение для ее практического использования. Любая дезинформация, ориентирующая на ложный путь в научно-исследовательских или в проектных работах, может повлечь значительные материальные затраты и, самое главное, большую потерю времени.

Актуальность разведывательной научно-технической информации предполагает, что она отражает наиболее важные вопросы развития науки и техники, освещает перспективные научно-технические направления, которые в настоящее время являются определяющими в данной проблеме и способствуют успешному проведению основного комплекса работ в этой области.

Своевременность поступления разведывательной научно-технической информации означает прежде всего поступление сведений о разведываемой научно-технической проблеме в органы КГБ, а через них — к конкретным потребителям данной информации в такие сроки, которые обеспечивают возможность объективно ознакомиться с состоянием научно-технических исследований или разработок, ведущихся в стране разведывания, принять необходимые меры, корректирующие организацию и направление наших исследований и работ, и использовать добытые сведения в интересах более быстрого, экономически эффективного решения поставленной задачи в определенной области науки или техники. Нарушение требования своевременности может полностью или частично обесценить самые секретные и достоверные сведения. Даже важная по тематике научно-техническая информация может оказаться ненужной, если она получена после того, как данная проблема решена соответствующими научно-техническими организациями. Если же разведывательная информация поступает к началу работ по данной проблеме, она в значительной степени может

ускорить, удешевить и облегчить работы научно-исследовательских или проектных организаций и способствовать производственному освоению нового процесса.

Систематичность означает, что разведывательная информация должна регулярно освещать развитие наиболее важных актуальных проблем науки и техники, что значительно повышает ее качество, дает возможность последовательно использовать ее на всех стадиях исследований, проводимых в Советском Союзе, и позволяет быстро и своевременно ориентироваться в направлении дальнейших работ.

Комплектность научно-технической информации означает полноту сведений по данной проблеме и связана с вопросом о достаточности количества и качества информации для правильного понимания тех или иных сторон организации деятельности по разработке научно-технических проблем. Например, научно-исследовательские работы и технические проекты должны содержать не только описательную часть (научную или техническую), но и необходимые расчеты, экспериментальные данные, чертежи и т. п. Комплектная информация может наиболее полно использоваться в практических работах и способствовать значительному сокращению сроков ее реализации¹.

Для того чтобы добывать такую научно-техническую информацию, надо знать, в каких организациях эти сведения сконцентрированы.

В практике работы научно-технической разведки эти организации называются объектами агентурного проникновения научно-технической разведки. К ним относятся:

высшие совещательные государственные органы по вопросам науки и техники; государственные учреждения и организации по планированию научно-исследовательских работ в стране; научно-исследовательские центры, институты; ведущие промышленные корпорации и принадлежащие им исследовательские лаборатории и предприятия; кредитно-финансовые, посреднические, вспомогательные и другие организации.

В таких капиталистических странах, как США, Англия, Япония, ФРГ, Франция, и др. имеется значительное количество объектов агентурного проникновения НТР. Учитывая поставленные перед нашей научно-технической разведкой задачи и исходя из сложившейся оперативной обстановки в стране разведывания, НТР определяет конкретные объекты для активной разработки в плане проникновения, используя в этих целях и возможности контрразведывательных подразделений органов КГБ.

По целевому назначению разведывательную научно-техниче-

¹ См. Научно-техническая разведка. Учебное пособие. М., изд. школы № 101 КГБ, 1964, стр. 7—9.

скую информацию, добываемую советскими органами государственной безопасности, можно условно подразделить на три основные группы:

сведения о военно-экономическом и научно-техническом потенциале противника, о состоянии и тенденциях развития мировой науки и техники. Эта информация считается наиболее ценной и может быть использована при разработке военно-политических, экономических и научно-технических доктрин Советского Союза;

сведения о состоянии и главных направлениях фундаментальных и прикладных исследований, проводимых в крупных капиталистических государствах, а также в КНР, которые могут позволить одной стороне получить значительные военно-экономические и научно-технические преимущества. Эти сведения должны, с одной стороны, обеспечить осведомленность Советского Союза об особо важных, совершенно секретных и секретных работах противника над новейшими видами вооружений, с другой — содействовать производству советского оборонного вооружения. Задания о добывании такой информации поступают ежегодно в Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР от Военно-промышленной комиссии (ВПК) Президиума Совета Министров СССР, куда соответствующие заявки направляются в основном от министерств и ведомств оборонных отраслей промышленности;

сведения по вопросам науки и техники, имеющие важное значение для развития необоронных отраслей промышленности. Эта информация способствует развитию основных отраслей народного хозяйства СССР. Задания по ее добыванию поступают в Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР раз в два года из Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике (ГКНТ), который в свою очередь получает заявки от министерств и ведомств необоронных отраслей промышленности.

На основе указанных признаков автор приходит к выводу о том, что *разведывательная научно-техническая информация — это отвечающие определенным требованиям сведения о военно-экономическом и научно-техническом потенциале противника, состоянии и тенденциях развития мировой науки и техники, фундаментальных и прикладных исследованиях, проводимых за рубежом, добываемые в соответствии с разведывательными задачами органами советской разведки и контрразведки в условиях противодействия разведываемых стран, в целях обеспечения безопасности, укрепления обороноспособности и развития народного хозяйства СССР.*

Полковник Б. В. Лугинин

О ПОНЯТИИ КОНСПИРАЦИИ И СТРУКТУРЕ КОНСПИРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Задачи борьбы органов государственной безопасности с подрывной деятельностью противника могут успешно решаться только в условиях тайного противоборства, которые объективны по своей природе и одинаково воздействуют на противоборствующие стороны. Это значит, что ни одна из сторон не может ни отменить, ни коренным образом изменить эти условия, а вынуждена соотносить с ними свои планы и действия.

Одной из конкретных форм проявления условий тайной политической борьбы в сфере деятельности разведки и контрразведки является конспирация. Она пронизывает весь процесс осуществления разведкой и контрразведкой тайных целей; придает специфическое содержание специальным силам и средствам, участвующим в этом противоборстве; характеризует их способность решать задачи тайной борьбы.

Поэтому вопросы конспирации имеют первостепенное значение для чекистской теории и практической деятельности разведки и контрразведки.

В данной статье автор рассматривает два исходных пункта, с которых начинается познание сущности конспирации: природу конспирации как социального явления и характер конспиративных отношений и их структуру.

Природа конспирации

Конспирация самым непосредственным образом связана с тайной во взаимоотношениях между людьми и условиями тайной борьбы за средства производства и политическое господство в обществе.

Ф. Энгельс, характеризуя эволюцию общественного развития, писал, что в эпоху первобытного коммунизма во взаимоотношениях между людьми внутри рода и племени не было тайны. Общество составляло братство, связанное кровными узами, и все его члены были равными по социальному положению людьми, обязанными оберегать свободу друг друга. Никто не претендовал ни на какие преимущества, все споры и распри разрешали на совете рода или племени¹.

С возникновением частной собственности и имущественного неравенства возникают классы с противоположными интересами. Начинается захват общественных богатств, борьба за политическое господство в обществе, а с ними появляется и тайна во

¹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 21, стр. 95—98.

взаимоотношениях между людьми: тайна сговора по присвоению средств производства, порабощению своих соплеменников и чужих народов, тайна грабежа и насилия на суше и на море, тайна политических заговоров, интриг и убийств.

Появление тайны в ходе классовой борьбы разрушило высокие нравственные идеалы первобытного общества. Чувства собственного достоинства, отваги, братства, взаимной помощи подменяются самыми низменными интересами и тайными целями. А тайные цели борьбы объективно порождают специальные средства их осуществления: скрытность, притворство, обман, сговор, соглашательство, наущничество и др.

Так возникает явная и тайная классовая борьба, вызванная материальными условиями развития общества. Условия тайной борьбы объективно порождают (детерминируют) такой тип целей, которые в свою очередь требуют специальных (тайных) средств их осуществления. Создается своеобразное устойчивое соотношение (закономерная связь) между условиями тайной борьбы, тайными целями и тайными средствами.

Это соотношение, сложившееся в ходе классовой борьбы, ныне называется словом «конспирация». Данная связь объективна, устойчива, исторична. Возникнув из условий классовой борьбы, она с закономерной необходимостью определила особый характер отношений между людьми и специфическую форму их деятельности (борьбы) при осуществлении тайных целей.

В данной цепи соотношений (условий тайной борьбы, тайных целей и тайных средств) все три звена неразрывно связаны между собой, причинно обуславливают природу друг друга и не существуют одно без другого. Условия тайной борьбы детерминируют возникновение тайного типа целей и вместе с тем сами формируются под воздействием этих целей, вынуждают противоборствующую сторону действовать определенным образом, соотносить свои ответные действия с тем содержанием объективных условий, которые складываются помимо их воли.

Тайные цели выступают как внутренний закон для тайной деятельности, которая подчиняет себе волю и действия человека в выборе средств их осуществления¹. Человек не может произвольно использовать любые средства для достижения тайной цели. Он вынужден избирать лишь те средства, которые обладают способностью (свойствами) служить этой цели, не раскрывая ее содержания перед окружающими. При отсутствии таких средств тайная цель или прекращает свое существование, или переходит в явную цель. В свою очередь, специальные средства, предназначенные

¹ Слово «средство» в данном случае употребляется в широком смысле. Под «средством» понимается все то, что служит данной цели, включая сюда как идеальные средства (навыки, умения, свойства, способы действий и др.), так и материальные (вещи, инструменты, технические устройства и т. п.).

служить тайным целям, вне связи с последними утрачивают практическое значение.

Все эти объективно сложившиеся соотношения между составными звеньями тайной борьбы, их зависимости, связи и переходы одного в другое и составляют наиболее глубокую сущность конспирации как социального явления, то есть закономерную связь. Сущность конспирации выступает как необходимый атрибут любой тайной борьбы, независимо от того, в какой области человеческой деятельности она ведется.

Анализ исторического развития конспирации как специального средства тайной борьбы показывает, что первоначально конспирация была привилегией эксплуататорских классов, которые использовали ее как средство политического насилия в целях утверждения своего господства в обществе. С образованием государства они возвели конспирацию в ранг официального средства тайной политической борьбы, создав в системе государства тайные камеры, тайные палаты, тайные канцелярии и другие тайные учреждения. История политической борьбы неопровержимо свидетельствует, что своим развитием до наиболее зрелых форм ухищренного обмана, лжи, клеветы, надувательства конспирация обязана эксплуататорским классам. Без средств конспирации эксплуататорские классы не могут ни утверждать своего господства в обществе, ни управлять им. И чем сильнее они деградируют, нравственно разлагаются, приходят к политическому упадку, тем более значительные позиции в борьбе за свое существование отводят конспирации. В. И. Ленин, характеризуя нравственное падение буржуазии, писал: «Когда идейное влияние буржуазии на рабочих падает, подрывается, слабеет, буржуазия *везде и всегда* прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете»¹.

С пробуждением угнетенных классов к политической борьбе за свое освобождение перед ними со всей остротой встал вопрос об отношении к конспирации как средству политической борьбы и об использовании его против своих поработителей.

История освободительной борьбы убедительно доказала справедливость этого вывода. Она на практике подтвердила, что ни одна революционная организация не может сохранить свои ряды и выстоять против поработителей, вооруженных многовековым опытом тайной борьбы, без средств конспирации. Но если эксплуататорские классы пускают в ход конспирацию в целях порабощения народов, то эксплуатируемые классы используют ее исключительно в целях своего освобождения и защиты завоеванной свободы. Классическим образцом такого использования конспирации является подпольная деятельность революционной большевистской партии, которая сумела выстоять под натиском явных и тайных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 352.

сил царизма и привела народы России к победе социалистической революции.

В социалистическом обществе ликвидирована частная собственность на основные средства производства, а с ней ликвидированы отношения политического господства и подчинения. Внутри социалистического общества нет больше объективных условий для тайной борьбы и, следовательно, для развития конспиративных отношений между членами общества. Более того, тайная борьба чужда по своей сущности классовой природе социалистического и коммунистического общества, несовместима с нравственными идеалами.

Тем не менее мы не можем в одностороннем порядке устранить из общественной жизни объективно возникшую тайную борьбу, пока в мире существуют силы, которые делают ставку на эту борьбу. Поэтому в сфере внешних отношений с капиталистическим миром, в борьбе с его тайной подрывной деятельностью, направленной на уничтожение социалистического строя, конспирация есть и будет оставаться жизненно необходимым средством защиты завоеваний трудящихся, ибо, как говорил В. И. Ленин, неразумно и даже преступно отказываться от средств борьбы, которые применяются против нас империалистами¹.

Таким образом, природа конспирации и ее развитие дают основание для следующих выводов.

1. Конспирация как социальное явление возникла в определенный исторический период из материальных условий жизни общества (появление частной собственности и деление общества на antagonистические классы) в результате зарождения тайной политической борьбы. Она служит противоборствующим классам специальным средством осуществления их тайных политических целей. С исчезновением данных условий отомрет и конспирация как социальное явление.

2. Выступая в качестве специального средства тайной политической борьбы, конспирация вместе с тем сама по себе безразлична к тем политическим силам, которые пользуются ею в этой борьбе. Она одинаково необходима для обеих противоборствующих сторон, реализующих тайные цели. Но борющиеся стороны (классы) по-разному относятся к конспиративным средствам борьбы, по-разному оценивают их практическое значение, по-разному соотносят конспирацию с политическим содержанием своих целей, с правовыми и моральными нормами. То, что приемлемо и привлекательно в конспирации для эксплуататорских классов (провокации, интриги, тайные убийства, заговоры и т. п.), трудящиеся классы отмечают как несовместимое с их политическими целями, правом и моралью. Они берут от конспирации лишь жизненно необходимое

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 81.

для защиты своих классовых интересов от тайных происков политических противников.

Конспирация, как видно из приведенного анализа, пронизывает своим специфическим содержанием всю тайную (негласную) деятельность от начала до конца, все ее силы, методы, технические и другие средства. Без конспирации нет и тактики тайной борьбы, нет результата, предполагаемого тайными целями, нет и самих тайных целей. Последние возникают только тогда, когда имеются в наличии специальные тайные средства их осуществления и условия тайной борьбы.

В. И. Ленин в многочисленных работах, статьях и письмах пользовался такими понятиями, как: «конспиративная деятельность», «конспиративные способы», «конспиративные приемы», «конспиративные функции», «конспиративная техника» и др. Разъясняя значение конспирации для нелегальной деятельности революционной организации, он писал: «Конспиративность есть настолько необходимое условие такой организации, что все остальные условия (число членов, подбор их, функции и пр.) должны быть сообразованы с ним»¹. При этом под необходимым условием следует понимать объективно действующие закономерности, с которыми нельзя не считаться, как бы они ни усложняли нашу деятельность.

По нашему мнению, наиболее общее понятие конспирации можно выразить в такой формулировке: *конспирация — это объективная закономерность тайной борьбы, определяющая особый характер отношений между людьми и специфическую форму их деятельности при осуществлении тайных целей.*

Конспиративные отношения и их структура

Деятельность людей невозможна вне определенной системы общественных отношений. Только через отношения людей друг к другу и к природе возможна их практическая деятельность, возможно познание человеком самого себя и окружающих явлений.

Все общественные отношения делятся на базисные и надстроечные. Отношения, которые складываются между людьми в процессе осуществления ими тайных целей, относятся к надстроечным отношениям.

Раскрывая структуру надстроечных отношений, О. В. Лармин пишет, что они не сводятся только к идейному, то есть духовному взаимодействию. Это практически реальные взаимоотношения между людьми, основанные на реальных потребностях и интересах. Любая общественная потребность есть одновременно общественное отношение, возникшее в результате изменения социальных условий, изменения сложившихся общественных взаимоотношений².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 136.

² См. Лармин О. В. О структуре общественных отношений. В сб.: «Очерки методологии познания социальных явлений». М., «Мысль», 1970, стр. 65.

Вместе с тем известно, что реальные потребности и интересы могут выступать в двух качественно разных формах: явной и неявной (тайной). В первом случае они порождают гласный характер политических, правовых и других взаимоотношений, во втором — они принимают тайный характер, то есть взаимодействующие стороны скрывают истинное содержание и характер своих потребностей и интересов. Последний вид отношений мы называем конспиративными отношениями.

Следовательно, *конспиративные отношения — это такая разновидность надстроечных отношений (преимущественно политических), при которых взаимодействующие стороны реализуют тайные потребности и интересы (цели).*

Конспиративные отношения проявляются не в «чистом» виде, а во взаимодействии с другими видами общественных отношений, когда последние содержат в себе тайные потребности и интересы (цели). Например, политические отношения могут быть как конспиративными (когда они основаны на тайных потребностях и интересах), так и неконспиративными (когда содержание их потребностей и интересов не скрывается от взаимодействующей стороны). По содержанию эти отношения в обоих случаях остаются политическими, а по форме проявления содержания в первом случае они принимают конспиративный характер, во втором случае — неконспиративный, то есть характер открытых, гласных отношений.

Конспиративные отношения, выражая тайные потребности и интересы, как бы накладываются на другие виды общественных отношений, сливаются с их содержанием и изменяют форму проявления последних. Они воспринимаются не как самостоятельный вид общественных отношений, а как специфический аспект содержания других видов отношений. Однако при более глубоком их рассмотрении обнаруживается, что конспиративные отношения имеют и свое собственное содержание, которое включает в себя специальные знания, навыки и умения и порождает специфическую форму деятельности, особый характер поведения и образ действий. Они имеют также и свои психологический и моральный аспекты, которые по-своему проявляются при конспиративном взаимодействии людей. Кроме этого, они предполагают особую общность людей в процессе взаимодействия и внутренне делятся на разные виды, подвиды или типы в зависимости от конкретных условий. В этом отношении они обладают не меньшей самостоятельностью, чем другие надстроечные отношения¹.

¹ А. Уледов, характеризуя надстроечные отношения, отмечает, что «ни один вид надстроечных отношений не представляет «отдельной области в жизни людей». Отдельными «областями» можно рассматривать лишь те или иные виды деятельности людей, а последние облекаются, сопровождаются разнообразными отношениями». (Уледов А. Структура общественного сознания. М., «Мысль», 1968, стр. 81.)

По характеру взаимодействия субъекта с объектом все конспиративные отношения можно разделить на два вида: отношения конспиративного сотрудничества и отношения конспиративного конфликта.

Отношения конспиративного сотрудничества предполагают определенную общность людей от двух и более человек, взаимно связанных общими или близкими по своей сущности реальными потребностями и интересами, направленными на достижение общей для них тайной цели¹. Однако сами потребности и интересы, как таковые, непосредственно не создают отношений конспиративного сотрудничества. Они являются только первичной предпосылкой к такому сотрудничеству.

Отношения конспиративного сотрудничества создают условия, при которых люди объединяют свои усилия для реализации сходных потребностей и интересов. Эти условия практически выражаются в следующих обязательствах людей друг перед другом: во-первых, вести совместную деятельность (борьбу) по осуществлению общих для них тайных целей; во-вторых, совместными усилиями обеспечивать сохранение тайны этих целей и деятельности по их реализации от посторонних лиц, не входящих в данную общность.

Только с принятием этих условий возникают отношения конспиративного сотрудничества, создается общность людей, замкнутая в обособленную группу, в которой устанавливаются свои правила поведения, свои предписания внутренних и внешних межличностных отношений, свои принципы, определяющие права и обязанности каждого члена общности.

Особое место среди этих требований принадлежит обязательству членов конспиративного сообщества строжайше сохранять тайну деятельности, для проведения которой они объединяют свои усилия. Суть этого требования можно свести к следующим трем положениям:

1. Все участники отношений конспиративного сотрудничества имеют право на некоторую часть тайной информации сообщества, в которое они входят. Это право вытекает из факта участия в нем, а содержание и объем такой информации определяются той служебной ролью, которая отводится данному участнику в конспиративной деятельности.

2. Ни один участник конспиративного сообщества, кроме его лидера (организатора, руководителя), не может претендовать на тайную информацию в большем объеме, чем это необходимо ему знать для выполнения тех функций, которые на него возложены. Но то, что ему доверено, он обязан хранить в строгой тайне от

¹ О месте и роли потребности и интересов в структуре личности см. Платонов К. К. Проблемы способностей. М., «Наука», 1972, стр. 105.

всех лиц, в том числе и от своих соучастников по сообществу, и нести персональную ответственность в случае ее разглашения в любой форме.

3. Персональная ответственность каждого члена конспиративного сообщества за сохранение доверенной тайны одновременно предполагает солидарную обязанность всех его членов проявлять повседневную бдительность в отношении сохранения тайны деятельности всего сообщества и принимать неотложные меры к предотвращению выхода тайной информации за сферу отношений конспиративного сотрудничества независимо от того, кому конкретно эта тайна была доверена.

Там, где люди (при наличии общих потребностей и интересов) по каким-либо причинам не могут взять на себя эти обязательства, там не могут возникнуть и отношения конспиративного сотрудничества. В этих случаях можно говорить, очевидно, только о доброжелательных отношениях.

Следовательно, установление конспиративных отношений между людьми является исходным и определяющим пунктом для начала конспиративной деятельности. Но это не значит, что сама конспиративная деятельность никак не влияет на развитие конспиративных отношений. В конспиративную деятельность могут втягиваться и лица, которые не сразу осознают общность своих потребностей и интересов с теми, кто привлекает их к этой деятельности. И только в процессе деятельности такие потребности и интересы окончательно формируются, а с ними укрепляются и отношения конспиративного сотрудничества.

В связи с этим конспиративные отношения выполняют ту же функцию, что и любые другие общественные отношения. Как отмечает О. В. Лармин: «С одной стороны, сложившаяся система общественных отношений является условием и предпосылкой любого акта практической деятельности людей. И в данном аспекте устойчивая совокупность общественных взаимосвязей выступает как нечто первичное и определяющее по отношению ко всем видам человеческой деятельности... Но, с другой стороны, общественных отношений нет вне деятельности. Они реализуются лишь в самой деятельности и развиваются только в процессе общественно-исторической практики. В этом аспекте уже общественные отношения выступают как нечто вторичное и производное»¹.

По своему содержанию отношения конспиративного сотрудничества многообразны и могут объединять людей при наличии сходных потребностей и интересов на разных уровнях общности. В одних случаях это может быть полная, прочная и устойчивая

¹ Лармин О. В. О структуре общественных отношений. В сб.: «Очерки методологии познания социальных явлений». М., «Мысль», 1970, стр. 65.

общность потребностей и интересов, в других — лишь частично совпадающая, менее прочная, временная.

Нельзя исключать при оценке отношений конспиративного сотрудничества и мнимой общности потребностей и интересов, когда человек дает согласие на конспиративное сотрудничество по каким-либо личным, корыстным или даже враждебным мотивам с целью извлечения личных выгод или сознательного нанесения вреда данной общности. В последнем случае отношения конспиративного сотрудничества только номинально будут таковыми, а фактически будут иметь сущность отношений конспиративного конфликта.

К тому же сами отношения конспиративного сотрудничества не однотипны по своим целям, политической направленности, характеру межличностных отношений внутри общности и по условиям осуществления конспиративной деятельности. В них можно выделить два наиболее рельефно различимых подвида отношений: отношения официального, или легального, конспиративного сотрудничества и отношения неофициального, или нелегального, конспиративного сотрудничества.

Под отношениями официального, или легального, конспиративного сотрудничества мы понимаем санкционированные государственной властью отношения между людьми, объединенными для достижения специальных тайных целей в интересах данной государственной власти. Конспиративную общность в этих случаях составляют органы и учреждения государственной власти, наделенные ею особыми полномочиями на применение тайных (конспиративных) сил, методов и материальных средств.

Отношения официального конспиративного сотрудничества регулируются административно-правовыми нормами и разрешаются в рамках законов того государства, интересы которого представляют. Такие отношения лежат, в частности, в основе деятельности советских органов государственной безопасности.

В них можно провести следующую дифференциацию внутренних взаимоотношений между участниками общности:

а) взаимоотношения между руководителями и исполнителями при обеспечении сохранности тайны в конспиративной деятельности. Руководитель определяет содержание и объем секретной информации, которая необходима каждому из исполнителей в соответствии с его функциональными обязанностями, направляет конспиративную деятельность и осуществляет контроль за кругом лиц, осведомленных о содержании тайны;

б) взаимоотношения между равными по подчиненности гласными оперативными сотрудниками при координировании мероприятий конспиративной деятельности и совместном использовании секретной информации;

в) взаимоотношения между негласными сотрудниками специальных служб при совместном участии в конспиративных мероприятиях и внеслужебной деятельности;

г) взаимоотношения между гласными и негласными сотрудниками при осуществлении мероприятий конспиративной деятельности и вне сферы служебных отношений, в том числе между оперативными работниками и агентами;

д) взаимоотношения между сотрудниками общности (органов КГБ) и лицами, не имеющими отношения к конспиративной деятельности (посторонними лицами, а также членами семьи).

К отношениям неофициального, или нелегального, конспиративного сотрудничества относятся взаимоотношения людей, деятельность которых рассматривается как противоправная (незаконная) на территории той страны, в которой она осуществляется. Это могут быть или взаимоотношения лиц, объединенных в специальные группы (резидентуры) в целях осуществления подрывной деятельности от имени одного государства на территории другого государства, или взаимоотношения лиц, объединенных в нелегальные (подпольные) партии, союзы, группы, действующие от своего имени (возможно, от имени эмиграционного заграничного центра) на территории своей страны.

В первом случае отношения неофициального конспиративного сотрудничества регулируются, с одной стороны, административно-правовыми нормами того государства, интересы которого представляет данная общность, с другой стороны, правилами конспирации. Во втором случае такие отношения регулируются обязательствами соучастников друг перед другом, которые закрепляются уставными положениями, клятвами или другой формой обязательств, а также правилами конспирации.

Характер взаимоотношений внутри таких сообществ также не однороден. В нем можно выделить следующие типы отношений:

а) взаимоотношения между лидерами сообщества, с одной стороны, и остальными участниками — с другой. Лидер чаще всего выступает в роли организатора и руководителя нелегальной деятельности конспиративного сообщества, наделяется особыми полномочиями и принимает решения от имени сообщества;

б) взаимоотношения между равными участниками сообщества при исполнении своих функций в нелегальной деятельности;

в) взаимоотношения между участниками нелегального сообщества и сочувствующими им лицами;

г) взаимоотношения между участниками сообщества и обществом, внутри которого осуществляется нелегальная деятельность.

Всякая общность конспиративного сотрудничества служит прежде всего для создания материальной и иной базы, необходимой для реализации тайных потребностей и интересов. Она служит также для обучения специальных сил и подготовки средств, с по-

мощью которых осуществляются тайные цели общности за ее пределами, для управления этими силами и средствами в процессе их взаимодействия с противником в сфере отношений конспиративного конфликта.

Отношения конспиративного конфликта состоят в том, что во взаимодействие вступают стороны с прямо противоположными потребностями и интересами (тайными целями), когда каждая из сторон стремится реализовать их за счет интересов противника посредством установления с ним мнимо доброжелательных отношений или отношений фиктивного сотрудничества.

Практической стороной решения этой задачи являются: во-первых, действия по сокрытию от противника своих истинных потребностей и интересов; во-вторых, действия по демонстрации перед противником ложных потребностей и интересов, импонирующих в какой-либо части его потребностям и интересам. Посредством этого усыпляется бдительность противника, создается внешне кажущаяся общность некоторых потребностей и интересов. Противник, принимая кажущееся за действительное, вводится в заблуждение относительно сущности субъекта и проникается к нему доверием. Это создает благоприятные условия для осуществления тайных целей, направленных на причинение ущерба противнику при одновременном сохранении доброжелательных отношений или отношений конспиративного сотрудничества с его стороны.

В зависимости от конкретной ситуации отношения конспиративного конфликта можно разделить на два подвида: отношения одностороннего конспиративного воздействия и отношения конспиративного противоборства.

Отношения одностороннего конспиративного воздействия представляют собой довольно часто встречающиеся на практике типичные ситуации, когда тайные цели преследует только одна сторона отношений — субъект конспиративных действий. Вторая же сторона (объект воздействия) не имеет каких-либо тайных намерений в отношении своего партнера и взаимодействует с ним на открытой (гласной) основе.

Примером таких типичных ситуаций может служить участие агента органов КГБ в проверке лица, подозреваемого в причастности к подрывной деятельности, когда последний фактически не имеет к ней никакого отношения или проверяемый действительно причастен к подрывной деятельности, но не подозревает о тайных целях агента и не содержит в отношении его никаких тайных намерений.

В первом случае разрешение конспиративного конфликта не вызывает особых осложнений, поскольку объект не оказывает противодействия агенту в проникновении в его сущность и не усматривает причин для такого противодействия. Пытаясь проникнуть в содержание тайны объекта, которой тот фактически не распо-

лагают, агент по существу вступает в отношения, только номинально принимающие форму конспиративного конфликта.

Во второй ситуации обстановка складывается значительно сложнее. Дело в том, что лица, занимающиеся противоправной деятельностью, ведут как бы двойную жизнь. Первая жизнь — гласная (производственная, лично-бытовая, семейная и т. п.) протекает на виду у окружающих лиц. Ее, как правило, не скрывают от других. Вторая жизнь — тайная, скрытая от восприятия посторонних лиц, доступная только для соучастников тайной деятельности, и то лишь в некоторой части. Тайная жизнь в большинстве случаев доминирует над гласной, подчиняет себе все поступки человека и нередко использует гласную в качестве своего прикрытия.

Агент органов КГБ, введенный в разработку в роли нейтрального лица, получает доступ только к информации о гласной жизни объекта. При соответствующих условиях он может установить с объектом внешне доброжелательные отношения, добиться его расположения и даже симпатии. И все же такая позиция агента не открывает ему доступ в сферу тайной жизни объекта. В лучшем случае (если агент наблюдательный, а объект недостаточно последователен в соблюдении требований конспирации) агент может зафиксировать отдельные признаки тайной жизни объекта, но проникнуть в содержание его тайны и вскрыть истинную сущность объекта в этом случае вряд ли возможно. Для достижения данной цели нужна роль, которая побуждала бы объекта, хотя бы частично, приобщить агента к своей тайной деятельности. Но в таких ситуациях возникает новое осложнение, вызванное тем, что объект в целях обеспечения личной безопасности, прежде чем доверить тайну другому лицу, подвергает его тщательной и всесторонней проверке. Вследствие такой проверки отношения одностороннего конспиративного воздействия переходят в отношения конспиративного противоборства.

Отношения конспиративного противоборства характеризуются взаимным стремлением противодействующих сторон реализовать прямо противоположные цели путем скрытого проникновения в сущность и намерения друг друга при сохранении внешне доброжелательных отношений. Иначе говоря, там, где одновременно конспиративно взаимодействуют две стороны с прямо противоположными тайными целями, там имеют место отношения конспиративного противоборства.

Каждая из сторон данного типа отношений выступает одновременно и субъектом конспиративных действий, и объектом конспиративного воздействия, то есть, действуя конспиративно по отношению к противнику в определенном плане, она, в свою очередь, сама подвергается конспиративному воздействию со стороны противника, причем, когда действие и воздействие (противодействие)

оказываются равными по силе конспиративного искусства, противоборствующие стороны находятся как бы в состоянии «равновесия». Умело скрывая свою истинную сущность, они в то же время не могут проникнуть в истинную сущность противника.

Поэтому отношения конспиративного противоборства справедливо называют состязанием сторон в искусстве конспирации. Это определение довольно точно выражает характер и форму конспиративной борьбы. В ней побеждает та сторона, которая сумеет, во-первых, лучше скрыть свою истинную сущность и намерения, во-вторых, убедительнее продемонстрировать свои вымышленные потребности, интересы и возможности, в-третьих, первой проникнуть в сущность противника и получить доступ к тайне его деятельности.

Такой характер отношений между конспиративно противоборствующими сторонами может возникнуть при реализации любой тайной цели и на любой стадии процесса конспиративного взаимодействия независимо от того, идет ли речь о вводе агента в разработку, или о подставе его противнику, или о внедрении в специальные службы противника, или о другой конспиративной операции. Всюду, где отношения между взаимодействующими сторонами принимают характер конспиративного противоборства, они характеризуются состязанием сторон в искусстве применения конспиративных средств борьбы.

Итак, первой особенностью конспиративных отношений является их большая дифференцированность, разделение на качественно различные виды, подвиды и типы, когда в зависимости от содержания реальных потребностей и интересов противоборствующих сторон и условий их взаимодействия последние принимают различные структурные формы. При этом кардинальной дифференциацией форм является деление конспиративных отношений на два качественно разных вида: на отношения конспиративного сотрудничества и на отношения конспиративного конфликта.

Надо полагать, что каждый вид конспиративных отношений определяется своими специфическими закономерностями, ибо то, что приемлемо и необходимо для достижения результата в сфере отношений конспиративного конфликта при взаимодействии с противником (например, выдача ложной информации, демонстрация обманных действий и т. п.), принципиально неприемлемо во взаимоотношениях лиц, конспиративно сотрудничающих. Подобного рода ложь и обман подрывают самую сущность основ любого сотрудничества, в том числе и конспиративного.

В рамках этих специфических закономерностей развиваются все другие подвиды и типы конспиративных отношений, сохраняя, однако, свою частную специфику. Так, конспиративные отношения официального сотрудничества существенно отличаются от отношений неофициального (нелегального) сотрудничества, а отношения

одностороннего конспиративного воздействия — от отношений конспиративного противоборства. То же самое можно сказать и о конспиративных отношениях между гласными сотрудниками и между оперативными работниками и их агентами.

Вторая важная особенность конспиративных отношений — их динамичность (подвижность), то есть диалектический переход из одной структурной формы в другую. Этот переход вызван сменой объектов воздействия и условий, в которых совершается процесс реализации тайных целей. При этом нужно заметить, что один и тот же вид, подвид или тип конспиративных отношений может по-разному осознаваться взаимодействующими сторонами. Для одной стороны это могут быть отношения конспиративного конфликта, прикрытые мнимой доброжелательностью или фиктивным сотрудничеством, когда она преследует враждебные цели по отношению ко второй стороне, а другой стороной они могут осознаваться как искренне доброжелательные отношения или отношения истинного конспиративного сотрудничества, пока последняя не обнаружит «двойную игру» своего партнера.

И наконец, третья важная особенность состоит в том, что характер конспиративных отношений обуславливает специфическую конспиративную форму деятельности, а также специальные методы получения результата, предполагаемого тайными целями. Иначе говоря, каков характер отношений между взаимодействующими сторонами, такова и структурная форма их деятельности.

Капитан *И. М. Вяхирев*

ОБ ОБНАРУЖЕНИИ РАЗВЕДЧИКА ОБЪЕКТОМ НАБЛЮДЕНИЯ

Наружное наблюдение применяется для негласного изучения поведения проверяемых, разрабатываемых и других интересующих органы КГБ лиц во время их нахождения на улице, на транспорте, в общественных местах с целью выявления разведывательной или иной деятельности этих лиц, а также для предупреждения и пресечения их действий, направленных на нанесение ущерба государственной безопасности¹.

Намечая проведение подрывных действий, объект наблюдения предусматривает меры по защите от обнаружения своих намерений контрразведкой. Прежде всего он пытается установить наличие или отсутствие за собой наружного наблюдения. Обнаружив наблюдение, объект либо отрывается от него и только после этого осуществляет намеченное им мероприятие, либо проводит его под наруж-

¹ См. Основы наружного наблюдения. Учебник. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 8.

ным наблюдением в такие моменты, когда считает, что для визуального восприятия разведчиками его действий образовались естественные или искусственные препятствия, либо откладывает свои действия до наступления, по его мнению, благоприятных условий.

Таким образом, проведению подрывных действий объекта предшествуют его попытки выявить возможно ведущееся за ним наблюдение.

Познание этого процесса помогает раскрыть причины кратковременных перерывов в наблюдении и его расшифровки, а также определить элементы методики, способствующие отработке технологии наиболее эффективного наблюдения за объектами.

В данной статье рассматривается вопрос выявления наружного наблюдения объектом путем личной проверки, без привлечения дополнительных сил и средств, применяемых при осуществлении, например, контрнаблюдения¹.

Метод личной проверки заключается в осмотре объектом окружающего пространства с одновременным фиксированием всех людей, которые окажутся при этом в поле его зрения.

Объект, планируя личные проверки, распределяемые по маршруту своего движения, учитывает характерные особенности мест, времени и обстоятельств их проведения.

При обнаружении слежки объект предполагает, что в одном акте личной проверки, так же как в двух, трех и т. д., разведчик может оказаться к нему лицом, спиной или в профиль, в зависимости от способа ведения наблюдения, применяемого разведчиком в момент проверки объекта.

Следовательно, за один, два, три и более актов личных проверок попадание и непопадание разведчика в поле зрения объекта равновероятно.

Один из этих исходов основан на достоверности восприятия объектом всех тех людей, которые в момент проверки окажутся лицом к лицу с объектом; другой — на невосприятии тех людей, которые расположены к объекту спиной².

¹ В специальной литературе не разработан вопрос об обнаружении слежки с точки зрения совокупного учета качественных и количественных сторон, составляющих сущность этого процесса.

В учебном пособии «Наружное наблюдение и контрнаблюдение» (М., изд. школы № 101, 1957, стр. 74) приводятся лишь описания различных способов и приемов обнаружения слежки.

В учебнике «Основы наружного наблюдения» (М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 132) содержатся наиболее общие рекомендации, которые должны быть учтены в организации наружного наблюдения за проверяющимся объектом.

² Расположение разведчика в профиль к объекту не дает последнему полного представления о всех характерных чертах лица и внешности человека, воспринимаемого в процессе проверки по обнаружению слежки. И только неоднократное попадание профиля одного и того же человека в поле зрения объекта может служить основанием для возникновения подозрений в принадлежности этого человека к службе наружного наблюдения.

В результате подсчета исходов проведения личных проверок и вычисления их отношений можно составить представление о мере обнаружения разведчика проверяющимся объектом. При производстве такого подсчета необходимо сделать допущение о том, что в местах проведения личных проверок объектом никого, кроме него и разведчика, нет¹. Для удобства проведения подсчета целесообразно воспользоваться двумя условностями.

Во-первых, если разведчик оказался лицом к лицу с объектом, то данная проверка может считаться объектом результативной. Ее условно обозначим единицей.

Во-вторых, если разведчик оказался спиной к лицу объекта, то проверка может считаться безрезультатной. Ее условно обозначим нулем.

С помощью этих условностей основные варианты исходов проведения двух актов личных проверок, необходимых объекту для обнаружения слежки, могут быть представлены для наглядности в виде таблицы 1.

Таблица 1

Число проверок	Варианты исходов			
	0		1	
1				
2	00	01	10	11

Приведенную таблицу можно рассматривать как упрощенную модель исходов двух актов личных проверок по обнаружению разведчика объектом наблюдения. Одной из ближайших целей дальнейшего анализа является вычисление модельных вероятностей попаданий разведчика в поле зрения проверяющегося объекта. Так, за один акт личной проверки модельная вероятность попадания разведчика в поле зрения объекта определяется отношением условного обозначения одного результативного акта к условным обозначениям двух равновероятных — результативного и безрезультатного.

За два акта личных проверок модельная вероятность попадания разведчика в поле зрения объекта определяется как отношение суммы двух сочетаний условных обозначений результативных и безрезультатных исходов и одного сочетания условных обозначений

¹ Справедливость распространения такого допущения на анализ актов личных проверок, проводимых объектом в местах, где может оказаться более одного человека, основана на принципе выявления разведчика объектом по реакциям какого-либо человека на внезапные изменения тактики действий объекта. Реакции становятся особенно заметными на фоне относительно спокойных перемещений людей на улице, на участках проведения объектом личных проверок.

двух результативных исходов (всего таких сочетаний три) к общему количеству двойных сочетаний из условных обозначений результативных и безрезультатных личных проверок (как видно из таблицы 1, количество таких сочетаний равно четырем).

Аналогично подсчитывается модельная вероятность непопаданий разведчика в поле зрения объекта.

Поскольку варианты исходов проверок равновероятны, то, следовательно, соответствующие значения вероятностей одинаковы и равны $3/4$.

Точно так же оцениваются модельные вероятности попаданий и непопаданий разведчика в поле зрения проверяющегося объекта в трех и четырех актах личных проверок. Численные значения соответствующих вероятностей оказываются равными $7/8$ и $15/16$.

Далее целесообразно характеризовать только попадания разведчиков в поле зрения объекта, ибо именно они определяют меру обнаружения разведчика объектом.

Подсчет значений вероятностей попаданий разведчика в поле зрения проверяющегося объекта в пяти и более актах личных проверок приводит к получению последовательности числовых величин, все менее и менее отличающихся от единицы.

Предел этой последовательности, близкий по величине к единице и соответствующий наиболее употребительному количеству актов личных проверок, необходимых объекту для установления слежки за собой, может быть принят за меру обнаружения разведчика объектом при определенных обстоятельствах¹.

Как видно из приведенных значений вероятностей попадания разведчика в поле зрения проверяющегося объекта, начало появления этого предела соответствует осуществлению двух актов личных проверок, необходимых объекту для обнаружения слежки.

Еще заметнее этот предел становится при анализе трех актов обнаружения слежки.

Следовательно, это число может быть принято в качестве меры обнаружения одного разведчика объектом наблюдения.

Обратимся к анализу материалов практики, в которых можно было бы найти сведения о подтверждении либо опровержении теоретического определения рассчитанной меры.

В качестве таких материалов были использованы отчеты учебных объектов — слушателей спецшкол и соответствующие этим отчетам сводки наружного наблюдения разведчиков 11-го отдела 7-го Управления КГБ, которые вели наблюдение за этими объектами в течение декабря 1971 года.

¹ Характер этих обстоятельств случаен и определяется интенсивностью уличного движения в местах проведения личных проверок, а также наличием либо отсутствием естественных или искусственных предметов, которые уменьшают полноту обзора объектом окружающего пространства и могут служить укрытием для разведчика.

Указанные документы были подвергнуты анализу с целью выявления оптимального количества личных проверок, наиболее характерных для обнаружения одного разведчика объектом наблюдения.

Результаты анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Номера отчетов к соответствующим сводкам наружного наблюдения	Количество проведенных учебными объектами личных проверок по обнаружению каждого из разведчиков, участвовавших в наблюдении по конкретным заданиям
247	3, 3, 2, 3, 2
252	3, 2, 2, 3, 3
208	2, 5
202	3, 3, 2
213	5, 3, 3
211	4, 3
212	4, 5, 4
253	5
222	5, 4, 5, 3, 3
251	2
209	3, 5
216	2, 3, 5, 3, 2
250	4, 6
225	4, 5
218	3, 2, 3
237	3, 4

Как видно из таблицы, количество проверок по обнаружению одного разведчика учебным объектом в среднем равно трем.

При анализе возможностей ведения наблюдения одним разведчиком за проверяющимся объектом необходимо учитывать факты как попаданий, так и непопаданий разведчика в поле зрения объекта.

В последнем случае возможны такие ситуации, когда либо разведчик располагается лицом к спине объекта, либо, наоборот, объект располагается лицом к спине разведчика.

Разведчик может находиться либо сзади, либо сбоку (справа или слева), либо впереди проверяющегося объекта и совершать маневры, чтобы обеспечить ведение наблюдения за ним и избежать попадание в поле его зрения или раньше, или одновременно, или позже соответствующих маневров объекта по обнаружению слежки.

Отсюда следует, что возможности одновременного выполнения непрерывного и конспиративного наблюдения одним разведчиком за проверяющимся объектом определяются ограниченными отрезками времени и пространства, в пределах которых разведчик дол-

жен вести наблюдение за объектом и допускать перерывы в наблюдении с целью исключения обнаружения слежки.

Если длительность перерыва превышает длительность поиска разведчика объектом на участке проверки, то объект, убедившись в отсутствии наблюдения за его действиями со стороны кого-либо из находящихся в данном месте людей, может провести операцию или незаметно от окружающих покинуть это место и перейти на другой участок, где можно провести намеченное мероприятие без риска его обнаружения разведчиком.

Если же длительность перерыва меньше времени осуществления одного акта обнаружения слежки объектом, то не исключено попадание разведчика в поле его зрения.

Таким образом, необходимо отметить, что если наблюдение за проверяющимся объектом ведет один разведчик, то неизбежны издержки, которые, однако, не должны усугубляться вследствие его неорганизованности, когда он из стремления обеспечить непрерывность наблюдения за счет сокращения времени перерывов пытается сделать больше перемещений, чем это обусловлено технологией протекания проверочных ситуаций.

Разведчик должен знать возможности осуществления наружного наблюдения за проверяющимся объектом. С этой целью он прежде всего обязан фиксировать и учитывать акты личных проверок наблюдаемого, чтобы не оказаться преждевременно им расшифрованным.

Чтобы исключить преждевременные расшифровки разведчика объектом наблюдения, следует применять маскировочные средства, использовать подходящие укрытия, а также производить своевременную замену одного разведчика другим из резерва (если заменяемый разведчик неоднократно попадал в поле зрения проверяющегося объекта).

Конечно, на практике объект намечает и производит личных проверок больше, чем это определено по предложенной методике. Однако объекту заранее не известно, каким составом сменного наряда наружной разведки за ним будет вестись наблюдение. К тому же на результативность проверок оказывает влияние как психическое состояние наблюдаемого в моменты проведения им личных проверок, так и воздействие различных помех на визуальное восприятие окружающего пространства объектом (например, помехи, создаваемые движением транспорта), являющихся причиной осложнения проведения личных проверок, а также увеличения их числа сверх определенной в данной работе меры.

Для исключения влияния обстоятельств естественного или искусственного порядка, препятствующих оптимальному обнаружению слежки объектом, имеет значение правильный выбор мест и времени проведения личных проверок.

Первой особенностью поведения объекта при осуществлении личных проверок, как правило, является то, что объект для этого выбирает места малолюдные или с незначительной интенсивностью пешеходного движения. Чтобы лучше уяснить и оценить это, целесообразно проанализировать материалы, отражающие практику обнаружения разведчиков учебными объектами в реальных условиях пешеходного движения на местности.

Источником сведений об особенностях обнаружения слежки при различных обстоятельствах являются фотоснимки мест обнаружения слежки, которые были сделаны слушателями факультета № 2 5-го курса ВКШ КГБ при Совете Министров СССР им. Ф. Э. Дзержинского во время прохождения практического обучения в 1971—1972 гг. Выступая в качестве учебных объектов, наблюдение за которыми велось оперативными силами 11-го отдела 7-го Управления КГБ, слушатели отрабатывали приемы и способы выявления наружной разведки, отрыва от нее, конспиративного проведения операций по связи, передаче материалов и т. п.

Намечая на заранее выбранном маршруте своего движения по городу места, где можно наиболее удобно обнаружить наблюдение, слушатели предварительно обследовали и сфотографировали их. Было проанализировано 232 фотоснимка, на которых зафиксированы места обнаружения слежки.

Данные анализа этих материалов представлены в виде таблицы 3.

Таблица 3

Количество пешеходов, зафиксированных на снимках в местах личных проверок	Количество соответств. снимков	Количество пешеходов, зафиксированных на снимках в местах личных проверок	Количество соответств. снимков
0	59	13	1
1	24	14	1
2	19	15	4
3	23	16	6
4	24	17	1
5	14	18	1
6	14	19	1
7	5	21	1
8	9	22	5
9	4	23	2
10	5	24	1
11	3	26	1
12	2	29	1

Анализ таблицы 3 показывает, что на 25,4% снимков запечатлены места проведения личных проверок, где не зафиксировано ни одного человека; на каждом из 28,4% снимков зафиксировано до трех человек; на каждом из 10% снимков зафиксировано по четыре человека.

На остальной части снимков (36,2%) запечатлены места, где зафиксировано более чем по четыре человека.

Таким образом, анализ фотоснимков свидетельствует о том, что при выборе мест для проведения личных проверок предпочтение отдается местам с наименьшим количеством пешеходов, что значительно упрощает обнаружение слежки объектом.

Второй особенностью является ограничение величины площади участка, на котором проводятся личные проверки. Это ограничение определяется обязательным наличием возможности детального рассмотрения объектом характерных черт личности и внешности людей, где бы они ни находились в пределах любого места на площади каждого из таких участков¹.

Исходя из указанных требований, объект использует участки для проведения личных проверок по обнаружению слежки так, чтобы у него была естественным образом обеспечена возможность «втягивания» разведчика в места, где его можно хорошо рассмотреть (например, такой возможностью является изыскание объектом среди окружающей обстановки подходящего укрытия с целью использования его для выявления разведчика путем наблюдения попыток поиска объекта кем-либо из людей, находящихся в районе расположения укрытия).

Если место для проведения личной проверки объект подобрал заранее, то при посещении его уже с целью обнаружения слежки объекту не придется тратить время на отыскание соответствующего укрытия. Объект может сразу же воспользоваться укрытием и вести оттуда наблюдение за окружающей обстановкой.

Тактика действий разведчика, оказавшегося в подобных условиях, должна быть рассчитана на временность пребывания объекта в укрытии. Наиболее вероятные входы в такие места и выходы из них должны контролироваться разведчиком с дальних дистанций.

Если же разведчик заранее не смог оценить, какой из участков окружающей местности является наиболее подходящим для обнаружения слежки объектом, то, оказавшись на таком участке, разведчик принимает меры по опережению объекта в занятии позиции для наблюдения из самого совершенного укрытия, которое имеется на данном участке.

¹ Возможности отчетливого рассмотрения человеческого лица на определенных расстояниях от наблюдателя зависят также от времени суток, метеорологических факторов и других обстоятельств. См. Королев Ф. П. Разведка наблюдением. М., Воениздат, 1959, стр. 48.

Если же разведчик опоздал и остался на открытом, просматриваемом со всех сторон пространстве и вход объекта в какое-либо из укрытий не был им замечен, то в данных обстоятельствах он может попасть в поле зрения объекта.

Для исключения расшифровки разведчика объектом в следующем акте его личной проверки необходимо стремиться не повторять тех промахов, которые были допущены разведчиком в предыдущем акте обнаружения слежки объектом.

Большое значение при этом приобретает быстрое ориентирование разведчика в окружающей обстановке и его умение оценивать ее с точки зрения правильности подбора подходящих укрытий на каждом из этапов маршрута движения объекта.

Если же темп перемещения объекта по местности настолько высок, что на подбор укрытий для разведчика или производство им смены маскировки недостаточно времени, то разведчик, исчерпавший возможности скрытности ведения наблюдения, определяемой вероятностью попадания в поле зрения объекта за один акт личной проверки, должен быть заменен в зоне наблюдения другим разведчиком.

Так, перемещаясь от одного места обнаружения слежки объектом к другому, осуществляя при этом оптимальную смену форм, способов и маскировочных средств, применяемых в наблюдении, разведчик может избежать расшифровки объектом, конспиративно установить конечный пункт маршрута движения объекта и выполнить поставленную задачу.

В заключение представляется целесообразным сформулировать следующие выводы:

1. Обстоятельствами, благоприятствующими обнаружению слежки объектом, являются:

а) малолюдность мест проведения личных проверок (не более трех-четырех пешеходов);

б) наличие возможности отчетливого рассматривания их лиц на всей площади таких мест;

в) уравновешенность психического состояния объекта во время проведения проверок и способность к запоминанию встречающихся людей, их внешних обликов и действий;

г) непрерывность осуществления личных проверок с целью сокращения интервалов времени между ними, которое может быть использовано разведчиком для подыскания подходящих укрытий или перемаскировки в такие моменты, когда разведчик не находится в поле зрения объекта.

При совокупности всех указанных обстоятельств количество актов обнаружения одного разведчика проверяющимся объектом в среднем равно трем.

2. Условиями, способствующими конспиративному ведению на-

блюдения одним разведчиком за проверяющимся объектом, являются:

а) ведение наблюдения в местах, благоприятных для обнаружения слежки по возможности с дальних дистанций;

б) опережение объекта в использовании подходящего для наблюдения укрытия, если разведчик оказался в непосредственной близости от него в благоприятном для обнаружения слежки месте;

в) использование маскировки разведчиком в интервалах между актами личных проверок по обнаружению слежки объектом;

г) замена разведчика в зоне наблюдения резервным, если перемаскировка невозможна по причинам дефицита времени на ее производство или ограниченности наличия маскировочных средств.

Результаты настоящего анализа могут быть использованы в процессе изучения технологии ведения наблюдения за объектом сменными нарядами, состоящими из двух и более разведчиков.

Исследование работы таких составов сменных нарядов даст возможность ставить и решать задачи эффективного использования оперативных и оперативно-технических сил и средств наружной разведки.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ТАКТИКА КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Кандидат юридических наук
подполковник *А. И. Уразлин*

НЕКОТОРЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ПО БОРЬБЕ ОРГАНОВ КГБ С НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКОЙ ПРОТИВНИКА, ПРОВОДИМОЙ ИМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СССР¹

Стратегические установки по борьбе органов КГБ с научно-технической разведкой противника вытекают непосредственно из стратегии контрразведывательной деятельности. В связи с этим следует остановиться на некоторых общих теоретических положениях, характеризующих стратегию контрразведывательной деятельности органов КГБ.

Органы государственной безопасности СССР являются политическими органами, деятельность которых неотделима от политики КПСС. С учетом этого правомерно считать, что методологической основой исследования вопросов стратегии борьбы органов КГБ с подрывной деятельностью противника являются положения о политической стратегии Коммунистической партии в руководстве классовой борьбой пролетариата, рассматриваемые в трудах В. И. Ленина.

О политической стратегии В. И. Ленин указывает как о научно обоснованном определении генеральной линии партии, направленной на выполнение наиболее важных задач на данном историческом этапе. Важнейшей частью политической стратегии является практическая деятельность партии по руководству всеми наличными классовыми силами и эффективному использованию их в достижении политических целей.

¹ Для краткости научно-техническая разведка противника, проводимая им с использованием международного экономического и научно-технического сотрудничества СССР, в дальнейшем будет называться «научно-техническая разведка противника».

В чекистской литературе вопрос о сущности контрразведывательной стратегии рассматривается на основе положений, сформулированных в ленинских трудах о политической стратегии¹.

Под контрразведывательной стратегией понимается система научно обоснованных взглядов политического руководства Советского государства и руководства КГБ по основным вопросам организации и осуществления контрразведывательной деятельности в интересах обеспечения безопасности Советского государства.

Контрразведывательная стратегия включает стратегические установки (замыслы) применительно к отдельным направлениям, линиям контрразведывательной деятельности.

Положения, характеризующие контрразведывательную стратегию, содержатся в основополагающих нормативных актах Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР (Положение о Комитете государственной безопасности и его органах на местах, приказ КГБ при Совете Министров СССР № 00225 1959 года «О задачах органов госбезопасности...» и др.).

Стратегические замыслы, относящиеся к отдельным линиям контрразведывательной деятельности, в частности к борьбе с научно-технической разведкой противника, содержатся в приказе КГБ № 00144 от 24 марта 1960 года «Об усилении контрразведывательной работы в связи с расширением иностранного туризма в СССР».

В этом приказе сформулирована стратегическая установка по компрометации самой идеи использования разведками противника в подрывной деятельности против Советского Союза легальных возможностей, открывшихся в результате расширения туризма в СССР, культурного и научно-технического обмена между странами. Однако ввиду существования ряда объективных факторов², которые способствуют противнику в проведении подрывной деятельности с использованием международных связей СССР, представляется более обоснованным формулировать задачу по компрометации не самой этой идеи, а идеи широкого использования, в частности, канала международных научно-технических связей Советского Союза в подрывной деятельности против СССР.

Анализ деятельности органов КГБ показывает, что акции научно-технической разведки противника, проводимые им с использованием каналов международного экономического и научно-техни-

¹ См. Розанов И. С. Перспективное планирование оперативной деятельности органов государственной безопасности СССР. В сб.: «Вопросы перспективного планирования оперативной деятельности в органах государственной безопасности». М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 6—13.

² См. Уразлин А. И. Контрразведывательная работа органов КГБ среди иностранцев, прибывающих в СССР по каналу международного научно-технического сотрудничества. Диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ, 1970, стр. 54—76.

ческого сотрудничества, представляют спланированную и экспериментально проверенную систему разведывательных операций, осуществляемых с помощью иностранных ученых, специалистов, поддерживающих контакты с советскими научными работниками.

С учетом этого стратегический замысел для органов КГБ должен состоять в том, чтобы деятельность контрразведывательных аппаратов не только соответствовала масштабам и содержанию этих подрывных акций, но носила упреждающий характер и постоянно совершенствовалась.

Контрразведывательная стратегия осуществляется в соответствии со следующими основными принципами:

сосредоточение оперативных сил и средств органов КГБ для борьбы с противником на основных направлениях его подрывной деятельности против СССР;

проведение контрразведывательных операций внезапно, что обеспечивало бы неспособность противника оказать необходимое противодействие;

противодействие постоянно нарастающей разведывательной активности противника путем создания эффективной системы контрразведывательных мер по выявлению, предупреждению и пресечению его подрывной деятельности;

постоянный учет противодействия противника и в соответствии с этим корректировка своих агентурно-оперативных мероприятий.

Отмеченные принципы контрразведывательной стратегии представляют собой систему общих правил, которые обязательны для стратегических замыслов применительно к отдельным направлениям, линиям контрразведывательной деятельности органов КГБ, и в частности к борьбе чекистских аппаратов с научно-технической разведкой противника.

Составляя контрразведывательную стратегию, стратегические замыслы по отдельным направлениям, линиям деятельности чекистских аппаратов облакаются в форму стратегических планов.

На основе замыслов, содержащихся в стратегическом плане, разрабатываются перспективные планы.

Вопросам перспективного планирования оперативной деятельности в органах государственной безопасности была посвящена теоретическая конференция в ВКШ КГБ в 1968 году¹. Отдельные стороны этой проблемы явились предметом диссертационных исследований².

¹ См. Вопросы перспективного планирования оперативной деятельности в органах государственной безопасности. Сборник статей. М., изд. ВКШ КГБ, 1969.

² См.: Холопов В. В. Управление оперативной деятельностью контрразведывательных аппаратов органов государственной безопасности СССР. Диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ, 1969; Луговец Р. Л. Вопросы планирования деятельности контрразведывательных аппаратов органов Комитета государственной безопасности. Диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ, 1971.

В названных материалах конференции рассматриваются основные методологические аспекты перспективного планирования деятельности контрразведывательных аппаратов. Отмечается, что важное значение для планирования оперативной деятельности имеет знание противника.

При разработке стратегических замыслов по борьбе с научно-технической разведкой противника важное значение имеет знание основных позиций разведывательной доктрины противника и, в частности, стратегических замыслов по ведению научно-технической разведки.

В связи с этим представляется необходимым осуществление следующих мер:

суммировать информацию, добываемую органами КГБ о направлениях стратегии и тактики научно-технической разведки противника против СССР;

создать модель стратегии и тактики научно-технической разведки противника для использования ее в планировании и проведении мер по борьбе с этой деятельностью противника.

Для организации более эффективного противодействия научно-технической разведке противника следует учитывать содержание его научной политики, а также основные тенденции развития науки и техники в СССР.

В США разработаны общенациональные планы развития науки. Например, министерством обороны США подготовлен план на 1968—1978 годы, а Управлением космических исследований — программа исследований до 1985 года. В этих документах основное внимание уделяется разработке тех видов вооружения, проблем науки, в области которых Соединенные Штаты Америки чувствуют свое отставание от Советского Союза, а также вопросам разведывательной деятельности, которые они считают решающими для выполнения задач, соответствующих интересам американского империализма.

Знание американского плана развития науки может позволить выяснить устремления научно-технической разведки США и, в частности, интересующие ее объекты в СССР.

Наряду с этим важное значение для организации борьбы с научно-технической разведкой имеет общесоюзный план развития науки в СССР. Этот план позволит органам КГБ получить важную перспективную ориентировку о задачах по контрразведывательному обеспечению сохранности научно-технических секретов в СССР.

Знание научной политики противника, а также основных тенденций развития науки и техники в СССР поможет органам КГБ: формировать и корректировать систему контрразведывательных мер по борьбе с научно-технической разведкой противника;

сосредоточивать усилия контрразведывательных подразделений

на наиболее важных участках деятельности по борьбе с научно-технической разведкой противника;

изучать научно-исследовательские центры противника — объекты агентурного проникновения;

учитывать важнейшие направления развития науки и техники за рубежом, прогнозировать научные достижения иностранных государств, а также направлять деятельность контрразведывательных аппаратов по получению разведывательной информации научно-технического характера по наиболее целесообразному пути;

определять степень достоверности получаемой чекистскими органами разведывательной информации политического, экономического и научно-технического характера.

С учетом отмеченного неперенным условием совершенствования деятельности органов КГБ по борьбе с научно-технической разведкой противника является установление ими и постоянное развитие связей с советскими научно-исследовательскими учреждениями, учеными, использование достижений отечественной науки и привлечение ученых с целью подготовки основ для формулирования задач по противодействию научно-технической разведке противника, а также выявление благоприятных возможностей для их решения. Кроме того, поддержание рабочих контактов с советскими научно-исследовательскими учреждениями, отдельными крупными специалистами поможет органам КГБ своевременно получать сведения о некоторых тенденциях развития за рубежом важнейших отраслей науки и техники.

Стратегические замыслы, относящиеся к борьбе органов КГБ с научно-технической разведкой противника, реализуются в процессе деятельности контрразведывательных аппаратов по выявлению, предупреждению и пресечению подрывных акций вражеских разведок в области науки и техники в СССР.

Общие вопросы стратегии борьбы органов государственной безопасности с подрывной деятельностью противника, как уже отмечалось, содержатся в ряде нормативных актов КГБ при Совете Министров СССР.

Представляется, что указанные вопросы, относящиеся к отдельным линиям контрразведывательной деятельности, и в частности к борьбе с научно-технической разведкой противника, должны найти отражение в специальных актах и других документах.

В связи с этим, по нашему мнению, заслуживает внимания следующее.

1. В настоящее время назрела необходимость разработки акта, регламентирующего основные вопросы организации и деятельности органов КГБ по борьбе с научно-технической разведкой противника. Этот акт должен определить:

основные цели, задачи и направления деятельности контрразведывательных подразделений органов КГБ по борьбе с научно-технической разведкой противника;

основные методы решения этих задач, необходимые для этого силы и средства, принципы их расстановки;

основные организационные формы координации и взаимодействия¹.

Названный акт должен характеризоваться преемственностью, то есть в нем должна быть органическая связь между прошлой деятельностью органов КГБ по рассматриваемой линии, ее настоящими результатами и тем, что намечается в перспективе.

Позиции акта не должны отменять или заменять действующие по исследуемой линии контрразведывательной работы решения, приказы и указания КГБ при Совете Министров СССР. Они должны конкретизировать их и содержать элементы прогнозирования организации и ведения противником научно-технической разведки против СССР, а также формулировать стратегические установки для контрразведывательных аппаратов по борьбе с этой деятельностью противника.

Упомянутый акт, по нашему мнению, должен исходить по содержанию из координационного плана², предусматривающего систему мер общегосударственного характера по борьбе с научно-технической разведкой противника.

Определенную совокупность указанных мер содержит Инструкция Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике № 0615 о порядке приема министерствами, ведомствами, учреждениями, организациями СССР зарубежных делегаций, отдельных иностранцев по научно-техническим и экономическим вопросам и правилах работы с ними, объявленная Приказом КГБ при Совете Министров СССР № 0425 от 29 августа 1973 года.

Инструкция предусматривает единый порядок в работе с научно-техническими делегациями, отдельными учеными, специалистами-

¹ Отмечаемое нами положение находится в тесной связи с выводами 2-го Главного управления КГБ при СМ СССР о настоятельной необходимости создания единого фронта действий контрразведывательных органов на основе единого, рассчитанного на длительное время плана. См. Цинев Г. К. Основные направления подрывной деятельности империалистических разведок против СССР и задачи советской контрразведки. М., изд. ВКШ КГБ, 1968, стр. 28.

² На его основе могут разрабатываться координационные планы по особо важным научным темам и проблемам как фундаментального, так и прикладного характера. С учетом того, что крупномасштабные научно-технические проблемы в стране разрабатываются в течение длительного срока, координационные планы позволяют органам КГБ принимать эффективные меры перспективного характера по защите от научно-технической разведки противника важных секретов с момента появления научно-технической проблемы, а также проводить мероприятия наступательного характера, направленные на агентурное проникновение к противнику и его дезинформирование.

ми и представителями фирм зарубежных государств. Она, наряду с мерами режимного, защитного характера, содержит положения, способствующие деятельности чекистских аппаратов по выявлению из прибывающих в СССР иностранцев разведчиков, агентов противника, подставе им агентов органов КГБ, а также дезинформированию противника и получению от иностранцев разведывательной информации.

Основные позиции этого акта должны найти свое отражение в перспективном плане КГБ при Совете Министров СССР.

2. Существует настоятельная необходимость издания обзора, что позволило бы обобщить опыт контрразведывательной работы органов КГБ по борьбе с научно-технической разведкой противника и способствовало бы распространению этого опыта.

В нем следует изложить следующие вопросы:

основные факторы, от которых зависит организация агентурно-оперативной деятельности чекистских подразделений по борьбе с научно-технической разведкой противника;

основные недостатки и трудности контрразведывательной работы по данной линии;

конкретные меры по совершенствованию этой деятельности.

Систематическое изучение указанных вопросов, а также выявление характерных изменений в устремлениях научно-технической разведки противника, в его тактике позволили бы своевременно ориентировать соответствующие подразделения органов КГБ. Это даст им возможность своевременно уточнить поставленные задачи и систему мер для их наиболее эффективного решения.

Представляется, что тщательный анализ накопленного опыта оперативных подразделений, изучение основных тенденций в использовании противником международных связей СССР для проведения научно-технической разведки против Советского Союза могут способствовать успешной борьбе с противником по этой линии.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Капитан А. И. Бажанов

ИЗ ИСТОРИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ КОМИССИЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В борьбе советского народа против внешней и внутренней контрреволюции активное участие принимали чекистские органы Северного Кавказа. Однако их роль в обеспечении победы трудящихся над эксплуататорами до настоящего времени не получила достаточного освещения. По существу этими вопросами исследователи еще не занимались.

Трудности изучения истории чекистских органов Северного Кавказа (особенно в первые годы их существования) обуславливаются малочисленностью, а иногда и отсутствием материалов, относящихся к данному периоду, в партийных, государственных и ведомственных архивах, в том числе в архивах КГБ при Совете Министров СССР. Многие документы были утрачены в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Разрозненные сведения об организации и деятельности чрезвычайных комиссий Северо-Кавказских республик имеются в периодической печати 1918 года, а также в отдельных исследованиях, воспоминаниях участников установления Советской власти на местах и в некоторых документальных сборниках.

В 1967 году в УКГБ при Совете Министров СССР по Краснодарскому краю подготовлена «Историческая справка (краткий отчет) о деятельности органов государственной безопасности Кубани». В ней лишь очень кратко сказано об образовании и деятельности ЧК в 1918 году. На наш взгляд, вопросы данной темы в справке раскрыты неконкретно ввиду недостаточного количества материалов. Что касается образования чрезвычайных комиссий на Ставрополье и Тереке, то по этой теме нет самостоятельных исследований. Даже в такой книге, как «Очерки истории Ставропольской организации КПСС», написанной коллективом авторов и изданной Ставропольским книжным издательством в 1970 году, к сожалению, ничего не говорится об образовании и деятельности

чекистских органов, хотя их большой вклад в дело укрепления власти трудящихся никем не оспаривается.

В данной статье делается попытка на основе анализа и обобщения архивных материалов и материалов периодической печати раскрыть становление и деятельность чрезвычайных комиссий Кубано-Черноморской республики (ныне Краснодарский край), Ставропольской губернии (теперь Ставропольский край) и Пятигорского отдела¹ Терской республики (сейчас часть Ставропольского края) в 1918 году².

Чрезвычайные комиссии на Кубани

Советская власть на всей территории Северного Кавказа установилась к весне 1918 года. Здесь были образованы Черноморская и Кубанская республики, которые в мае 1918 года объединились в Кубано-Черноморскую республику, а также Терская республика и Ставропольская губерния. Под непосредственным руководством чрезвычайного комиссара Юга России Г. К. Орджоникидзе, прибывшего летом 1918 года на Кубань, происходило сплочение и упорочение партийных и советских сил. Орджоникидзе направлял и деятельность органов, которые вели борьбу с контрреволюцией.

В начале июля 1918 года в г. Екатеринодаре (ныне г. Краснодар) состоялся Первый Северо-Кавказский съезд РКП(б), на котором партийные организации Кубани, Черноморья, Терека и Ставрополя объединились в Северо-Кавказскую краевую партийную организацию. После съезда партии здесь же открылся Первый Северо-Кавказский съезд Советов, объединивший Ставропольскую губернию, Кубано-Черноморскую и Терскую республики в единую Северо-Кавказскую Советскую социалистическую республику³.

Съезд признал важнейшими задачами Советской власти на Кавказе создание боеспособной Красной Армии для вооруженной защиты завоеваний трудящихся и беспощадную борьбу с контрреволюцией⁴.

¹ Отдел — основная административно-территориальная единица для русского населения в казачьих областях. Отдел возглавлял атаман.

² До недавнего времени существовало неправильное мнение, что чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Кубани, Ставрополе и Тереке были образованы только в 1920 году. Так утверждается и в «Отчете Всероссийской чрезвычайной комиссии за все время ее деятельности». Часть I, орг. отчет. М., 1922, стр. 163, 165, 168.

³ Одновременно с ЦИК Северо-Кавказской республики, который был избран на Первом съезде Советов, до декабря 1918 года сохранились и функционировали такие высшие советские органы, как ЦИК и Совнарком республик Кубано-Черноморья и Терека и Ставропольский губисполком.

⁴ См. «Известия» Пятигорского Совдепа, № 72, 1918, 17 июля.

Контрреволюционные силы были побеждены, но не уничтожены. Они сохранили политические кадры, армию, обладали значительной экономической мощью, имели в своих руках финансы. Враги выжидали удобного момента, чтобы свергнуть Советскую власть на Северном Кавказе. Для пресечения их подрывной деятельности необходимо было создать специальные органы. В ответ на февральское и мартовское (1918 года) обращения ВЧК ко всем Советам с призывом об организации чрезвычайных комиссий на местах¹ в Ставропольской губернии и в республиках Кубани и Терек стали создаваться чрезвычайные комиссии.

Первой на призывы ВЧК откликнулась Кубань. 23 марта 1918 года в г. Армавире были образованы чрезвычайная следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией и анархией при облисполкоме и чрезвычайная следственная комиссия при городском Военно-революционном комитете. Было решено немедленно послать трех делегатов в Москву, Ростов и Таганрог за оружием и получением необходимых инструкций².

С установлением власти Советов на всей Кубани в отделах начали формироваться отдельные чрезвычайные комиссии. В Баталпашинском отделе³ (ныне Карачаево-Черкесская автономная область) ЧК не была создана. Этот отдел обслуживала ЧК Лабинского отдела, находившаяся в г. Армавире.

На областную чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и анархией было возложено выполнение самых острых и неотложных мероприятий по защите Советской власти: раскрытие заговоров и ликвидация контрреволюционных организаций, борьба с саботажем, спекуляцией, антисоветской агитацией и пропагандой.

В середине апреля 1918 года в г. Екатеринодаре чекисты пресекли разгромы винных погребов, пьяные дебоши, грабежи, которые устраивали солдаты из отрядов Сорокина и Автономова при попустительстве городского военного коменданта⁴. Чекисты изымали имевшиеся у населения оружие и боеприпасы, помогали продовольственным органам в заготовке хлеба и сами принимали участие в отправке его в центр России, сражались вместе с красногвардейцами и рабочими против войск генерала Корнилова. В конце апреля, когда войска генерала Корнилова пытались овладеть Екатеринодаром, была раскрыта и ликвидирована подпольная контрреволюционная организация, связанная с его штабом⁵.

¹ См. «Известия» ЦИК, № 32, 1918, 23 февраля; № 54, 1918, 22 марта.

² См. Раенко Н. Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье. Выпуск 1. Ростов-на-Дону, 1939, стр. 21.

³ Баталпашинский отдел входил в состав Кубанской республики.

⁴ См. Борисенко Н. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. Ростов-на-Дону, 1930, стр. 236—242.

⁵ См. Траскунов М. Б. Кавказская Краснознаменная. Тбилиси, 1961, стр. 24.

Партийные и советские органы Кубани уделяли много внимания деятельности чрезвычайных комиссий. Только в течение первых двух месяцев существования здесь Советской власти облисполком семь раз рассматривал на своих заседаниях заявления и доклады ЧК¹. На заседании 23 апреля 1918 года облисполком, заслушав вопрос о борьбе с контрреволюцией и о деятельности ЧК, обязал ее в трехдневный срок выработать проект организации, ее структуру и план работы², а затем сделать подробный доклад на заседании облисполкома и Екатеринодарского Совета.

В это время Кубани угрожало немецкое наступление, которое приостановили красногвардейские отряды под Батайском. Вскоре открылся еще ряд фронтов: против немцев — на Таманском полуострове, против деникинцев — на Маныче и против войск меньшевистской Грузии — на побережье Черного моря. Непокойно было и в отделах области. В некоторых станицах вспыхнули казачьи и кулацкие восстания, во главе которых стояли бывшие царские офицеры. Казачество верило провокационным слухам о лишении их казачьих привилегий, о закрытии церквей, об обобществлении всего имущества, о национализации женщин и т. д. Но главным явилось то, что на местах при проведении в жизнь Декрета II Всероссийского съезда Советов о земле «иногородние» и беднейшие казаки начали делить не только помещичьи и государственные земли, но и земли казаков-середняков. Это оттолкнуло середняцкое казачество от революции. Как отмечал Г. К. Орджоникидзе в своем докладе СНК РСФСР в 1919 году, «при первых же попытках проведения земельной реформы казачество стало во враждебную позицию по отношению к Советской власти»³.

Недовольство казаков вызывали отдельные неумелые и неверные действия и распоряжения неопытных советских работников, а подчас и преступные, преднамеренные, авантюристические указания разного рода элементов, пробравшихся к руководству в советские органы⁴.

К концу апреля 1918 года большевикам удалось создать армию Кубани численностью 160 тысяч человек. Для руководства частями Красной Армии был образован чрезвычайный штаб обороны, который имел отделы: разведки, продовольственный, вооружения, финансов, судебный, политико-осведомительный (отдел контрразведки) и другие⁵. В связи с тем что основные задачи по

¹ Подсчитано автором по сообщениям, опубликованным в периодической печати за 1918 год.

² См. Борисенко Н. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. Ростов-на-Дону, 1930, стр. 249.

³ Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. Том I. М., Госполитиздат, 1956, стр. 71.

⁴ См. там же, стр. 70.

⁵ См. «Известия» Кубанского облисполкома, № 18, 1918, 1 апреля.

разгрому внутренней и внешней контрреволюции решались отрядами Красной Армии во главе с чрезвычайным штабом обороны, ЦИК Кубанской республики, заслушав доклад ЧК 29 апреля 1918 года, постановил: передать функции чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией этому штабу, а существующую комиссию ликвидировать¹. Надо признать, что решение о ликвидации ЧК в момент, когда контрреволюция серьезно угрожала существованию власти Советов, было неправильным. Вскоре чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией пришлось восстановить.

14 мая 1918 года чрезвычайная комиссия Кубано-Черноморской республики опубликовала воззвание, в котором указывалось: «Когда на Дону уже гремят пушки, революционная армия сдерживает натиск австро-германских, гайдамацких банд, когда Кубани и Черноморью приходится переживать это грозное время, мобилизуя все свои силы для отпора бандитам, стремящимся вторгнуться в наши области, — в то время контрреволюция внутри поднимает свою змеиную голову, а германские, гайдамацкие шпионы и провокаторы, все враги трудового народа вылезли из своих нор и начали гнусную работу, поддерживаемые буржуазией. Эти враги революции, пользуясь смутным временем, начинают свое преступное дело: собирают безответственные кучки народа, травливают друг против друга, агитируют за власть немцев и гайдамаков, подстрекают к самочинным выступлениям... Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией с полным сознанием своего долга перед революционным трудовым народом в эту грозную минуту объявляет беспощадную войну всем врагам трудового народа... Все, кто стремится дезорганизовать революционные ряды своими подлыми и наглыми выступлениями и подстрекательствами контрреволюционного и погромнического характера, будут задерживаться и расстреливаться на месте преступления»².

Чрезвычайная комиссия Кубано-Черноморской республики оказала большую помощь советским органам в защите завоеваний революции. Она взимала контрибуцию с буржуазии, вскрывала и пресекала заговоры врагов, очищала тыл от шпионов, предателей и дезертиров.

В ЧК Кубано-Черноморской республики работали большевики, левые эсеры³ и преданные Советской власти беспартийные. Однако

¹ См. Борисенко Н. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. Ростов-на-Дону, 1930, стр. 253.

² Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1920 гг. Краснодар, 1957, стр. 251—252.

³ Фракция левых эсеров ЦИК Северо-Кавказской республики отмежевывалась от линии поведения ЦК своей партии, поднявшей мятеж против Советской власти в Москве, заявив, что она «борется и будет бороться со всеми теми, кто выступает против Советской власти» («Известия» Пятигорского Совдепа, № 72, 1918, 17 июля).

необходимо подчеркнуть, что руководящий состав ее был представлен членами Коммунистической партии (большевиков). Здесь начали проявлять свои организаторские таланты чекисты-руководители М. Ф. Власов (Богоявленский)¹, Б. Г. Рожанский² и другие.

В июле 1918 года успешное социалистическое строительство в Кубано-Черноморской республике было прервано вторжением белогвардейских армий Деникина. Белогвардейцы развернули наступление по трем направлениям: на ст. Кавказскую, на Екатеринодар и Ставрополь. В ходе этого наступления Северо-Кавказская республика была отрезана окончательно от РСФСР. Она лишилась всякой помощи, источников снабжения вооружением и боеприпасами. Республика тяжело переживала отсутствие связи с ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР. «Долго мы не знали, — отмечал Г. К. Орджоникидзе, — что делается в России. Порой даже не знали, есть Советская власть или нет, а черносотенная печать в каждом номере газеты сообщала о падении Москвы и Питера»³.

В эти дни ЦИК Кубано-Черноморской республики принимает решение о неприменении амнистии к участникам контрреволюционных заговоров и восстаний, которую ранее объявил чрезвычайный штаб обороны⁴.

¹ Власов (Богоявленский) Михаил Федосеевич (1895—1918 гг.) — член партии большевиков с 1913 года, профессиональный революционер. Он проводил революционную работу в Москве, Петрограде и на Северном Кавказе. В октябрьские дни 1917 года он являлся активистом военного бюро Московского комитета большевистской партии и выполнял важные поручения Военно-революционного комитета. Ему были предоставлены чрезвычайные полномочия по контролю за железнодорожным движением. Он принимал участие в боях за захват телефонной станции, Метрополя, Городской Думы и Кремля. После победы революции М. Ф. Власов был комиссаром милиции в одном из районов Москвы. С марта 1918 года он по заданию партии находился на Юге России. Он избирался в ЦИК Донской республики и был наркомом земледелия. После переезда на Кубань М. Ф. Власов был членом Президиума ЦИК Северо-Кавказской республики. Он являлся организатором комсомольских ячеек в Екатеринодаре и первым чекистом Кубани.

² Рожанский Борис Григорьевич (1894—1918 гг.) — врач. Член РКП(б), профессиональный революционер. После Октябрьской революции принимал активное участие в борьбе с Каледниным на Дону, а когда Ростов-на-Дону заняли белогвардейцы, работал в ВЧК. В феврале 1918 года он возвратился в Ростов, где был избран членом исполкома Ростово-Нахичеванского Совета и назначен председателем ЧК. После захвата Дона белогвардейцами он переехал на Кубань. На Первом съезде Советов Северного Кавказа Б. Г. Рожанский был избран членом ЦИК Северо-Кавказской республики и членом краевого комитета партии. В Екатеринодаре он возглавлял медико-санитарный отдел ЦИК и работал председателем ЧК. В городе при его личном участии был раскрыт контрреволюционный заговор против Советской власти («Известия» ЦИК Северо-Кавказской Советской социалистической республики, № 166, 1918, 4 ноября).

³ Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. Том 1. М., Госполитиздат, 1956, стр. 81.

⁴ См. «Известия» Пятигорского Совдепа, № 73, 1918, 18 июля.

Лето первого года Советской власти на Северном Кавказе оказалось неблагоприятным. Под напором контрреволюционных банд Деникина партийно-советские органы Северо-Кавказской республики вынуждены были переехать вначале в Армавир, а затем в Пятигорск.

16 августа 1918 года красногвардейские отряды оставили Екатеринодар. К концу лета белогвардейцы овладели Армавиром и, продолжая наступление, приблизились вплотную к границам Ставрополя и Терской республики.

Ставропольская чрезвычайная комиссия

После установления в январе 1918 года Советской власти на Ставрополье губернский совнарком энергично приступил к проведению первых социалистических преобразований, в том числе к упразднению учреждений старого государственного аппарата, созданию новых органов власти. Это не могло не вызвать недовольства свергнутых эксплуататорских классов.

Вторжение в конце февраля 1918 года белогвардейских отрядов Корнилова и Деникина в пределы Ставропольской губернии оживило враждебную деятельность кулачества, белого офицерства и других контрреволюционных элементов. 28 апреля 1918 года белогвардейские офицеры при поддержке меньшевиков и эсеров, используя уход войск Красной Армии из Ставрополя на фронт, подняли восстание против Советской власти. Мятежники арестовали нескольких членов губсовнаркома. В тот же день мятеж был ликвидирован. В конце июня 1918 года восстало кулачество Святокрестовского уезда. Оно втянуло в мятеж крестьянские массы ряда сел этого уезда. Восставшие захватили уездный центр — Святой Крест (ныне Прикумск). В самом Ставрополе белые офицеры, юнкера и другие буржуазные элементы вновь начали плести сети антисоветского заговора. Здесь создавалась подпольная белоофицерская организация, в которую входило около тысячи вооруженных офицеров, разбитых на ряд боевых групп¹.

В Ставропольской губернии первоначально борьбу с контрреволюционерами, саботажниками, анархистами и спекулянтами осуществляла следственная комиссия революционного трибунала. Трибунал был создан решением губернского совнаркома 9 февраля 1918 года при комиссариате юстиции².

¹ См. Боевые годы. Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Ставрополье. Ставрополь, 1957, стр. 32.

² См. Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье (1917—1921 гг.). Сборник документов и материалов. Ставрополь, 1957, стр. 87.

Усиление сопротивления свергнутых классов требовало дополнительных мер борьбы с ними. В мае 1918 года на III Чрезвычайном губернском съезде Советов группа делегатов от отрядов Красной Армии представила резолюцию, в которой предлагалось немедленно организовать комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Делегаты требовали, чтобы в такую комиссию обязательно были включены представители Красной Армии¹. Однако губисполком счел целесообразным возложить борьбу с контрреволюцией во всех ее проявлениях и охрану Советской власти на административный отдел губернского комиссариата внутренних дел². 16 июня 1918 года он вновь рассмотрел вопрос о борьбе с контрреволюцией. На этот раз было принято решение организовать самостоятельный отдел по борьбе с контрреволюцией, подчиненный непосредственно губернскому исполнительному комитету³. Организация отдела поручалась президиуму губисполкома.

В июне 1918 года губком РКП(б) и президиум губисполкома разослали письма и инструкции по всем уездам губернии об организации уездных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и саботажем⁴. Уездным комитетам партии и Советам предлагалось обратить серьезное внимание на подбор состава сотрудников ЧК. Рекомендовалось выделить для работы в ЧК лучших членов партии, стойких и самоотверженных. Кроме этого, предписывалось создать при ЧК вооруженные отряды, укомплектованные надежными, проверенными бойцами — деревенскими бедняками и батраками.

Вскоре в уездах были образованы чрезвычайные комиссии. Так, при Святокрестовском уездном исполкоме в июне 1918 года была образована ЧК из пяти человек. Все ее сотрудники были членами РКП(б)⁵. Приказом № 2 Святокрестовская ЧК объявила гражданам, что она выработала для своих сотрудников определенный порядок производства обысков. Она приказывала всем без исключения офицерам бывшей царской армии зарегистрироваться. За невыполнение приказа грозил расстрел⁶.

В июне 1918 года фронт приблизился к губернскому центру. В Ставрополе было введено военное положение. Воспользовавшись ослаблением гарнизона, часть которого была направлена на фронт, контрреволюционное офицерство в ночь с 9 на 10 июля подняло восстание⁷, которое было подавлено.

¹ См. «Власть труда», № 30, 1918, 16(3) мая.

² См. «Власть труда», № 47, 1918, 6 июня.

³ См. Государственный архив Ставропольского края, ф. 163, оп. 1, ед. хр. 4, л. 2.

⁴ См. Ставропольский краеведческий музей. Мемориальный фонд, д. 218, л. 3.

⁵ См. там же.

⁶ См. Государственный архив Ставропольского края, ф. 77, оп. 1, ед. хр. 2, л. 55.

⁷ См. Революционный держите шаг. Ставрополь, 1967, стр. 121.

Под натиском белогвардейцев 21 июля 1918 года красногвардейские части вынуждены были оставить Ставрополь. Большинство эвакуированных губернских учреждений разместились в селах Благодарненского уезда. Здесь проходила реорганизация партизанских отрядов в подразделения регулярной Красной Армии. Отсюда губком РКП(б) и губисполком руководили борьбой с белогвардейцами. 1 сентября 1918 года состоялось заседание объединенной комиссии Ставропольского губисполкома, трех уездных исполкомов и военных организаций по вопросу об укреплении дисциплины в Красной Армии. Участники заседания выразили желание создать орган, ведающий контрразведкой, и принять меры по борьбе со шпионажем¹. Губисполкому, военному комиссариату и штабу фронта поручалось подыскать лиц, способных работать в этом органе. 4 сентября 1918 года в селе Сотниковском Благодарненского уезда президиум Ставропольского губисполкома вновь рассмотрел вопрос о губернской чрезвычайной комиссии и утвердил ее состав в количестве пяти человек². В нее вошли три члена губисполкома и представитель Ставропольской Красной армии. Возглавлял ЧК коммунист, рекомендованный Северо-Кавказским комитетом партии. Губернская чрезвычайная комиссия была подчинена ЧК XI Красной армии.

Чрезвычайная комиссия Пятигорского отдела Терской республики

На Терске, как и на Кубани, партийные и советские органы сразу же откликнулись на призывы ВЧК об образовании на местах чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией.

При Совете Пятигорского отдела Терской республики в середине апреля 1918 года была образована чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. 26 апреля для борьбы с врагами Пятигорский Совет учредил революционный трибунал. В связи с этим ЧК была преобразована в следственную комиссию и передана в ведение революционного трибунала. На нее возлагалось «применение самых решительных мер, направленных на пресечение действий контрреволюционных сил во всех их видах и формах»³. Борьбой с контрреволюцией в Пятигорском

¹ См. Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье (1917—1921 гг.), стр. 85.

² См. 10-й отдел УКГБ при Совете Министров СССР по Ставропольскому краю, д. 149, т. 3, л. 231.

³ «Известия» Пятигорского Совдепа, № 10(83), 1918, 26 апреля.

отделе занимался также местный комиссариат внутренних дел¹. Так как революционный трибунал не в состоянии был справиться со спекуляцией, для ее пресечения при Пятигорском исполкоме 27 июля была создана специальная комиссия по борьбе со спекуляцией в составе трех человек². Исполком обратился в отдельский комитет РКП(б) с просьбой утвердить при этой комиссии отряд из десяти человек. Таким образом, до августа 1918 года в Пятигорском отделе борьбой с контрреволюцией и спекуляцией занимались несколько учреждений.

Летом 1918 года в Пятигорском отделе оживилась деятельность контрреволюционных элементов. Они распространяли по селам враждебные слухи о Советской власти. Белые офицеры не только тайно, но и открыто проводили свои собрания в Пятигорском Народном доме, где обсуждали создавшееся положение. Освобожденный Советом Пятигорского отдела из-под ареста под «честное офицерское слово» Шкуро организовал из кулаков Боргустанской, Бекешевской и Суворовской станиц крупный контрреволюционный отряд численностью почти в тысячу сабель и совершил налеты на Кисловодск и Ессентуки. Пока Пятигорский красновардейский отряд громил банду Шкуро на севере Пятигорского отдела, на юге вспыхнуло восстание казаков Подгорной, Александровской и других станиц. Им удалось захватить г. Георгиевск. Вскоре в центре Терской республики, в Моздокском отделе, вспыхнуло восстание казачества под руководством бывшего комиссара Временного правительства Бичерахова. Восставшие отрезали шесть горских округов³ и Сунженский отдел от Пятигорского и других отделов, а также от Кубани и центра России. С этого времени контрреволюция перешла к белому террору. 20 июля в г. Владикавказе на митинге был предательски убит председатель Терского Совнаркома Ной Буачидзе. Через месяц бичераховские казаки расстреляли группу делегатов IV съезда народов Терека, в том числе председателя Кисловодского Совета Тюленева и нового председателя Совнаркома Терской республики Пашковского. К середине лета Терек оказался втянутым в жестокую гражданскую войну.

31 июля 1918 года Пятигорский Совет объявил отдел в опасности и ввел в нем военное положение. Были приняты меры для усиления борьбы с контрреволюцией. Совет выделил чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией из революционного трибунала в самостоятельный орган. Во главе ее был поставлен активный участник революции 1905 года, член ВЦИК третье-

¹ См. «Известия» Пятигорского Совдепа, № 82, 1918, 28 июля.

² См. «Известия» Пятигорского Совдепа, № 81, 1918, 27 июля.

³ Округ — административно-территориальная единица для нерусского населения Терской республики (ранее области).

го и четвертого созывов, а также член ЦИК Северо-Кавказской республики Александр Юльевич Ге (Гольдберг)¹.

Пятигорская ЧК провела регистрацию всех офицеров и оружия, имеющегося у населения. Она предложила военным властям и органам контрразведки производить аресты, обыски и реквизиции только по ордерам местных Советов и обязательно в присутствии одного из членов исполкома, а арестованных по подозрению в контрреволюционных действиях немедленно доставлять в ее распоряжение².

В начале сентября 1918 года Пятигорская ЧК произвела реорганизацию контрразведывательного аппарата всех воинских частей, находившихся в отделе. Армейские контрразведывательные органы были упразднены. Организация нового централизованного аппарата контрразведки была поручена ответственному инструктору ЧК³.

В сентябре 1918 года по решению ЦИК Северо-Кавказской республики на базе Пятигорской ЧК была образована Северо-Кавказская ЧК. В декабре 1918 года, когда центральные партийные и советские органы Северо-Кавказского края, в том числе и ЧК XI Красной армии, выехали из Пятигорска, вновь встал вопрос об организации здесь ЧК. 25 декабря 1918 года было опубликовано постановление пленарного собрания Пятигорского Совета об образовании Пятигорской ЧК. Совет предложил партийному комитету выдвинуть кандидатов в состав ЧК, а также назначить коммунистов цензорами на телеграф, почту и телефон⁴.

Северо-Кавказская чрезвычайная комиссия

Прибывшие в начале сентября 1918 года в Пятигорск партийные и советские органы Северо-Кавказской республики обратили внимание на то, что буржуазия, офицеры и зажиточное казачество чувствуют себя в городе вольготно. В учреждениях засели замаскированные враги рабочих и крестьян — бывшие чиновники, офи-

¹ Среди организаторов Советской власти в Пятигорском отделе А. Ю. Ге был очень популярен. Он беспощадно расправлялся с врагами Советской власти. Под его председательством была образована Кисловодская ЧК. В январе 1919 года, больной сыпным тифом, теряя последние силы, А. Ю. Ге с пулеметом в руках отстаивал от белых подступы к Кисловодску. После захвата белыми города А. Ю. Ге был схвачен контрразведкой Деникина и 21 января 1919 года зверски убит. Трагическая участь постигла и его жену — Ксению Михайловну Ге. Она была членом большевистской партии и работала следователем в ЧК. Через пять дней после расправы над мужем, 26 января 1919 года, белогвардейцы повесили ее в Кисловодске у Солнечных ванн (История революционного движения на Тереке. Пятигорск, 1924, стр. 174—175).

² См. «Известия» Пятигорского Совдепа, № 105, 1918, 25 августа.

³ См. «Известия» Пятигорского Совдепа, № 117, 1918, 10 сентября.

⁴ См. «Известия» исполкома Северо-Кавказского края, № 199, 1918, 25 декабря.

церы и их агенты, выдававшие себя за «специалистов». Они организовывали заговоры и формировали бандитские отряды. Возникла необходимость в проведении здесь железной пролетарской диктатуры.

25 сентября 1918 года Президиум ЦИК Северо-Кавказской республики назначил председателем республиканской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией М. Ф. Власова (Богоявленского). Заместителями председателя ЧК Северо-Кавказской республики были утверждены А. Ю. Ге и Г. А. Атарбеков¹.

Чрезвычайная комиссия Северо-Кавказской республики в сентябре—декабре 1918 года имела следующую структуру. Во главе ее стоял председатель с двумя заместителями. В ее составе имелся президиум, ответственный инструктор с помощником, ответственный делопроизводитель и секретарь. В соответствии с Положением ВЧК о губернских и уездных чрезвычайных комиссиях Северо-Кавказская ЧК имела отделы: по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, с преступлениями по должности и иногородний отдел. Иногороднему отделу подчинялись пять отделений ЧК: Железноводское, Ессентукское, Минводское, Святокрестовское и Георгиевское². Чрезвычайная комиссия имела комендатуру, хозяйственный отдел и вооруженный отряд.

28 октября 1918 года с целью пресечения использования почтового канала в контрреволюционных целях по указанию ЦИК Северо-Кавказской республики была введена цензура всей почтово-телеграфной корреспонденции. Она вводилась во всех городах Северного Кавказа, не занятых белогвардейцами (Пятигорске, Святом Кресте, Георгиевске, Владикавказе), и других пунктах по усмотрению ЧК. Для руководства цензурой в составе ЧК имелся специальный отдел. В городах были созданы цензорские пункты. В каждом из них работало по пять цензоров. ЧК снабжала цензоров списками лиц, замеченных или подозреваемых в контррево-

¹ Атарбеков Георгий Александрович (1891—1925 гг.) — уроженец Тифлиса, армянин, окончил юридический факультет Московского университета, член партии большевиков с 1908 года. Вел революционную работу среди рабочих, солдат и студентов в Москве, на Черноморском побережье, Северном Кавказе и Закавказье. После гибели М. Ф. Власова Г. А. Атарбеков стал председателем Северо-Кавказской ЧК. В 1919 году его назначили начальником Особого отдела Каспийско-Кавказского фронта. Некоторое время он работал в ВЧК. В 1920 году ЦК и ВЧК направили его в качестве особоуполномоченного РВС Кавказского фронта и ВЧК для подавления восстания казачества на Кубани. В 1921—1922 гг. Г. А. Атарбеков являлся полномочным представителем ВЧК в Армении и Азербайджане. В 1922—1923 гг. он был наркомом РКИ и наркомом почт и телеграфа Закавказья. В 1925 году Г. А. Атарбеков погиб в авиационной катастрофе (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1, л. 5—10).

² См. «Известия» ЦИК Северо-Кавказской ССР, № 138, 1918, 8 октября.

люции. Цензуре подлежала вся международная корреспонденция на немецком, английском и французском языках, вся шифрованная корреспонденция (за исключением корреспонденции официальных советских органов), корреспонденция с текстом, подозрительным на условность, а также корреспонденция, не имеющая адреса отправителя. Задерживалась корреспонденция, содержащая требования свержения Советской власти и воззвания, призывавшие к саботажу и к вооруженным восстаниям¹.

26 сентября 1918 года ЧК Северо-Кавказской республики опубликовала приказ № 1, в котором объявлялось, что обыски и аресты могут производиться лишь по ее ордерам и ордерам уголовной милиции. ЧК подтвердила приказ о роспуске всех существовавших ранее контрразведок. В целях борьбы с пьянством и возникавшими на этой почве преступлениями в приказе под угрозой расстрела воспрещалось хранение спиртных напитков и торговля ими². Этим же приказом объявлялись фамилии шести контрреволюционеров, расстрелянных за принадлежность к антисоветским организациям и вооруженным бандам.

В начале осени 1918 года ЧК раскрыла ряд офицерско-казачьих контрреволюционных организаций, крупнейшей из которых был «Союз (лига) спасения Терека». Штаб организации размещался в Пятигорске и объединял заговорщиков всех городов Северо-Кавказских курортов. Начальником штаба и главарем «Союза» являлся полковник Случевский, скрывавшийся под фамилией Карташев. Этот «Союз» был связан с отрядами Шкуро и выполнял его задания. «Союз» направлял своих людей для «работы» в советские органы, штабы, ячейки партии большевиков и даже в органы ЧК. Члены «Союза» занимались вредительством: задерживали донесения советских и военных органов, путали приказы и распоряжения, фабриковали ложные телеграммы. Члену штаба «Союза» полковнику Попову было поручено взорвать патронный завод. Другие члены этой организации переправляли запасы продовольствия и обмундирования в горы бандам Шкуро. Туда же направляли донесения, сводки, секретные планы и т. д. «Союз» разработал план свержения Советской власти. Предполагалось организовать восстание и захватить всех ответственных работников Северо-Кавказской республики, находившихся в Пятигорске, но замысел врагов был сорван. Во время сборища на конспиративной квартире заговорщики были арестованы сотрудниками ЧК³.

В войсках Северо-Кавказской республики борьбу против контрреволюции вел чрезвычайный отдел по борьбе с контрреволюцией, бандитизмом и хулиганством (так называемая контрраз-

¹ См. «Известия» ЦИК Северо-Кавказской ССР, № 148, 1918, 23 октября.

² См. «Известия» ЦИК Северо-Кавказской ССР, № 129, 1918, 26 сентября.

³ См. Годы боевые. Воспоминания. Ставрополь, 1956, стр. 24.

ведка, или фронтовая ЧК). Этот отдел возглавлял член ЦИК Северо-Кавказской республики Б. Г. Рожанский¹. При дивизиях, колоннах и штабах (а где имела острая необходимость, и при полках) были созданы подотделы этого чрезвычайного органа.

Армейская чрезвычайная комиссия работала непосредственно под руководством Реввоенсовета XI Красной армии и политических комиссаров. Для работы в ЧК направляли преимущественно членов партии большевиков, лучших представителей рабочего класса и крестьянства. Так, Приказ № 7 от 23 ноября 1918 года, который подписал председатель ЧК Г. А. Атарбеков, требовал принимать в состав формирующейся дивизии при ЧК республики «рабочих и беднейших крестьян по рекомендации коммунистов (большевиков), профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, комитетов деревенской бедноты, а также по рекомендации двух коммунистов»².

На крупных железнодорожных станциях Северо-Кавказская ЧК имела свои периферийные чрезвычайные комиссии, а на мелких — комиссаров ЧК³.

Для сосредоточения всех усилий на борьбе с белогвардейцами в октябре 1918 года Северо-Кавказские войска были реорганизованы. Отряды Красной Армии, действовавшие в районах Северного Кавказа, и войска Таманской армии приказом по Южному фронту сливались в XI Красную армию. Руководство армией осуществлял Реввоенсовет. Командующий армией Сорокин усмотрел в этом решении ограничение своей власти. Он с помощью своих приближенных развил бурную деятельность в войсках с целью отстранения «гражданских» лиц от руководства армией. Созданная им личная контрразведка установила слежку за ответственными работниками республики⁴. Председатель ЧК Власов М. Ф. предупреждал руководителей ЦИК Северного Кавказа, крайкома и Реввоенсовета XI Красной армии о возможной аванюре Сорокина, но, к сожалению, к этому тогда не прислушались⁵. Под видом «чистки» высших партийных и советских органов республики Сорокин задумал осуществить переворот. По его приказу были схвачены и расстреляны как «контрреволюционеры» Крайний М. И. — секретарь Северо-Кавказского крайкома партии, Рубин А. А. — председатель Северо-Кавказского ЦИК, Рожанский Б. Г. — председатель фронтовой ЧК и другие. Власова М. Ф. в этот момент в Пятигорске не было. Узнав о трагедии и о том,

¹ См. «Известия» ЦИК Северо-Кавказской ССР, № 144, 1918, 16 октября.

² «Известия» крайисполкома, № 172, 1918, 23 ноября.

³ См. Пятигорский краеведческий музей. Мемориальный фонд 3, дело Бандаренко Я. Г., стр. 9.

⁴ См. Крутоголов Ф. Ф. На Кубани и Тереке. Краснодар, 1967, стр. 100.

⁵ См. Партийный архив Ростовской области, ф. 12, оп. 3, св. 11, арх. 21, л. 77.

что в случае появления в городе его арестуют, он перешел на нелегальное положение. Находясь в Минеральных Водах, он организовал силы для ликвидации авантюры Сорокина. Но сорокинцы выследили М. Ф. Власова, и в перестрелке с ними он погиб.

В ликвидации авантюры Сорокина активное участие приняли чекисты. Их решительными действиями были обезврежены сторонники авантюриста. В Приказе ЧК № 4 от 2 ноября 1918 года, подписанном Атарбековым, подчеркивалось, что ЧК «не сложит оружия и с удвоенной энергией в ответ на сорокинскую авантюру будет продолжать свое дело и не остановится ни перед чем, чтобы убрать с пути революции всех негодяев, всех провокаторов и предателей революции и закрепить Советскую власть в Северо-Кавказской республике»¹.

Измена Сорокина вызвала дезорганизацию в руководстве войсками, укреплении и защите Советской власти. Этим воспользовался Деникин и прорвал фронт XI Красной армии. Сдерживая натиск армий Деникина с севера, части XI Красной армии начали наступление на Моздок с целью разгрома восстания Бичерахова. К 20 ноября 1918 года центральные районы Терской республики были освобождены от бичераховских мятежников. XI Красная армия соединилась с соседней XII армией. Была восстановлена прямая связь с Астраханью. Но к концу ноября 1918 года положение на фронтах XI Красной армии стало катастрофическим. Почти половина бойцов болела тифом и испанкой. Из-за отсутствия медикаментов и медицинского персонала помощь больным почти не оказывалась. В армии остро ощущался недостаток продовольствия для бойцов и фуража для лошадей. Бойцы были полураздеты. Крайне ограничен был запас боеприпасов: на орудие приходилось не более 20 снарядов, на винтовку — по обойме патронов.

3 декабря 1918 года крайисполком (организованный вместо ЦИК Северо-Кавказской республики) и Реввоенсовет XI Красной армии сочли существование двух параллельных органов по борьбе с контрреволюцией (на фронте и в прифронтовой полосе) нежелательным. Поэтому ЧК Северо-Кавказской республики и чрезвычайный отдел по борьбе с контрреволюцией, бандитизмом и хулиганством были упразднены, а взамен их учреждена чрезвычайная комиссия XI Красной армии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и бандитизмом. На ЧК XI Красной армии была возложена задача борьбы с контрреволюцией как на фронте, так и в тылу.

Деятельность этой чрезвычайной комиссии распространялась от ст. Невинномысской на всю Терскую республику и ряд уездов

¹ «Известия» ЦИК Северо-Кавказской республики, № 157, 1918, 2 ноября.

Ставропольской губернии, которые не были захвачены белогвардейцами. Председателем ЧК XI Красной армии был назначен Г. А. Атарбеков. В своем обращении к населению и войскам он заверил, что ЧК в интересах закрепления всех завоеваний социалистической революции будет вести самую беспощадную и решительную борьбу против тех, кто в районе ее деятельности посягнет на эти завоевания и на права трудящегося народа¹. Председатель ЧК выражал твердую надежду, что все активные революционные элементы в тылу и на фронте придут ей на помощь и всемерно будут содействовать в выполнении трудной задачи, возложенной на нее высшими органами гражданской и военной власти.

ЧК XI Красной армии раскрывала заговоры ярых врагов и предателей трудового народа. Так, в начале января 1919 года за преступления перед народом 26 контрреволюционеров были расстреляны и 10 осуждены².

Чекисты помогали командованию частей XI Красной армии в налаживании боеготовности, дисциплины и сами принимали активное участие в боях с наступающим противником.

В январе 1919 года XI Красная армия вынуждена была отойти с большими потерями в тяжелых условиях зимы по бездорожью на Астрахань. Трудности этого отступления разделяли с бойцами героической XI Красной армии и чекисты.

Образование в 1918 году в советских республиках Кубани и Терека и Ставропольской губернии чрезвычайных комиссий явилось исторической необходимостью, как ответная мера на действия контрреволюционных сил. Их вдохновителем и организатором были партийные комитеты. Они направляли деятельность ЧК через местные Советы, Реввоенсовет XI Красной армии и через своих представителей в этих органах.

Чрезвычайные комиссии Северного Кавказа являлись органами непосредственной борьбы с врагами Советской власти. Основной формой их деятельности было открытое подавление контрреволюционных выступлений врагов нового строя. В это время в работе ЧК преобладали гласные методы обнаружения и ликвидации контрреволюционеров и заговорщиков. Результаты работы ЧК постоянно освещались в периодической печати.

Подводя итоги деятельности чекистских органов Северного Кавказа в 1918 году, надо отметить, что они внесли определенный вклад в решение задачи по борьбе с контрреволюцией.

¹ См. «Известия» крайисполкома, № 196, 1918.

² См. «Известия» крайисполкома, № 6 и 13, 1919.

Кандидат исторических наук
подполковник А. М. Плеханов

ДЗЕРЖИНСКИЙ И ПЕЧАТЬ

Для каждого советского человека дорог Ф. Э. Дзержинский. С его именем связано становление и развитие советских органов государственной безопасности. Он сочетал в себе качества замечательного организатора масс, неутомимого бойца-революционера и пламенного пропагандиста идей коммунизма. Вся его жизнь, умение подойти к любой проблеме с партийных позиций, принципиальность и непримиримость к врагам, удивительная человечность — достойный пример для сотрудников органов госбезопасности.

В данной статье делается попытка показать взгляды Ф. Э. Дзержинского на роль печати в строительстве социализма, а также в борьбе с врагами пролетарского государства. Рассмотрение проблемы ограничивается хронологическими рамками 1921—1926 гг., когда после разгрома белогвардейцев и иностранных интервентов советский народ под руководством Коммунистической партии приступил к экономическому возрождению страны, к претворению в жизнь ленинского плана строительства социализма.

Коммунистическая партия всегда придавала большое значение печати. В. И. Ленин ставил ее в первый ряд институтов Советского государства, призванных быть организаторами народных масс. В своих статьях «Очередные задачи Советской власти», «О характере наших газет» и других он определил пути и средства, при помощи которых советская печать могла активно и действенно помогать партии руководить обществом. Выдвинутый В. И. Лениным лозунг: «Печать должна служить орудием социалистического строительства» — был важнейшей политической задачей в условиях нэпа. Этот лозунг приобрел большую актуальность в связи с попытками антисоциалистических элементов использовать печать в своих целях для борьбы против Советской власти. Частные издательства, находившиеся в руках нэпманов, развернули пропаганду буржуазно-реставраторской идеологии «сменовеховства». В издаваемых ими журналах пропагандировались идеи буржуазной демократии, предлагалось провести денационализацию промышленности, земли, ликвидировать монополию внешней торговли¹.

В. И. Ленин поставил перед Коммунистической партией задачу усилить борьбу против буржуазной идеологии, беспощадно разоблачать ее реакционную, антинаучную сущность.

Исходя из этих важнейших ленинских положений, партийные

¹ См. Велидов А. С. На страже завоеваний Октября. «История СССР», 1970, № 1, стр. 15.

и советские органы разрабатывали конкретные рекомендации по более активному использованию печати в деле идеологического воспитания трудящихся и экономического возрождения страны.

Партия направляла работу советской печати, заботилась о том, чтобы она в полном объеме использовала свои возможности как коллективного пропагандиста, агитатора и организатора масс. Проблемы повышения роли печати в социалистическом строительстве рассматривались на партийных съездах и конференциях, пленумах Центрального Комитета РКП(б), в специальных письмах и циркулярах ЦК. В 1919 году на VIII съезде была принята резолюция «О партийной и советской печати», в которой говорилось о печати как важнейшем средстве воздействия на самые широкие народные массы и намечались пути улучшения ее содержания. Год спустя IX съезд решил укрепить материальную базу печати. В циркуляре ЦК «О программе местной печати» и в письме «О плане местной газеты», относящихся к 1921—1922 гг., говорилось об улучшении содержания, повышении боеспособности печати и совершенствовании руководства ею.

Большое значение придавал печати и Ф. Э. Дзержинский.

Ф. Э. Дзержинский рассматривал печать как одно из важнейших средств, способствующих превращению экономически отсталой России в могучее социалистическое государство. Он считал, что газеты должны стать «мощным орудием возрождения», «могущественным орудием руководства и управления»¹. Дзержинский твердо отстаивал ленинский принцип партийности печати, существо которого заключается в сознательном служении печати интересам пролетариата, в неукоснительном следовании политике партии, глубокой и всесторонней пропаганде идей партии, мобилизации и организации народных масс на претворение в жизнь лозунгов, директив и указаний партии. В партийности он видел высшее выражение классового характера печати, ее идейную направленность. Через многие высказывания Ф. Э. Дзержинского, посвященные роли печати в создании нового общества, красной нитью проходит мысль о необходимости ее активного участия в хозяйственном строительстве, экономическом воспитании масс, внедрении сознательной дисциплины труда, пропаганде положительного опыта.

Ф. Э. Дзержинский предъявлял высокие требования к советской печати, считая, что для нее важнейшее значение имеют ленинские указания о правдивости, как одной из главных черт коммунистической пропаганды и агитации; ей должны быть одинаково чужды как лакировка, парадность, замазывание недостатков, так и охаивание нашей действительности. «Надо изгнать из газет демагогию и вранье»².

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 3153, л. 1.

² Там же, ед. хр. 1420, л. 1.

Ведущую роль Ф. Э. Дзержинский отводил печати в развертывании деловой принципиальной критики и самокритики, в разоблачении всего отжившего, негодного, мешающего нашему движению вперед. Выступая с докладом на совещании руководителей московской печати 16 апреля 1926 года, он отмечал важнейшую роль советской печати в своевременном раскрытии неправильных методов организации производства и управления, ибо успешное развитие народного хозяйства невозможно без «систематического изложения в день подбора таких статей, таких тем, которые бьют в одну точку, в одном направлении — по бесстрашному вскрытию наших болячек»¹.

Требую от сотрудников газет и издательств критического подхода к тем или иным проблемам, Ф. Э. Дзержинский учил видеть принципиальную разницу между критикой наших недостатков с партийных позиций и обывательским смакованием, буржуазной «критикой» с намерением подорвать советский строй. По мнению Дзержинского, печать должна быть направлена на улучшение дела по принципу «не столько обличать, сколько учить». И в критике должна быть соблюдена мера. Характерно его письмо сотруднику одного из наркоматов Савельеву: «Мне сегодня показали № 25 «Крокодила» ...с рисунками, с травлей наших хозяйственников на первой странице. Нэлмановские рожи с повесткой доклада предс[едателя] правления. Я просил бы Вас подобрать мне материал травли наших хозяйств[енников] в печати для того, чтобы выступить в печати в защиту наших хозяйственников и для доклада в ЦК»².

Беспокойство Ф. Э. Дзержинского не было случайным. В те годы страницы газет и журналов, особенно сатирических, были наполнены критическими заметками, фельетонами, баснями, карикатурами, бичевавшими недостатки в работе хозяйственных органов. А доброжелательных статей, направленных на обмен передовым опытом, четкую организацию дела, было крайне мало.

Ф. Э. Дзержинский не терпел поверхностного отношения к публикациям и предлагал авторам прежде всего исходить из интересов дела. Об этом красноречиво говорит один случай. 28 марта 1925 года в «Рабочей газете», органе ЦК партии, была помещена статья Л. Сосновского «Радиовредители, радиопростак, или как покупают «кота в мешке». Автор ставил вопрос о якобы ошибочном заключении концессионного договора с французской радиоконпанией по использованию у нас французской радиотехники, хотя этот вопрос уже был решен высшими государственными инстанциями. Кроме того, в статье содержались оскорбительные вы-

¹ Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения. Том 2. М., Госполитиздат, 1957, стр. 282.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 3051, л. 1.

пады против руководителей народного хозяйства. В связи с появлением статьи Л. Сосновского Ф. Э. Дзержинский обратился с письмом в ЦКК к В. В. Куйбышеву, выслав копию письма в ЦК на имя И. В. Сталина. В письме он заявил, что считает статью Сосновского «преступной и недопустимой для члена партии и для партийной газеты», и ходатайствовал перед ЦКК о «привлечении к партийной ответственности как Л. Сосновского, так и редакции «Рабочей газеты»¹. Это было 28 марта. А через три дня «Рабочая газета» поместила письмо председателя правительственной комиссии по радиodelу В. В. Куйбышева, осудившего действия Л. Сосновского. «Статья Сосновского, — говорилось в нем, — излишне обостряет и без того разгоревшиеся страсти и ни в какой мере не способствует беспристрастному решению вопроса»².

Ф. Э. Дзержинский отрицательно относился к газетной шумихе, считая, что это только вредит делу социалистического строительства. В начале 1925 года в газетах стало появляться много заметок и отчетов о процессах над убийцами сельских корреспондентов. Это приняло характер широкой кампании. Ф. Э. Дзержинский предложил отказаться от обширных публикаций по этому поводу и сосредоточить усилия партии на повседневной текущей работе по укреплению союза рабочего класса и крестьянства. 15 февраля 1925 года он пишет в Политбюро ЦК партии: «Печатание в газетах статей, заметок, сообщений об убийстве селькоров, а также отчетов о судебных по ним процессах считаю вредным. Эти сообщения в нашей печати прежде всего организуют силы, враждебные нам, учат идти по тому же пути... По-моему, тут нужна совсем не газетная шумиха, а огромная, длительная работа, вытекающая из наших всех резолюций и лозунгов «лицом к деревне»... Метод обличения в печати без достаточной и необходимой организации подготовки — это нереальный метод борьбы... Это огромная текущая работа, которой, по-моему, и ЦК, и губкомы, и ЦКК и губКК должны уделить много сил и внимания. Газетная же шумиха заменить этой работы не в состоянии»³. Ознакомление с материалами центральных и губернских газет о процессах селькоров, помещенными после февраля 1925 года, показывает, что публикации стали готовиться более тщательно и число их значительно сократилось.

Особое внимание Ф. Э. Дзержинский уделял публикациям в советской печати материалов о чекистской работе, рассматривая в данном случае печать как средство для расширения и укрепления связей чекистских органов с массами. Центральная и местная печать, по мнению Ф. Э. Дзержинского, должна показывать трудящимся место и роль органов государственной безопасности в

ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 3384, л. 1.

² «Рабочая газета», № 73, 1925. 31 марта.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 102, л. 1.

процессе строительства социалистического общества. В приказах ВЧК — ОГПУ предлагается «обратить внимание на осведомление окружающих о деятельности ЧК», всем ЧК систематически выступать на страницах газет и журналов со статьями о своей деятельности, «каждая ЧК на страницах местного органа должна иметь свой отдел»¹. Известно много указаний Ф. Э. Дзержинского об освещении в печати задач, решаемых чекистами. Так, 20 января 1921 года в записке, адресованной в Экономическое управление ВЧК, он рекомендует написать статью о значении карательной политики в борьбе с разрухой и злоупотреблениями².

Ф. Э. Дзержинский обращается к печати для того, чтобы привлечь внимание общественности к нерешенным задачам. Например, в начале 1922 года, возглавляя специальную комиссию СТО, по заданию ЦК партии он выезжает в Сибирь для выяснения положения с продовольствием и отправки продовольственных грузов в центральные районы. Вместе с Ф. Э. Дзержинским в Омск и Новониколаевск выехала большая группа сотрудников ВЧК, так как для нормализации обстановки в Сибири большое значение имело улучшение деятельности чекистского аппарата.

Оттуда Дзержинский обращается к редактору «Известий» и просит его поместить письмо Глузмана об экспедиции в Сибирь. «Положение здесь таково, что, если не обратить внимания на Сибирь, мы можем ее потерять...». Обстановка в этом районе страны была действительно тревожной: «парт[ийная], проф[союзная] и культработа отсутствуют», а местные работники «нов[ой] эконом[ической] политики не понимают, не чувствуют, что это новый этап борьбы за существование, никто не разъясняет им, литературы нет, организации в зародыше, настроения антиспецовские и индивидуалистические. Положение материальное тоже очень тяжелое... В результате не можем справиться с боевым заданием. Январь потерян. Необходимо на Сибирь обратить внимание...»³. Газета «Известия» поместила статью А. Глузмана «Экспедиция особоуполномоченного ВЦИК и СТО т. Дзержинского» (письмо из Сибири)⁴.

Исходя из указаний ЦК РКП(б) и учитывая пожелания руководителей ВЧК — ОГПУ, «Правда», «Известия», «Беднота» и другие центральные и местные газеты постоянно предоставляли свои страницы для помещения чекистских материалов. Некоторые губернские газеты отводили специальные полосы для сообщений о работе ЧК. Вот перечень статей газеты «Советский Юг»: «Кого и за что карает ЧК», «Новая экономическая политика и ЧК» (в порядке дискуссии), «Борьба с бандитизмом» (беседа с председателем ДонЧК тов. Емельяновым). «Советская Сибирь» под

¹ ЦА КГБ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 95, т. 2, стр. 62.

² См. ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 3896, л. 1.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 268, л. 1.

⁴ См. «Известия», № 32(1471), 1922, 10 февраля.

рубрикой «Партийная жизнь» наряду с другими материалами регулярно помещала заметки о работе комячеек губернских отделов ГПУ Омска и Новониколаевска, о шефстве, выступления полномочного представителя ОГПУ в Сибири Павлуновского. В «Тамбовской правде» в отделе «Жизнь РКП» рассказывалось о работе партийной ячейки при отделении ДТО ГПУ.

Литературно-издательская деятельность губкомов оказывала большую помощь чекистам в решении оперативных задач. Так, Тамбовский губком партии с 1 марта по 1 августа 1921 года (период ожесточенной борьбы с кулацким бандитизмом) издал 57 000 брошюр и 39 различных листовок (в количестве 657 000 штук) о борьбе с бандитизмом. Это способствовало разоблачению бандитов, истинных целей участников контрреволюционных выступлений, политики антисоветских партий.

Ф. Э. Дзержинский рекомендовал чекистам более активно использовать в печати имевшиеся в их распоряжении материалы в целях воспитания трудящихся в духе высокой политической бдительности. Его беспокоило то обстоятельство, что «наши материалы политически (разрядка моя. — А. П.) достаточно не используются. Это наш коренной дефект»¹. Он считал, что надо идти навстречу пожеланиям редакторов газет, знакомя их с документами, представлявшими интерес для печати: «Стеклов просил получать (будет возвращать) для прочтения сводки наши. Просил с января месяца. Полагаю, что ему, как редактору «Известий», знать надо. М[ожет] быть, обязать его таким путем работать у нас по политич[ескому] использованию имеющихся у нас материалов»².

Наряду с рекомендациями по активному использованию в печати материалов ВЧК — ОГПУ по инициативе Ф. Э. Дзержинского принимаются меры к ограничению круга лиц, получающих чекистскую информацию. Это вызывалось соображениями конспирации. Был установлен порядок поступления материалов о работе органов ВЧК — ОГПУ в редакции газет и журналов. В приказе от 10 июля 1922 года обращается внимание местных органов ГПУ на то, что они иногда преждевременно сообщают газетным корреспондентам сведения о результатах работы ГПУ и ее местных органов, что влияет на ход разработок. А поэтому «без соответствующего решения ГПУ никаких сведений или материалов, хотя бы и по законченным делам, в печать не давать»³. Было указано на недопустимость появления в открытой печати данных о работе и структуре ОГПУ. Такие сведения были изъяты из подготовленных к печати номеров журналов «Рабоче-крестьянская милиция», «Власть Советов» и из «Указателя по статистике преступлений,

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 169, л. 1.

² Там же, ед. хр. 3844, л. 1.

³ ЦА КГБ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 112, л. 5.

наказаний и самоубийств». Все уволенные сотрудники ОГПУ, занимавшиеся литературной или сценической деятельностью, обязаны были давать подписку о неразглашении сведений оперативно-агентурного характера.

Ф. Э. Дзержинский большое значение придавал печати в деле культурного воспитания трудящихся. Печать, по его мнению, должна способствовать ликвидации неграмотности и формированию коммунистического мировоззрения. От этого, говорил Ф. Э. Дзержинский, во многом зависит решение всех задач. «Там, где нет грамоты... где нет культуры, там нет пролетарской власти, там будет взяточничество, шкурничество, но не будет сознания той миссии, которую пролетариат выполняет»¹. Весьма примечательно, что Дзержинский проявлял постоянную заботу по обеспечению работников местных ЧК необходимой литературой. Находясь в Сибири в начале 1922 года, он ставит перед И. С. Уншлихтом вопрос о посылке фельдсвязью для сибирских транспортных чрезвычайных комиссий газет «Правда», «Известия», «Экономическая жизнь», «Гудок»². Из Новониколаевска он пишет, что нужно попросить Герсона В. Л., «пусть соберет всю литературу, без которой мне можно обойтись (дома у меня в кабинете есть), и достанет еще и шлет сюда мне. Самая главная литература — о фронте напряжения труда, о международной ситуации и о новой экономической политике»³.

Чекистские партийные ячейки неукоснительно выполняли рекомендации партийных органов и руководства ВЧК — ОГПУ об активной опоре на печать в воспитании чекистов. Повестки заседаний исполнительных бюро (президиумов) и общих собраний ячеек говорят об этом. Так, в мае 1922 года президиум бюро объединенной ячейки особого отдела Западно-Сибирского военного округа, Омского губотдела ГПУ и 75-го дивизиона войск ГПУ обсудил вопрос о выписке центральных газет⁴. 5 января 1923 года исполнительное бюро ячейки Новониколаевского линейного транспортного отдела, рассмотрев циркуляр райкома партии о коллективной выписке центральных газет, решило предложить общему собранию выписывать на средства членов ячейки три центральные газеты, «газеты должны группироваться в библиотеке-читальне и ни в коем случае не растаскиваться сотрудниками по кабинетам»⁵.

¹ Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения. Том 1. М., Госполитиздат, 1957, стр. 350—351.

² См. Хациевич А. Ф. Солдат великих боев. Минск, 1970, стр. 352.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 4142, л. 1.

⁴ См. Партийный архив Омского обкома КПСС (ПАОО), ф. 10, оп. 1, ед. хр. 212, л. 39.

⁵ Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО), ф. 36, оп. 1, ед. хр. 289, л. 24.

Особое значение для чекистов имеют рекомендации Ф. Э. Дзержинского по применению печати в целях борьбы с преступными элементами, с врагами Советской власти. Он рассматривал печать прежде всего как важнейший источник информации о процессах, представлявших оперативный интерес для органов государственной безопасности. Ф. Э. Дзержинский требовал от чекистов, чтобы они были всегда в курсе международной и внутренней жизни страны, внимательно следили за печатью в интересах своей повседневной практической работы. Он своевременно откликался на материалы, опубликованные в газетах и журналах.

В октябре 1922 года после опубликования в «Известиях» статьи И. Бегового о волоките при организации подъема затонувшего парохода в Архангельском порту Ф. Э. Дзержинский просит Г. И. Благонравова собрать все сведения, относящиеся к делу, и сделать заключение по статье¹. После ознакомления с материалом «Известий» о плохой работе Госиздата Ф. Э. Дзержинский дает указание С. А. Мессингу «произвести расследование по заметке... и наказать виновных»².

6 января 1924 года в «Правде» была опубликована статья В. Короткова «В деревню», где говорилось о необходимости усиления борьбы с хулиганством, самогоноварением, кражами и поджогами в деревне³. Статья была помещена редакцией в дискуссионном плане. После ознакомления с ней Ф. Э. Дзержинский пишет В. Р. Менжинскому: «Вопрос, поднятый т. Коротковым, колоссальной важности. Прошу дать свои соображения... о той роли, которую могли бы сыграть органы ГПУ в борьбе с... хулиганством. Огромную роль могли бы сыграть и наши красноармейцы, поскольку нами будет организована их связь... с деревней. Органы ТО ГПУ могли бы тоже сыграть большую роль с пользой для крестьян и транспорта»⁴. В. Р. Менжинский в своем ответе согласился с мнением Ф. Э. Дзержинского и обязал чекистов вести борьбу с хулиганством в тесном контакте с губкомами партий⁵.

12 августа 1925 года в газете «Экономическая жизнь» была помещена заметка «Принудительный ассортимент». В ней говорилось о злоупотреблениях в торговле треста «Петроткань». Поводом для написания заметки послужило письменное заявление в Наркомат здравоохранения представителей ленинградского и нижегородского губздравов, что трест «Петроткань», имеющий на своих складах марлю, соглашается отпускать ее лишь при условии покупки других товаров, совершенно не нужных медицинским учреждениям. При такой политике треста развивалась спекуляция,

¹ См. ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 1038, л. 1.

² Там же, ед. хр. 503, л. 1.

³ См. «Правда», № 5, 1924, 6 января.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 440, л. 1.

⁵ См. там же.

так как посредники могли покупать марлю и перепродавать ее по завышенной цене.

После ознакомления с заметкой Ф. Э. Дзержинский пишет начальнику транспортного отдела ОГПУ Г. И. Благодравову: «При сем вырезка из «Эк[ономической] ж[изни]» от 12.VIII. Прошу тщательно расследовать, произведя формальное расследование с передачей затем дела в уголовный или дисциплинарный суд, смотря по обстоятельствам дела»¹.

Одной из важных мер в борьбе со спекуляцией Дзержинский считает широкое привлечение к сотрудничеству в местной и центральной печати партийных и советских работников, в том числе и чекистов. В служебной записке от 4 апреля 1924 года по поводу спекуляции в торговых организациях, он предлагает «организовать Торг[ово]-промышл[енной] газетой анкету по этому вопросу, обратиться к местным властям, предоставить им место в газете... К этой работе не мешало бы привлечь Экономупр[авление] ОГПУ и его материалы»².

К этой мысли Ф. Э. Дзержинский возвращается 16 октября 1925 года после ознакомления со статьей «Рыночная цена и рыночный ажиотаж», помещенной в газете «Экономическая жизнь». В ней говорилось о том, что оптово-розничные ножницы цен раздвигаются под влиянием такой силы, как отсутствие товаров. Но наряду с товарным голодом это положение усугублялось ростом наценок, чрезмерным повышением цен и самой организацией торговли. По данным торговой инспекции, например, в Донецком округе кооперативные организации продавали мануфактуру с надбавкой от 30 до 50 процентов³. Ознакомившись с материалами газеты, Ф. Э. Дзержинский пишет В. Н. Манцеву: «...в сегодняшней «Эк[ономической] ж[изни]»... обвиняются некоторые кожевенные тресты в том, что они вздувают цены, продавая своим оптовым покупателям через розничные магазины. Необходимо это проверить и... одновременно предупредить о том, что будем карать за нарушение указаний наших и правительства»⁴.

Несколько ранее, в 1922 году, Ф. Э. Дзержинский дает поручение ТО ГПУ «подготовить и собрать весь материал, касающийся взяточничества, для опубликования в печати»⁵.

Как коммунист, Ф. Э. Дзержинский выносит особо тревожные сигналы печати на рассмотрение партийных органов, обращаясь в некоторых случаях даже в ЦК партии и Политбюро. Так, в своем письме в Политбюро в августе 1922 года он отмечает: «...в «Известиях» от 25/VI. 22г. — заметка «Взятка», из которой видно, что

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 187, л. 1.

² Там же, оп. 4, ед. хр. 3153, л. 1.

³ См. «Экономическая жизнь», № 237 (2059), 1925, 16 октября.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 2553, л. 1.

⁵ Там же, ед. хр. 1593, л. 15.

товарный отдел Госбанка открыто принимает счета об израсходовании всеми сотрудниками средств на раздачу взяток железнодорожным служащим за продвижение грузов и за «прочие услуги». Помещение такого рода заметки вызвано, несомненно, желанием Госбанка снять с себя ответственность за легализацию взяток». ГПУ приняло меры по расследованию фактов, содержащихся в этой заметке, но встретило противодействие со стороны заведующего Госбанком А. Л. Шейнмана. «Все эти факты,— пишет далее Ф. Э. Дзержинский,— позволяют сделать только один вывод: этому разврату должен быть положен конец. Партия должна начать энергичную борьбу против разложения». Он предлагает опубликовать в прессе имена виновников с изложением обстоятельств дела, так как меры судебного характера недостаточны, и лишать государственной помощи ведомства и тресты, уличенные во взятках и не принимающие мер к их искоренению¹.

По предложению Ф. Э. Дзержинского для изжития взяточничества проводится агитационная кампания через органы печати, выпускаются специальные листовки². С редакцией «Гудка» достигается договоренность о выпуске специального номера о борьбе со взяткой, а в ЦК РКП(б) передается материал «для организации идеологической стороны борьбы...»³. Центральные и местные газеты поместили обращение Ф. Э. Дзержинского о необходимости беспощадной борьбы со взяточничеством. «Будьте зорки и бдительны! — писал он. — Пролетарские руки не должны и не могут быть замараны взятками»⁴.

Важнейшей обязанностью чекистских органов было наблюдение за печатью и другими средствами массовой информации, за правильностью и четкостью их позиций.

Партия с первых дней Советской власти была поставлена перед необходимостью принятия ряда мер против контрреволюционной печати. «Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага... оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы»⁵, — говорилось в подписанном В. И. Лениным Декрете о печати. Партия дала решительный отпор эсерам и меньшевикам, протестовавшим против закрытия буржуазных газет и требовавшим под фальшивым флагом демократии свободу для враждебной народу печати. «Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные

¹ См. ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 445, лл. 4, 5.

² См. там же, ед. хр. 1593, л. 1.

³ Там же, ед. хр. 1594, л. 2.

⁴ Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения. Том 1, стр. 312.

⁵ О партийной и советской печати. Сборник документов. М., изд. «Правда», 1954, стр. 173.

газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет значит перестать быть социалистом»¹, — говорил В. И. Ленин в своей речи по вопросу о печати на заседании ВЦИК 4(17) ноября 1917 года.

В годы нэпа было допущено существование частных издательств под контролем Советской власти. Только в Москве к февралю 1922 года было зарегистрировано свыше 143 частных издательств. На чекистов партия возложила важнейшую задачу всестороннего наблюдения за печатью, и особенно за работой сотрудников газет и журналов. Это исходило из указаний В. И. Ленина, который предлагал не останавливаться и перед применением административных мер в борьбе против проводников буржуазной идеологии в тех случаях, когда их деятельность носила антисоветский характер. Нельзя было не учитывать и того, что в центре и на местах недоставало партийных, стойких, профессионально подготовленных журналистских кадров. Поэтому Ф. Э. Дзержинский рекомендовал чекистам усилить наблюдение за антисоветски настроенными интеллигентами. Он предлагал выработать план, постоянно корректируя и дополняя его. Антисоветски настроенных литераторов разделить на группы: беллетристы, публицисты, экономисты, техники и т. д. Сведения о них должны собираться всеми отделами и стекаться в отдел, который ведет работу среди интеллигенции. Поступающие сведения должны «проверяться со всех сторон, чтобы заключение чекистов было безошибочно»².

Требование всесторонней проверки сведений, поступающих в ВЧК — ОГПУ, проходит через все распоряжения Ф. Э. Дзержинского. Он говорит о необходимости передачи наблюдения за контрреволюционной деятельностью интеллигенции в печати «сильному человеку», «достаточно компетентному», предлагая поставить во главе этого дела В. Р. Менжинского³. На многих материалах, поступивших в ВЧК — ОГПУ, есть такие резолюции Ф. Э. Дзержинского: «было бы полезным получить отзыв людей компетентных»⁴, «дать на отзыв оперативным органам для оценки и внесения дополнений и изменений»⁵. Он также указывает на обязательность наблюдения за ведомственной литературой Наркомзема, ВСНХ, НКПС и других наркоматов с точки зрения неуклонного выполнения партийных директив. «Необходимо нам организовать наблюдение за прессой, как она выполняет (вернее не выполняет) партийную директиву»⁶.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 54.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 4028, лл. 2—3.

³ См. там же, лл. 1, 2.

⁴ Там же, ед. хр. 577, л. 1.

⁵ Там же, ед. хр. 714, л. 1.

⁶ Там же, ед. хр. 2431, л. 1

Наряду с наблюдением за ведомственной литературой обязанностью органов ВЧК — ОГПУ являлось недопущение помещения в газетах и журналах сведений, представлявших интерес для наших политических противников. Официальные периодические издания не должны были служить источником снабжения иностранных государств материалами о Красной Армии, оборонных предприятиях и пр. А опасность этого была. Например, в 1923 году появились статьи о Красной Армии с характеристикой ее боевого состава, внутренней организации, названиями отдельных войсковых единиц, их руководителей и мест дислокации. Были получены данные о том, что на основании публикаций газет «Правда», «Известия», «Трудовой Дон», «Коммуна» империалистические разведки составляли сводки боевого расписания Красной Армии, отвечавшие действительности. Вот почему ГПУ Приказом № 430 от 20 октября 1923 года рекомендовало своим местным органам принять меры к тому, чтобы не допустить публикации в печати закрытых материалов. Разрешалось публиковать только сведения «общего характера, относящиеся к быту Красной Армии, отнюдь не указывая, какой именно войсковой единицы, а ограничиваясь ссылкой «Н-ой» войсковой единицы»¹.

Дзержинский внимательно следил за работой различных отделов, связанных с контролем за печатными изданиями, перепиской и пр. Он требовал упорядочить работу цензуры. «У нас несколько цензур для публикации сведений о событиях. Не было ли бы полезным, если бы Вы взяли на себя созвать совещание для урегулирования этого вопроса», — пишет он В. Р. Менжинскому 13 марта 1921 года².

Особое место в работе чекистских органов занимало наблюдение за зарубежными изданиями монархических и мелкобуржуазных партий. Именно после окончания гражданской войны наши идейные противники, потерпевшие поражение в открытом бою, изменили свои методы, оставив неизменной цель — свергнуть Советскую власть. Развернувшаяся за границей бешеная кампания преследовала цель дискредитировать советский строй, внести разлад в ряды бойцов революции. О том, в каком объеме издавалась за рубежом чуждая нашей идеологии литература, можно судить по выпущенному в 1924 году в Праге изданию «Русская зарубежная книга» (часть I). В этой книге отмечалось, что первые русские издания за границей относятся к 1918 году. Всего их насчитывалось 414 в 81 месте, главным образом в Европе, Азии, Америке и в Африке³. Подавляющее большинство этих литературных начинаний относится к 1920—1922 гг. Центрами издательской

¹ ЦА КГБ, ф. 6. оп. 1, ед. хр. 122, л. 305.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76. оп. 4, ед. хр. 227, л. 1.

³ См. Розенберг В. А. Русская зарубежная периодическая печать. В кн.: «Русская зарубежная книга». Часть I. Прага, 1924. стр. 133.

деятельности были: в Европе — Берлин, Париж, Прага, в Азии — Харбин, Шанхай.

Враждебные элементы прибегали к различным ухищрениям, чтобы провезти печатные издания в Советскую республику. Так, в телеграмме ГПУ отмечалось, что контрреволюционная литература Белого Креста и воззвание Высшего монархического союза в большом количестве посылаются в Россию посредством вклеивания их в сельскохозяйственные и электрические каталоги и прейскуранты, которые отправляются почтой на адреса селькомов, земотделов и исполкомов¹.

При ввозе иностранной литературы местные ЧК руководствовались телеграммой И. С. Уншлихта, направленной им в феврале 1922 года. В ней говорилось, что допущение в Россию всех иностранных газет признается преждевременным. К свободному обращению в стране были разрешены лишь издания коммунистических партий и социалистических групп, книги и журналы научного и технического содержания. «Ввоз издаваемой за границей русской и белогвардейской литературы безусловно запретить»². Литература, направляемая в нашу страну, просматривалась цензурой. Ф. Э. Дзержинский старался быть постоянно в курсе работы ее отделов и служб. «Что делает наша цензура? Прошу обследовать и доложить мне о просмотре заграничной почты, о постановке дела, о достигнутых успехах, о том, что обнаружено, и т. д., а также, как велика вообще загранич[ная] почта по родам посылок...»³.

Отдельные зарубежные издания, которые можно было использовать для разоблачения истинных целей политических противников, рекомендовались к распространению в стране. Так, Приказом ВЧК № 378 от 15 ноября 1921 года был объявлен первый список в количестве 15 изданий, не подлежащих конфискации и разрешенных к продаже через советские учреждения⁴.

В ВЧК хорошо была поставлена информация о зарубежных изданиях в служебных целях. Редакционно-издательское отделение Информационного отдела ВЧК просматривало получаемые из-за границы русские и иностранные газеты и журналы, составляло обзоры статей для бюллетеня «Обзор зарубежной прессы», снабжало газетами государственные и партийные учреждения по запросам.

Меры, принимаемые Ф. Э. Дзержинским по материалам зарубежной печати, были действенны и своевременны. Он показывал чекистам пример оперативного решения вопросов, учил не пренебрегать данными, полученными из иностранных газет и журналов,

¹ См. ЦА КГБ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 126, л. 80.

² Там же, ед. хр. 115, л. 204.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 4025, л. 1.

⁴ См. ЦА КГБ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 103, л. 334.

делать выводы для практической деятельности. 22 июня 1926 года он пишет в ГПУ: «В связи с тем, что польская и украинская петлюровская пресса обвиняет большевиков в убийстве Петлюры и в связи с переданным мне вами сообщением о том, что адъютант Петлюры работник 2-го отдела Польармии поклялся жестоко «отомстить большевикам», необходимо принять ряд мер для предотвращения покушений. Необходимо: 1) предупредить всех членов ЦК и всех наших послов о замыслах петлюровцев, ...3) произвести массовую операцию против петлюровцев, тщательно ее подработав и ударивши по их московским связям, 4) усилить бдительность по охране высших партийных и советских учреждений на Украине и вождей, проверивши их аппараты с точки зрения связи с петлюровцами, усилить... охрану ЦК ВКП(б)...»¹.

В начале 1926 года Англия предпринимает шаги по активизации деятельности своей агентуры и стремится использовать русских эмигрантов в различных странах. Английская разведка ведет переговоры с лидерами русской эмиграции во Франции, Турции, Чехословакии и Китае. В газетах «Таймс» и «Дейли Телеграф» появляются сообщения о стремлении английских агентов объединить различные антисоветские группировки. В связи с этим Ф. Э. Дзержинский пишет своему секретарю В. Л. Герсону: «Это очень важное сообщение необходимо доложить... т. Сталину, обратить внимание на дату 3 января, то есть задолго до осложнений на К[итайско]-Вост[очной] ж[елезной] д[ороге]...»².

Ф. Э. Дзержинский придавал важное значение использованию данных печати в целях выявления подрывной деятельности противников Советской власти. 16 марта 1924 года он пишет В. Р. Менжинскому: «Т. Стеклов обратил мое внимание на статью Соколова в XIII томе Архива Гессена о защите Учр[едительного] собрания. Она дает большой материал и для непосредственной розыскной работы. Прошу прочесть и дать указания т. Дерибасу»³. Статья Б. Соколова «Защита Всероссийского Учредительного собрания» была помещена в «Архиве русской революции», издаваемом Г. В. Гессеном в Берлине. В ней автор освещает события с конца 1917 года до разгона Учредительного собрания. Соколов — ярый антисоветчик. Он принадлежал к партии эсеров и был сторонником террористических действий. В самой статье старался прибегнуть к мерам конспирации: в ряде случаев не приводил фамилий участников событий, а ограничился инициалами или одной буквой. Говоря о покушении на В. И. Ленина в декабре 1917 года, он указывает: «...Впрочем, точное и детальное описание всего этого эпи-

¹ См. ЦПА ИМ.Л., ф. 76, оп. 4, ед. хр. 3815, л. 1.

² Там же, ед. хр. 572, л. 1.

³ Там же, ед. хр. 4041, л. 1.

зода принадлежит будущему. Сейчас это было бы несвоевременно. Участники этого покушения живы и притом в России»¹.

Вместе с тем Соколов выболтал в статье любопытные подробности о разброде в партии эсеров в конце 1917 года, назвав много фамилий антисоветски настроенных лиц. В числе упомянутых лиц — активные эсеры из избирательного списка (Моисеенко, Филипповский), члены Учредительного собрания от меньшевиков, призывавшие к вооруженным действиям против Советской власти (Фортулатов, Маслов), народные социалисты Н. В. Чайковский и Биркенгейм, выступавшие в поддержку эсеров и агитировавшие за всеобщую забастовку. В статье говорилось об активной антисоветской агитации в районах Петрограда, которую вели Брушвит, Гуревич, Утгоф, о деятельности эсеровской боевой группы во главе с Онипко, готовившей покушение на В. И. Ленина.

Сведения, почерпнутые из данной статьи, были использованы чекистами при розыске ярых антисоветчиков.

После поимки Б. Савинкова для ведения следствия и для разоблачения его связей с Пилсудским и его правительством нужны были дополнительные данные. Ф. Э. Дзержинский пишет письмо в советское посольство в Берлине с просьбой выслать сводки и вырезки из польских газет и журналов о Савинкове. Ф. Э. Дзержинский учил чекистов своевременно реагировать на фальсификаторские измышления врагов Советской власти.

В связи с открытой антисоветской деятельностью меньшевиков Ф. Э. Дзержинский предлагает В. Р. Менжинскому «составить краткое обоснование для внесения в ЦК предложения выгнать официально через сессию ВЦИК меньшевиков из Советов. Я думаю, прочтя их один номер газеты, это надо сделать»². «Необходимо, кроме статей и писем о с.-р. и меньшевиках, дать правительств[енное] сообщение о них: обвинительный акт всех их грехов. Необходимо поэтому подобрать материал весь...»³.

В своей телеграмме во Владивосток на имя Серебрякова Ф. Э. Дзержинский рекомендует разоблачать в печати лицемерие и ложь адмирала Старка⁴. А для опровержения вымыслов иностранной прессы о немецких студентах, якобы замученных ГПУ, он считает целесообразным предложение И. В. Сталина: «каким-нибудь иностранным корреспондентам (английским или американским) показать внутр[еннюю] тюрьму, в том числе и немцев, чтобы выбить аргумент, что они замучены»⁵.

По отношению к белогвардейским монархическим изданиям, изданиям мелкобуржуазных партий, которые не просто фальсифи-

¹ Архив русской революции. Т. XIII. Берлин, изд. «Слово», 1924, стр. 47.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 4279, л. 1.

³ Там же, ед. хр. 240, л. 1.

⁴ См. там же, ед. хр. 406, л. 1.

⁵ Там же, ед. хр. 3695, л. 1.

цировали факты, искажая существо событий, а повседневно проводили разнузданную антисоветскую агитацию, Ф. Э. Дзержинский стоял за принятие крайних мер чекистскими органами.

В 1923 году в Берлине издавалась газета «Дни». Она имела свои отделения в Праге и Париже. В ее работе принимали участие Н. Д. Авксентьев, Эд. Бернштейн, Е. К. Брешковская, И. И. Бунаков, А. Белый, М. В. Вишняк, В. М. Зензинов, А. Ф. Керенский, Е. Д. Кускова, А. В. Пешехонов и другие. Сам состав сотрудников газеты говорил о ее направленности. Хотя газета и называла себя республиканско-демократической, на самом деле она ничем не отличалась от махровой монархической газеты. 23 января 1923 года в ней была помещена передовая статья, проинизанная клеветой на хозяйственную деятельность наркоматов. 31 января 1923 года, ознакомившись с содержанием этой статьи, Ф. Э. Дзержинский пишет В. Р. Менжинскому: «При сем «Дни»... прочтите передовицу... Более гнусного трудно придумать. Необходимо за этими «Днями» установить неустанное наблюдение, выяснить авторов этих статей и всех сотрудников, составить их списки с их биографиями, выяснить, с кем они связаны в России... и начать против них беспощадные гонения, выгоняя их за границу. «Дни» должны почувствовать, что ГПУ еще живо. Я думаю, что необходимо было бы и в прессе нашей охарактеризовать эти «Дни», для того чтобы поставить их последователей вне закона»¹.

Ф. Э. Дзержинский призывал чекистов к постоянной революционной бдительности. В частности, он указывал на необходимость сохранения служебных документов, чтобы они не стали достоянием наших врагов и не были использованы ими в печати во враждебных целях. Известно, что редакции белогвардейских и мелкобуржуазных газет и журналов специально охотились за партийными и советскими документами, проявляя особый интерес к материалам чекистских органов. Так, в апреле 1921 года в меньшевистском «Социалистическом вестнике» было опубликовано циркулярное письмо ВЧК № 5 от 1 июня 1920 года, которое должно было храниться на правах шифра. В этом письме давалась подробная характеристика сионистам, правым и левым эсерам, меньшевикам и излагались методы борьбы с ними, причем упор был сделан на агентурную работу. В этом же меньшевистском издании были напечатаны выдержки из отчета Одесской ГЧК за 1921 год.

Руководство ВЧК — ОГПУ потребовало от начальников губотделов покончить с элементами халатности в работе некоторых чекистских органов, в частности политконтроля, потому что это приводило к расконспиривованию их работы.

Таков круг вопросов, показывающих взгляды Ф. Э. Дзержинского на роль и значение печати в деле социалистического строи-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 130, л. 1.

тельства и в борьбе с врагами пролетарского государства, за превращение в жизнь идей марксизма-ленинизма. Обращение к данной теме поможет глубже уяснить исторический путь нашей печати, пройденный под руководством Коммунистической партии.

Нам дороги документы Ф. Э. Дзержинского не только потому, что они учат борьбе с идеологическими противниками, непримиримости к недостаткам, но и потому, что они также показывают одну из малоизученных сторон кипучей деятельности Ф. Э. Дзержинского, жизнь которого является примером для нынешнего и будущих поколений чекистов.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Кандидат юридических наук
майор С. В. Дьяков

МОТИВЫ И ИХ РОЛЬ ПРИ ДОБРОВОЛЬНОМ ОТКАЗЕ ОТ СОВЕРШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В советском уголовном праве (статья 16 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик) добровольный отказ рассматривается как волеизъявление лица, связанное с окончательным прекращением предварительной преступной деятельности при сознании им возможности доведения ее до конца. Добровольный отказ является в своей основе волевым процессом и поэтому немыслим без мотива как элемента субъективной стороны, как признака, раскрывающего весь внутренний механизм этого процесса.

Под мотивом преступного поведения понимается «отраженная в человеческом сознании и эмоционально пережитая потребность, служащая исходным побуждением к общественно опасному действию или бездействию»¹. Применительно к добровольному отказу мотивами являются переработанные в сознании человека побуждения, которые приводят к отпадению у него умысла и прекращению начатой им преступной деятельности.

Выявление и анализ мотивов, ведущих к добровольному отказу, имеют большое значение не только для правильной оценки действий лица, но и для выяснения возможностей побуждения его к отказу от преступления оперативными силами и средствами органов КГБ.

Склонение к добровольному отказу как метод оперативной деятельности является по существу неразработанной проблемой в теории оперативного искусства. В связи с этим у практических работников нет единого понимания данного вопроса. Указанные причины ведут к тому, что на практике целевая постановка вопроса о побуждении изучаемого лица к добровольному отказу встречается довольно редко. В тех же случаях, когда через агентов или доверенных лиц осуществляется профилактическое воздействие

¹ Гольдинер В. Д. Мотивы преступления. Кандидатская диссертация. М., 1944—1945 гг., стр. 55—56.

на изучаемого, то не всегда с достаточной четкостью определяется уголовно-правовая цель этого мероприятия. В ряде приказов председателя КГБ при Совете Министров СССР указывается, что агент должен оказать на человека, политически заблуждающегося или вставшего на преступный путь в результате допущенных ошибок, воздействие, рассчитанное на его отказ от совершения преступления и на явку с повинной.

Разработать методику побуждения лица к отказу от преступления оперативными силами и средствами можно, лишь уяснив внутренний механизм и мотивы преступной деятельности, предшествующей акту добровольного отказа, динамику психической борьбы всех «за» и «против» доведения преступления до конца («борьбы мотивов»).

«Борьба мотивов» — это сложный процесс столкновения различных побудительных стимулов, отраженных в человеческом сознании и постоянно влияющих на волю субъекта. Раскрыть механизм этой внутренней борьбы — значит познать, каким образом факторы объективной действительности отразились в сознании лица, воздействовали на его волю, и в конечном счете разрешить вопрос о добровольности или вынужденности отказа¹.

Неверно было бы думать, что отказ от преступления во всех случаях уступает по степени психического напряжения самому процессу совершения преступления. На наш взгляд, совершенно правильно отмечает Л. М. Колодкин, что «иногда отказ от доведения преступления до конца требует от человека большей силы воли, мужества и напряжения психики, чем участие в преступной деятельности, особенно если он связан с выходом из преступной группы»².

Влияние мотивов на изменение умысла довольно наглядно можно показать на материалах уголовного дела Химана, отказавшегося от намерения совершить бегство за границу. В ходе допроса он дал следующие показания: «Как буду переходить границу, не представлял вообще. Около 2 часов дня вернулся на железнодорожный вокзал и сел на диван в зале ожидания. Вот тут до меня стала доходить бессмысленность моего положения и приезда в г. Выборг. Думал, что если удастся перейти государственную границу, то финские власти возвратят меня обратно. Последует арест, суд и буду опозорен. Обдумывал свое будущее в случае удачного исхода побега и пришел к выводу, что ничего хорошего там меня не ждет, а поэтому отказался от намерения бежать в Финляндию».

¹ Вопрос о необходимых признаках добровольного отказа изложен в статье автора «О добровольном отказе от совершения преступления». Сборник КГБ, 1972, № 2, стр. 111—117.

² Колодкин Л. М. Стадии преступления и предупреждение преступлений. Кандидатская диссертация. ЛГУ, 1969, стр. 61.

Таким образом, «борьба мотивов» — явление, отражающее психическое состояние лица при добровольном отказе и позволяющее судить о юридической значимости прекращения преступных действий.

В юридической литературе мотив добровольного отказа иногда трактуется как контрмотив. Обычно этим термином пользуются при характеристике «борьбы мотивов» с целью более наглядного отражения динамики психического процесса¹. Однако такой подход к оценке содержания мотива требует некоторого уточнения. Контрмотив — это мотив, прямо противоположный по своему характеру тому, которым руководствуется субъект, совершая преступление. Следует отметить, что такое прямое противопоставление содержания мотивов в практике почти не встречается. Чаще всего эти мотивы выступают как разнопорядковые, хотя они и связаны с одним и тем же фактом. «Борьба мотивов», которой сопровождается акт добровольного отказа, есть в основе своей «конкуренция» побудительных причин, но не обязательно в плане их прямого взаимоуничтожения. Она отражает степень влияния всех «за» и «против» на волю субъекта. Перевес мотива добровольного отказа свидетельствует прежде всего о том, что он оказался более действенным, чем тот, которым руководствовался субъект, совершая преступление. Следовательно, «борьба мотивов» имеет не прямой, а опосредованный через волю субъекта характер и термин «контрмотив», будучи удобен терминологически, должен употребляться с учетом изложенного положения.

Например, участники антисоветской националистической банды Брикульс, Балодис, Арклонс и другие, испытывая ненависть к советскому строю, решили совершить террористический акт в отношении советского активиста Карклиниекса. Ночью бандиты ворвались в дом Карклиниекса и заставили его читать отходную молитву, а Брикульс даже произвел выстрел вверх. Однако Арклонс, увидя в доме малолетних детей и старую мать Карклиниекса, почувствовал к ним жалость и стал отговаривать бандитов от совершения убийства. Бандиты, согласившись с доводами Арклонса, отказались от совершения террористического акта и вскоре покинули хутор Карклиниекса.

В данном случае наглядно видна разноплановость содержания мотива посягательства и мотива отказа от него. Тем не менее, будучи разнородными по своему характеру, оба мотива воздействовали на волю субъектов, и воздействие последнего мотива (жалость) оказалось более сильным, что привело к отпадению умысла и прекращению преступной деятельности.

¹ См.: Дагель П. С. О косвенном умысле при предварительной преступной деятельности. В сб. «Вопросы государства и права». Изд. ЛГУ, 1964, стр. 197; Колодкин Л. М., цит. соч., стр. 211.

При добровольном отказе лица от совершения преступления не всегда одерживает верх какое-либо одно побуждение. Нередко сложный психологический процесс, сопутствующий этому явлению, складывается из множества различных по своей значимости мотивов, которые в совокупности приводят к отпадению преступного умысла.

Безусловно, наличие совокупности мотивов отказа от совершения преступления свидетельствует о сложности психологического состояния личности в этот момент, отражает всю гамму чувств и переживаний, которые сопутствуют акту добровольного отказа. Каждый из мотивов, составляющих совокупность, оказывает влияние на ход волевого процесса. Однако степень такого влияния не всегда одинакова, и поэтому нередко среди них можно выделить основной мотив и дополняющие мотивы. Основной мотив — это та побудительная причина, которая в состоянии привести к отпадению у субъекта преступного умысла; дополняющие мотивы — это те, которые сами по себе изменить умысел не могут, но воздействуют на волю лица вместе с основным мотивом. Само собой разумеется, что эта конструкция условна и носит сугубо личностный, индивидуальный характер. Вместе с тем необходимость в ней имеется, так как выявление основного мотива предопределяет, очевидно, в целом морально-этическую характеристику совокупного мотива, что, в свою очередь, имеет определенное значение для оперативно-следственных подразделений органов КГБ.

Однако установление мотива не даст практически полезного результата, если не будет тщательно проанализировано его влияние на волю лица. Иными словами, один и тот же мотив может быть в основе как добровольного, так и вынужденного отказа в зависимости от того, какое воздействие он оказал на сознание и волю человека. К сожалению, на практике еще встречаются факты, когда выявление мотива является по существу лишь самоцелью, а не средством установления добровольности или вынужденности отказа применительно к конкретному случаю.

В связи с этим представляют интерес материалы в отношении Зимина, отказавшегося от незаконного перехода государственной границы при следующих обстоятельствах. Имея намерение по бытовым мотивам уйти за границу, Зимин проник на 500 метров в пограничную зону, но неожиданно для себя вышел к КПП пограничников. Опасаясь задержания, он решил вернуться, но был остановлен пограничниками. На следствии Зимин показал, что принял КПП за автобусную остановку, а увидев, что за ним следит пограничник, повернул назад. Уголовное дело в отношении Зимина было прекращено вследствие добровольного отказа его от совершения преступления.

На наш взгляд, наличие добровольного отказа в действиях Зимина вызывает сомнение. Мотив отказа (в данном случае —

страх разоблачения) не был исследован с точки зрения его влияния на волю субъекта. Не исключено, что страх разоблачения парализовал волю Зимина, он не мог осознать возможности доведения преступления до конца, и сам отказ от совершения преступления был вынужденным, а не добровольным.

Таким образом, хотя мотивы не являются определяющим элементом добровольного отказа, они должны анализироваться с точки зрения их влияния на волю субъекта с целью правильной юридической оценки содеянного.

Многие авторы обращают внимание на морально-этическую неоднородность содержания мотивов отказа¹. Этот момент, безусловно, заслуживает внимания, так как позволяет более дифференцированно подходить к характеристике содержания мотивов и классифицировать их по этому признаку. Такой подход дает возможность установить те моральные критерии, с влиянием которых связан добровольный отказ.

Исследование, проведенное по материалам уголовных дел о государственных преступлениях, позволяет дать следующую классификацию мотивов добровольного отказа от совершения преступления:

1. Мотивы, связанные с осознанием лицом своей вины: осознание изменнического характера действий, искреннее раскаяние, осознание вредности своих поступков, стыд, угрызения совести, желание исправиться, жалость к потерпевшему и т. д.

2. Побуждения, основанные на изменении отношения субъекта к преступному посягательству: разочарование в соучастнике, осознание плохих условий жизни за границей, бесперспективности своих действий и др.

3. Мотивы, вызванные объективными трудностями: сложность преодоления государственной границы, незнание языка той страны, куда лицо готовилось совершить бегство, проблема трудоустройства за границей, болезнь соучастника и т. д.

4. Побуждения, связанные со страхом: боязнь смертельной опасности при переходе границы, боязнь быть задержанным, оказаться за границей в чужой среде, выдворения из-за границы назад и т. п.

При всей условности этой классификации нетрудно заметить, что речь идет по существу о четырех основных мотивах, конкретное выражение которых есть не что иное, как формы их проявления

¹ См.: Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., Госюриздат, 1955, стр. 195; Советское уголовное право. Часть Общая. М., Госюриздат, 1962, стр. 199; Зелинский А. Ф. О некоторых вопросах предупреждения преступлений. В сб.: «Вопросы уголовного права». М., изд. ВЮЗИ, 1966, стр. 71—72.

применительно к конкретным обстоятельствам¹. Если мотивы первой группы свидетельствуют о том, что лицо переосмыслило свое поведение с позиций социалистической морали, то мотивы других групп еще не говорят о коренной психологической ломке настроения человека в отношении преступного намерения, что повышает возможность рецидива преступного посягательства.

Это можно показать на следующем примере. Попов в апреле 1964 года выезжал в пос. Барабаш Приморского края с целью перехода государственной границы, однако от своего намерения уйти в КНР добровольно отказался, опасаясь задержания при переходе границы, а также боясь нежелательных последствий в связи с этим в отношении своих родителей.

13 февраля 1965 года Попов вместе с соучастниками Казаковым и Каракулиным нарушил государственную границу СССР в районе реки Уссури и ушел на территорию КНР. Все трое были задержаны китайскими пограничниками и переданы советским властям.

Из материалов указанного дела видно, что Попов в первый раз, отказавшись переходить государственную границу из-за боязни задержания, вернулся к месту своего жительства в г. Уссурийск. Однако в дальнейшем общее ознакомление с порядком охраны государственной границы, а также наличие соучастников вселили в него уверенность в успешном переходе границы и он повторил посягательство, толчком к которому послужили неблагоприятные отношения в семье.

Следовательно, наличие при добровольном отказе негативных с морально-этической точки зрения мотивов должно предполагать последующее оперативное наблюдение за данными лицами в целях упреждения возможных повторных посягательств.

Любой поступок, в том числе и акт добровольного отказа, можно правильно понять только в связи с конкретной личностью². В этом смысле мотив является одним из важных показателей, характеризующих склонности человека, раскрывающих, как пра-

¹ И. С. Тишкевич, на наш взгляд, необоснованно выделяет круг тех мотивов, по которым можно априорно судить о вынужденном отказе от совершения преступления (см. Приготовление и покушение по уголовному праву. Кандидатская диссертация. Минск, 1952, стр. 222).

Создание готовых конструкций, в особенности если они должны характеризовать психическую деятельность субъекта и являться отправным моментом при квалификации, может привести на практике к объективному вменению и нарушению социалистической законности.

² В. Д. Иванов, отмечая зависимость мотивов от характера личности, указывает, что непосредственное влияние на характер побудительных причин оказывают идеалы, взгляды, убеждения, уровень сознания и мировоззрение в целом (см. Иванов В. Д. Ответственность за покушение на совершение преступления по советскому уголовному праву. Кандидатская диссертация. М., 1968, стр. 245).

вило, существенные черты его личности. Такая взаимосвязь между мотивом и личностью прослеживается и по материалам уголовных дел о добровольном отказе, как бы подтверждая тезис: «Каков человек, таковы и его мотивы».

Материалы изученных уголовных дел показывают, что подавляющее большинство лиц, добровольно отказавшихся от совершения преступления, — это молодые люди, мировоззрение и взгляды которых еще окончательно не сложились и подвержены изменениям. Следует отметить сравнительно низкий общеобразовательный уровень этих лиц, различного рода аномалии в характере и поведении, связанные с отклонением от норм коммунистической морали. Некоторые из них ранее были судимы за различные общеуголовные преступления.

Давая обобщенную характеристику личности при добровольном отказе, нельзя вместе с тем забывать, что речь идет о людях, добровольно прекративших предварительную преступную деятельность, а следовательно, не утративших способности критически анализировать свои действия. Им не чужды понятие чести, чувство собственного достоинства, а также чувство стыда, раскаяния. Думается, что это характеризует их не только в правовом, но и в морально-этическом плане. Добровольный отказ свидетельствует о происшедшем психологическом надломе, а нередко и о полном идейном разоружении, что имеет весьма важное значение в тех случаях, когда дело касается государственных преступлений. Подавляющее большинство этих лиц до преступного посягательства занималось общественно полезным трудом, многие из них имели увлечения, расширяющие кругозор, а почти половина обследованных нами характеризовалась на работе и в быту только с положительной стороны. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что умысел на совершение преступления возникает у данных лиц внезапно, под влиянием случайного стечения обстоятельств, и не типичен для них.

Например, матросы шаланды «Бира» Каупс и Рудзитис при нахождении судна на рейде Ленинградского морского порта были отпущены на берег, где распили большое количество спиртных напитков. Возвратившись поздно вечером в порт и не обнаружив катера, который должен был доставить их на шаланду, они пошли вдоль берега, осматривая стоящие у причала суда. Увидев подготовленный к отправке ливанский теплоход «Марица», Каупс и Рудзитис вдруг решили пробраться на этот теплоход, с тем чтобы уйти на нем в Африку, попутешествовать и посмотреть, как живут люди за границей. Чтобы не быть задержанными пограничниками, стоящими у трапа, Каупс и Рудзитис подошли к порталному крану. Каупс взобрался по нему на палубу теплохода. Рудзитис, оставшись один, отказался от намерения последовать за ним и ушел с причала.

В последующем Каупс был выдан капитаном ливанского теплохода советским пограничникам и привлечен к уголовной ответственности, а Рудзитис освобожден от уголовной ответственности вследствие добровольного отказа. Как видно из фабулы дела, умысел на совершение преступления у этих лиц возник внезапно в условиях, способствующих незаконному выезду за границу, а состояние опьянения значительно ослабило их контроль за своим поведением.

Установление того факта, что между личностью и мотивом существует прямая связь, имеет практическое значение. Если выявление и тщательный анализ мотивов добровольного отказа дополняют общую характеристику личности, то знание личности, в свою очередь, позволит полнее раскрыть особенности содержания мотива. Сам факт добровольного отказа свидетельствует, как правило, о неустойчивости преступного намерения субъекта. Это выражается в его неуверенности, колебаниях, сомнениях, отсутствии четкого плана, цели и т. п. Как подчеркивает М. П. Карпушин, «такое положение может сложиться при нерешительной подготовке к любому преступлению, в том числе и к особо опасному государственному»¹.

Следовательно, взаимосвязь между интенсивностью «борьбы мотивов» и актом добровольного отказа не случайна. Она раскрывает общую тенденцию обратной зависимости между устойчивостью умысла при совершении преступления и степенью вероятности отказа от доведения преступления до конца². Такая взаимосвязь полностью находит свое подтверждение в материалах следственных дел.

Изложенные положения свидетельствуют о том, что оперативные подразделения органов КГБ должны подходить дифференцированно к оценке поведения лиц, вставших на преступный путь. Если в процессе изучения личности вскрываются глубокие внутренние противоречия, конкуренция различных побудительных стимулов, что объективно отражает неустойчивость преступного

Карпушин М. П. Некоторые вопросы использования институтов общей части советского уголовного права в оперативно-следственной практике. М., изд. ВШ КГБ, 1965, стр. 35.

² Б. В. Волженкин правильно подчеркивает, что «противоречивость личности, отсутствие у нее твердых убеждений, когда исходным пунктом антиобщественного поведения могут быть еще не закрепившиеся в мировоззрении антиобщественные взгляды, приводит к усложнению процесса мотивации» (выделено мною. — С. Д.). И наоборот, «чем цельнее личность в своих отношениях с окружающим миром, чем тверже ее убеждения, тем... проще процесс мотивации общественного поведения... на поведении данного лица менее сказываются объективные обстоятельства конкретной обстановки... и влияния со стороны других лиц». (Волженкин Б. В. Общественная опасность преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву. Кандидатская диссертация. Л., 1964, стр. 74.)

намерения¹, необходимо ставить вопрос о побуждении данного человека к добровольному отказу от преступления.

Таким образом, исходным моментом решения вопроса о склонении лица к добровольному отказу от совершения государственного преступления является тщательный анализ степени устойчивости умысла. Однако этим критерием следует руководствоваться лишь в совокупности с другими данными о лице, совершающем общественно опасные действия. Несмотря на то что такой подход к решению вопроса не является безусловной гарантией успеха, а требует определенного практического опыта, он позволяет избежать огульного склонения виновных лиц к добровольному отказу, когда к этому не имеется ни объективных, ни субъективных предпосылок.

По нашему мнению, не прав А. Ф. Зелинский, утверждающий, что стимулирование добровольного отказа для предупреждения преступлений допустимо лишь в том случае, когда начатое преступление не представляет большой общественной опасности². Фактически это означает, что нельзя побуждать к добровольному отказу от совершения государственных преступлений, так как все они представляют большую общественную опасность.

Думается, что оснований для столь категоричного вывода нет. Склонение к добровольному отказу не изменяет юридической природы действий, предусмотренных статьей 16 Основ уголовного законодательства, а, наоборот, предполагает, что сам акт побуждения не выходит за рамки необходимых признаков добровольного отказа. Человеку, совершающему любые действия, в том числе и преступные, в силу его психологических особенностей свойственны колебания, отступления, отказы. Поэтому норма о добровольном отказе направлена на закрепление тех типологических свойств личности, которые в данном случае должны сыграть положительную роль в предупреждении окончания преступления. Более того, именно при совершении преступлений, представляющих большую общественную опасность, борьба мотивов характеризуется наибольшей силой воздействия на личность³. Следовательно, потенциальные предпосылки к добровольному отказу от совершения государственных преступлений те же, что и в отношении общеуго-

¹ П. Дагель указывает, что умысел «в ходе совершения преступления может измениться как под влиянием личностных факторов, так и под влиянием изменений, происходящих в ситуации» (Дагель П. Динамика умысла и ее значение для квалификации преступлений. «Советская юстиция», 1971, № 17, стр. 25).

² См. Зелинский А. Ф. Значение норм уголовного права для предупреждения преступлений. Кандидатская диссертация. Куйбышев, 1965, стр. 248—249.

³ В. Г. Анпилогова, проводя исследование, пришла к любопытному выводу о том, что «явка с повинной в более тяжких преступлениях имеет место чаще, чем в менее тяжких» (см. Анпилогова В. Г. Чистосердечное раскаяние или явка с повинной как обстоятельство, смягчающее ответственность. Труды ВШ МВД СССР. вып. 24. М., 1969, стр. 113).

ловных преступлений. Но эти предпосылки нужно своевременно установить с помощью оперативных сил и средств органов КГБ и использовать для побуждения к добровольному отказу.

По мнению П. Ф. Гришанина, склонять лицо к добровольному отказу необходимо в тех случаях, когда есть основания надеяться, что побуждение приведет к положительному результату¹. В дальнейшем он конкретизировал это положение, отметив, что такая надежда, как правило, может быть реальной в отношении несовершеннолетних и лиц, впервые вставших на преступный путь².

В. Д. Иванов считает, что решение этого вопроса зависит прежде всего от характеристики личности субъекта и анализа его поведения³, а также от наличия необходимого времени для побуждения к добровольному отказу⁴.

Позиции обоих авторов имеют слишком общий и неопределенный характер, так как характеристика личности — весьма широкое понятие. Нас же интересуют те данные, характеризующие личность, которые позволяют с наибольшей достоверностью судить об эффективности побуждения к добровольному отказу. Бывают случаи, когда лицо, впервые вставшее на преступный путь, может проявить такую устойчивость враждебного умысла, что склонить его к добровольному отказу невозможно. Об этом же свидетельствует и практическая деятельность органов КГБ, касающаяся дел, не связанных с добровольным отказом. Если субъект совершает государственное преступление вследствие фанатической враждебности, вопрос о добровольном отказе, как правило, не встает.

Время же как условие, необходимое для побуждения к добровольному отказу, разумеется, имеет значение, но лишь в связи с главной предпосылкой.

Заслуживает внимания вопрос о самом механизме воздействия при побуждении лица к добровольному отказу. В теории оперативного искусства склонение противника к прекращению подрывной

¹ См.: Гришанин П. Ф. Стадии совершения умышленного преступления в свете задач предотвращения и пресечения преступлений. М., изд. ВШ МВД, 1960, стр. 27; Уголовно-правовые средства предупреждения преступлений. Труды ВШ МООП СССР, вып. 21, 1968, стр. 80.

² См. Гришанин П. Ф. Нормы уголовного закона о стадиях совершения преступления в свете задач предотвращения и пресечения преступлений. В сб.: «Выявление причин преступности и предупреждение преступлений». М., изд. ВШ МООП, 1967, стр. 87.

Аналогична по этому вопросу позиция А. Г. Лекаря (см. Научные основы организации предотвращения преступлений органами внутренних дел. М., изд. ВШ МВД, 1969, стр. 90).

³ См. Иванов В. Д. Использование положений закона о добровольном отказе в деятельности органов внутренних дел. Труды ВШ МВД СССР, вып. 24, 1969, стр. 67.

⁴ См. Иванов В. Д. Значение закона о добровольном отказе для предупреждения преступлений. «Научные труды Омской Высшей школы милиции МВД СССР», вып. 10, 1972, стр. 91.

деятельности, в частности к добровольному отказу от совершения преступления, рассматривается как метод оперативного пресечения¹. Однако любое пресечение, в том числе и оперативное, предполагает прерывание подрывной деятельности по причинам, не зависящим от воли виновного. При добровольном же отказе лицо прекращает преступные действия в результате своего собственного волеизъявления, осознавая при этом возможность доведения преступления до конца. Поэтому оперативное влияние при склонении к добровольному отказу должно быть таким, чтобы оно, с одной стороны, стимулировало прекращение преступной деятельности, с другой — не исключало свободы волеизъявления, иначе побуждение может превратиться в принуждение, при котором воля субъекта парализуется. Таким образом, последствием оперативного пресечения может быть только вынужденный отказ².

Нельзя также отождествлять побуждение к добровольному отказу с негласной формой профилактики. Будучи весьма близкими по тактическим приемам оперативного воздействия, они совершенно отличаются по своим юридическим основаниям. Профилактические меры применяются в отношении тех лиц, в действиях которых отсутствует состав преступления³. Побуждение к добровольному отказу возможно в отношении тех лиц, в действиях которых имеются признаки состава неоконченного преступления, а следовательно, и основания к заведению дела оперативной разработки.

В уголовно-правовом смысле склонение лица к добровольному отказу от преступления является методом предупреждения окончания преступления. Основанием для такого вывода является тот факт, что органы государственной безопасности выступают в данном случае не в роли пассивного наблюдателя, а активной стороной, способствующей превращению потенциальной возможности добровольного отказа в действительность.

Тактические приемы оперативного влияния при склонении к добровольному отказу при всем их разнообразии⁴ должны сво-

¹ См.: Пупков О. Н. Оперативное предупреждение и пресечение органами государственной безопасности СССР подрывной деятельности противника. Учебные материалы. М., изд. ВШ КГБ, 1967, стр. 60; Основы контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности СССР. Макет учебника, часть II. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 77.

² Ю. Т. Милько и С. Н. Шемякин указывают, что пресечение преступления «состоит в активном вмешательстве в общественно опасные действия преступника, когда не удалось склонить его к добровольному отказу от них» (Профилактическая работа органов государственной безопасности Союза ССР. М., изд. ВШ КГБ, 1967, стр. 9—10).

³ См.: Дорохов В., Тетерин Б., Шебетенко Д., Михайлов М. О применении уголовного и уголовно-процессуального законодательства в профилактической работе. Сборник КГБ, 1965, № 1, стр. 71—72; Милько Ю. Т., Шемякин С. Н., цит. соч., стр. 49—50.

⁴ См. Филатов И. Г. Тактика агента в оперативной разработке. Кандидатская диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ. 1972.

даться к тому, чтобы у лица возникли такие мотивы, которые, воздействуя на его сознание и волю, привели бы к отпадению преступного умысла. При этом нужно шире использовать теоретические положения, связанные с раскрытием психологического механизма преступной деятельности («борьба мотивов», роль настроения, эмоций и других особенностей личности). Нельзя сводить побуждение только к одностороннему воздействию через агентов и доверенных на мотив, вынудивший лицо встать на преступный путь¹. Необходимо максимально использовать естественное состояние «борьбы мотивов». Влияя на снижение активности тех побудительных стимулов, которые толкают лицо на совершение преступления, надо одновременно усиливать контрмотивы, которые уже имеются, а также способствовать появлению новых побудительных причин, ведущих к отказу от продолжения начатой преступной деятельности. При таком воздействии на волю субъекта имеется больше оснований достигнуть положительного результата.

К сожалению, на практике реальные предпосылки к добровольному отказу используются далеко не в полной мере и нередко кропотливая работа по склонению лица к отказу от преступной деятельности подменяется простой фиксацией и накоплением достаточного количества уликовых материалов, для того чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности. В этом можно убедиться на следующем примере.

24 и 25 июля 1969 года в УКГБ при Совете Министров УССР по Киевской области поступили заявления от отца и жены Белобородова о том, что он вместе с Бендерским подготовил разборную парусную лодку с подвесным мотором и имеет намерение незаконно выехать на ней за границу.

На основании этих данных было заведено групповое дело оперативной проверки, а за Бендерским и Белобородовым установлено наблюдение. 27 июля 1969 года, предварительно сдав в багаж разобрannую лодку с мотором, два компаса и другое снаряжение, они вылетели из Киева через Одессу в с. Приморское Одесской области, где расположились на берегу моря, разбив рядом с отдыхающими палатку.

В ходе дальнейшего наблюдения было зафиксировано, что Бендерский и Белобородов на протяжении девяти дней закупали продукты, бензин, запасались питьевой водой, вели наблюдение за морем.

Вечером 4 августа 1969 года они под покровом темноты вынесли лодку к воде, поместили в нее мотор, канистры с бензином, снаряжение и отплыли от берега. В это время согласно разработанному плану по сигналу оперативной группы пограничный на-

¹ См., например, Пулков О. Н. Агентурная разработка. Учебное пособие. М., изд. ВШ КГБ, 1962, стр. 119.

ряд поднял тревогу и включил прожектор. Оказавшись в полосе действия прожектора, Бендерский и Белобородов были вынуждены повернуть лодку к берегу, где их вскоре задержали пограничники.

На следствии оба, признав себя виновными, показали, что к выезду за границу их побудило желание совершить кругосветное путешествие на яхте, которую они намеревались построить, а также стремление к бродяжническому образу жизни.

Представляется, что при данных обстоятельствах оперативный орган не должен был ограничиваться наблюдением за развитием преступления и сбором достаточного количества уликовых материалов. Ему следовало своевременно принять меры к склонению указанных лиц к добровольному отказу от совершения преступления.

Примером правильной тактики при склонении к добровольному отказу могут служить материалы 2-го отдела УКГБ при Совете Министров УССР по Запорожской области в отношении Монжилевского. Основанием для заведения дела оперативной разработки на Монжилевского послужили проверенные данные о том, что он антисоветски настроен и готовится распространить листовки враждебного содержания. Агент «Николай», удачно введенный в разработку, за короткое время вошел в доверие к Монжилевскому и заинтересовал его как эрудированный и грамотный человек, знающий к тому же, как и разрабатываемый, польский язык. Было установлено, что Монжилевский систематически слушает передачи зарубежных радиостанций «Голос Америки» и Би-би-си и под их влиянием высказывает антисоветские суждения. На одной из встреч он доверительно сообщил агенту, что намерен изготовить и распространить листовки, и показал заготовленную им бумагу для печатания листовок и резиновую пластинку для изготовления клише.

Наблюдение за Монжилевским показало, что он нестойк в своих убеждениях, не может в беседах привести веских фактов и аргументов в подкрепление своих взглядов, живет в неблагоприятной обстановке и постоянно подвергается отрицательному воздействию со стороны отца, ведущего аморальный образ жизни. Анализ и оценка всех материалов дела привели оперативного работника к выводу о целесообразности дальнейшего оперативного влияния на разрабатываемого таким образом, чтобы он сам прекратил начатую им преступную деятельность.

Агент «Николай», обстоятельно готовясь к встречам с Монжилевским и придерживаясь отработанной ему линии поведения, всегда находил аргументированные ответы на вопросы, волнующие разрабатываемого. Агент сумел убедить его, что изготовление и распространение листовок в настоящее время не принесет никакой пользы и, кроме того, небезопасно. Согласившись с доводами аген-

та, Монжилевский признал, что вел себя неосмотрительно, а свои намерения и действия назвал неразумными, так как не разобрался во многих вопросах текущей политики. В присутствии «Николая» Монжилевский выбросил в печь клише с текстом клеветнического содержания.

Дальнейшее влияние агента «Николая» на Монжилевского позволило окончательно развенчать его взгляды. На одной из встреч с агентом разрабатываемый, вспоминая о своих прошлых намерениях, заявил, что в зарубежных радиопередачах было много обмана и клеветы. С учетом того, что Монжилевский встал на правильный путь и окончательно отказался от осуществления преступного замысла, дело оперативной разработки на него было прекращено.

Реально относясь к методу оперативного склонения к добровольному отказу, можно предположить, что в отдельных случаях он вопреки ожиданиям не принесет желаемого результата. Причинами этого могут быть как ошибочный выбор объекта, так и погрешности тактических приемов вследствие недостаточного опыта. Поскольку уголовно-правовой основой этого метода является норма закона о добровольном отказе, то юридическая оценка подобного результата должна полностью базироваться на положениях статьи 16 Основ уголовного законодательства.

Если акт добровольного отказа лица предполагает во всех случаях снятие волевого напряжения¹, то для вынужденного отказа характерно состояние неудовлетворенности фактом прерывания преступной деятельности, готовность возобновить в будущем посягательство и в конечном счете достичь преступной цели². Именно по этим признакам можно судить о том, насколько удалось достичь цели склонения к добровольному отказу от преступления.

Например, нельзя рассматривать как побуждение к добровольному отказу мероприятие, проведенное 2-м отделом КГБ при Совете Министров Латвийской ССР по делу оперативной проверки «Мотористы».

Изучаемые Рабинович, Штефман и Сикорский вследствие своих сионистских убеждений стали изыскивать возможности к нелегальному выезду в Израиль морским путем. В этих целях они приобрели быстходный катер большой мощности, на котором неод-

¹ В психологии такое состояние именуется консуммацией (завершением, удовлетворением), то есть финальной фазой акта, связанного с восстановлением равновесия (см. Ш и б у т а н и Т. Социальная психология. М., «Прогресс», 1969, стр. 65).

² Такое психическое состояние называется фрустрацией, которая означает «состояние человека, выражающееся в характерных особенностях переживаний и поведения и вызываемое объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями, возникающими на пути к достижению цели или к решению задачи» (Левитов Н. Д. Фрустрация как один из видов психических состояний. «Вопросы психологии», 1967, № 6, стр. 120.)

нократно выходили в Рижский залив для проверки его ходовых качеств. С целью срыва их преступного замысла органами КГБ было проведено специальное мероприятие по выводу из строя мотора катера.

Последующее изучение Рабиновича, Штефмана и Сикорского показало, что они не отказались от своих намерений выехать в Израиль. Сикорский в беседе с доверенным лицом интересовался возможностью нелегального пересечения государственной границы на его судне, а Штефман в разговоре с агентом заявил, что «единственная свободная страна — это Израиль, куда бы он ушел даже пешком».

Рассмотрение динамики внутренних процессов человека при добровольном отказе, главным образом с точки зрения мотивов, позволяет сделать следующие выводы:

1. Мотивами добровольного отказа являются переработанные в сознании побуждения, которые приводят к отпадению у лица умысла и прекращению начатой им преступной деятельности.

2. По характеру мотива априорно нельзя сделать вывода о добровольности или вынужденности отказа. В каждом конкретном случае необходимо устанавливать степень влияния побудительной причины на волю субъекта.

3. О том, каким образом факторы объективной действительности отразились в сознании лица и воздействовали на его волю, свидетельствует «борьба мотивов», предшествующая акту добровольного отказа.

4. При «борьбе мотивов» происходит сложный процесс взаимодействия различных по силе и характеру побудительных стимулов. «Борьба мотивов» характеризует степень устойчивости умысла субъекта, по которой можно судить о потенциальных возможностях добровольного отказа.

5. Потенциальные предпосылки должны использоваться оперативными подразделениями органов КГБ для склонения лиц, вставших на преступный путь, к добровольному отказу от совершения преступления.

6. В уголовно-правовом смысле склонение к добровольному отказу является самостоятельным методом предотвращения окончания преступления.

7. Тактические приемы побуждения должны сводиться к тому, чтобы сформировать у субъекта, совершающего общественно опасные действия, мотив, способный привести его к добровольному отказу. Влияя на снижение активности тех побудительных стимулов, которые толкают лицо на совершение преступления, необходимо создавать условия для усиления имеющихся контрмотивов, а также для появления новых мотивов, ведущих к отказу от продолжения начатой преступной деятельности.

Майор Ю. И. Сучков

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ КОНТРАБАНДЫ

Опыт борьбы с контрабандой показывает, что наибольшее затруднение у работников следственных и судебных органов вызывает правильная оценка двух наиболее часто встречающихся признаков этого преступления — сокрытие предметов в специальных хранилищах и крупный размер контрабанды.

Объясняется это тем, что статья 15 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления (статья 78 УК РСФСР) не раскрывает сущность указанных признаков, и в теории советского уголовного права на этот счет имеются различные, нередко противоположные точки зрения.

До последнего времени в случаях совершения контрабанды в крупных размерах и с сокрытием предметов в различных емкостях, когда решение вопроса о том, следует ли эти емкости считать специальными хранилищами, вызывало затруднение, следственные и судебные органы нередко ссылались лишь на крупный размер как на квалифицирующий признак преступления. Этой же позиции придерживались и таможенные органы, которые в подобных случаях в основу определения контрабанды как преступления брали в первую очередь размер и стоимость контрабандных товаров.

Видимо, такое решение данных вопросов на практике привело в свое время некоторых ученых к мысли о том, что, поскольку специальные хранилища, как правило, используются для перемещения контрабанды в крупных размерах и этот последний признак является основой применения уголовного закона, целесообразно в законодательном порядке вообще отказаться от понятия «специальное хранилище» как признака уголовно наказуемой контрабанды¹.

Однако эта точка зрения не может не вызвать возражений, так как законодатель выделил крупный размер и сокрытие предметов в специальных хранилищах в самостоятельные признаки уголовно наказуемой контрабанды в связи с тем, что каждый из них в отдельности представляет повышенную общественную опасность.

Так, при контрабанде в крупных размерах наносится значительный материальный и иной ущерб интересам внешней торговли СССР, а следовательно, социалистическому народному хозяйству в целом, так как в государственный бюджет не поступает значительная сумма государственной таможенной пошлины, нару-

¹ Этой точки зрения придерживается М. П. Карпушин (см. Карпушин М. П. Ответственность за государственные преступления. Часть II. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 186—187).

шается плановое регулирование ввоза и вывоза товаров. Сбыт предметов контрабанды на черном рынке по спекулятивным ценам существенно нарушает интересы внутренней торговли и советских граждан.

Совершение контрабанды с использованием специального хранилища представляет общественную опасность главным образом тем, что позволяет преступникам незаконно перемещать через границу СССР значительное количество контрабандных товаров и крайне затрудняет или делает невозможным их обнаружение при таможенном досмотре. Это, в свою очередь, вселяет в контрабандистов определенную уверенность в безнаказанности своих преступных действий и способствует систематическому занятию контрабандной деятельностью.

О определенную ясность в понимание рассматриваемого вопроса внесло протокольное постановление Пленума Верховного Суда СССР от 19 октября 1971 года «О понятии специального хранилища и крупного размера по делам о контрабанде».

В данном постановлении дается понятие специального хранилища и указываются признаки контрабанды в крупных размерах. Однако, как следует из содержания этого постановления, разъяснения Пленума Верховного Суда СССР являются лишь ориентирующими для следственных и судебных работников и не должны восприниматься формально, без учета специфики каждого конкретного преступления.

При определении специального хранилища нельзя формально руководствоваться строго очерченным кругом признаков, так как в этом случае контрабандисты начнут изыскивать возможности прятать товары и ценности от таможенного контроля в местах, не отвечающих этим признакам, чтобы таким образом избежать уголовной ответственности за содеянное. Равно нельзя при установлении крупного размера контрабанды принимать во внимание лишь стоимость незаконно перемещаемых товаров без учета их количества, веса, объема, значимости и назначения, так как, зная об этом, преступники во избежание ответственности будут стремиться провозить контрабанду на меньшую сумму.

Согласно постановлению Пленума под специальными хранилищами следует понимать специально оборудованные или приспособленные тайники на средствах транспорта, а также в иных предметах производственного, хозяйственного, бытового и иного назначения, дающие возможность более или менее надежно укрыть от таможенного контроля товары и ценности, незаконно перемещаемые через государственную границу СССР.

Для признания разнообразных предметов и емкостей, используемых с целью незаконного перемещения товаров через государственную границу СССР, специальными хранилищами необходимо, чтобы они отвечали некоторым условиям.

1. Специальные хранилища должны быть оборудованы или приспособлены для сокрытия в них товаров и ценностей от таможенного контроля с целью незаконного перемещения их через государственную границу СССР.

Под оборудованием специального хранилища следует понимать создание различных полостей, пустых пространств и емкостей на средствах транспорта, в багаже, предметах и в других местах, где до этого их не было.

При досмотре на блок-посту станции Брест паровоза, прибывшего из Польши, контролер ОКПП обратил внимание на беспорядочное поведение машиниста. Отыскивая тайник, контролер внимательно наблюдал за машинистом. Заметив, что последний часто смотрит на ящик для сидения, контролер поднял этот ящик и обнаружил под ним специально сделанное в полу будки паровоза углубление, в котором был спрятан контрабандный товар.

В другом случае для перемещения контрабандных товаров из Польши преступники использовали пустотелые доски, которые вместе с вложенными в них предметами (наручными часами, галантерейными изделиями и медикаментами) прибавляли к железнодорожным вагонам под видом различных креплений.

В обоих случаях имело место оборудование заново под специальные хранилища емкостей в местах, где этих емкостей раньше не было и не должно было быть.

Оборудованием специальных хранилищ следует считать также переделку, изменение или усовершенствование уже имеющихся емкостей на средствах транспорта, в багаже, ручной клади и предметах, в связи с чем эти предметы и емкости не могут использоваться по прямому назначению и служат лишь для сокрытия в них контрабанды.

Так, гарпунер одного из китобойных судов флотилии «Юрий Долгорукий» использовал в качестве специального хранилища снаряды к гарпунной пушке. Для этого он вынимал из снарядов пыжи, высыпал порох, закладывал в пустые гильзы нейлоновые плащи и другие предметы, вновь вставлял в гильзы пыжи и затем ставил их в пирамиду.

Бывший капитан парохода «Соломея Нерис» Шекера Г. И. с сообщниками оборудовал специальное хранилище в конденсатном фильтре, из кожуха которого ими была извлечена фильтрующая кассета, а вместо нее заложены предметы контрабанды.

Известны случаи, когда контрабандисты разряжали огнетушители и затем в их корпусе прятали от таможенного контроля контрабандные товары.

Иное содержание следует вкладывать в понятие «приспособление» различных емкостей производственного характера в качестве специального хранилища при совершении контрабанды.

Слово «приспособить» означает «сделать годным, применить

для чего-нибудь»¹, например, применить предметы, емкости, имеющие определенное назначение, для выполнения еще и других функций, которые обычно эти предметы или емкости не выполняют.

Применительно к контрабанде **приспособлением под специальное хранилище** следует считать использование различных предметов или емкостей производственного и иного характера для сокрытия в них товаров и ценностей от таможенного контроля без внесения каких-либо конструктивных изменений и усовершенствований в эти емкости, в связи с чем они могут функционировать по своему прямому назначению и одновременно служить средством для незаконного перемещения товаров через государственную границу.

Практика показывает, что контрабандисты из членов экипажей судов заграничного плавания нередко прибегают к сокрытию товаров от таможенного контроля в топливных танках, цистернах для питьевой воды, кожухах агрегатов, желобах теплотрасс, сточных колодцах и т. п., не прибегая к какой-либо перестройке этих емкостей.

Так, бывшие члены экипажа китобойного судна «Современный» китобойной флотилии «Юрий Долгорукий» Шкодин, Янкович, Царьков и другие вкладывали контрабандные товары в целлофановые мешки и, привязав к ним груз, топили в танке с горюче-смазочными материалами.

Таким же способом прятали контрабандные товары и члены экипажа судна «Южная звезда» Медетханов, Курачев, Мурин. В качестве хранилища они использовали танк для питьевой воды.

2. Специальные хранилища, используемые для сокрытия в них предметов от таможенного контроля, должны представлять собой тайники, которые трудно обнаружить путем внешнего осмотра. В приведенных выше примерах в качестве таких хранилищ использовались танки с горюче-смазочными смесями и с питьевой водой. В подобных хранилищах контрабандный товар при таможенном досмотре обнаружить не удастся либо он обнаруживается случайно.

Например, на судне «Южная звезда» при подкачке пресной воды в танк, где были спрятаны контрабандные товары, давлением воды разорвало мешки с нейлоновыми пальто, косынками, шарфами, которые забили выходное отверстие из этого танка. Поскольку вода перестала при перекачке поступать на камбуз, капитан судна приказал вскрыть горловину танка, в связи с чем в нем и были обнаружены контрабандные товары.

В других случаях только особо тщательный осмотр помещений, агрегатов, предметов и т. п. позволяет обнаружить тайники с контрабандой.

Так, во время досмотра контролер КПП старшина Олюшин обратил внимание на крышку кожуха динамомашин, крепленной

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1953, стр. 547.

пятью шурупами. В разрезе одного из шурупов он заметил свежий след отвертки. Отвинтив шурупы, Олюшин снял крышку и между коллектором и стенкой кожуха обнаружил 25 золотых часов.

При посадке пассажиров в курьерский поезд, отходящий со станции Брест за границу, пограничный наряд при осмотре нижней части дверной стойки вагона обнаружил на ней небольшое отверстие. Вокруг этого отверстия на стойке пыль была стерта, тогда как в других местах она сохранилась. Для проверки отверстия был изготовлен крючок из упругой проволоки, которым из пустотелого пространства стойки был извлечен сверток с 1510 американскими долларами.

В соответствии со статьей 78 УК РСФСР не могут быть признаны специальными хранилищами места сокрытия товаров от таможенного контроля, которые легко обнаруживаются при обычном внешнем осмотре. Например, в практике Калининградской таможни имели место случаи, когда отдельные члены экипажей судов заграничного плавания укрывали от таможенного контроля контрабандные товары в морозильных камерах бытовых холодильников, в рукавах и карманах пальто. Перемещение товаров через государственную границу такими способами при отсутствии других квалифицирующих признаков статьи 78 УК РСФСР правильно оценивалось таможней как контрабанда, наказуемая в административном порядке по статье 100 Таможенного кодекса СССР.

В связи с принятием протокольного постановления Пленума Верховного Суда СССР от 19 октября 1971 года в значительной степени облегчается установление и другого квалифицирующего признака — крупного размера контрабанды.

Пленум Верховного Суда СССР отметил, что органы следствия и суд правильно квалифицируют как контрабанду в крупных размерах незаконное перемещение товаров через государственную границу СССР на сумму 1000 рублей и более по государственным розничным ценам. В то же время Пленум указывает, что при определении размера контрабанды нужно учитывать не только стоимость контрабандных товаров по прейскурантам розничных цен СССР, но и их объем, количество и значимость. Исходя из этих разъяснений Пленума, контрабандой в крупных размерах может быть признано незаконное перемещение значительного количества товаров на сумму менее 1000 рублей.

Хотя указанное постановление и внесло определенную ясность в понимание крупного размера контрабанды, оно не дает ответа на некоторые вопросы, имеющие существенное значение для практики¹

¹ Постановка этих вопросов не нова, так как они ранее рассматривались в юридической литературе. См. Карпушин М. П. Уголовная ответственность за контрабанду. М., изд. ВШ КГБ, 1963, стр. 45.

Как следует исчислять размер контрабанды в случаях повторного или неоднократного незаконного перемещения товаров через государственную границу СССР — отдельно по каждому случаю или суммарно?

Такой вопрос неизбежно возникает перед практическими работниками, когда выявляются факты неоднократного провоза контрабандных товаров в не крупных размерах и при этом отсутствуют другие квалифицирующие признаки статьи 78 УК РСФСР.

По нашему мнению, при неоднократном незаконном перемещении товаров через границу СССР в не крупных размерах ответственность должна наступать по статье 78 УК РСФСР в случае, если сумма всех провезенных неоднократно товаров образует контрабанду в крупных размерах.

Тем более статья 78 УК РСФСР должна применяться при неоднократных незаконных перемещениях товаров через государственную границу СССР, когда эти перемещения превращаются в продолжаемое преступление. Имеются в виду случаи совершения контрабанды лицами, систематически пересекающими государственную границу в силу своего служебного положения (члены экипажей воздушных судов Аэрофлота, торговых и рыболовных судов заграничного плавания, проводники международных вагонов и т. п.). Такая контрабанда указывает на устойчивость преступного умысла виновного, в связи с чем увеличивается степень общественной опасности как самого лица, так и совершенного им преступления.

Из этого следует, что лица, по роду своей службы имеющие возможность неоднократно пересекать государственную границу СССР, в случаях многократных провозов контрабандных товаров, составивших в общей сложности контрабанду в крупных размерах, должны нести уголовную ответственность по статье 78 УК РСФСР, если в их действиях будет установлен умысел совершить контрабанду в крупном размере.

Такая квалификация возможна, если материалами дела будет доказано, что: а) все товары, незаконно перемещенные через государственную границу СССР в разное время, в своей совокупности по количеству, весу, объему, характеру составили контрабанду в крупных размерах либо стоимость их по государственным розничным ценам равнялась 1000 и более рублей; б) умысел виновного был направлен на совершение путем неоднократного незаконного перемещения товаров через государственную границу СССР в небольших размерах контрабанды в крупном размере или в) виновный сознавал, что совершение им неоднократного незаконного перемещения товаров через государственную границу СССР в совокупности составит контрабанду в крупных размерах, и желал достижения такого результата.

К сожалению, таможенные органы при задержании контрабанды в количестве, не составляющем крупный размер, как правило, не исследуют этих обстоятельств, ограничиваясь привлечением виновных к административной ответственности. При совершении повторной или неоднократной контрабанды при вышеуказанных условиях в общий размер контрабанды, на наш взгляд, следует включать стоимость и тех товаров, за незаконное перемещение которых виновное лицо ранее было привлечено к ответственности по статье 100 Таможенного кодекса СССР.

Как следует оценивать размер контрабанды, если задержанные при незаконном перемещении через границу СССР товары не производятся и не находятся в розничной продаже в нашей стране и на них не имеется государственных розничных цен?

В данном случае имеются в виду, например, такие предметы, как медицинские магнитные браслеты, которые, несмотря на их бесполезность с точки зрения советской медицины, еще пользуются спросом в нашей стране и поэтому нередко ввозятся в СССР контрабандным путем и продаются на черном рынке по различной, как правило, завышенной (по сравнению с их действительной стоимостью) цене¹.

Насколько резко меняется цена на эти товары на черном рынке в зависимости от спроса на них, наглядно видно из следующих примеров, приведенных из практики УКГБ при Совете Министров СССР по Калининградской области.

Бывший старший механик теплохода «Выборглес» Балтийского морского пароходства Кондрашев В. Л. в январе 1969 года ввез в СССР контрабандным путем 20 магнитных браслетов, которые в то время на черном рынке продавались по цене от 50 до 100 рублей за штуку.

Другой контрабандист, бывший повар судна «Южная звезда» Медетханов, в мае 1970 года также контрабандным путем ввез в СССР 150 таких же браслетов. Однако к этому времени популярность магнитных браслетов как лечебного средства у советских граждан настолько упала, что Медетханов вынужден был продавать их от 5 до 10 рублей за штуку.

Как в первом, так и во втором примере незаконный ввоз в СССР магнитных браслетов был квалифицирован как контрабанда в крупном размере: в первом случае, исходя из рыночной стоимости магнитных браслетов в денежном выражении (1000—2000 рублей), во втором — из их количества (150 штук).

Таким образом, на наш взгляд, в случае незаконного перемещения через государственную границу СССР предметов, на кото-

¹ Ввоз в СССР магнитных браслетов не запрещен, но строго ограничен. Согласно таможенным правилам, каждому лицу, пересекающему государственную границу СССР, разрешается ввоз всего лишь одного магнитного браслета.

рые не имеется государственных розничных цен СССР, при определении крупного размера контрабанды в качестве критерия нужно брать количество, объем и характер этих предметов, а также их рыночную стоимость в денежном выражении, установленную следствием.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 19 ноября 1971 года содержится одно очень важное положение: не образует уголовно наказуемой контрабанды использование специальных хранилищ для сокрытия малоценных предметов контрабанды. Подобные факты из-за малозначительности содеянного должны рассматриваться как административные проступки по правилам, установленным Таможенным кодексом СССР. Однако при расследовании каждого конкретного уголовного дела о контрабанде следует иметь в виду следующее важное обстоятельство. Оборудование специального хранилища для контрабандного провоза товаров — дело сложное, связанное с риском разоблачения, тем более что оборудование или приспособление тех или иных емкостей под специальное хранилище само по себе может являться приготовлением к контрабанде и повлечь за собой ответственность по статьям 15 и 78 УК РСФСР. Поэтому при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности за использование специальных хранилищ для сокрытия малоценной контрабанды по мотивам малозначительности совершенного деяния необходимо установить, что это хранилище предназначалось для контрабандного провоза именно малоценных предметов. В таких случаях следует выяснить, что представляло собой специальное хранилище по объему, оборудованию, маскировке, для провоза каких товаров оно было предназначено и почему в нем оказались малоценные предметы контрабанды.

Если в процессе следствия будет установлено, что виновный не сумел или не успел закупить товаров на значительную сумму или в большом количестве для контрабандного провоза их в специальном хранилище или ему что-либо помешало поместить в это хранилище контрабандный товар на большую сумму, то он не может быть освобожден от уголовной ответственности по признаку малозначительности содеянного и должен понести наказание по статье 78 УК РСФСР.

Уголовное дело не может быть прекращено по малозначительности и в том случае, если следствием и судом будет установлено, что виновный использовал специальное хранилище для систематического незаконного перемещения через границу СССР контрабандных товаров в небольших количествах.

Если же место, в котором скрывались от таможенного контроля товары при неоднократном незаконном перемещении их через границу СССР, не будет судом признано специальным хранилищем, но по делу будут собраны доказательства того, что виновный на-

меревался таким образом совершить контрабанду в крупном размере, то его действия также подпадают под признаки статьи 78 УК РСФСР.

В заключение следует отметить, что в целях успешной борьбы с контрабандой необходимо наделить таможенные органы правами органов дознания, чтобы они имели возможность более глубоко и всесторонне исследовать обстоятельства совершения контрабанды и квалифицировать ее в точном соответствии с таможенным и уголовным законодательством.

Майор П. И. Самойленко

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ВЫДАЧИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЛИ ВОЕННОЙ ТАЙНЫ И ДЕЙСТВИЙ ОРГАНОВ КГБ ПО ПРЕСЕЧЕНИЮ ЭТОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В интересах обеспечения государственной безопасности СССР на органы КГБ при Совете Министров СССР возложена ответственная задача по своевременному выявлению, предупреждению и пресечению шпионской деятельности лиц. Решению этой задачи способствуют соответствующие специальные мероприятия органов государственной безопасности, в результате осуществления которых предателям из советских граждан не удастся передавать сведения, составляющие государственную или военную тайну иностранным государствам и их специальным службам. Для выявления действительных намерений лиц, пытающихся по собственной инициативе устанавливать контакты с представителями иностранных государств, и пресечения возможной утечки секретной информации органы государственной безопасности подставляют им под видом иностранцев своих оперативных работников, агентов или доверенных лиц¹. Поскольку при такой подставе сведения, составляющие государственную тайну, не попадают в руки представите-

¹ В специальной литературе это мероприятие получило название «оперативного эксперимента на мнимое благоприствование». См.: Дмитриев П. С. Субъективная сторона особо опасных государственных преступлений по советскому уголовному праву и основные методы ее установления в процессе агентурной разработки. Кандидатская диссертация. М., Спецфонд ВШ КГБ, 1962; Контрразведывательная работа органов КГБ среди иностранцев, прибывающих в СССР из капиталистических государств. Учебное пособие. М., изд. ВШ КГБ, 1963; Карпушин М. П. Некоторые вопросы использования институтов Общей части советского уголовного права в оперативно-следственной практике. М., изд. ВШ КГБ, 1965, стр. 37—43; Дмитриев П. С., Масленников В. И., Шибалин В. П., Чеботарев А. И. Выявление, предупреждение и пресечение шпионажа. Под ред. Ф. А. Щербака. М., изд. ВКШ КГБ, 1970, стр. 37—42.

лей иностранного государства, а оказываются в распоряжении советской контрразведки, возникает вопрос о правовой природе действий виновных лиц, их квалификации, а также о правомерности таких оперативных мероприятий органов государственной безопасности.

Для правильного решения этих вопросов необходимо исходить как из оценки всех объективных и субъективных признаков такого рода деяний, так и из содержания таких институтов советского уголовного права, как стадии совершения преступления и соучастие в преступлении.

Действующее законодательство определяет шпионаж как передачу, а равно похищение или собирание с целью передачи иностранному государству, иностранной организации или их агентам сведений, составляющих государственную или военную тайну, а также передачу или собирание по заданию иностранной разведки иных сведений для использования их в ущерб интересам СССР (статья 2 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления или статья 65 УК РСФСР).

Такая конструкция нормы позволяет констатировать, что оконченным преступлением шпионаж признается уже с момента похищения либо собирания с целью передачи соответствующих сведений иностранному государству, иностранной организации или их агентуре. Таким образом, последующие действия виновных, непосредственно направленные на передачу этих сведений названным адресатам, являются одним из эпизодов уже оконченного преступления. Поэтому в случаях подставы предателям, действующим по своей инициативе, представителей советских органов государственной безопасности, в результате чего передаваемые шпионские сведения по независящим от воли предателя обстоятельствам не попадают к иностранному государству, действия преступника образуют не покушение на шпионаж, а оконченное преступление, так как передаче предшествовало похищение либо собирание этих сведений, что квалифицируется как оконченный шпионаж по статье 64 или по статье 65 УК РСФСР.

Иное положение складывается при выдаче государственной или военной тайны СССР иностранному государству. В соответствии со статьей 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления (п. «а» статьи 64 УК РСФСР) с объективной стороны этот вид измены Родине заключается в передаче, сообщении иностранному государству гражданином СССР сведений, составляющих государственную или военную тайну, которыми он уже располагает. Подобные деяния образуют состав оконченной измены Родине в форме выдачи, если передача информации уже состоялась, то есть известные советскому гражданину соответствующие сведения уже сообщены, перешли к представителю иностранного государства, стали его достоянием. В тех

же случаях, когда передача по независимым от воли виновного обстоятельствам не состоялась, хотя, по его мнению, он и совершил все необходимое для этого, такие действия признаются покушением на измену Родине в форме выдачи государственной или военной тайны.

Такое положение может сложиться, когда лицам, предпринимающим настойчивые попытки связаться с представителями иностранных государств с целью выдачи им сведений, составляющих государственную или военную тайну, подставляются представители органов государственной безопасности. Предатели, будучи твердо убеждены, что они имеют дело с иностранцами, в действительности вручают секретную и иную информацию представителям советской контрразведки. Это обстоятельство не может влиять на правовую природу содеянного как преступления. Действия лица в данном случае создают объективную возможность причинения ущерба внешней безопасности СССР и при соответствующей их субъективной направленности образуют состав измены Родине. Одним из субъективных критериев, позволяющих отнести такие действия к категории изменнических, является совершение их умышленно в ущерб внешней безопасности СССР.

Сознанием предателей охватывается прежде всего преступность совершаемых действий по установлению негласного контакта и передаче секретной информации представителю иностранного государства. Объективно это выражается в том, что указанные действия они пытаются осуществить незаметно, втайне от окружающих, главным образом от сотрудников органов КГБ. Пытаясь установить такой контакт конспиративно, они звонят по телефону в посольства капиталистических государств в Москве поздно ночью, незаметно подбрасывают письма в автомашины с дипломатическими номерными знаками, обуславливают пароли для личных встреч и т. п.

Сознанием таких лиц охватывается также важность для СССР выдаваемых сведений и заинтересованность в них иностранных государств, что часто побуждает их требовать взамен значительных сумм денег либо выполнения других существенных услуг (оказать содействие в бегстве за границу, в предоставлении политического убежища и т. п.). Так, осужденный за измену Родине в форме шпионажа Малышев С. И. потребовал за выданные им сведения 10 тысяч рублей. Крупные суммы денег просили за сообщенные сведения изменники Черепанов А. Н., Теребенев К. С. и другие.

Сознавая во всем объеме характер и направленность совершаемых действий, предатели желают их совершения и перехода сведений к иностранному государству, о чем наглядно свидетельствует то, что от момента возникновения намерения до осуществления собственно выдачи информации они весьма активно по личной инициативе совершают все необходимые для этого действия.

Практика показывает, что и в случаях подставы характер намерений и вины преступников не меняется, хотя в таких ситуациях ими допускается фактическая ошибка¹ относительно адресата. Под влиянием добросовестного заблуждения изменники твердо убеждены в том, что передают информацию иностранным представителям. Этот вывод подтверждается тем, что при встречах с мнимыми иностранцами они заявляют о твердом намерении заниматься враждебной деятельностью против СССР, открыто выражают свои антисоветские взгляды и убеждения, назначают следующие встречи, на которые приносят сведения, составляющие государственную или военную тайну, а в ряде случаев настаивают на сохранении контакта и продолжении преступной деятельности, несмотря на предостережение мнимых иностранцев об опасности таких действий.

Подтверждением тому может служить поведение изменника Родины Агаянца, который предпринимал настойчивые попытки установить контакт с представителями посольства США в Москве. С целью предотвращения возможной выдачи им государственной или военной тайны и вскрытия его преступной деятельности Агаянцу под видом американского дипломата был подставлен сотрудник органов КГБ. Приняв оперативного работника за представителя американского посольства, Агаянец просил его содействия в установлении связи с военным атташе, которому он намерен сообщить важные сведения.

Несмотря на предостережение со стороны «дипломата» об опасности такой связи, Агаянец настоятельно просил помочь ему устроить встречу с атташе. На следующей встрече с «американскими дипломатами» он еще раз подтвердил свое намерение передавать американцам все сведения, которыми он будет располагать, а если его снабдят специальной аппаратурой, то он сможет поставлять им копии документов и чертежей по интересующим их вопросам. На этой же встрече Агаянец сообщил «американцам» ряд сведений, составляющих государственную тайну СССР.

К ошибочным выводам относительно фактических обстоятельств совершаемого (в рассматриваемом случае — относительно лица, с которым осуществляется встреча) предатели приходят в результате собственных умозаключений, основанных на неправильной оценке реальных событий. В соответствии же с советской уголовно-правовой теорией случаи ошибочного представления лица о наличии в его действиях тех или иных фактических обстоятельств, образующих объективную сторону преступления, если их в дей-

¹ Под фактической ошибкой в теории советского уголовного права понимается неверная оценка лицом, совершившим преступление, фактических обстоятельств содеянного. См. Курс советского уголовного права. Том 1. Изд. ЛГУ, 1968, стр. 449, 451—458.

ствительности нет, на форму вины влияния не оказывают¹. Поскольку факт совершения такой ошибки сознанием виновного не охватывается, действия преступника, ошибочно принимающего оперативного работника органов государственной безопасности за представителя иностранного государства, не перестают быть умышленными и не утрачивают изменнической направленности. Однако, ввиду допущенной ошибки относительно адресата, действия виновного помимо его сознания и воли объективно остались незавершенными. Государственные секреты, которые он намеревался выдать, к иностранному государству не перешли, то есть виновный выполнил не все, а только часть действий, образующих объективную сторону рассматриваемой формы измены Родине. Поэтому такие действия в соответствии с существующим законодательством (статья 15 УК РСФСР) образуют не оконченное преступление, а покушение на преступление.

С учетом этого за покушение на измену Родине в форме выдачи государственной и военной тайны по статье 15 и п. «а» статьи 64 УК РСФСР правильно были осуждены в разное время Гринь В. М., Пряхин М. С., Вилиянов В. М., Богданов В. К. и другие, по собственной инициативе пытавшиеся передать иностранным дипломатам государственные секреты СССР, хотя в результате подставы эти сведения оказались в руках сотрудников КГБ. Признавая названных лиц виновными в покушении на измену Родине, суд не мог не учесть того, что преступное намерение — выдать государственную или военную тайну — уже начало осуществляться каждым из указанных предателей. И уже этим виновные создавали опасность причинения вреда внешней безопасности Советского государства. Однако довести до конца свое преступное намерение им не удалось не по их воле, а по независящим от них обстоятельствам. Не будь ошибки у них при выборе конкретных лиц, которых они принимали за иностранных представителей, они довели бы свое преступление до конца — выдаваемые ими сведения стали бы достоянием иностранных государств.

В непосредственной связи с изложенным находится вопрос о правомерности действий органов государственной безопасности по подставе таким преступникам своих представителей под видом иностранцев. Поскольку своим вмешательством органы КГБ как бы побуждают этих лиц к совершению преступлений или создают благоприятные условия для осуществления ими преступных намерений, такие меры внешне напоминают подстрекательство или пособничество в совершении преступления. В действительности

¹ См.: Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., Изд. АН СССР, 1952, стр. 52—56; Тишкевич И. С. Приготовление к покушению по советскому уголовному праву. М., Госюриздат, 1958, стр. 166, 169—170, 172.

такowymi они не являются. По своей сущности ни одним из видов соучастия такие действия при соблюдении соответствующих условий быть не могут, так как имеют своей задачей борьбу с особо опасными государственными преступлениями, а не преследуют цель вызвать у лица решимость совершить преступление или оказать содействие в его осуществлении. Подставляя оперативного работника лицам, пытающимся связаться с иностранными представителями, органы государственной безопасности стремятся выявить действительные намерения, планы и цели виновных, лишить их возможности установить преступный контакт с иностранцами и пресечь утечку секретной информации.

Действия органов КГБ по подставе признаются правомерными, если они: 1) применены к лицам, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они проводят преступную деятельность либо намерены ее проводить; 2) не вносят существенных изменений в планы виновных; 3) исключают возможность активизации враждебной деятельности и 4) осуществляются в условиях, близких к естественным¹. Строгое соблюдение этих условий является надежной гарантией соблюдения социалистической законности. Наличие достаточных оснований к проведению оперативного эксперимента при подставе означает, что в поле зрения органов государственной безопасности такие лица попали не после принятия ими решения совершить выдачу, а в связи с тем, что они уже проявили свою устремленность вовне, совершили конкретные действия к осуществлению преступного намерения. Иначе говоря, решимость выдать иностранному представителю государственные секреты СССР возникла у виновного помимо воздействия на него со стороны органов государственной безопасности.

В процессе осуществления подставы, когда изменник вступает в контакт с оперативным работником, ошибочно принимая его за иностранца, не принимаются никакие меры к тому, чтобы способствовать ему в совершении задуманного преступления, в активизации его враждебной деятельности или в существенном изменении его преступных планов. Участие оперативного работника во встрече с таким лицом не отражается на поведении последнего, на проявлении его воли, поскольку он не сознает, что встречается не с иностранцем. Оказавшись в благоприятной с их точки зрения обстановке, такие лица активно проявляют себя: предлагают мнимому иностранцу секретные сведения, которыми располагают сами, договариваются об условиях преступной сделки, очередной

¹ См.: Карпушин М. П. Некоторые вопросы использования институтов Общей части советского уголовного права в оперативно-следственной практике. М., изд. ВШ КГБ, 1965, стр. 39—40; Попов Б. В., Быстров Е. Н. О правовом регулировании мероприятий, связанных с задержанием лиц, пытающихся передать секретные сведения противнику. М., изд. ВКШ КГБ, 1970, стр. 30—34.

встрече и т. п. При подставе органы КГБ не побуждают преступников действовать в необычных для них условиях и необычным способом. Эти обстоятельства воспринимаются ими как реальные. Стремясь пресечь преступную деятельность, органы государственной безопасности «помогают» преступникам совершить лишь то, что они ранее самостоятельно наметили совершить.

Изложенное довольно наглядно прослеживается на следующем примере. Военной коллегией Верховного Суда СССР за измену Родине был осужден бывший военнотружующий Теревенин К. С. Суть его преступных действий заключается в следующем. За период с мая по октябрь 1970 года он опустил в почтовый ящик особняка иностранного дипломата в г. Москве несколько писем, в которых предлагал встретиться с ним. На первой встрече с оперативным работником органов государственной безопасности, которого он принял за иностранного дипломата, Теревенин выразил намерение подготовить и передать иностранному государству сведения военного характера, составляющие государственную и военную тайну. На второй встрече Теревенин передал «дипломату» обещанные ранее сведения, дал по ним подробные пояснения, кроме того, сообщил другие сведения, составляющие государственную и военную тайну, и высказал намерение продолжить такие контакты и в последующем.

Как видно из материалов уголовного дела, мероприятия органов КГБ по подставе Теревенину оперативного сотрудника под видом иностранца были осуществлены со строгим соблюдением отмеченных выше условий, в связи с чем они не могли повлиять на правовую природу действий Теревенина как преступления. Все они совершены Теревениным по его инициативе и личной воле. Свидетельством тому являются преднамеренные, активно предпринимавшиеся им в течение длительного периода меры к установлению преступной связи с иностранцами, выразившиеся в подготовке и подбрасывании нескольких писем. Теревенин не знал, что предложение о повторной встрече он высказал не иностранцу, а представителю советской контрразведки. О реальности для него условий второй встречи (как, впрочем, и предыдущей) можно судить по тому обстоятельству, что он без всяких сомнений и колебаний, по своей инициативе, помимо заранее обещанных и подготовленных им сведений, сообщил мнимому иностранцу дополнительные сведения, также составляющие государственную и военную тайну. Более того, Теревенин без каких-либо предложений со стороны «иностранца», по собственной инициативе высказал намерение продолжить преступную связь с ним и в дальнейшем.

Приведенный пример убеждает в том, что нет никаких оснований считать, что органы государственной безопасности, осуществляя подставы лицам, пытающимся вступить в преступную связь с иностранцами, якобы непременно побуждают их к совершению

преступлений или создают им благоприятные условия для этого, то есть являются соучастниками (подстрекателями, пособниками и даже организаторами) преступления, это якобы меняет и правовую природу действий преступников. К сожалению, такие ошибочные выводы, хотя и не часто, но еще встречаются на практике, о чем свидетельствует, например, кассационная жалоба адвоката на приговор суда по делу упоминавшегося изменника Родины Аганянца Э. С. В ней, в частности, отмечалось, что, встречаясь с лицами, назвавшимися сотрудниками посольства США, Аганянец впал в заблуждение относительно того, с кем он имеет дело, и, оказавшись в искусственной обстановке, совершил действия, которые в иных условиях, то есть, будучи предоставлен самому себе, мог бы и не совершить. Далее адвокат заключал, что такое поведение Аганянца не может быть расценено как простое продолжение ранее начатой им преступной деятельности, и упомянутый эпизод, как не имеющий правового основания, подлежит исключению из приговора.

Указывая на ошибочность такого вывода, Верховный Суд СССР вполне обоснованно отметил, что «Аганянец, не добившись личной встречи с американцем Эйроном, продолжал активные и настойчивые действия по установлению преступного контакта с представителями посольства США в Москве. Лица, которых Аганянец принял за представителей посольства США, не проявляли какой-либо инициативы по установлению связи с Аганянцем и никаких незаконных действий в отношении его не допустили. Пытаясь передать указанным лицам сведения, составляющие государственную тайну, Аганянец был глубоко убежден, что сведения он передает представителям иностранного государства. При таких обстоятельствах Военная коллегия Верховного Суда СССР считает, что указанный выше эпизод обвинения Аганянцу вменен в вину обоснованно».

Аналогично было решено дело и в отношении изменника Родины Гогуа В. Е., который после разоблачения пытался утверждать, что при встречах он догадывался, что имеет дело с представителями советской контрразведки, а потому якобы не считал свои действия преступными. Однако материалами предварительного и судебного следствия неопровержимо было доказано, что во время встреч с лицами, которых Гогуа принимал за иностранцев, никаких сомнений у него на этот счет не возникало.

Изложенное позволяет констатировать, что твердое и последовательное соблюдение норм советского уголовного права, и в частности норм закона о стадиях совершения преступления, соучастии в преступлении и др., является надежной гарантией от возможных ошибок, во-первых, при юридической оценке преступных действий лиц, становящихся на путь предательства, и, во-вторых, при проведении активных чекистских мероприятий по выявлению, предупреждению и пресечению преступной деятельности таких лиц.

Подполковник В. Ф. Журавлев

**ИЗ ИСТОРИИ
РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО И РАСОВОГО РАВНОПРАВИЯ**

Свойственное буржуазной демократии противоречие между формальным и фактическим равноправием обусловлено классовым неравенством и стирается лишь в процессе социальной революции, то есть в процессе ликвидации эксплуататорских классов. Начало этому процессу было положено Великой Октябрьской социалистической революцией, которая смела сохранившиеся после февральской революции остатки сословного строя.

12 ноября 1917 года был издан декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»¹. «Все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, — говорится в декрете, — сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы — княжеские, графские и пр. и наименования гражданских чинов (тайные, статские и прочие советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование — граждане Российской Республики». До этого декрета, еще 2 ноября 1917 года, была принята Декларация прав народов России², в которой указывается, что Совет Народных Комиссаров, исполняя волю первого и второго Всероссийских съездов Советов, решил положить в основу своей деятельности в области национальных отношений следующие принципы:

- 1) равенство и суверенность народов России;
- 2) право народов России на свободное самоопределение;
- 3) отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений;
- 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Конституция РСФСР 1918 года подтвердила принципы социального и национального равноправия. В статье 22 Конституции говорилось:

«РСФСР, признавая равные права за гражданами, независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основа-

¹ См. СУ РСФСР, 1917, № 3, ст. 31.

² См. там же, № 2, ст. 18.

нии, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия».

Такова была национальная политика партии и Советского государства, она утверждала интернационализм, дружбу и единство трудящихся различных национальностей в их борьбе за построение социализма. Однако Советской власти с первых же дней ее существования пришлось отстаивать свою национальную политику в напряженной борьбе с буржуазными националистами, которые пытались сыграть на национальных чувствах трудящихся, на недоверии к русскому народу и стремились разорвать страну на части, образовав мелкие национально-буржуазные государства.

Неравенство граждан в зависимости от расы, языка и национальной принадлежности, культивировавшееся царизмом, противоречило принципам Декларации прав народов России и конституциям союзных республик. Следовательно, всякого рода деятельность, направленная на установление привилегий одним нациям за счет интересов другой нации, не соответствовала принципу пролетарского интернационализма и должна была пресекаться.

В первые годы Советской власти своеобразной формой контрреволюционной агитации и пропаганды были попытки распространения слухов, направленных на ущемление национальных интересов того или иного народа, проживающего на территории СССР, на разжигание национальной розни, призывы к нападению одной нации на другую и т. п. Это были попытки подорвать один из важнейших принципов диктатуры пролетариата — принцип интернационализма. Не случайно декретом Совнаркома от 28 января 1918 года предусматривалось создание революционного трибунала печати, в компетенцию которого входила борьба с преступлениями и проступками против народа, совершаемыми путем использования печати. «К преступлениям и проступкам путем использования печати относятся всякие сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни, поскольку они являются посягательством на права и интересы революционного народа»¹.

Разжигание межнациональной вражды враги использовали в качестве метода ослабления и свержения Советской власти, поэтому подобные действия были объявлены опасным контрреволюционным преступлением. Здесь уместно сослаться на объявление ВЧК от 22 июня 1918 года «О беспощадной борьбе с контрреволюционерами». «В настоящий момент всякая контрреволюционная попытка будет подавлена в корне, всякое натравливание одной нации на другую, всякий призыв к погромам (еврейскому, латышскому, татарскому, грузинскому) будет караться по всей строгости революционных законов конфискацией всего имущества, заключе-

¹ СУ РСФСР, 1918, № 28.

нием в тюрьму и расстрелом погромщиков»¹. Следует отметить, что сформулированные в объявлении ВЧК положения имели важнейшее принципиальное значение не только в тот период, но и в дальнейшем.

Первоначально суды, руководствовавшиеся при рассмотрении уголовных дел Декретом о суде № 1 (утвержденным Совнаркомом 27 ноября 1917 года), вели борьбу с сопротивлением классовых врагов, в том числе с националистической контрреволюцией, исходя из общих принципов революционной законности этого периода. Декрет о суде № 1 гласил: «Местные суды решают дела именем Российской республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционному правосознанию»². Отмененными считались все законы, противоречащие декретам ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Рабоче-крестьянского правительства, а также программам партии.

В советском законодательстве норма об уголовной ответственности за пропаганду или агитацию с целью возбуждения расовой либо национальной вражды или розни впервые была сформулирована в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года. Часть 1 статьи 83 УК РСФСР 1922 года гласила: «Агитация и пропаганда всякого рода, заключающая призыв к совершению преступлений, предусмотренных статьями 75—81 «д», а равно в возбуждении национальной вражды и розни — карается лишением свободы на срок не ниже одного года со строгой изоляцией».

Часть 2 статьи 83 предусматривала ответственность за агитацию и пропаганду при отягчающих обстоятельствах (в военное время). Она гласила: «Если же агитация и пропаганда имели место во время войны и были направлены к неисполнению гражданами возложенных на них воинских или связанных с военными действиями обязанностей и повинностей, то наказание может быть повышено вплоть до высшей меры...»

Указанная статья была включена в раздел, предусматривающий ответственность за преступления против порядка управления. Преступлением против порядка управления согласно статье 74 УК РСФСР 1922 года считалось «всякое деяние, направленное к нарушению правильного функционирования подчиненных органов управления или народного хозяйства, сопряженное с сопротивлением или неповиновением законам Советской власти, с препятствованием деятельности ее органов и иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти». Анализируя данное

¹ «Известия ВЦИК», 1918, 23 июня.

² СУ РСФСР, 1917, № 4.

определение понятия преступления против порядка управления, следует отметить, что, отнеся пропаганду или агитацию с целью возбуждения национальной вражды либо розни к преступлениям против порядка управления, законодатель в то же время прямо не предусмотрел в нем такой объект посягательства, как государственное управление в области регулирования национальных отношений.

Статья 83 УК РСФСР предусматривала пропаганду или агитацию, направленную на возбуждение национальной вражды или розни, только в устной форме. Письменную агитацию и пропаганду, предусмотренную статьей 84 УК РСФСР 1922 года, законодатель распространил лишь на определенные преступления, среди которых не был назван состав возбуждения национальной вражды или розни, предусмотренный статьей 83 УК. Так, в диспозиции статьи 84 УК говорится: «Изготовление, хранение с целью распространения и распространение литературных произведений, призывающих к учинению преступных деяний, предусмотренных статьями 75—81 «д», карается...»

Статья 83 УК 1922 года в данной редакции действовала до принятия Положения о преступлениях государственных 1927 года. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года норма, предусматривающая ответственность за агитацию и пропаганду, направленную на разжигание национальной вражды или розни, в первоначальной редакции текстуально повторяла статью 83 УК РСФСР 1922 года.

Дальнейшее развитие советского уголовного законодательства связано с Положением о преступлениях государственных 1927 года. В Положении, принятом 25 февраля 1927 года, рассматриваемый состав преступления был предусмотрен в статье 21, которая гласила: «Пропаганда или агитация, направленная к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни, а равно распространение или изготовление и хранение литературы того же характера — влекут за собою лишение свободы на срок до двух лет. Те же действия в военной обстановке или при массовых волнениях — влекут за собою лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже двух лет, с конфискацией всего или части имущества, с повышением при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела, с конфискацией имущества».

Данная статья была включена в Уголовный кодекс РСФСР 1926 года (статья 59⁷). Положением, как и УК РСФСР 1922 года, возбуждение национальной вражды или розни признавалось деянием против порядка управления. Сходство заключалось также в том, что по статье 21 Положения, как и по статье 83 УК РСФСР 1922 года, квалифицировались деяния, совершенные без контрреволюционного (антисоветского) умысла. Возбуждение национальной вражды или розни, совершенное с контрреволюционным умыслом,

квалифицировалось (аналогично УК РСФСР 1922 года) как контрреволюционная (антисоветская) агитация и пропаганда.

Между статьей 21 Положения и статьей 83 УК РСФСР 1922 года существуют довольно четкие различия. Законодатель включил статью 21 Положения в раздел «Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления», тогда как в УК РСФСР 1922 года названный состав находился в разделе «О преступлениях против порядка управления», где наряду с особо опасными были помещены и иные преступления против порядка управления.

Согласно статье 15 Положения (статья 59¹ УК РСФСР 1926 года) особо опасными для Союза ССР преступлениями против порядка управления признавались те совершенные без контрреволюционных целей преступления против порядка управления, которые колеблют основы государственного управления и хозяйственной мощи СССР и союзных республик.

Таким образом, отнесение законодателем преступлений, направленных на разжигание национальной вражды или розни, к особо опасным преступлениям против порядка управления подчеркивает их повышенную общественную опасность. Это обстоятельство, очевидно, обусловило необходимость включения этого деяния в категорию преступлений, ответственность за которые определялась общесоюзным законодательством в целях установления единства понятий и единообразия карательной политики.

В Положении о преступлениях государственных пропаганда или агитация, направленная на возбуждение национальной или религиозной вражды или розни, была выделена в специальную статью, тогда как в статье 83 УК РСФСР 1922 года этот состав преступления был сформулирован наряду с пропагандой и агитацией, направленной на совершение других преступлений, указанных в данной статье.

Статья 21 Положения отличается от статьи 83 УК 1922 года и по своему содержанию. Она предусматривала возбуждение национальной вражды и розни не только путем устной агитации и пропаганды, но и путем изготовления, хранения и распространения литературных произведений, которые могут вызвать национальную вражду или рознь, в отличие от статьи 83 УК, устанавливающей ответственность лишь за устную агитацию и пропаганду. Согласно статье 21 Положения агитация или пропаганда, направленная к возбуждению национальной вражды или розни, считается квалифицированной, если она совершена в военной обстановке или при массовых волнениях. Квалифицирующий признак — массовые волнения — впервые появился в статье 21 Положения.

Статья 21 Положения предусматривала повышенную санкцию за квалифицированный вид возбуждения национальной вражды или розни. Однако за простой вид преступления санкция была пони-

жена до двух лет лишения свободы, тогда как по статье 83 УК 1922 года за этот вид преступления предусматривалось наказание не ниже одного года лишения свободы. Следует указать также на очень важное отличие статьи 21 Положения от статьи 83 УК РСФСР 1922 года — введение ответственности за возбуждение религиозной вражды или розни.

Представляют интерес статьи 93 и 94 УК Узбекской ССР 1926 года, которые действовали до 1 января 1960 года, когда был принят ныне действующий УК Узбекской ССР. Статья 93 УК Узбекской ССР гласит: «Пропаганда или агитация, заключающая призыв к совершению преступлений, предусмотренных статьями 76—91 или направленных к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни, влечет за собой лишение свободы до двух лет.

Те же действия в военной обстановке или при массовых волнениях влекут за собой лишение свободы на срок не ниже двух лет с конфискацией всего или части имущества с повышением при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела, с конфискацией имущества».

В статье 94 УК Узбекской ССР говорится: «Распространение или изготовление и хранение с целью распространения литературных произведений, призывающих к совершению преступлений, предусмотренных статьями 76—91 или направленных к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни, влекут за собой лишение свободы до двух лет.

Те же действия в военной обстановке или при массовых волнениях влекут применение мер социальной защиты, указанных в статье 93, часть 2».

Анализ статей 93 и 94 УК Узбекской ССР показывает, что по своей структуре они сходны со статьями 83 и 84 УК РСФСР 1922 года, хотя согласно статье 3 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 года должны были текстуально воспроизвести статью 21 Положения. Санкции данных статей приведены в соответствие с санкциями статьи 21 Положения. По статье 94 УК Узбекской ССР хранение литературных произведений, которые могут вызвать национальную вражду и рознь, наказуемо в случаях, если будет установлено, что это хранение имело целью распространение, тогда как по статье 21 Положения хранение подобного рода литературных произведений само по себе, независимо от установленной цели, образует состав преступления.

После 1927 года дальнейшее развитие советского уголовного законодательства, и в частности норм об ответственности за нарушение национального и расового равноправия, было связано с Конституцией СССР 1936 года, которая закрепила глубокие социально-экономические преобразования, происшедшие в жизни Советского государства. Успешное разрешение национального во-

проса в СССР исходя из принципов ленинской национальной политики привело к созданию сплоченного многонационального государства, в основе которого лежит не угнетение одних наций другими, а взаимное доверие и дружба между ними, не эксплуатация малых народностей и национальностей, а братская помощь и пролетарский интернационализм.

Статья 123 Конституции устанавливает: «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом».

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности или ненависти и пренебрежения — караются законом».

Конституция СССР 1936 года в статье 14, пункт «х», отнесла к ведению Союза ССР в лице его высших органов власти и управления установление основ законодательства о судостроительстве и судопроизводстве, основ гражданского и уголовного законодательства.

В это время были предприняты попытки разработать проект общесоюзного Уголовного кодекса. В проекте Особенной части УК СССР, подготовленном ВИЮНом в 1939 году, посягательство на национальное равноправие рассматривалось в трех видах: как контрреволюционное преступление (посягательство на национальные завоевания социалистической революции при наличии контрреволюционного умысла) — статья 77; как преступление против порядка управления (возбуждение национальной вражды или розни вообще) — статья 88; как преступление против основных прав граждан (при посягательствах на нарушение национального равноправия в отношении отдельных граждан) — статья 161.

В 1947 году был опубликован проект УК СССР, составленный правительственной комиссией на основании Постановления Совета Министров СССР от 12 июня 1946 года. В этом проекте в главе 1 («Государственные преступления») содержалась статья 86, в которой предусматривалась ответственность за возбуждение расовой или национальной ненависти или пренебрежения, в главе 6 («Должностные преступления») — статья 162, устанавливающая ответственность за нарушение национального равноправия граждан. Как видно из проекта, преступление, направленное против национального и расового равноправия, было предусмотрено в двух видах — как государственное преступление и как должностное.

Проект УК СССР 1947 года явился той основой, на базе которой в течение десятилетия обсуждались различные варианты построения системы Особенной части уголовного законодательства.

9 декабря 1949 года комиссии законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР приняли Особенную часть УК СССР, состоящую из 21 главы¹. В данном проекте посягательства, связанные с возбуждением расовой или национальной ненависти, были вновь отнесены к государственным преступлениям².

Проект Уголовного кодекса СССР продолжал совершенствоваться, и в 1955 году был разработан следующий и последний вариант УК СССР, содержащий в Особенной части 11 глав. В этом проекте нарушение национального равноправия граждан было отнесено к числу преступлений против политических и трудовых прав граждан (статья 98).

Вследствие предоставления союзным республикам большей самостоятельности в решении государственных дел Законом от 11 февраля 1957 года принятие уголовных кодексов было отнесено к компетенции законодательных органов союзных республик. В связи с этим началась разработка общесоюзных Основ уголовного законодательства, а также Закона об уголовной ответственности за государственные преступления.

25 декабря 1958 года в числе других законов был принят Закон об уголовной ответственности за государственные преступления. Он внес существенные дополнения и изменения в норму о посягательствах на национальное и расовое равноправие. Статья 11 Закона, предусматривающая ответственность за это посягательство, была включена в уголовные кодексы всех союзных республик.

Статья 11 Закона (статья 74 УК РСФСР) гласит: «Пропаганда или агитация с целью возбуждения расовой или национальной вражды или розни, а равно прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности — наказываются лишением свободы на срок от шести месяцев до трех лет или ссылкой на срок от двух до пяти лет».

Данная статья по сравнению со статьей 21 Положения более четко определяет субъективную сторону рассматриваемого преступления, подчеркивая, что описываемые в статье деяния совершаются с целью возбуждения расовой или национальной вражды либо розни. Вместе с тем в отличие от статьи 21 Положения она специально не выделяет ответственность за распространение, изготовление и хранение литературы, возбуждающей расовую и национальную вражду или рознь. Следует также указать, что если в статье 21 Положения состав возбуждения национальной вражды или розни предусматривался в двух видах: без отягчающих обстоятельств и с отягчающими обстоятельствами (совершение дан-

¹ См. ЦГАОР СССР, ф. 7523, оп. 45, ед. хр. 106, л. 62.

² См. там же, л. 63.

ного преступления в военной обстановке или при массовых беспорядках), то статья 11 Закона не предусматривает такой дифференцированной ответственности.

Наконец, Закон об уголовной ответственности за государственные преступления по сравнению с ранее действовавшим законодательством снизил наказание за рассматриваемое преступление. Если по статье 21 Положения возбуждение национальной вражды или розни наказывалось лишением свободы на срок до двух лет, а при отягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок не ниже двух лет с конфискацией всего или части имущества и даже высшей мерой наказания, то согласно статье 11 Закона нарушение национального или расового равноправия наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до трех лет или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

В связи с полной победой социализма в нашей стране преступления, подпадающие под признаки статьи 74 УК РСФСР, встречаются редко. Однако это не означает, что можно ослабить борьбу даже с отдельными преступными проявлениями такого рода. Борьба с остатками националистических пережитков и с их проявлениями должна вестись во имя упрочения дружбы народов СССР, укрепления социалистических наций.

Полковник *Н. М. Коньков*,
кандидат юридических наук
майор *Ю. Ф. Карасев*

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ СЛЕДОВАТЕЛЯ ОРГАНОВ КГБ С ПРОКУРОРОМ И НАЧАЛЬНИКОМ СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА В ПРОЦЕССЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Вопросы, касающиеся взаимоотношений следователя органов КГБ с прокурором и начальником следственного отдела, представляют большой интерес. В правильном их решении равно заинтересованы и практические и научные работники. Вместе с тем необходимо отметить, что эти вопросы не подвергались специальному исследованию. Настоящая статья не претендует на исчерпывающее освещение всех вопросов взаимоотношений следователя органов КГБ с прокурором и начальником следственного отдела. В ней затрагиваются лишь некоторые аспекты взаимоотношений указанных лиц.

Действующий закон наделяет следователя большой процессуальной самостоятельностью. Решения о производстве всех следст-

венных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением тех из них, которые требуют санкции, утверждения или согласия прокурора (статья 30 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик). В таких случаях прокурор выступает как орган надзора за точным исполнением законов при производстве следователем действий, которые наиболее существенно затрагивают права и интересы граждан, предприятий, учреждений и организаций.

Основы уголовного судопроизводства устанавливают, что письменная санкция прокурора необходима в следующих случаях:

при избрании в качестве меры пресечения содержания под стражей (статья 6 Основ)¹;

при наложении ареста на корреспонденцию и выемке ее в почтово-телеграфных учреждениях (часть 3 статьи 35 Основ);

при производстве обыска, кроме случаев, не терпящих отлагательства (часть 1 статьи 35 Основ).

Помимо этого, уголовно-процессуальное законодательство² обязывает следователя получать санкцию прокурора при осуществлении следующих действий:

избрании в качестве меры пресечения залога (статьи 89, 99 УПК РСФСР);

выемке документов, содержащих сведения, являющиеся государственной тайной (часть 2 статьи 167 УПК РСФСР);

личном обыске, кроме случаев, не требующих получения санкции прокурора (статья 172 УПК РСФСР);

помещении в лечебно-психиатрическое учреждение обвиняемого, не содержащегося под стражей (статьи 188, 404, 408 УПК РСФСР);

отмене или изменении меры пресечения, избранной по указанию прокурора (часть 2 статьи 101 УПК РСФСР).

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Узбекской ССР получение санкции прокурора является обязательным при приостановлении уголовного дела вследствие неустановления лица, совершившего преступление (статья 171).

Уголовно-процессуальным законодательством союзных республик предусматривается утверждение прокурором постановления следователя об отстранении обвиняемого от должности в том случае, если при привлечении должностного лица в качестве обвиняемого возникает необходимость отстранить его от должности (статья 153 УПК РСФСР)³.

¹ Директивным указанием Прокуратуры СССР от 4 сентября 1964 года № 5/78 разъясняется, что согласно закону все решения, относящиеся к личной компетенции прокурора, не вправе принимать его помощники.

² Имеются в виду УПК РСФСР и УПК других союзных республик.

³ Такого требования не содержит лишь УПК Казахской ССР.

При принятии следователем ряда процессуальных решений требуется согласие прокурора в следующих случаях:

при прекращении уголовного дела вследствие изменения обстановки (статья 6 УПК РСФСР);

при прекращении уголовного дела в связи с передачей его на рассмотрение товарищеского суда (статья 7 УПК РСФСР);

при прекращении уголовного дела в отношении лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, и направлении дела на рассмотрение Комиссии по делам несовершеннолетних (статья 8 УПК РСФСР);

при направлении материала без возбуждения уголовного дела для применения мер общественного воздействия (статья 10 УПК РСФСР).

Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской ССР требует согласия прокурора при возобновлении следователем уголовного дела в отношении лица, взятого на поруки (статья 10).

Общесоюзным уголовно-процессуальным законом предусматриваются случаи, когда от следователя требуется в суточный срок делать обязательные сообщения прокурору:

при задержании лица, подозреваемого в совершении преступления (статья 32 Основ);

после производства без санкции прокурора обыска при обстоятельствах, не терпящих отлагательства (статья 35 Основ).

Следователь обязан также направлять прокурору копии постановлений:

о возбуждении уголовного дела (часть 3 статьи 112 УПК РСФСР);

о принятии дела к своему производству (часть 2 статьи 129 УПК РСФСР);

о прекращении уголовного дела (часть 3 статьи 209 УПК РСФСР);

Уголовно-процессуальные кодексы Казахской ССР (статья 72), Узбекской ССР (статья 130), Киргизской ССР (статья 79) и Азербайджанской ССР (статья 168) содержат требование об обязательном направлении следователем прокурору копии постановления об избрании меры пресечения.

Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР обязывает следователя направлять прокурору постановление о привлечении в качестве обвиняемого (статья 132) и постановление о приостановлении следствия (статья 206 УПК). Последнее требование содержится также в Уголовно-процессуальном кодексе Азербайджанской ССР (статья 210).

Следует отметить, что на практике с целью облегчения надзора следователи направляют прокурору копии постановлений об избрании меры пресечения, о привлечении в качестве обвиняемого, о

приостановлении следствия, об объявлении обвиняемого в розыск, о возобновлении производства по делу, об отказе в возбуждении уголовного дела и др. Видимо, настало время внести в общесоюзный закон соответствующие дополнения, с тем чтобы указанные вопросы одинаково решались в масштабе всей страны.

Прокурору законом предоставлено исключительное право продлевать срок предварительного следствия (статья 133 УПК РСФСР) и срок содержания под стражей (статья 97 УПК РСФСР), принимать решение об отводе следователя (статьи 64, 130 УПК РСФСР), решать вопрос о территориальной подследственности (статья 132 УПК РСФСР), рассматривать жалобы на действия следователя (статья 219 УПК РСФСР), утверждать обвинительное заключение при направлении уголовного дела в суд (статья 214 УПК РСФСР).

Поскольку следователь все основные вопросы следствия решает самостоятельно по своему внутреннему убеждению, можно утверждать, что во взаимоотношениях с прокурором он полностью сохраняет свою самостоятельность. В случае несогласия следователя с указаниями прокурора о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и объеме обвинения, о направлении дела для предания обвиняемого суду или о прекращении дела следователь вправе представить дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений. В этом случае прокурор отменяет указание нижестоящего прокурора или поручает производство следствия по этому делу другому следователю (статья 30 Основ уголовного судопроизводства, статья 127 УПК РСФСР). Следователь вправе обжаловать вышестоящему прокурору полученные им указания и по всем другим вопросам следствия, не приостанавливая их исполнения.

На практике иногда возникает вопрос о праве прокурора давать следователю указания о возбуждении уголовного дела. Как известно, в УПК РСФСР 1923 года содержался такой повод к возбуждению уголовного дела, как «предложение прокурора» (пункт 4 статьи 91 УПК РСФСР). Таким образом, раньше прокурор был наделен правом дачи следователю обязательного для последнего указания о возбуждении уголовного дела. В ныне действующем УПК РСФСР среди перечисленных поводов такого повода нет (статья 108). Подняв роль следователя, расширив его процессуальную самостоятельность, закон предоставил ему право самостоятельно принимать решение о возбуждении уголовного дела.

Решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении дела следователь принимает по своему внутреннему убеждению на основании оценки поступивших первичных материалов. Обладая полной процессуальной самостоятельностью, он несет ответственность за правильность своих действий. Предложение прокурора о возбуждении уголовного дела не может рассматри-

ваться как обязательное указание для следователя. В том случае, если прокурор направит следователю заявления и сообщения о преступлении с предложением возбудить по ним уголовное дело, следователь обязан рассмотреть полученные материалы и принять по ним процессуальное решение. Если следователь после критической оценки поступивших материалов приходит к выводу о том, что в них не содержится оснований к возбуждению уголовного дела, он обязан вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. В случае несогласия с таким решением прокурор вправе отменить постановление следователя и вынести постановление о возбуждении уголовного дела.

Исходя из того, что закон предоставил прокурору право требовать от следователя для проверки материалы о ходе предварительного следствия и давать последнему указания о производстве дополнительного расследования, можно утверждать, что прокурор вправе давать следователю и обязательные для исполнения указания о направлении расследования.

При расследовании уголовных дел в органах госбезопасности сложилась такая практика: прокурор всегда присутствует при производстве наиболее ответственных следственных действий (предъявление обвинения и допрос обвиняемого, ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела). Польза этой практики проверена многолетним опытом. Пора закрепить ее в законе подобно тому, как законодательно закреплена обязанность прокурора присутствовать при обыске и выемке в помещениях дипломатических представительств (статья 173 УПК РСФСР).

Поскольку в законе содержится исчерпывающий перечень действий следователя, требующих санкции, утверждения или согласия прокурора, требования некоторых ведомственных актов о том, чтобы составленные следователем процессуальные документы были утверждены начальником следственного отдела или согласованы с ним, не основаны на законе.

Наиболее важные процессуальные документы, составляемые следователем (например, постановление о возбуждении уголовного дела, постановление об избрании в качестве меры пресечения содержания под стражей), как правило, подписываются начальником следственного отдела. Подпись начальника следственного отдела свидетельствует о его согласии с принятым следователем решением¹.

Ряд практических работников, считающих, что подобная практика в целом не основана на законе и является неправильной, высказывают мнение, что согласие начальника следственного отдела

¹ Небезынтересно отметить, что в настоящее время в органах Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР нет действующих ведомственных актов, регламентирующих данный вопрос.

с отдельными документами, составляемыми следователем, имеет процессуальное значение. Это мнение аргументируется ими следующим образом.

Следователь прокуратуры структурно входит в систему органов прокуратуры, и нередко прокурор, осуществляющий надзор за расследованием им уголовного дела, является и его прямым начальником. При таком положении одно лицо осуществляет и надзор и контроль. Следователь же органов госбезопасности (а равно и следователь органов внутренних дел), хотя и является самостоятельной процессуальной фигурой, действует от имени определенного органа КГБ. Поэтому, когда прокурор направляет уголовное дело для расследования в органы госбезопасности, он адресует его не следователю, который будет вести это дело, а начальнику органа КГБ, который сам или через начальника следственного отдела поручает расследование по этому делу тому или иному следователю.

Статья 127¹ УПК РСФСР наделяет начальника следственного отдела определенными процессуальными полномочиями. В частности, он осуществляет контроль за своевременностью действий следователей по всестороннему и объективному расследованию уголовных дел. Эти процессуальные полномочия начальника следственного отдела и выражаются в форме согласия при составлении отдельных процессуальных документов.

Таким образом, надзор за расследованием следователем КГБ уголовного дела осуществляет прокурор, а контроль за расследованием уголовного дела — начальник органа КГБ через начальника следственного отдела.

Как нам представляется, приведенная аргументация не убеждает, что при составлении процессуальных документов на проведение следственных действий, существенно затрагивающих права и интересы граждан и организаций и требующих санкции, утверждения или согласия прокурора, необходимо согласие начальника следственного отдела. При таком решении вопроса трудно усмотреть разницу между надзором прокурора за точным исполнением законов при производстве следствия и контролем начальника следственного отдела за своевременностью действий следователя.

Закон (статья 127¹ УПК РСФСР), наделив начальника следственного отдела правом осуществлять контроль за своевременностью действий следователя, предоставил ему право дачи письменных указаний, обязательных для следователя. Поэтому начальник следственного отдела в тех случаях, когда он сочтет необходимым, должен давать следователю письменные указания, а не ограничиваться подписью «согласен» на процессуальном документе, составленном следователем.

В связи с предоставлением начальнику следственного отдела (отделения) органов государственной безопасности процессуаль-

ных полномочий возникает дискуссионный вопрос о его роли в уголовном процессе. Одни авторы предлагают предоставить начальнику следственного отдела права, аналогичные тем, которыми наделен в настоящее время прокурор (статья 211 УПК РСФСР), другие, полагая, что начальник следственного отдела, осуществляя ведомственный контроль за деятельностью следователя, в какой-то степени дублирует прокурора, считают правомерным лишить начальника следственного отдела процессуальных прав. Не разделяя указанных точек зрения, мы полагаем, что по своему процессуальному положению прокурор и начальник следственного отдела являются самостоятельными участниками уголовного процесса. При этом прокурор, участвуя во всех стадиях уголовного процесса, в стадии предварительного расследования осуществляет надзор за законностью при производстве следственных действий. Указания прокурора по уголовным делам, которые им даются в соответствии с его полномочиями, обязательны и для начальника следственного отдела.

Анализ процессуальных полномочий начальника следственного отдела позволяет утверждать, что он призван направлять и контролировать работу следователя (статья 127¹ УПК РСФСР): проверять находящиеся в производстве подчиненных ему следователей уголовные дела; давать следователям указания по любым вопросам предварительного следствия; передавать дела от одного следователя другому; поручать расследование дела нескольким следователям; участвовать в производстве предварительного следствия; лично производить предварительное следствие.

В связи с тем что и прокурор и начальник следственного отдела наделены правом дачи следователю обязательных для него указаний, причем обжалование этих указаний не приостанавливает их исполнения (кроме случаев, предусмотренных частью 2 статьи 127 УПК РСФСР), можно предположить, что и прокурор и начальник следственного отдела в присущей каждому из них процессуальной форме осуществляют процессуальное руководство следствием. При этом если прокурор руководит предварительным следствием, исходя из стоящих перед ним задач по осуществлению высшего надзора за соблюдением законности в стране, то начальник следственного отдела направляет работу следователя в связи со своей ведомственной функцией руководителя следственного подразделения. Именно поэтому прокурор осуществляет надзор и за процессуальной деятельностью самого начальника следственного отдела (статья 20 Основ уголовного судопроизводства), а указания прокурора по уголовным делам, данные в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, обязательны для начальника следственного отдела (статья 127¹ УПК РСФСР).

То обстоятельство, что указания прокурора являются обязательными для начальника следственного отдела, свидетельствует

о разном объеме прав этих участников уголовного процесса, а следовательно, о их различном процессуальном положении.

Право прокурора отменять незаконные указания, данные начальником следственного отдела следователю, подтверждает, что следователь органов КГБ в полном объеме пользуется процессуальной самостоятельностью и по основным вопросам следствия вправе не согласиться с указаниями начальника следственного отдела (о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и т. д.). В подобных ситуациях спор разрешает прокурор, осуществляющий надзор.

Изложенное позволяет утверждать, что процессуальные полномочия прокурора и начальника следственного отдела взаимно дополняют друг друга, а правильное сочетание их деятельности обуславливает успех расследования, производимого следователями органов КГБ.

Майор Ю. Я. Коршунов,
майор В. А. Соболев

**О ПОНЯТИИ И КЛАССИФИКАЦИИ
МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ,
ПРИМЕНЯЕМЫХ ОРГАНАМИ И ВОЙСКАМИ КГБ**

Органы и войска КГБ, выполняя поставленные перед ними Коммунистической партией и Советским правительством задачи, призваны своевременно выявлять, предупреждать и пресекать подрывную деятельность противника, посягающего на государственную безопасность нашей Родины.

Характер подрывной деятельности противника на современном этапе (стремление перенести центр ее тяжести на территорию Советского Союза, действовать с легальных позиций, увеличение числа попыток привлечения отдельных политически незрелых советских граждан к совершению враждебных акций, переход к тактике «деятельности на грани закона») предопределяет необходимость более широкого использования органами и войсками КГБ для решения контрразведывательных задач наряду с негласными агентурно-оперативными мерами гласных мер административного принуждения.

Возрастание роли административно-правовых средств и методов при решении задач, стоящих перед органами и войсками КГБ, расширение сферы их применения нашли свое отражение в издании Президиумом Верховного Совета СССР, Центральным Коми-

тетом Коммунистической партии Советского Союза и Советом Министров СССР ряда нормативных актов, направленных на дальнейшее совершенствование административно-правовых режимов, устанавливаемых в интересах охраны государственной безопасности, на усиление значения органов и войск КГБ в обеспечении этих режимов¹.

Предоставление органам и войскам КГБ дополнительных прав на применение мер административного принуждения в значительной степени расширяет их возможности при решении задач охраны государственной безопасности.

В настоящее время органы и войска КГБ правомочны от своего имени применять большое количество разнообразных мер административного принуждения: от проверки документов до административного задержания и официального предостережения. Данные меры позволяют эффективно предупреждать и пресекать подрывную деятельность противника и иные антиобщественные действия, посягающие на интересы государственной безопасности. Их применение нередко является единственно возможным способом пресечения подобной деятельности. Более того, обеспечивая выяснение обстоятельств и мотивов совершения правонарушений, меры административного принуждения создают условия для применения агентурно-оперативных и уголовно-процессуальных мер в отношении лиц, деятельность которых причиняет ущерб государственной безопасности.

Поэтому меры административного принуждения должны активно использоваться органами и войсками КГБ как для решения общих контрразведывательных задач (охрана государственной границы, борьба со шпионажем, диверсией, террористическими актами и другими особо опасными государственными преступлениями, обеспечение безопасности охраняемых органами КГБ объектов и т. п.), так и для проведения частных контрразведывательных мероприятий (легализация данных, полученных оперативным путем, пресечение подрывной деятельности конкретных лиц, поимка их с поличным и другие острые чекистские мероприятия).

¹ См.: Положение о въезде в СССР и выезде из СССР, утвержденное Постановлением Совета Министров СССР от 22 сентября 1970 г.; Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 октября 1970 г. «О мерах по усилению режима секретности»; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1971 г. «О специальных судах, прокуратуре, адвокатуре, нотариате и органах внутренних дел, действующих на особо режимных объектах» и постановление о порядке его применения; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1972 г. «О некоторых дополнительных мерах правового регулирования деятельности органов государственной безопасности» и постановление о порядке его применения; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1972 г. «О внесении изменений и дополнений в Положение об охране государственной границы СССР»; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 г. «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия».

Естественно, применение мер административного принуждения требует от должностных лиц органов и войск КГБ не только знания норм административного права, но и глубокого уяснения сущности этих мер, порядка их применения. В связи с этим исключительно важное теоретическое и практическое значение приобретает разработка научного понятия и классификации применяемых органами и войсками КГБ мер административного принуждения. Это даст возможность оперативному составу органов и войск КГБ обоснованно принимать решения о применении мер административного принуждения, правильно избирать нужную в каждом конкретном случае меру и в строгом соответствии с законом использовать ее в целях обеспечения государственной безопасности.

Данная статья имеет своей целью рассмотреть лишь некоторые, на наш взгляд наиболее важные, вопросы указанной проблемы.

Проблеме административного принуждения в советской юридической литературе уделено большое внимание. Учеными-административистами высказаны различные взгляды по вопросам понятия и классификации мер административного принуждения¹. В специальной чекистской литературе данные вопросы также нашли отражение², однако авторы не ставили перед собой задачи теоретического обоснования названных административно-правовых институтов, а лишь использовали применительно к сфере охраны государственной безопасности устоявшиеся, нашедшие распространение основные положения теории административного права.

Указанные работы внесли свой достойный вклад в разработку понятия мер административного принуждения и их классификации. Тем не менее эти вопросы не нашли единого решения как в юридической литературе, так и в специальных чекистских исследованиях, в результате чего в настоящее время практически невозможно четко определить круг мер административного принуждения и нет общепризнанной классификации этих мер.

Марксистско-ленинская теория познания действительности и логика научного исследования требуют рассмотрения в первую очередь наиболее общих вопросов. Применительно к теме данной статьи такими вопросами являются вопросы о понятии и содержании мер административного принуждения, ибо только опреде-

¹ См.: Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969; Еропкин М. И. О классификации мер административного принуждения. В сб.: «Вопросы административного права на современном этапе». М., Госюриздат, 1963; Студеникин С. С. Советское административное право. М., Госюриздат, 1949; Ямпольская Ц. А. Органы советского государственного управления в современный период. М., изд. АН СССР, 1954.

² См. Долгополов Ю. Б. Роль мер административного воздействия в борьбе с идеологической диверсией. В сб.: «Проблемы борьбы органов государственной безопасности с идеологической диверсией». М., изд. ВКШ КГБ, 1969.

ление характерных признаков, присущих этим мерам, позволит выделить их из общей массы мер административного воздействия¹ и классифицировать.

Меры административного принуждения являются формой реализации метода принуждения, применяемого органами советского государственного управления в процессе осуществления исполнительно-распорядительной деятельности, поэтому их рассмотрение должно быть проведено с учетом существующих мнений по вопросу понятия административного принуждения в целом. Не останавливаясь на каждой из имеющихся в юридической литературе точек зрения по данному вопросу, отметим лишь две явно прослеживаемые в административном праве основные тенденции определения содержания понятия административного принуждения.

Так, значительная группа административистов, давая слишком широкое понятие административного принуждения, допускает применение мер принуждения не только при отсутствии правонарушения, но и при отсутствии связи этих мер с деятельностью субъекта и тем самым относит к административному принуждению ряд мер, которые, по нашему мнению, не являются принуждением. При этом не учитывается, что административно-правовые нормы, будучи обязательными, далеко не всегда имеют принудительный характер. Право обязательно обеспечивается принудительной силой государства, но это принуждение должно рассматриваться как потенция, как возможность его применения в крайнем случае², когда все другие средства защиты правопорядка исчерпаны либо когда интересы государства не могут быть обеспечены иными средствами. «Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить», — учил В. И. Ленин³.

Сторонники расширительного толкования административного принуждения, включая в число мер принуждения такие меры, как использование сотрудниками милиции транспортных средств, принадлежащих государственным и общественным организациям либо гражданам, в служебных целях, досмотр транспортных средств, пересекающих государственную границу, и т. п., невольно отождествляют принуждение с подчинением, с исполнением обязанно-

¹ В юридической литературе при рассмотрении вопросов административного принуждения термины «принуждение» и «воздействие» очень часто отождествляются. По мнению авторов, такое отождествление недопустимо, так как термин «воздействие» значительно шире и предполагает использование не только метода принуждения, но и метода убеждения.

² См. Студеникина М. С. Соотношение административного принуждения и административной ответственности. «Советское государство и право», 1968, № 10, стр. 20—22.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 54.

стей. Однако подчинение — это далеко не принуждение. Государство для достижения своих целей должно подчинить волю субъектов своей воле, но данная задача решается в большинстве случаев не путем принуждения. Государство устанавливает широкий круг обязанностей, которые возлагаются либо на всех его членов (общие обязанности)¹, либо на большое число субъектов, подпадающих под действие определенных режимов (специальные обязанности)², но данные обязанности выполняются субъектами правоотношений добровольно или под воздействием убеждения. Принуждение же в этих условиях применяется лишь к тем, кто пытается уклониться от выполнения возложенных на них обязанностей или открыто отказывается от их выполнения, вступая в противоречие с государством. В системе разнообразных мер административного воздействия, используемых государством, в большинстве случаев элемент подчинения имеет место, однако его наличие ни в коем случае не дает оснований относить все эти меры к принудительным. В противном случае мы вынуждены будем признать, что в социалистическом государстве любая государственно-властная деятельность носит принудительный характер, а это в корне искажает суть данной деятельности.

В связи с этим наиболее правильной представляется позиция, занимаемая Д. Н. Бахрахом и М. С. Студеникиной³, которые дают понятие административного принуждения в узком смысле, не считают принуждением выполнение субъектами правовых обязанностей. Однако категорическое утверждение названных авторов, что принуждение имеет место только при наличии правонарушения, вызывает возражение.

Действительно, меры административного принуждения, как правило, применяются при наличии правонарушения, но они могут использоваться и при отсутствии такового. Бесспорно одно: государство применяет принудительные меры всегда в связи с деятельностью субъекта, ибо вне своей деятельности данный субъект не может вступить в сферу, подвластную законодателю⁴. Возможность применения мер административного принуждения в тех слу-

¹ См. статьи 130—133 Конституции СССР.

² Устанавливая административно-правовые режимы, государство возлагает ряд обязанностей на всех лиц, попадающих в сферу действия того или иного режима. Так, лица, допущенные к работам секретного характера, независимо от их отношения к режиму должны строго хранить в тайне сведения, ставшие им известными по службе. А лица, желающие выехать за границу, обязаны испросить на это разрешение у компетентного органа, при пересечении государственной границы предъявить на КПП свои документы на право выезда и т. д. Подобные обязанности, распространяемые на широкий круг участников административно-правовых режимов, можно назвать специальными обязанностями.

³ См.: Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969; Студеникина М. С., цит. работа.

⁴ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, стр. 14.

чаях, когда правонарушение отсутствует, подтверждается и действующим законодательством.

Например, органы милиции осуществляют административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, при наличии оснований, позволяющих предположить возможность повторения правонарушений, имевших место ранее. Официальное предостережение может применяться в отношении лиц, совершивших антиобщественные действия, которые хотя и причиняют ущерб интересам охраны государственной безопасности, однако не рассматриваются действующим законодательством как правонарушения¹. Наконец, меры административного принуждения, например досмотр ручной клади, багажа и личный досмотр пассажиров гражданских воздушных судов², применяются и в отношении лиц, действия которых не являются правонарушениями, но дают веские основания полагать, что они могут причинить ущерб интересам государства.

Следует отметить, что, предусматривая возможность применения мер административного принуждения в данных случаях, государство устанавливает ряд дополнительных условий, призванных обеспечить соблюдение социалистической законности. Кроме того, допуская использование указанных мер в исключительных случаях, государство ограничивает их применение сферами охраны государственной безопасности и общественного порядка, учитывая при этом важность охраняемых общественных отношений в данных сферах и повышенную опасность посягательств на них.

Анализ административно-правовых исследований о содержании мер административного принуждения³ позволяет выделить следующие черты, раскрывающие сущность этих мер.

Прежде всего, применяя меры административного принуждения, органы государственного управления оказывают воздействие на сознание и поведение субъектов правоотношений, стремятся подчинить их волю воле государства. При этом они преднамеренно допускают в процессе воздействия причинение морального, материального или физического ущерба либо ограничение прав и свободы действий данных субъектов.

¹ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 г. «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия».

² См. Правила производства досмотра ручной клади, багажа и личного досмотра пассажиров гражданских воздушных судов в целях обеспечения безопасности полетов, жизни и здоровья пассажиров и членов экипажей этих судов (утверждены Постановлением СМ СССР № 896 от 6 декабря 1971 г. и объявлены Указанием КГБ при СМ СССР № 20, 1972 г.).

³ Вопрос о понятии административного принуждения, кроме ранее цитируемых работ, освещается также в работах других административистов (см.: Самощенко И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., «Юридическая литература», 1964; Якуб О. М. Административная ответственность. М., «Юридическая литература», 1972).

Для мер административного принуждения характерна высокая степень персонификации. Правовые нормы четко ограничивают круг субъектов, к которым эти меры могут быть применены.

Применение мер административного принуждения в отличие от иных мер административного воздействия всегда предполагает обеспечение его более эффективными мерами государственного принуждения.

Основаниями для применения мер административного принуждения могут быть лишь конкретные деяния, носящие, как правило, противоправный характер. Только в исключительных случаях государство допускает применение административного принуждения при наличии других оснований (действия субъекта, позволяющие полагать, что они могут причинить ущерб государственным интересам), детально их регламентируя.

Наконец, следует отметить общепризнанное положение о том, что меры административного принуждения применяются в строгом соответствии с законом органами государственного управления¹ в порядке, установленном нормами административного права.

Основные признаки административного принуждения присущи и мерам, применяемым органами и войсками КГБ. Вместе с тем эти меры имеют и некоторые особенности, выяснение которых является необходимой предпосылкой для решения проблемы их классификации.

Особенности мер административного принуждения, применяемых в сфере охраны государственной безопасности, определяются в первую очередь характером подрывной деятельности противника, борьбу с которой они призваны обеспечивать. Проводимая противником враждебная деятельность в основном выражается в совершении им особо опасных и иных государственных преступлений, пресечение которых осуществляется в уголовно-процессуальном порядке. Применение же органами и войсками КГБ административного принуждения имеет наиболее широкое распространение на стадиях приготовления и покушения на совершение таких преступлений, когда действия противника, как правило, проявляются вовне в виде административных правонарушений². Однако, решая в каждом конкретном случае задачи предупреждения и пресечения таких правонарушений, органы и войска КГБ, применяя меры административного принуждения, всегда преследуют цель преду-

¹ В исключительных, специально предусмотренных в законе случаях, полномочиями на применение мер административного принуждения наделены народные суды, судьи и общественные организации (добровольные народные дружины). Однако следует иметь в виду, что применение этих мер названными органами осуществляется в соответствии с нормами административного права.

² Например, на стадии подготовки к совершению особо опасных государственных преступлений враждебные элементы пытаются проникнуть на территорию режимного объекта, в пограничную зону, приобрести множительные аппараты, оружие и другие орудия преступной деятельности.

преждения совершения особо опасных государственных преступлений. Наличие такой конечной цели и обуславливает необходимость применения органами и войсками КГБ административного принуждения.

Особо опасный характер посягательств противника в сфере охраны государственной безопасности ставит перед органами и войсками КГБ в процессе применения административного принуждения задачу выявлять мотивы и обстоятельства совершения правонарушений с целью установления их связи с особо опасными государственными преступлениями, борьба с которыми отнесена к их компетенции.

Другой особенностью административного принуждения, применяемого органами и войсками КГБ, является тесная связь его с нарушениями специальных административно-правовых режимов, устанавливаемых в интересах охраны государственной безопасности¹.

Кроме того, характерной особенностью применения мер административного принуждения в сфере охраны государственной безопасности является тесная связь данных мер с негласной агентурно-оперативной деятельностью органов и войск КГБ. С одной стороны, применению мер административного принуждения предшествует получение оперативной информации высокой степени вероятности о преступных намерениях противника, с другой — сами меры административного принуждения создают условия для эффективного применения агентурно-оперативных мер в отношении лиц, деятельность которых может причинить ущерб интересам охраны государственной безопасности.

Важной особенностью, на наш взгляд, является и то, что применение мер административного принуждения органами и войсками КГБ очень часто вызывается необходимостью безотлагательного принятия решения в целях немедленного пресечения враждебных проявлений и предотвращения возможного причинения ущерба интересам государственной безопасности. К тому же при наличии оперативной информации о преступных намерениях конкретных лиц меры административного принуждения могут применяться для пресечения подрывных действий, не являющихся противоправными. Применение мер административного принуждения в данных случаях в связи с их исключительным характером очень детально регламентируется нормативными актами и допу-

¹ Преодолевая административно-правовые режимы, противник вынужден нарушать установленный в сфере действия режима порядок и тем самым обнаруживать себя. Вовне это проявляется в виде действий, нарушающих конкретный режим и являющихся административными правонарушениями (см. Крупский Н. В., Розанов И. С. Административно-правовые режимы, устанавливаемые в интересах охраны государственной безопасности и общественного порядка. М., изд. ВШ КГБ, 1968).

скается лишь тогда, когда интересы государственной безопасности не могут быть обеспечены иными средствами¹.

Наконец, следует отметить, что органы и войска КГБ не наделены правами на применение административных взысканий. Данная особенность объясняется отсутствием карательной функции в исполнительно-распорядительной деятельности органов и войск КГБ, призванных предупреждать и пресекать враждебную деятельность противника.

Перечисленные выше характерные признаки мер административного принуждения и особенности их применения в сфере охраны государственной безопасности позволяют нам сформулировать понятие исследуемого правового института. Итак, меры административного принуждения, применяемые органами и войсками КГБ, представляют собой дозволенное законом в порядке исключения воздействие на сознание и поведение лиц, деятельность которых угрожает интересам охраны государственной безопасности, осуществляемое органами и войсками КГБ путем причинения этим лицам морального, материального или физического ущерба, а равно ограничения их прав и свободы действий в целях выявления, предупреждения и пресечения подрывной деятельности противника либо иной деятельности, наносящей ущерб государственной безопасности СССР.

Анализ мер административного воздействия, полномочиями на применение которых наделены органы и войска КГБ, проведенный с учетом указанных выше признаков и особенностей, дает возможность выделить из их числа собственно меры административного принуждения и вплотную подойти к решению вопроса о классификации данных мер.

Однако прежде всего следует обратиться к теории вопроса и ознакомиться с имеющимися в юридической литературе мнениями о классификации мер административного принуждения с точки зрения их пригодности для классификации мер, применяемых органами и войсками КГБ.

Предлагаемые учеными-административистами классификации мер административного принуждения имеют существенные различия, тем не менее все юристы единодушно выделяют в качестве самостоятельного вида мер принуждения административные взыскания². В рамках настоящей статьи не представляется возможным

¹ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1972 года «О некоторых дополнительных мерах правового регулирования деятельности органов государственной безопасности» и постановление о порядке применения этого Указа.

² Под административными взысканиями понимаются меры принуждения, применяемые компетентными органами государственного управления к лицам, нарушившим административно-правовую норму, в целях их наказания и перевоспитания. К административным взысканиям относятся: предупреждение, штраф, административный арест, исправительно-трудовые работы, конфискация и др.

дать всесторонний анализ всех существующих классификаций, поэтому назовем лишь три наиболее распространенные точки зрения по вопросу о классификации мер административного принуждения.

Представители первой точки зрения¹ подразделяют меры административного принуждения на два вида: **административные взыскания** и **иные меры административного принуждения**. Ко второму виду мер принуждения они относят все меры, не являющиеся санкциями административно-правовых норм. Однако нетрудно убедиться, что данная классификация приводит к объединению в рамках одного вида явно неоднородных мер принуждения (реквизиция и административное задержание, арест имущества и административное выселение), что является существенным недостатком.

Другая группа юристов выделяет **административные взыскания, меры административного пресечения и административно-предупредительные меры**². Данная точка зрения в настоящее время имеет наибольшее распространение. Ее представители под мерами административного пресечения понимают меры, применяемые к лицам, совершающим противоправные деяния, в целях принудительного прекращения последних. К таким мерам они относят: административное задержание, приостановление работ предприятия за нарушение правил техники безопасности и др.

Под выделяемыми в самостоятельную группу мерами административно-предупредительного характера имеются в виду меры, применяемые в целях предупреждения возможных правонарушений или предотвращения наступления общественно опасных последствий. Меры этой группы применяются не в связи с противоправной деятельностью лиц, а при наступлении определенных условий, предусмотренных нормами права. К ним относятся: закрытие отдельных участков государственной границы, реквизиция, принудительный врачебный осмотр и др.

И наконец, существует точка зрения, которую отстаивает Д. Н. Бахрах, подразделяющий меры административного принуждения на **административные взыскания, меры административного пресечения и восстановительные меры**³. Д. Н. Бахрах выделяет в качестве самостоятельного вида восстановительные меры, которые направлены на устранение причиненного ущерба, на восстановле-

¹ См.: Ямпольская Ц. А. Органы советского государственного управления в современный период. М., Изд. АН СССР, 1954, стр. 65; Петров Г. И. Советское административное право. Часть общая. Изд. ЛГУ, 1960, стр. 299—301; Студеникин С. С. Советское административное право. М., Госюриздат, 1949, стр. 138—141.

² См.: Еропкин М. И. О классификации мер административного принуждения. В сб.: «Вопросы административного права на современном этапе». М., Госюриздат, 1963, стр. 60—67; Попов Л. Л. Убеждение и принуждение. «Московский рабочий», 1969, стр. 60—65.

³ См. Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969, стр. 34—40.

ние прежнего положения, и относит к их числу такие меры, как снос самовольно возведенного строения, изъятие имущества, административное выселение из самоуправно занятых помещений и др.

Бесспорно, представители всех названных точек зрения внесли определенный вклад в теоретическую разработку рассматриваемой проблемы. В предлагаемых классификациях имеется ряд теоретических положений, которые не вызывают возражений и могут быть использованы при классификации мер, применяемых органами и войсками КГБ.

Однако, решая данную проблему применительно к различным сферам деятельности Советского государства, названные авторы по вполне понятным причинам не ставили перед собой задачи распространить свои исследования на систему административных мер, используемых в сфере охраны государственной безопасности, в результате чего значительное количество этих мер осталось за пределами предлагаемых ими классификаций (личный досмотр задержанного и досмотр вещей, проверка документов и вызов в органы КГБ, официальное предостережение)¹.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что ни одна из рассмотренных выше классификаций не может быть использована в чистом виде для классификации мер административного принуждения, применяемых органами и войсками КГБ.

Как известно, классификация мер административного принуждения может проводиться по различным основаниям². По мнению авторов статьи, наиболее существенными критериями, позволяющими выделить типичные и устойчивые признаки мер административного принуждения, являются непосредственная цель, которую стремятся достичь органы и войска КГБ, применяя ту или иную меру принуждения, и основания применения каждой из этих мер принуждения. Кроме того, при классификации мер административного принуждения, применяемых органами и войсками КГБ, необходимо иметь в виду, что основной целью их применения является

¹ В специальной чекистской литературе проблема административного принуждения глубокой разработки не получила. В ряде работ по специальной тематике рассмотрены лишь отдельные стороны данной проблемы (см. Долгополов Ю. Б. Роль мер административного воздействия в борьбе с идеологической диверсией. В сб.: «Проблемы борьбы органов государственной безопасности с идеологической диверсией». М., изд. ВКШ КГБ, 1969). В настоящее время разработка отдельных вопросов административного принуждения осуществляется применительно к темам диссертационных исследований.

² В юридической литературе в качестве критерия классификации назывались различные признаки. Например, признак принадлежности (непринадлежности) к административным санкциям, в соответствии с которым обосновывалась двучленная классификация (см. цитируемые работы Студеникина С. С., Ямпольской Ц. А., Петрова Г. И. и др.). В качестве оснований для классификации предлагался и способ защиты правоотношений (см. цитируемые работы Попова Л. Л., Бахраха Д. Н.).

борьба не с административно-правовыми деликтами, как таковыми, а с особо опасными государственными преступлениями.

Рассмотрение мер административного принуждения, применяемых органами и войсками КГБ, с позиций избранных критериев классификации позволяет разделить их на следующие виды:

административно-предупредительные меры;

меры административного пресечения;

меры административного обеспечения.

Чем же характеризуются принудительные меры каждого из указанных видов?

В системе мер административного принуждения, применяемых органами и войсками КГБ, можно выделить ряд мер явно выраженного предупредительного характера. К этим мерам, например, относятся: досмотр ручной клади и багажа, а в исключительных случаях и личный досмотр пассажиров воздушных судов при наличии достаточных оснований подозревать их в намерении незаконно провезти запрещенные грузы¹; официальное предостережение, применяемое органами государственной безопасности в качестве меры профилактического воздействия².

Анализ мер административно-предупредительного характера позволяет определить те цели, которые преследуют органы и войска КГБ при их применении. Этими целями являются: предупреждение правонарушений, посягающих на интересы государственной безопасности, предотвращение наступления их общественно опасных последствий. Однако такая характеристика целей применения мер данного вида еще не раскрывает в полной мере их сущности, так как указывает лишь на предупреждение обычных административно-правовых деликтов. Основной же целью применения органами и войсками КГБ этих мер является предупреждение правонарушений, которые теснейшим образом связаны с особо опасными государственными преступлениями, имеют место, как правило, на стадии приготовления противника к совершению этих преступлений и могут нанести значительный ущерб интересам государственной безопасности. Предупредительная направленность целей применения этих мер и позволяет отнести их к **административно-предупредительным мерам**³.

¹ См. Правила производства досмотра ручной клади, багажа и личного досмотра пассажиров гражданских воздушных судов в целях обеспечения безопасности полетов, жизни и здоровья пассажиров и членов экипажей этих судов (утверждены Постановлением СМ СССР № 896 от 6 декабря 1971 г. и объявлены Указанием КГБ при СМ СССР № 20, 1972 г.).

² См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 г. «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия».

³ Следует отметить, что Д. Н. Бахрах и М. С. Студеникина категорически возражают против включения административно-предупредительных мер в общую систему мер административного принуждения (см. цитируемые работы).

Нетрудно заметить принудительный характер данных мер. Органы и войска КГБ, используя свои государственно-властные полномочия на применение данных мер, непосредственно воздействуют на сознание и поведение конкретных субъектов, указанных в нормах права, заставляют их подчиниться воле государства, выполнить предписания должностных лиц органов и пограничных войск КГБ и тем самым ограничивают свободу их действий, а также причиняют им моральный ущерб.

Если данные субъекты не подчиняются законным требованиям представителей власти, применяются иные меры, которые исключают возможность наступления вредных для государства последствий или обеспечивают выполнение предъявленных к субъектам требований. Так, в случае отказа от производства досмотра багажа, ручной клади или личного досмотра пассажиры воздушных судов не допускаются к полетам. Если же досмотр проводится во время полета, закон предусматривает применение физического воздействия в отношении пассажиров, которые отказываются от досмотра. В случае отказа профилактируемого явиться в органы КГБ для объявления ему официального предостережения закон предоставляет им право принудительного доставления данного лица.

Таким образом, административно-предупредительные меры применяются органами и войсками КГБ всегда в связи с деятельностью конкретных субъектов, которая не является противоправной. Тем не менее государство в порядке исключения предоставляет органам и войскам КГБ право на применение принудительных мер, детально регламентируя основания и порядок их применения. При этом государство исходит из повышенной общественной опасности последствий, наступление которых призваны предупредить административно-предупредительные меры, и самих правонарушений, посягающих на интересы государственной безопасности, которые могут быть совершены субъектами. Как правило, при применении мер данного вида органы и войска КГБ обладают определенной информацией, позволяющей предположить, что конкретные субъекты могут совершить правонарушения, посягающие на государственную безопасность¹.

Советское государство, учитывая исключительный характер мер административного предупреждения, предусматривает дополнительные гарантии обеспечения социалистической законности, которые выражаются в максимально детальной регламентации основа-

¹ Исходя из того, что рассматриваемые правонарушения тесно связаны с особо опасными государственными преступлениями, органы и войска КГБ, осуществляя борьбу с ними, проводят в широком масштабе агентурно-оперативные мероприятия и получают при этом информацию высокой степени достоверности, которая учитывается при применении административно-предупредительных мер.

ний и порядка применения административно-предупредительных мер и ограничении круга органов, правомочных применять их.

От административно-предупредительных мер принудительного характера, выделяемых нами в самостоятельную группу, следует отличать так называемые меры общей профилактики¹. Хотя этот вопрос выходит за рамки статьи, представляется необходимым обратить на него внимание в связи с включением рядом административистов некоторых мер общей профилактики в систему мер административного принуждения².

Представители расширительного толкования административного принуждения включают в состав административно-предупредительных мер следующие меры общепрофилактического характера: временное прекращение работ, проводимых организациями и гражданами в пограничной полосе; проверка документов у лиц в пределах пограничной зоны; проверка документов у лиц, пересекающих государственную границу СССР; проверка провозимых через границу рукописных материалов, печатных изданий, фотокинодокументов, изопroduкции и т. д.³

При внимательном рассмотрении этих мер наряду с их явным предупредительным характером можно выделить и другие особенности. Они не имеют ярко выраженной персонификации, субъектом применения мер может быть любое лицо, подпадающее под действие административно-правового режима. Эти меры тесно связаны с административно-правовыми режимами и сводятся либо к возложению правовых обязанностей на лиц, подпадающих под действие этих режимов, либо к контролю за выполнением таких обязанностей. Принуждение здесь может иметь место лишь в случае невыполнения субъектами данных обязанностей. Следовательно, данные меры направлены на подчинение воли субъектов государственной воле, но они не носят принудительного характера.

Расширение круга мер административного принуждения за счет мер общей профилактики недопустимо, так как это фактически является признанием принудительного характера исполнения любых обязанностей, возлагаемых государством на организации, должностных лиц и отдельных граждан, наличия в социалистическом праве принуждения, не связанного с деятельностью субъектов; отождествлением принуждения с подчинением и, в конечном итоге, утверждением принудительного характера любой государст-

¹ Подробнее о данных мерах см. Милько Ю. Т., Шемякин С. Н. Профилактическая работа органов госбезопасности СССР. М., изд. ВШ КГБ, 1967.

² См. цитируемые работы Л. Л. Попова, М. И. Еропкина и др.

³ Применение указанных мер регулируется Положением об охране государственной границы СССР (утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1960 г. и объявлено Приказом председателя КГБ при СМ СССР № 0185, 1960 г.).

венно-властной деятельности¹. Авторы этой концепции не высказывают открыто данное утверждение, но оно вытекает из их теоретических положений, служащих обоснованием предлагаемой классификации и характеризующих данный вид мер административного принуждения. С данной концепцией нельзя согласиться. Она в корне противоречит социальной сущности советского права и характеру деятельности социалистического государства.

Для решения задач охраны государственной безопасности органы и войска КГБ широко используют предоставленное им право применять меры административного пресечения. Эти меры направлены на достижение таких целей, как пресечение правонарушений и предотвращение их общественно опасных последствий, пресечение возможных попыток правонарушителей уклониться от ответственности за содеянное. Являясь весьма острым оружием в руках органов и войск КГБ, меры административного пресечения позволяют им самым активным образом воздействовать на противника с целью подавить его подрывную деятельность, заставить снизить активность враждебных акций или на какой-то период вовсе отказаться от их проведения.

Принудительный характер данных мер не вызывает сомнений ни у кого из советских административистов. И действительно, в мерах административного пресечения принуждение проявляется в наиболее ярких формах (задержание граждан, закрытие радиостанций, запрещение производства работ и т. д.).

Воздействие, оказываемое органами и войсками КГБ на субъектов, нарушающих установленный порядок, направлено на прямое принуждение субъектов, указанных в нормах права, к выполнению властных предписаний государства вопреки их воле. В случае неподчинения нарушителей установленного порядка предписаниям государственной власти нормы права предусматривают применение к ним более эффективных мер государственного принуждения, вплоть до оказания на них физического воздействия.

Основанием применения мер административного пресечения является совершение противоправных деяний, направленных на причинение ущерба интересам охраны государственной безопасности, либо нарушение административно-правовых режимов, что может вызвать вредные для государства последствия. Следует подчеркнуть, что данные правонарушения могут совершаться в форме как действия, так и бездействия. Некоторые же авторы отдельные меры принуждения, направленные на пресечение административных правонарушений, совершаемых в виде бездействия, искусст-

¹ Многие авторы (А. Е. Лунев, М. И. Еропкин, Л. Л. Попов и др.) относят административные меры общепредупредительного, профилактического характера к мерам принуждения.

венно переносят в разряд административно-предупредительных мер¹.

В отличие от иных мер административного принуждения меры пресечения могут применяться не только к физическим, но и к юридическим лицам, нарушающим порядок, установленный нормами права. Это позволяет разделить их на две группы: меры, применяемые к гражданам, и меры, применяемые к организациям. Такой подход к решению вопроса классификации мер административного пресечения дает возможность провести более глубокое, детальное исследование обеих групп рассматриваемых мер с учетом специфики субъектов, в отношении которых эти меры применяются.

К первой подгруппе мер административного пресечения, применяемых органами и войсками КГБ, относятся: задержание в административном порядке лиц, нарушающих установленный порядок в местах и на объектах, охраняемых органами КГБ²; административное задержание лиц, проникших на особо режимные объекты в нарушение установленного порядка³; задержание пограничными войсками КГБ при Совете Министров СССР лиц, нарушающих пограничный режим⁴.

Ко второй подгруппе мер относятся: закрытие передающих радиостанций, работающих с незарегистрированными данными⁵; запрещение работы радиостанций (кроме радиостанций Министерства обороны СССР), которые неоднократно нарушали дисциплину радиосвязи⁶; запрещение использования помещений и технических средств, предназначенных для проведения секретных работ, передачи, обработки и хранения секретной информации, в случае несоответствия их требованиям защиты от утечки секретов⁷ и т. д.

¹ См.: Административное право. Учебник под ред. А. Е. Лунева. М., «Юридическая литература», 1970, стр. 202; Козырева Т. И. Административное принуждение и его виды. М., 1957, стр. 217.

² См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1972 г. «О некоторых дополнительных мерах правового регулирования деятельности органов государственной безопасности».

³ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1971 г. «О специальных судах, прокуратуре, адвокатуре, нотариате и органах внутренних дел, действующих на особо режимных объектах».

⁴ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1972 г. «О внесении изменений и дополнений в Положение об охране государственной границы СССР».

⁵ См. постановление Совета Министров СССР от 6 марта 1965 г. «О регистрации в КГБ при СМ СССР радиоданных советских передающих радиостанций».

⁶ См. там же.

⁷ См. Инструкцию по обеспечению сохранения государственной тайны и режима секретности проводимых работ в учреждениях и на предприятиях СССР (утверждена Постановлением Совета Министров СССР № 511—166 от 11 июля 1972 г.).

Единые цели и основания применения перечисленных выше мер позволяют отнести их к **мерам административного пресечения**. Предоставление органам и войскам КГБ прав на их применение дает им весьма эффективное средство для решения задач обеспечения охраны государственной безопасности. Это средство позволяет очень оперативно прекратить совершаемые противоправные деяния и предотвратить наступление вредных последствий в сфере охраны государственной безопасности.

Наконец, в системе мер административного принуждения, применяемых органами и войсками КГБ, можно выделить ряд мер, которые по целям их использования нельзя отнести ни к одному из видов мер, встречающихся в предлагаемых советскими административистами классификациях, но которые имеют между собой много общего. Такими мерами, например, являются меры, применяемые к лицам, нарушившим установленный порядок в местах и на объектах, охраняемых органами КГБ; проверка документов; вызов (доставление), личный досмотр задержанных; досмотр обнаруженных у них вещей¹ и другие меры.

Принудительный характер этих мер не вызывает сомнения. Все они применяются в отношении конкретных лиц, на которых прямо указывает норма права, в значительной степени ограничивают их права и свободу действий, причиняют им моральный ущерб и направлены на то, чтобы заставить упомянутых лиц выполнить против своей воли требования государственной власти. Данные меры обеспечиваются также другими, более эффективными мерами государственного принуждения и дают возможность органам и войскам КГБ в какой-то степени предупреждать и даже пресекать противоправные действия лиц, указанных в норме права. Однако основной целью их использования является отнюдь не предупреждение и пресечение правонарушений (тем более что данные меры применяются уже после того, как правонарушение фактически пресечено), а установление личности правонарушителей, выяснение обстоятельств и мотивов совершенных ими деяний, обеспечение применения иных мер административного принуждения и, кроме того, выявление связи этих деяний с особо опасными государственными преступлениями. Последнее особенно важно для органов государственной безопасности, которые в процессе использования данных мер могут получить сведения, прямо указывающие на такую связь, либо обнаружить косвенные признаки подрывной деятельности противника. Таким образом, эти меры направлены на обеспечение установления всех обстоятельств правонарушений и применения иных мер административного принуждения. Эта

¹ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1972 г. «О некоторых дополнительных мерах правового регулирования деятельности органов государственной безопасности» (объявлен Приказом председателя КГБ при СМ СССР № 0277 от 12 июня 1972 г.).

цель, являясь общим признаком данных мер, позволяет отнести их к самостоятельному виду предлагаемой нами классификации — **мерам административного обеспечения.**

Меры административного обеспечения, как правило, являются ответной реакцией государства на совершение правонарушений, и только в исключительных случаях оно допускает использование этих мер в связи с действиями, позволяющими предполагать возможность причинения лицами, указанными в норме права, ущерба интересам государственной безопасности. Поэтому законодатель детально регламентирует основания и порядок их применения.

Следует также указать на тесную связь мер административного обеспечения с агентурно-оперативными мерами. Так, с одной стороны, меры обеспечения могут применяться при наличии высокой степени вероятности оперативной информации о намерениях конкретных лиц, а с другой стороны, позволяют получить информацию, требующую проведения агентурно-оперативных мероприятий.

Бесспорно, все рассмотренные виды мер административного принуждения, используемые органами и войсками КГБ, взаимосвязаны, поскольку направлены на достижение единой конечной цели — предотвращение ущерба государственной безопасности СССР. Более того, некоторые из данных мер могут в разных ситуациях применяться органами и войсками КГБ при различных основаниях для достижения разнообразных целей, а в связи с этим происходит их качественное изменение, переход из одного вида мер в другой. Например, такая мера административного принуждения, как задержание, позволяет не только пресекать, но и предупреждать правонарушения или обеспечивать выяснение мотивов и обстоятельств их совершения. Так, при применении задержания в целях предупреждения правонарушений, посягающих на государственную безопасность, к лицам, действия которых не являются противоправными, но дают основания полагать, что такие могут быть совершены ими, решаются задачи предупреждения. В случае пресечения противоправных действий, угрожающих интересам государственной безопасности, задержание выступает как мера административного пресечения. Наконец, административное задержание может выступать и как мера административного обеспечения, если оно применяется в отношении лица, при проверке документов которого возникли сомнения в их подлинности. В этом случае задержание применяется с целью установления личности, выяснения мотивов и обстоятельств противоправных действий данного лица и выявления в них признаков враждебной деятельности.

Возможность таких качественных изменений заложена в сущности общественных явлений, которые отличаются большой сложностью, взаимосвязью и взаимопереходами. Поэтому любая классификация, в том числе и предлагаемая, является условной.

Настоящая статья не претендует на полноту и всесторонность освещения поднятых в ней вопросов и может рассматриваться лишь как попытка несколько расширить наши познания о применяемых органами и войсками КГБ мерах административного принуждения.

Подполковник *З. И. Курсанов*,
майор-инженер *Э. И. Родин*

ПОНЯТИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ И ЕЕ ОТЛИЧИЕ ОТ ОПЕРАТИВНОЙ

Под криминалистической, как и под оперативной, техникой понимаются, во-первых, разделы соответствующих наук и, во-вторых, совокупность технических средств, методов и приемов, разрабатываемых этими науками. Но если понятие «криминалистическая техника» в первом значении достаточно четко определено и в настоящее время не вызывает существенных сомнений, то этого нельзя сказать о понятии ее во втором значении.

В теории и практике нередко возникает вопрос, относятся ли те или иные научно-технические методы и средства к криминалистической или к оперативной технике. Являются ли, например, средства и методы выявления подделок в документах, скрытых вложений в почтовых отправлениях, методы почерковедческих и других исследований, проводимых оперативными работниками или по их заданиям специалистами оперативно-технических служб, криминалистическими или же их следует отнести к оперативным.

Решение этого вопроса имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Если названные технические методы и средства являются криминалистическими, то их разработкой занимается наука криминалистика, и в этом случае в процессе их создания и использования следует руководствоваться методологическими принципами криминалистики, а не какой-либо другой науки.

Но понятия оперативной и криминалистической техники (как совокупности технических методов и средств) различные авторы определяют по-разному. Причина этого — отсутствие единых критериев для их разграничения.

В связи с этим появляется опасность, что некоторые имеющие существенное значение для оперативной деятельности орга-

нов КГБ вопросы могут оказаться неразработанными, поскольку не ясно, относятся ли они к предмету науки криминалистики или являются объектом изучения какой-либо иной специальной дисциплины. Например, технические средства и методы негласного получения следов рук, классификация признаков внешности, пригодная для информационно-поисковых систем, автоматизированные методы почерковедческого учета, методы выявления тайнописи и микрограмм в почтовых отправлениях и ряд других важных проблем недостаточно исследуются криминалистами главным образом потому, что до настоящего времени высказываются сомнения, относятся ли они к криминалистической или оперативной технике.

Среди части криминалистов бытует мнение, что криминалистической техникой является совокупность таких технических методов и средств, которые используются только при производстве следственных действий и в строгих рамках процессуальных норм¹.

Другие авторы, напротив, склонны считать, что «**всякий предмет** (выделено нами. — Авт.) может выступать в качестве технико-криминалистического средства, если он используется в уголовном судопроизводстве для собирания и исследования доказательств, а в оперативно-розыскной деятельности — для выявления фактических данных, которые могут стать доказательствами или могут быть использованы для обнаружения преступлений и лиц, их совершивших»².

С приведенными мнениями нельзя согласиться.

Во-первых, не всякий предмет и не всякий научно-технический метод или прием, используемый для обнаружения, раскрытия и расследования преступлений, является криминалистическим. Например, не являются таковыми судебно-медицинские методы и средства, а также такие технические средства общего (массового) назначения, как магнитофоны, фотоаппараты, пишущие машинки, транспортные средства и т. п.

Во-вторых, «на основе и в строгих рамках процессуальных норм» при производстве следственных действий применяются не только криминалистические, но и иные естественнонаучные методы и технические средства.

В-третьих, средства и методы криминалистической техники используются для наиболее эффективного производства не только

¹ «Применение криминалистической техники, — пишут профессора Р. С. Белкин и А. И. Винберг, — осуществляется в рамках процессуального закона». (Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика (общетеоретические проблемы). М., «Юридическая литература», 1973, стр. 177). По мнению профессора Б. Л. Зотова, «вне уголовного процесса не может быть и криминалистики». (Зотов Б. Л. Современная криминалистическая техника. М., изд. ВЮЗИ, 1973, стр. 11).

² Криминалистика. Учебник. М., изд. ВШ МВД СССР, 1969, стр. 113.

процессуальных, но и оперативно-розыскных, а также административных действий органов, ведущих борьбу с преступностью.

В то же время криминалистические средства и методы нередко находят применение в работе органов советской разведки, в гражданском судопроизводстве, в искусствоведении, археологии и других областях науки и практической деятельности, для которых они прямо не предназначались.

Таким образом, ни область применения, ни правовые формы использования технических методов и средств не могут служить критериями для их отнесения к криминалистической или оперативной технике.

По нашему мнению, критериями, позволяющими отличать криминалистические методы и средства от оперативных и других научно-технических методов и средств, являются их целевое назначение и теоретические положения (принципы), на основе которых они разработаны и используются.

1. Целевое назначение. Технические средства и методы криминалистики предназначены для решения следующих задач:

обнаружения и пресечения преступлений;

установления виновных в их совершении лиц, а также орудий и средств преступления и предметов преступного посягательства;

определения обстоятельств совершенного преступления;

предотвращения преступлений.

Разумеется, названные задачи решаются не только с помощью криминалистической техники. Они решаются как наукой криминалистикой в целом, так и другими науками: уголовным правом, уголовным процессом и др., причем каждая из них решает эти задачи собственными методами и средствами. Если, например, уголовный процесс исследует правовой порядок производства следственных действий, следственная тактика предлагает рекомендации по наиболее целесообразному их проведению, то криминалистическая техника, как раздел науки криминалистики, разрабатывает технические средства, приемы и методы обнаружения, фиксации и исследования предметов, документов, следов и других материальных объектов. Это, конечно, не лишает названные методы и средства их правовой направленности, обусловленной спецификой ее задач.

Криминалистические средства, приемы и методы специально созданы для наиболее эффективного решения задач правосудия, задач борьбы с преступностью.

Криминалистикой разрабатывается специальная аппаратура, инструменты и другие технические средства обнаружения, фиксации и исследования материальных следов преступления (например, приборы для окулирования следов рук парами йода, сравнительные микроскопы, электронно-оптические преобразователи и т. д.).

В этих же целях могут использоваться и общетехнические средства (аппаратура или материалы), заимствованные из других областей науки и техники (микроскопы, источники ультрафиолетового и рентгеновского излучения и т. д.). Указанные технические средства будут являться криминалистическими лишь в том случае, если в их конструкцию будут внесены изменения, обеспечивающие успешное решение криминалистических задач. В противном случае их нельзя рассматривать как средства криминалистической техники. Криминалистическими будут являться лишь технические и тактические **приемы** использования этой техники при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Нет оснований считать криминалистическими и такие физические, химические, химико-биологические и другие методы, которые, хотя и применяются при производстве криминалистических исследований (обычно комплексных), но не претерпели существенных изменений, не приобрели нового качества специальных методов и методик. В таких случаях правильнее говорить об использовании в криминалистических исследованиях частных методов других наук (физики, химии, биологии и т. п.).

При создании технических криминалистических средств, при разработке методик криминалистического исследования тех или иных объектов широко используются достижения различных естественных и технических наук. Но, используя данные этих наук, криминалистика рекомендует практике новые технические средства и методы исследования. Так, при разработке криминалистического отождествления человека по фотопортретам использовались положения антропологии, фотографии, аналитической геометрии, а также методы теории вероятностей и математической статистики. В результате была предложена криминалистическая методика, ранее не известная ни одной из названных наук. Следовательно, не механическое соединение данных различных наук, а творческое использование их законов и достижений позволяет криминалистике выработать собственные методы исследований.

Отличительная черта оперативной техники состоит в том, что она специально разрабатывается или приспособляется для добытия оперативной информации в процессе осуществления органами КГБ разведывательной, контрразведывательной и следственной деятельности.

Естественно, что в результате применения оперативной техники могут быть получены фактические данные о подготавливаемом или совершенном преступлении. Но основное назначение оперативно-**технических** средств состоит не в этом. Задачи разведки и контрразведки значительно шире и не могут быть сведены лишь к задачам обнаружения и расследования преступлений. Криминалистическая техника в свою очередь может находить и находит применение в разведывательной и контрразведывательной работе, но это не де-

дает ее оперативной, поскольку решение оперативных задач не является ее специальной задачей.

Таким образом, отличительной особенностью криминалистической техники (в широком смысле слова) является то, что она специально разработана или приспособлена для обнаружения, фиксации и исследования документов, предметов, следов и других материальных объектов, позволяющих установить обстоятельства совершенного или подготавливаемого преступления и причастных к нему лиц, а также выявить предметы, имеющие отношение к преступлению.

2. Техничко-криминалистические средства, приемы и методы базируются на **общих теоретических положениях** криминалистики, в особенности на методологии ее первого раздела — криминалистической техники.

Большинство технических приемов и средств обнаружения, фиксации и изъятия следов и других материальных объектов, а также большинство научных методик исследования имеют в качестве общей методологической основы **теорию криминалистической идентификации**. Эта теория определяет понятие идентификационных признаков, критерии их оценки, указывает способы установления тождества искомого объекта и другие общие положения, которые находят конкретное применение в работе с различными объектами и следами на месте происшествия, а также в методике дактилоскопической, портретной, почерковедческой и других видов криминалистической идентификации.

Существенное влияние на содержание криминалистической техники оказывают разработанные криминалистические классификации различных объектов: почерка, признаков внешности, папиллярных узоров, следов выстрела и других. С учетом этих классификаций в криминалистике создаются картотеки и методики исследования с применением необходимых технических средств (например, устройство для изготовления фотомонтажа портрета разыскиваемого преступника и т. д.).

Имея общие теоретические основы, технико-криминалистические методы и средства тесно связаны друг с другом. Новые технические средства и методы криминалистики дополняют существующую систему криминалистической техники и во всех отношениях должны ей соответствовать. Последнее обстоятельство объясняет невозможность включения в систему криминалистической техники методов и средств, заимствованных из других областей науки и техники.

В отличие от криминалистических оперативно-технические методы, средства, приемы разрабатываются и используются на основе методологии разведывательной и контрразведывательной деятельности.

Средства и методы криминалистической техники должны обеспечивать получение и использование судебных доказательств¹. Это положение оказывает влияние на содержание приемов и методов криминалистики и тактику использования ее технических средств в оперативной и следственной работе органов КГБ.

В частности, криминалистика рекомендует применять в оперативной и следственной практике такие технические средства, которые не изменяли бы свойств следов и других объектов, достоверно фиксировали условия и обстоятельства их обнаружения и позволяли бы использовать в последующем данные объекты в качестве судебных доказательств.

Задачей же оперативной техники является получение оперативной информации, которая непосредственно не может быть использована в уголовном процессе.

Согласно требованиям советского уголовно-процессуального закона суду должны быть известны источники получения доказательств. Судебные органы вправе знать, какие технические методы и средства применялись для обнаружения, фиксирования и исследования объектов, являющихся доказательствами по уголовному делу.

Это положение определяет сущность, назначение и конструктивные особенности криминалистических методов и средств. Следовательно, средства и методы криминалистической техники не должны быть секретными и факт их применения следователем, лицом, производящим дознание, и экспертом, а также результаты, полученные в процессе применения этой техники, носят гласный характер.

В отличие от криминалистической оперативная техника является секретной. Сущность и конструкция оперативно-технических средств, приемов их использования составляют государственную или служебную тайну.

Соблюдение принципа конспирации — важное условие для увеличения эффективности использования оперативной техники, что достигается сохранением в тайне всех тактико-технических данных этих средств и их маскировкой.

В оперативно-розыскной деятельности с соблюдением принципа конспирации может быть использована и криминалистическая техника. Но секретный режим применения криминалистических мето-

¹ Понятие «обеспечение получения и использования доказательств» следует отличать от понятия «собираание и исследование доказательств». Задачей криминалистической техники является обнаружение и исследование не доказательств (доказательство — это понятие юридическое), а определенных свойств объектов. Отображение этих свойств может составить содержание судебного доказательства (см. Дорохов В. Я. Природа вещественных доказательств. «Советское государство и право», 1971, № 10). Следовательно, приемы и средства криминалистики обеспечивают возможность использования объектов в качестве доказательств, но для исследования правовой природы последних они не предназначены.

дов и средств определяется не их содержанием и сущностью, а конспиративным характером самого мероприятия, в котором они используются.

Выводы:

1. Естественные научные методы, технические средства и приемы являются криминалистическими, если они специально разработаны и используются на основе теоретических положений криминалистики для обнаружения, фиксации и исследования следов преступления и других фактических данных, необходимых для обнаружения, пресечения, раскрытия и предупреждения преступлений.

2. Естественные научные методы, технические средства и приемы являются оперативно-техническими, если они разработаны на основе теории разведки и контрразведки в целях конспиративного получения оперативной (разведывательной) информации.

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Капитан Б. Ф. Кулинич

О ПОНЯТИИ «СПЕЦИАЛЬНОЕ УМЕНИЕ» И ПУТЯХ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ЧЕКИСТСКОГО ВУЗА

На всех этапах становления и развития Высшей Краснознаменной школы Комитета государственной безопасности одной из главных ее задач была и остается всесторонняя подготовка высококвалифицированных чекистских кадров. Усилия профессорско-преподавательского состава Высшей Краснознаменной школы направлены на то, чтобы слушатели усвоили определенный комплекс общественно-политических, специальных, юридических и других знаний, чтобы у них сформировались профессиональные навыки и умения, выработалась способность творчески применять полученные знания в самостоятельной практической контрразведывательной деятельности. Качество обучения и воспитания оперативного работника оценивается именно с точки зрения его подготовленности к профессиональной деятельности. В. И. Ленин указывал, что «ничего не стоит никакая школа, никакой университет, если нет практического умения»¹.

В настоящее время, когда объем знаний, навыков и умений, которыми должен обладать слушатель, постоянно возрастает, повышаются требования к качеству профессиональной подготовки слушателей. Это подчеркивается в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране», а также в решениях Коллегии КГБ при Совете Министров СССР от 1 февраля и 14 июня 1972 года. В решении Коллегии от 14 июня 1972 года по отчету Высшей Краснознаменной школы отмечается, что подготовка и переподготовка чекистских кадров в Высшей школе все еще отстает от требований практики, что при изучении специальных дисциплин слушатели не получают достаточных знаний и практических навыков по отдельным вопросам агентурно-оперативной работы. Для успешного выполнения решений Коллегии КГБ о повышении качества профессиональной подготовки слушателей в Выс-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 77.

шей школе особое значение имеет проблема эффективного формирования у них специальных навыков и умений.

«Исходными понятиями для анализа педагогического процесса, — пишет профессор Н. Ф. Феденко, — в целях нахождения путей повышения его эффективности являются: «знания», «умения», «навыки». Объясняется это тем, что в них находят выражение центральные категории процесса обучения (его задачи, последовательность и результаты). С опорой на эти понятия в педагогике определяются цель обучения, его сущность и средства. А в педагогическом процессе определение целей и средств обучения — это исходная основа для успешной работы преподавателя»¹.

Относительно понятия «знания» в советской психологии и дидактике споров нет. В отношении же понятий «навыки» и «умения» существуют различные точки зрения. Между тем для обучения слушателей соответствующим навыкам и умениям необходимо четко определить содержание этих понятий, раскрыть, какие процессы и закономерности скрываются за ними, какова их сущность и взаимодействие, должны ли мы обучать только навыкам или только умениям либо и тем и другим. Без ответа на эти вопросы нельзя построить в научно-педагогическом аспекте наиболее рациональные методы и приемы обучения слушателей профессиональным навыкам и умениям.

Именно теоретическая неразработанность вопроса о методах формирования у слушателей навыков и умений, на наш взгляд, является одной из причин отдельных недостатков в практической деятельности выпускников ВКШ КГБ им. Ф. Э. Дзержинского.

Нам представляется, что наиболее удачно решен вопрос о взаимоотношении навыков и умений, а также раскрыты сами понятия «навык» и «умение» в работах Б. М. Теплова, З. И. Ходжавы, К. К. Платонова, С. В. Янаниса. К. К. Платонов, в частности, считает, что «умение — это способность человека выполнять какую-либо деятельность или действия в новых для него условиях, приобретенная на основе ранее полученных знаний и навыков»². Для нас является принципиально важной его мысль о том, что «умение — это высшее человеческое свойство, формирование которого является конечной целью педагогического процесса, его завершением»³. «Действие как навык, — подчеркивает К. К. Платонов, — может выполняться только так, а не иначе, а умение — по обстоятельствам — и так и эдак. В умении всегда проявляется взаимодействие навыков, положительный их перенос. Действие, являющееся навыком, может быть шаблонно. Умение всегда не только сознательно; чем выше уровень умения, тем более отчетливо

¹ Феденко Н. Ф. Психология в педагогическом процессе. М., изд. ВКШ КГБ, 1972, стр. 201.

² Платонов К. К. Вопросы психологии труда. М., Медгиз, 1962, стр. 16.

³ Платонов К. К. Проблема способностей. М., «Наука», 1972, стр. 278.

в нем проявляется творчество, абсолютно чуждое навыку»¹.

Как известно, профессия чекиста представляет чрезвычайно сложную и своеобразную деятельность, связанную с решением множества оперативных задач в непрерывно изменяющихся условиях. В основе выполнения этих задач лежат прежде всего мыслительные (интеллектуальные) действия и операции (анализ оперативной обстановки и ее оценка, быстрое принятие решения, идеальное моделирование подрывной деятельности противника, прогнозирование контрразведывательной работы и т. д.). Поэтому в деятельности оперативного работника органов государственной безопасности совершенно недопустим шаблон. Она требует находчивости, творчества и гибкости в решении разведывательных и контрразведывательных задач. Современный опыт контрразведывательной работы показывает, что оперативный работник должен в период учебы овладеть знаниями и специальными умениями творческого характера, марксистско-ленинской методологией оценки общественных явлений, научиться обобщению и анализу, разработке и применению нешаблонных методов контрразведывательной деятельности.

Нам представляется, что формула «знания — навыки — умения» в наибольшей степени отвечает требованиям подготовки такого рода специалиста. И если обучение рассматривать как процесс передачи слушателям знаний, навыков и умений, а также методов познавательной деятельности, то сущность обучения в чекистском вузе составляет формирование четко определенной суммы знаний, навыков и умений для того, чтобы наилучшим образом подготовить выпускников вуза к успешному выполнению ими своих функциональных обязанностей.

В исследовании проблемы формирования навыков и умений мы исходим из понятия «специальное умение», которое понимаем как основанную на знаниях и навыках способность оперативного работника оптимально выполнять свои функциональные обязанности в изменяющихся условиях контрразведывательной деятельности. Иначе говоря, специальное умение — это приобретенная в процессе обучения способность творчески и целеустремленно использовать знания и навыки, свободно оперировать ими для успешного решения конкретных разведывательных и контрразведывательных задач. В то же время специальное умение решать одни контрразведывательные задачи предполагает возможность переноса этого умения на решение довольно широкого круга контрразведывательных задач другого характера.

Несмотря на то, что в 60-е и последующие годы преподавателями ВКШ КГБ им. Ф. Э. Дзержинского и других учебных заве-

¹ Платонов К. К. О знаниях, навыках, умениях. «Советская педагогика», 1963, № 11, стр. 103.

дений системы КГБ при Совете Министров СССР неоднократно предпринимались усилия определить содержание и дать четкую классификацию специальных навыков и умений, а также разработать методы их формирования у слушателей¹, мы и сегодня еще далеки от научного решения проблемы эффективного вооружения слушателей специальными умениями. Поэтому, на наш взгляд, исключительно важной проблемой научно-методической работы в настоящее время является определение необходимого минимума специальных умений, их объема, содержания и методов формирования у слушателей каждого из них.

Известно, что особая сложность в решении этой проблемы заключается в том, что мы не имеем до сих пор научно разработанной профессиограммы оперативного работника, а ведь исходной посылкой решения рассматриваемой нами проблемы как раз и является модель-образец оперативного работника с присущей ей системой навыков и умений, отвечающая требованиям чекистской науки и современной практики.

По нашему мнению, вполне возможно уже сейчас (параллельно с разработкой профессиограммы оперативного работника советской контрразведки) определить минимум специальных умений, необходимых для успешного осуществления контрразведывательной деятельности, а также содержание и структуру каждого специального умения на основе, во-первых, тщательного изучения работы наиболее опытных оперативных сотрудников и, во-вторых, теоретического анализа структуры деятельности оперативного работника с целью выявления его основных функций, наиболее типичных практических задач, выполнение которых требует от него владения определенными специальными умениями.

Что касается конкретного содержания и объема специальных умений, то они могут быть выявлены только с учетом их практического применения, так как любое специальное умение представляет собой не только потенциальный запас знаний и навыков, касающихся способов деятельности, но и их реализацию, то есть комплекс определенных действий.

Очевидно, будет правильно рассматривать специальные умения с позиций одной из наиболее фундаментальных категорий современной психологии — с позиций деятельности, ибо конечной целью

¹ См.: Материалы научно-методической конференции о некоторых вопросах методики преподавания специальных дисциплин. М., изд. ВШ КГБ, 1965, стр. 29—46; Материалы научно-методической конференции о формах и методах проведения практических занятий по специальным дисциплинам. М., изд. ВШ КГБ, 1966, стр. 32—40, 41—47; Зув Н. Л. О системе знаний и практических навыков оперативного работника органов госбезопасности. М., изд. ВШ КГБ, 1964; Смирнов П. А. Методика формирования у слушателей умений и навыков оперативного работника в процессе практических занятий по специальной дисциплине 1. М., изд. ВКШ КГБ, 1971; Феденко Н. Ф. Психология в педагогическом процессе. М., изд. ВКШ КГБ, 1972.

любого обучения, в том числе и специальным умениям, является овладение обучаемыми определенными видами деятельности.

Как правило, умения в большинстве своем специализированы, то есть предназначены для решения какой-либо задачи в конкретном виде деятельности, так как труд вообще и труд оперативного работника в частности всегда конкретен. Для того чтобы успешно решить ту или иную практическую контрразведывательную задачу, оперативному работнику надо выполнить в определенной последовательности необходимое количество операций. Так, умение планировать свою деятельность складывается из нескольких последовательных действий: подведение итогов за определенный период (анализ уровня работы, причины неудач, трудностей и недостатков, например, в работе с агентами); постановка новых конкретных задач, исходя из анализа оперативной обстановки на участке контрразведывательного обеспечения и указаний руководства; выделение основных направлений в своей работе в предстоящем периоде; определение сил и средств, форм и методов для успешного достижения поставленных целей, формы и структуры плана.

Таким образом, каждое специальное умение может рассматриваться как определенное количество целенаправленных и взаимосвязанных действий, выполняемых в строгой последовательности. И хотя содержание каждого специального умения является относительно устойчивым (благодаря этому обеспечивается определенность требований к его формированию в процессе обучения слушателей), выполнение каждого действия в практической деятельности оперативного работника зависит от конкретных условий, носит сугубо творческий характер, что выгодно отличает умения от автоматизированных, однозначно выполняемых навыков, входящих в состав специальных умений.

Само собой разумеется, полностью овладеть специальными умениями можно лишь в процессе самостоятельной многолетней контрразведывательной деятельности. Деятельность же слушателей на практических занятиях, на комплексных учениях и на практике (ознакомительной практике и стажировке) весьма ограничена, она осуществляется под руководством преподавателя, посредника или опытного оперативного работника. В связи с этим возникает необходимость определить, какими специальными умениями слушатели овладевают в период обучения в чекистском вузе, а какими — в процессе самостоятельной контрразведывательной деятельности. Думается, что для решения этой задачи можно воспользоваться методикой, которая была успешно применена в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина при исследовании содержания и объема педагогических умений у выпускников этого вуза, в известной мере модифицировав ее с учетом особенностей контрразведывательной деятельности.

Суть модифицированной методики состоит в изучении специфики деятельности оперативных работников двух категорий, в свое время окончивших ВКШ КГБ им. Ф. Э. Дзержинского:

молодых оперативных работников со стажем работы до трех лет. Именно в эти первые годы работы, как показывают наблюдения, наиболее четко проявляются те знания и умения, которыми вооружила выпускников Высшая Краснознаменная школа. Изучение этой группы оперативных работников предусматривает получение ответа на вопрос о том, каким объемом умений овладевает слушатель в годы учебы в чекистском вузе;

опытных оперативных работников со стажем работы от пяти до десяти лет. Практика свидетельствует о том, что в этот период оперативные работники самостоятельно овладевают теми специальными умениями, недостаток в которых они ощутили в первые годы своей практической деятельности.

Установление, в какой степени владеют специальными умениями оперативные работники обеих категорий, поможет выявить:

недостатки в использовании тех специальных умений, которые были сформированы в период обучения в чекистском вузе;

специальные умения, которыми оперативные работники вынуждены овладевать самостоятельно, поскольку они не были сформированы у них в вузе.

Но для того чтобы получить сравнимые результаты, необходимо анализировать деятельность названных категорий оперативных работников, используя единые критерии, единую схему. Единицами измерения содержания и объема специальных умений оперативного работника являются:

- 1) количество действий, выполняемых оперативным работником при использовании того или иного умения;
- 2) последовательность действий;
- 3) качество выполнения каждого действия.

Количество действий, выполняемых оперативным работником, свидетельствует о полноте специального умения, а их последовательность и качество являются отражением осознанности специального умения (то есть в какой мере оно опирается на теоретические знания, на практические навыки, на осознанное и целесообразное применение чекистской теории).

Полнота, осознанность, обобщенность и устойчивость являются критериями оценки уровня владения специальными умениями.

Основными методами изучения деятельности оперативных работников могут быть: наблюдение (непосредственное и опосредованное) за всеми видами деятельности специально выбранных оперативных работников (в прошлом выпускников ВКШ КГБ), беседы, интервью, анкетирование, метод самоанализа.

Анализируя результаты первого этапа исследования проблемы

обучения специальным умениям¹ и опираясь на теорию поэтапного формирования умственных действий и понятий, нам хотелось бы изложить свои соображения о путях формирования специальных умений в учебном процессе ВКШ КГБ им. Ф. Э. Дзержинского.

Формирование специальных умений как сложный, многосторонний и достаточно длительный процесс осуществляется в ходе различных видов учебной работы: лекций, практических и семинарских занятий по курсу специальных дисциплин. Особенно важную роль играют практические занятия, обладающие наибольшими объективными возможностями для успешного формирования специальных умений в силу «обратной связи» между преподавателем и слушателями.

На наш взгляд, формирование у слушателей специальных умений на практических занятиях требует обучения их, с одной стороны, умению применять чекистскую теорию в своей практической деятельности, а с другой — конкретным действиям, составляющим содержание тех или иных специальных умений (например, устанавливать личный контакт с кандидатом на вербовку, правильно оформлять тот или иной оперативный документ, успешно проводить вербовочную беседу и т. д.). Только самостоятельные учебные действия самих слушателей (а не позиция постороннего наблюдателя за чужими действиями, в которой они часто пребывают на практических занятиях) составляют основу формирования специальных умений. Об этом, кстати, говорят и очень многие выпускники ВКШ КГБ.

«Именно предметные действия учащегося составляют ведущее и решающее звено усвоения»². Эти действия реализуются в ходе решения учебных задач с использованием «учебных объектов», а также в том случае, когда слушатели, разбившись на небольшие группы (по два-три человека), отрабатывают, например, специальное умение — проведение вербовочной беседы на основе специально разработанного сценария — диалога между «оперативным работником» и «кандидатом на вербовку»; при моделировании тех или иных оперативных ситуаций³; когда слушатели сами оформляют и ведут учебное личное дело агента, приобщая к нему в ходе работы на практических занятиях соответствующие оперативные документы, предварительно составленные с помощью преподавателя и проверенные им, и т. д.

¹ Исследования были проведены автором в 1970/71 и 1971/72 учебных годах в отдельных учебных группах (в том числе и выпускных) слушателей факультетов № 1 и 2 ВКШ КГБ.

² Гальперин П. Я., Запорожец А. В., Эльконин Д. Б. Проблема формирования знаний и умений у школьников и новые методы обучения. Доклад на пленарном заседании II съезда Общества психологов 24 июня 1963 г. «Вопросы психологии», 1963, № 5.

³ См. Юннин А. Д. Метод моделирования оперативных ситуаций на учебных занятиях по специальной дисциплине. Доклад. М., изд. ВКШ КГБ, 1972.

Вместе с тем в настоящее время, как никогда ранее, возникает настоятельная необходимость в повышении теоретического уровня практических и семинарских занятий, целью которых является формирование специальных умений. Слушателей следует учить не слепому копированию действий фигурирующего в учебной задаче оперативного работника, не пассивному следованию советам преподавателя, ведущего практические занятия, а умению опираться на чекистскую теорию в ходе решения контрразведывательных задач, ибо нельзя формировать специальные умения только на основе подражания чужим действиям. Ценность подобных специальных умений, как показывает практика, невелика, потому что они носят характер заученных действий в строго определенных, привычных ситуациях. Навыки и умения такого типа трудно использовать в измененной ситуации.

Обучение умению применять теорию в практической деятельности предусматривает:

- вскрытие основных закономерностей, лежащих в основе анализируемых явлений;

- соотнесение наблюдаемых явлений с теоретическими знаниями слушателей;

- объяснение отдельных фактов и явлений с точки зрения общих закономерностей и контрразведывательных принципов;

- проверка общетеоретических знаний слушателей на конкретных фактах контрразведывательной деятельности;

- вскрытие новых сторон изучаемых явлений;

- применение общих принципов к изучению отдельных фактов и явлений разведывательной и контрразведывательной деятельности.

Как видим, формирование у слушателей специальных умений применять чекистскую теорию в практической деятельности представляет собой довольно сложный процесс, требующий систематической и целенаправленной работы со слушателями. При этом преподавателя, ведущего практические занятия, должен интересовать не только конечный результат, но и сам процесс формирования, становления будущего оперативного работника, обладающего прочными и гибкими специальными умениями, и то, как влияют сформированные умения на характер приобретаемых слушателями знаний, на развитие их познавательных способностей, на уровень их оперативного мышления.

Трансформация знаний в навыки, а навыков в умения является хотя и сложным, но управляемым процессом. Правда, сложившаяся объяснительно-иллюстративная методика проведения практических занятий широко использует сейчас так называемый метод «проб и ошибок». Он заключается в том, что слушателям предлагается выполнять действия, предварительно не раскрыв всей системы объективных условий, опираясь на которые они в состоя-

нии выполнить то или иное действие сразу безошибочно. Иначе говоря, на практических занятиях по специальным дисциплинам неоправданно большое внимание уделяется выполнению исполнительных операций и явно недооценивается организация полной ориентировочной основы действия с использованием алгоритмов, что приводит на практике нередко к тренировке вслепую, без должного понимания всех условий формирования специального умения.

Согласно теории поэтапного формирования умственных действий, разрабатываемой П. Я. Гальпериным и его сотрудниками на факультете психологии МГУ им. Ломоносова, учение есть строго управляемый процесс усвоения знаний и умений, а основным условием формирования любых умственных действий является раскрытие перед слушателем полной системы объективных условий действия и организация его поэтапного усвоения. Только таким образом открывается возможность управлять формируемым специальным умением, гарантируется воспитание у слушателей нужных нам качеств.

Как правило, ориентировочная основа действия фиксируется в так называемой Учебной карте (например, Учебная карта, ориентирующая деятельность слушателей по проверке и изучению кандидата на вербовку, по проведению самой вербовки и т. д.). Учебная карта — это не просто запись, изложение определенных сведений. Она предполагает четкое структурное оформление изучаемого материала, выявляющее логическую последовательность информационных единиц и их функциональные нагрузки при выполнении учебной работы. Поэтому Учебная карта сама имеет определенную структуру, представляющую собой сетку из нескольких (двух-трех) граф, которые имеют следующие названия: «Задание», «Ориентировочные признаки» и «Алгоритм действия».

Под рубрикой «Задание» в графе Учебной карты указывается обычно цель (например, овладение специальным умением осуществлять вербовочную деятельность), под рубрикой «Ориентировочные признаки» — познавательные орудия (методы изучения и проверки кандидата на вербовку, предупреждения или пресечения подрывной деятельности противника и т. п.), под рубрикой «Алгоритм действия» — операции, раскрывающие, как надо пользоваться познавательными орудиями, чтобы достигнуть цели.

Поэтапное формирование специального умения должно начинаться с мотивационного этапа, который предполагает формирование у слушателей положительного отношения к изучаемому материалу. Преподаватель указывает, какие специальные умения должны быть приобретены слушателями, в чем их специфика по сравнению с обычными знаниями и умениями, их познавательное значение и роль в творческой оперативной деятельности.

На этапе материального действия слушатели приступают непосредственно к решению контрразведывательных задач, составляю-

ших содержательную основу формирования специальных умений. Однако решать задачи нужно не в уме (как этого требует существующая методика, неправомечно полагая, что у слушателей уже сформированы соответствующие умственные действия: анализ и оценка оперативной обстановки, оценка оперативных возможностей агента, анализ обстоятельств, определяющих план и тактику вербовки, и т. д.), а в материальной (материализованной) форме. Для материализации действия при решении задач и применяются учебные карты, схемы, учебные модели, которые воплощают предметно-операционное содержание в вербально-понятийной форме и используются в процессе обучения специальным умениям как руководство, инструкция, ориентирующие слушателей на существенные условия.

Само действие на материальном этапе выполняется развернуто, то есть все операции осуществляются полностью и несколько замедленно. Благодаря этому слушатели получают представление о процессе формирования специального умения в целом, выделяют главное и второстепенное в структуре действия, а преподаватель имеет возможность вносить коррективы в процессе усвоения слушателями знаний и умений, не дожидаясь конечного результата. При этом следует подчеркнуть, что необходимо расширить набор ныне существующих учебных задач, на материале которых формируются и отрабатываются специальные умения, систематически обновлять их и включать задачи из области сегодняшней практической контрразведывательной деятельности. Тем самым новые умения будут формироваться одновременно на учебном и жизненном материале. Это улучшит обобщение и творческое усвоение специальных умений.

Формирование действия на этапе «громкой речи» предполагает, что слушатель перед выполнением очередной учебной операции должен вслух рассказать ее, порассуждать, но уже не глядя на Учебную карту (на этом этапе пользоваться ею не рекомендуется).

На этапе формирования действия во «внешней речи про себя» звук как последняя явная предметная опора исключается и слушатель действует «про себя», но само действие еще развернуто.

Формирование действия в умственном плане осуществляется с ориентировкой в уме, без каких-либо внешних опор (Учебная карта, речь вслух), а само действие сокращается настолько, что слушатель сразу дает правильный ответ или принимает соответствующее решение.

В зависимости от содержания учебного материала и уровня подготовки слушателей отдельные этапы (например, «этап громкой речи» и «внешней речи про себя») могут сливаться воедино.

В заключение следует подчеркнуть, что, раскрывая слушателям последовательность действий при их поэтапном формировании,

необходимо в то же время постоянно разъяснять им, что выполнение каждого действия оперативного работника зависит от конкретных условий, в которых осуществляется контрразведывательная деятельность, что творческое овладение тем или иным действием возможно лишь путем обобщения принципов, лежащих в его основе. Поэтому формирование у слушателей специальных умений включает в себя одновременно и процесс обучения, и процесс развития их оперативного мышления, а также творческих оперативных способностей.

Кандидат военных наук доцент
полковник *С. А. Куприянов*

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОЛЕВОЙ ВЫУЧКИ СЛУШАТЕЛЕЙ

Новые формы и способы вооруженной борьбы, вызванные революцией в военном деле, предъявляют повышенные требования к подготовке кадров. Сейчас оперативному составу органов КГБ стали особенно нужны глубокие военные и военно-технические знания, умение применять их при действиях в полевых условиях с учетом свойств местности. Поэтому совершенствование полевой выучки находит должное отражение в учебных программах кафедры оперативно-тактической подготовки Высшей школы КГБ при Совете Министров СССР. При этом учитывается, что в полевую выучку слушателей входит их умение действовать на местности в сложной оперативной и боевой обстановке, в одиночном порядке и в составе группы или расчета. Они должны уметь действовать как в роли исполнителя, так и в качестве руководителя. Кроме того, программа полевой выучки предусматривает приобретение слушателями навыков управления определенными силами и средствами при выполнении чекистско-войсковых мероприятий, умения поддерживать постоянную боевую готовность этих сил и средств и т. д.

Кафедра оперативно-тактической подготовки значительно увеличила количество занятий, проводимых в поле. Так, тематический план на 1973/74 учебный год для слушателей факультета № 1 (групп сержантского состава) предусматривал из общего бюджета времени, отведенного на изучение соответствующих тем, на практические занятия использовать около 70%, главным образом на проведение полевых занятий.

Большая часть учебного времени отводится на отработку практических навыков по таким дисциплинам, как топография, огневая подготовка и тактика.

В тактической подготовке основное внимание сосредоточено на изучении действий войсковых специальных нарядов (наблюдательного поста, секрета, сторожевого поста, дозора, разведывательно-поисковой группы, патруля, конвоя, контрольно-пропускного пункта) и мелких подразделений (отделения, взвода, роты, группы, отряда). Это крайне необходимо для оперативного состава, так как он может быть привлечен к действиям по уничтожению диверсионно-разведывательных формирований противника. Отдельные занятия по данной тематике проводятся в комплексе с занятиями по темам других кафедр школы, например специальных кафедр № 3 и 4.

Наряду с увеличением количества часов по профилированной тематике полевых занятий кафедра главное внимание уделяет выработке таких форм и способов их проведения, которые в наибольшей степени способствуют достижению высокой полевой выучки слушателей.

Все наши полевые занятия проводятся, как правило, после тщательной и всесторонней их подготовки, обычно в сложных условиях, максимально приближенных к тем, которые могут сложиться при выполнении оперативно-боевых задач.

В ходе подготовки слушателей к полевым занятиям преподаватели проводят консультации и показывают учебные кинофильмы.

Всем известно, что наглядный показ обстановки, например на местности, оставляет глубокий след в памяти слушателей и облегчает усвоение ими приемов и способов боевых действий, а кинофильмы являются одним из средств психологической подготовки слушателей. Такое назначение имеют, в частности, фильмы, в которых показаны поражающие свойства ядерного оружия. Поэтому мы считаем, что демонстрация учебных кинофильмов — это не личное и добровольное дело того или иного преподавателя, а плановое, обязательное мероприятие.

Важное место в улучшении полевой выучки слушателей занимает их самостоятельная работа с учебными пособиями, лекциями, методическими разработками. Такая задача им вполне посильна. Хорошая организация самостоятельной работы позволит слушателям уделить больше внимания отработке своих практических действий на полевых занятиях.

Одним из способов привития слушателям практических навыков в полевых условиях является отработка комплексных тактических задач (занятий) по изучению действий мелких подразделений.

Комплексные задачи решаются на многодневных тактических учениях. Новый вид занятий на кафедре использован, в частности, при решении задач № 3 и 4. Задача № 3 предусматривает отра-

ботку действий взвода в засаде, заслоне и поисковой группы — при поиске диверсионно-разведывательных групп противника ночью. Задача № 4 — это боевые действия роты (отряда) при выполнении специальных заданий. Она включает отработку действий при налете роты (отряда) на объект противника в его тылу, при засаде роты (отряда) в тылу противника, а также действий по охране и обороне особо важного объекта, при поиске диверсионно-разведывательных групп противника в блокируемом районе.

В подготовку данных занятий входит приобретение и изготовление значительного количества различных мишеней, макетов, указок, имитационных средств. Готовится личный состав для обозначения сил противника.

Все эти вопросы кафедры решает следующим образом. Мишени, указки, макеты изготавливаются своими силами. Имитационные средства кафедры получает из ХОЗУ КГБ по соответствующим заявкам. Личный состав для обозначения противника поступает из взвода учебного обеспечения Высшей школы и взвода учебного обеспечения курсов усовершенствования. Однако большинство привлекаемых к занятиям солдат и сержантов — это военнослужащие ОМСДОН МВД. По договоренности с Управлением войск МВД на период проведения занятий нам из этой дивизии выделяют мотострелковый взвод и необходимое количество средств радиосвязи. В отдельных случаях противника обозначают сами слушатели.

Методика подготовки и проведения полевых занятий во многом зависит от личных качеств преподавателей, которые обычно тщательно готовятся ко всем полевым занятиям. Кроме того, перед проведением полевых занятий, дня за два-три, с преподавателями проводятся на местности методические занятия. При этом тщательно отрабатываются возможные варианты решений и действий обучаемых, рассматриваются теоретические обоснования этих решений и действий.

При проведении полевых занятий со слушателями преподаватели стремятся рационально использовать время для совершенствования их индивидуальных навыков. С этой целью, помимо метода групповых упражнений, применяется метод так называемого тактико-строевого занятия. В последнем случае наряду с одиночной подготовкой осуществляется отработка действий слушателей в составе боевого расчета, отделения, взвода. Если в роли командира (руководителя) подразделения выступает один из слушателей, а остальные выполняют функции подчиненных лиц, очень важно, чтобы все они были знакомы с обстановкой в поле, принимаемыми решениями и отдаваемыми распоряжениями. На занятиях целесообразно использовать переносные мегафоны.

Метод группового упражнения чаще всего применяют в начале полевых занятий, например при ознакомлении участников занятий с тактической обстановкой, а также в период отработки вопросов

организации боевых действий. Позже, в ходе занятия, к этому методу обычно возвращаются лишь при отработке наиболее сложных учебных вопросов темы. Важно, чтобы в этой работе участвовало как можно большее число слушателей группы.

Практика показывает, что каждый учебный вопрос вначале надо объяснить, а затем отработать практически в составе боевого расчета, отделения, взвода. Но в ряде случаев изучение вопросов темы можно начинать с практических занятий в составе подразделения, а в последующем перейти к объяснениям.

Для более глубокого изучения вопросов организации боевых действий в полевые занятия преподаватели вносят элементы военной игры. В этом случае отдельные слушатели назначаются на командные должности, что позволяет им приобретать навыки управления.

При проведении полевых занятий необходимо использовать технические средства связи — радио, телефон, добиваясь строгого соблюдения слушателями порядка радиообмена и правил скрытого управления войсками. Порядок радиообмена и правила скрытого управления войсками изучаются отдельно.

В ходе полевых занятий преподаватели большое внимание уделяют обучению слушателей работе на местности не только с картой, но и без нее.

Для введения новых, более сложных элементов тактической обстановки в ходе полевого занятия мы практикуем отдачу коротких распоряжений, например, от имени вышестоящего командира, получение донесений от органов разведки и т. д. С этой же целью слушателям сообщаются условные данные о потерях в личном составе и боевой технике подразделения. Иногда условно выводятся из строя отдельные элементы боевого порядка, средства связи. На путях движения личного состава создаются участки разрушений, производится условное радиоактивное и химическое заражение.

Данные об обстановке на полевом занятии доводятся до слушателей так, чтобы они сами решали, каких сведений недостает, что нужно предпринять, чтобы эти сведения были получены.

Особое внимание на полевых занятиях обращается на учет факторов времени и пространства. Чтобы слушатели привыкли учитывать и оценивать эти факторы, преподаватели устанавливают им сроки выполнения заданий в зависимости от места происходящих событий. При разборе занятий подчеркивается своевременность выполнения заданий.

Преподаватели стремятся рационально использовать время, отведенное на занятия. Обычно мы начинаем обучение с момента выезда в поле. Во время движения мы тренируем слушателей, например, в ориентировании.

В организации полевых занятий у нас имеются существенные недостатки. В частности, мишени, используемые для обозначения

сил и средств противника, громоздки, маловыразительны. Это не позволяет быстро и оперативно создавать различные варианты обстановки, особенно на неподготовленной местности и в короткие сроки.

Для обозначения движущихся целей, особенно контратакующих (атакующих) танков и мотопехоты противника, мы мало используем имеющиеся у нас на автобазе машины повышенной проходимости. Умелое применение одной-двух таких машин в сочетании с использованием мишеней и имитационных средств позволит создавать более динамичную обстановку и обучать слушателей действиям в наступлении, обороне, разведке, охране, при поиске и т. д. Для ночных занятий необходимо подготовить мишени, обозначающие выстрелы автоматов и пистолетов.

Имеющиеся на кафедре имитационные средства используются иногда формально, лишь для внешнего эффекта.

На полевых занятиях необходимо имитировать ядерные взрывы, огонь артиллерии, минометов, танков, ПТУРС, стрелкового оружия, а также обозначать участки радиоактивного и химического заражения. Опыт показывает, что занятия, которые проводятся без должной имитации, не вызывают у слушателей заинтересованности. Вследствие этого навыки и умения, приобретенные ими в ходе таких занятий, оказываются непрочными. Кроме того, из-за отсутствия на ряде занятий имитационных средств слушатели не тренируются в определении районов (мест) расположения средств поражения противника и ожидаемого характера их действий. Они не вырабатывают у себя навыков уничтожения обнаруженных боевых средств вероятного противника, умения выбирать способы защиты от них.

Для улучшения полевой выучки слушателей целесообразно проводить больше занятий в поле и другим специальным кафедрам школы, а не только кафедре оперативно-тактической подготовки.

Необходимо, чтобы каждое полевое занятие было насыщено такими элементами учебной обстановки, которые требуют от слушателей полного напряжения ума, воли, свойств характера и физических сил. «Чтобы воспитать мужественного человека, — писал А. С. Макаренко, — необходимо поставить его в такие условия, при которых он смог бы совершить мужественный поступок»¹. Поэтому нам нужно преодолеть неоправданную боязнь острых ситуаций. Эта боязнь ведет к упрощенчеству, обереганию слушателей от сложных условий. Не следует упрощать занятие, а нужно разумно усложнять его, строго соблюдая при этом все предусмотренные меры безопасности.

Каждое полевое занятие должно быть интересным и запоминающимся, оно должно служить воспитанию выносливости, находчиво-

¹ Макаренко А. С. Соч., т. 5, стр. 229.

сти. Особенно важно обратить внимание на достижение воспитательных целей занятий, которые проводятся со слушателями, не служившими в армии.

Воспитательные цели должны преследоваться в проведении разборов занятий. Целесообразно заострять внимание слушателей на совершенных ими положительных и отрицательных поступках (действиях) (принятие правильного решения, оказание помощи товарищу и т. д.).

Наши рекомендации по совершенствованию полевой выучки слушателей не претендуют на исчерпывающее освещение данной темы. Широкий обмен мнениями по затронутым вопросам будет способствовать успешной подготовке чекистских кадров.

ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОТИВНИКА

Кандидат военных наук
доцент полковник *А. А. Горохов*,
доктор исторических наук
генерал-майор *Г. В. Пипия*

ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИРАНСКОЙ РАЗВЕДКИ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В последние годы Иран несколько улучшил и расширил свои связи с Советским Союзом¹. Однако, несмотря на определенные положительные сдвиги в советско-иранских отношениях, правящие круги Ирана по-прежнему поддерживают тесный военно-политический союз с США, враждебно относятся к международному коммунистическому и национально-освободительному движению, направили свои войска в Оман для подавления борющихся дофарских патриотов. В своем окружении шах Ирана неоднократно подчеркивал, что коммунистическая идеология чужда иранскому народу и что Советский Союз в длительной перспективе является основным политическим противником Ирана².

Иран, будучи членом агрессивного военного блока СЕНТО, поддерживает тесные связи с рядом капиталистических стран, в первую очередь с Соединенными Штатами Америки. Внимание США и других капиталистических стран к Ирану обусловлено его выгодным военно-стратегическим положением на южных подступах к Советскому Союзу, в центре самого крупного нефтеносного района, занимающего первое место в капиталистическом мире по запасам и добыче нефти³, хорошими транспортными связями Ирана с внешним миром через незамерзающие Персидский и Оманский заливы, что привлекает ведущие капиталистические державы к этой стране как к удобному военному и разведывательному

¹ См.: Специальный бюллетень № 11(127). М., «Наука», 1971, стр. 141; Ершов И. И. Агентурно-оперативная обстановка в Иране. М., изд. НИРИО в. ч. 64510, 1972, стр. 4.

² См. Восканян Г. А. и др. Агентурно-оперативная обстановка в Иране. Тетрадь 2. М., изд. в. ч. 14590, 1968, стр. 34.

³ В 1973 году на Ближнем и Среднем Востоке было добыто свыше 1 млрд. т нефти, то есть около 45% добычи всех капиталистических и развивающихся стран, в том числе в Иране — почти 300 млн. т. (Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения», 1974, № 8, стр. 15).

плацдарму для использования против СССР. Специальные службы капиталистических государств привлекает также наличие в Иране ряда антисоветских организаций и враждебных элементов, пригодных для использования в подрывной работе против СССР (партия «Дашнакцутюн», отделение «Толстовского фонда», филиал международной сионистской организации «Джойнт», панисламисты, изменники Родины, бежавшие из Советского Союза, и т. д.). Все это создает для разведывательных органов ведущих империалистических государств, в частности США, действующих с территории Ирана, благоприятные возможности для проведения разносторонней подрывной деятельности против Советского Союза.

Политическая, экономическая и военная зависимость¹ Ирана от главных империалистических государств по существу превратила иранскую разведку в младшего партнера разведывательных служб западных стран. Из разведок империалистических государств наибольшую активность проявляют в Иране американские специальные службы — Центральное разведывательное управление и Разведывательное управление министерства обороны, которые в последние годы заметно усилили враждебную деятельность против СССР, советских представительств, организаций и граждан. По данным, которыми располагают органы КГБ, особенно тесный контакт иранские специальные службы поддерживают с ЦРУ США, резидентура которого в Тегеране выполняет функции регионального центра на Среднем Востоке. Не случайным также, по нашему мнению, является назначение послом США в Иран бывшего директора ЦРУ Р. Хелмса, кадрового разведчика, специалиста по организации политических подрывных акций и агентурной разведки. Назначение Р. Хелмса, вероятно, повлечет за собой определенное оживление и некоторые изменения в деятельности американской разведки в Иране, а возможно и в других странах этого района.

Наряду с расширением связей с крупными империалистическими державами в последнее время Иран предпринимает активные шаги к развитию отношений с КНР, рассчитывая использовать враждебный Советскому Союзу курс Пекина в своих интересах.

За последние годы разведка Ирана, в создании и развитии которой большую роль сыграли специальные службы США, Англии, Франции и ряда других государств, превратилась в одну из самых активных разведок стран Ближнего и Среднего Востока. За это время существенно вырос в организационном, техническом и специальном отношении кадровый и агентурный состав Организации безопасности и информации страны (САВАК) — главного разведы-

¹ Иран превратился в одного из крупнейших покупателей американского оружия. За последние два года США продали Ирану оружия на сумму 6,8 млрд. долларов («Правда», 1975, 13 февраля).

вательного и контрразведывательного органа Ирана, в подготовке и обучении кадров которого непосредственное участие принимали американские советники и лично бывшие директора ЦРУ Аллен Даллес и Ричард Хелмс. Особенно значительно увеличилось число подразделений, ведущих подрывную работу против Советского Союза, советских учреждений и граждан, находящихся на территории Ирана.

В пограничных с Советским Союзом районах Ирана также проведены мероприятия по усилению и расширению специальных органов. По данным Разведывательного управления ГУПВ КГБ при Совете Министров СССР, созданы новые подразделения САВАК в Серахсе, Дерегезе, Гомбеде-Кабусе и некоторых других приграничных с СССР населенных пунктах. В штаты приграничных органов САВАК введены группы закордонной разведки. В последнее время стало практиковаться временное назначение военных разведчиков на некоторые должности в погранкомиссарские аппараты. Это, в частности, объясняется тем, что подразделения специальных служб Ирана на границе получили указание добывать данные о размещении советского ракетно-ядерного оружия на глубину до 300 км от границы¹.

В настоящее время САВАК представляет собой хорошо организованную и достаточно эффективную службу, располагающую опытными и преданными правящим кругам кадрами, солидной оперативно-технической базой, многочисленным и широко разветвленным агентурным аппаратом. По сведениям иностранной печати, САВАК насчитывает 60 тыс. агентов и 3 млн. осведомителей². Подрывную деятельность САВАК против СССР направляют американские и израильские разведчики.

Определенные изменения произошли и в других специальных органах Ирана — Втором управлении штаба верховного главнокомандующего вооруженными силами, шахской контрразведывательной службе, Главном управлении полиции и Главном управлении жандармерии МВД. Для повышения квалификации кадровых сотрудников указанных органов, кроме учебы в национальных специальных учебных заведениях, стало широко практиковаться направление их на учебу в США и ФРГ.

В целях усиления контрразведывательной работы руководство иранских специальных служб в последнее время разработало мероприятия по координации деятельности САВАК, Второго управления штаба верховного главнокомандующего, а также Главного управления полиции и Главного управления жандармерии. В центральном аппарате САВАК для этого создано особое информацион-

¹ Ориентировка о враждебной деятельности противника на государственных границах СССР № 50с от 12 августа 1970 г., стр. 7—8.

² См. БПИ ТАСС от 10 февраля 1975 года, № 28, стр. 15.

ное бюро, руководителем которого назначен один из заместителей начальника САВАК генерал Парвиз, а при Главном управлении полиции образован специальный отдел для работы, направленной против иностранцев, включая советских граждан.

Быстрый экономический подъем страны за последние годы в результате все возрастающих поступлений валюты от добычи нефти¹ привел к расширению политических и иных связей Ирана с другими государствами, что, в свою очередь, повлекло активизацию разведывательных и контрразведывательных операций иранских специальных служб за пределами своей страны. Наличие крупных резидентур САВАК за границей (в Англии, Франции, ФРГ, Турции, Ливане и некоторых других странах), их возросшая активность в проведении агентурно-оперативных, пропагандистских и иных мероприятий, выгодных шахскому режиму, свидетельствуют о том, что специальные службы Ирана стали смелее выходить на международную арену. Так, в 1970 году САВАК подготовил в соседнем Ираке, с которым у Ирана существуют острые территориальные и идеологические противоречия, антиправительственный заговор правых реакционных сил с целью свержения прогрессивного правительства левых баасистов².

Для осуществления подрывной деятельности против Советского Союза большими возможностями располагают специальные органы США, использующие военно-политическую и экономическую зависимость Ирана.

В настоящее время в Иране размещены десятки различных американских государственных и общественных учреждений, частных торгово-промышленных организаций, фирм и их филиалов. В общей сложности в Иране постоянно находится около 12 тысяч американцев и членов их семей. Значительная часть этих учреждений и организаций используется специальными службами США в качестве прикрытий для сбора разведывательной информации, распространения американского влияния и особенно для проведения подрывной работы против СССР.

Используя антикоммунизм правящих кругов Ирана, жесткий административно-полицейский режим в стране, а также совместное участие в военном блоке СЕНТО и обязательства по двусторонним соглашениям, США с помощью своих пропагандистских и разведывательных органов принимают активные меры к подрыву

¹ В 1973 году доходы Ирана от добываемой нефти превысили 4 млрд. долларов (Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения», 1974, № 8, стр. 142).

В 1974 году в результате повышения цен на нефть на мировом рынке в 4 раза доходы Ирана от ее продажи ожидаются, по словам премьер-министра Хомейни, до 18 млрд. долларов (БПИ ТАСС от 22 марта 1974 года, стр. 26).

² Разведывательная сводка № 5. Вооруженные силы государств Ближнего и Среднего Востока на 1 июня 1970 г. Изд. ГРУ Генштаба Вооруженных Сил СССР, 1970, стр. 27.

позиций Советского Союза в Иране, к разворачиванию подрывной деятельности против нашей страны¹. Резидентуры ЦРУ и РУМО, действующие в основном под прикрытием американского посольства в Тегеране, консульств в Тебризе, Мешхеде, Исфагане и Хорремшехре, а также под прикрытием различных подразделений военно-советнической миссии, по численности личного состава значительно превосходят посольские и консульские учреждения других стран. О том, что американская разведка придает большое значение проведению широкой подрывной работы с территории Ирана против СССР, можно судить хотя бы по тому факту, что в составе резидентур ЦРУ и РУМО в Иране в настоящее время насчитывается свыше 100 кадровых разведчиков, в числе которых имеется немало лиц, владеющих русским языком и имеющих опыт работы по «советской линии».

В составе разведывательных органов США, действующих в Иране, выявлено специальное подразделение ЦРУ под кодовым названием «Отряд № 5», штаб-квартира которого находится в Тегеране, а филиалы расположены в Бехшехре (на побережье Каспийского моря) и в Кучане (90 км южнее Ашхабада). Общая численность сотрудников «Отряда № 5» составляет 30—40 человек, в том числе постоянно имеется несколько человек славянского происхождения. По имеющимся данным, «Отряд № 5» и его филиалы ведут с территории Ирана агентурную разведку против Советского Союза, участвуют в опросе перебежчиков из СССР и иранских реэмигрантов, возвращающихся из Советского Союза на жительство в Иран. Они отбирают у таких лиц случайно сохранившиеся или специально приобретенные советские документы, стремятся получить различные адреса в СССР, сведения о расположении и характере работы известных им военных объектов и предприятий закрытого типа.

В ряде мест на севере Ирана (Ноушехр, Мешхед) дислоцированы специальные подразделения, станции перехвата, входящие в систему Агентства национальной безопасности США. Кроме того, в районах Бехшехра, Чалуса (оба пункта на побережье Каспийского моря) и в 42 км северо-восточнее Нов. Кучана (Хорасан) соответственно расположены центр и посты радио- и радиотехнической разведки вооруженных сил США².

Таким образом, кроме собственно иранских разведывательных, контрразведывательных и жандармско-полицейских органов, на территории Ирана в настоящее время существует весьма разветвленный аппарат американских разведывательных служб, проводящий активную враждебную деятельность против СССР как са-

¹ См. Ершов И. И. Агентурно-оперативная обстановка в Иране. М., изд. НИРИО в. ч. 64510, 1972, стр. 77—84.

² См. Справочник по вооруженным силам Ирана. Изд. ГРУ Генштаба Вооруженных Сил СССР, 1972, стр. 144, 154.

мостоятельно, так и в тесном взаимодействии с иранскими специальными службами.

При проведении разведывательно-подрывной работы на территории СССР, особенно в республиках Закавказья и Средней Азии, иранская разведка основные усилия направляет на сбор военной, экономической и политической информации о нашей стране, и проводит это как в собственных интересах, так и в интересах ряда капиталистических государств, прежде всего США. Иранская разведка также занимается сбором информации о деятельности иранских политэмигрантов в Советском Союзе, стремится перехватить нелегальные каналы связи Загранбюро Народной партии Ирана, работающего на территории ГДР, с Ираном.

Разведывательную информацию о Советском Союзе специальные службы Ирана пытаются собирать как с помощью агентов, забрасываемых в нашу страну через советско-иранскую границу, так и с использованием официальных прикрытий.

Проживание в Иране значительного количества армян, туркмен, курдов, айсоров и особенно азербайджанцев, нередко имеющих в СССР родственные и иные связи, создает благоприятные условия для разработки иранскими разведывательными органами правдоподобных, труднопроверяемых легенд своим агентам, направляемым в нашу страну под видом перебежчиков¹.

Определенный контингент иранцев прибывает в нашу страну также по каналу реэмиграции. Так, только на территорию Азербайджанской ССР за 1969—1971 годы прибыло 52 реэмигранта из Ирана. Часть из них осела на жительство в этой республике, а остальные выехали в различные города страны. В послевоенный период на постоянное жительство в Армянскую ССР из Ирана приехало несколько десятков тысяч армян-переселенцев. В настоящее время на территорию республики ежегодно переселяется из Ирана от двух до трех тысяч человек, что в два-три раза превышает квоту, определенную ирано-советским соглашением. Органы государственной безопасности Армении располагают информацией, что специальные службы Ирана, США, а также дашнакская организация, действующая на иранской территории, пытаются среди переселяющихся в Советский Союз армян проводить вербовочную и другую враждебную работу.

Оперативное внимание органов КГБ привлекают также иранские политэмигранты (около 8 тысяч человек), прибывшие в СССР в 40—50-х годах после подавления в Иране национально-освободительного движения. К настоящему времени основная часть выходцев из Ирана проживает в 85 городах Советского Союза.

¹ По данным КГБ при СМ Туркменской ССР и КГБ при СМ Азербайджанской ССР, только за три года (1969—1971) на территорию этих республик нелегально перешло из Ирана соответственно 721 и 142 перебежчика.

Иранские политэмигранты систематически выезжают за пределы СССР, вступают в контакты со своими соотечественниками, проживающими в Иране, ГДР, а также ФРГ и других капиталистических странах, где действуют антишахские организации или проживают противники шахского режима. Учитывая вышеизложенные обстоятельства, иранские специальные службы стали активно практиковать внедрение своих агентов в подпольные организации Народной партии Ирана (НПИ) и Азербайджанской демократической партии (АДП), действующие на территории Ирана, с перспективой вывода агентов-провокаторов на территории СССР и ГДР для установления контактов с ЦК НПИ и АДП и перехвата нелегальных каналов их связи с Ираном.

Обращает на себя внимание также и то, что несколько десятков тысяч выходцев из Ирана, принявших гражданство СССР, поддерживают переписку с родственными и иными связями в Иране. Так, только на территории Азербайджана проживает более 40 тысяч человек, которые ведут переписку с Ираном. Это обстоятельство также учитывается противником.

Значительную опасность с точки зрения утечки секретной информации представляют действия отдельных иранцев, которые, готовясь к выезду из СССР по различным причинам, специально собирают секретные сведения о нашей стране, а также о положении иранской эмиграции, особенно внутри НПИ и АДП, с целью передачи этих сведений разведывательным органам Ирана. При посещении иранских представительств они нередко по собственной инициативе предлагают свои услуги разведке.

В качестве официальных прикрытий для деятельности своих разведчиков и агентов иранские спецслужбы используют посольство Ирана в Москве, открытые в последние годы иранские консульства в Баку и Ленинграде, а также представительство иранской авиакомпания в Москве. Так, например, по имеющимся данным, бывший военно-воздушный атташе Ирана в Москве подполковник Джахансуз и бывший атташе посольства по техническим вопросам Чегаме (Афшар) и некоторые другие сотрудники иранских представительств выполняли задания САВАК.

Проводимая на территории СССР разведывательная деятельность иранских разведчиков и агентов, действующих под прикрытием официальных представительств, как правило, осуществляется в тесном взаимодействии с американской разведкой и разведывательными службами некоторых других капиталистических стран. В последнее время органы государственной безопасности Советского Союза получили сведения о том, что ЦРУ, а также разведки Англии и ФРГ значительно активизировали работу по установлению контактов с находящимися в нашей стране иранскими дипломатами, военнослужащими и другими категориями иранцев с

целью использования их не только для сбора разведывательной информации, но и для выполнения других заданий.

Для сбора разведывательной информации о нашей стране иранские специальные службы активно используют все расширяющиеся связи между Советским Союзом и Ираном. Так, в число иранских стажеров-металлургов, в течение ряда лет проходящих производственное обучение в различных городах Украины, РСФСР и Узбекистана, а также иранских военнослужащих, обучающихся в некоторых советских военно-учебных заведениях, разведка Ирана не только внедряет своих агентов, но и под различными прикрытиями включает кадровых сотрудников САВАК. Только в 1971 году органами государственной безопасности Украины в процессе оперативного изучения и разработки иранских специалистов были получены данные о причастности к иранским специальным службам семи стажеров, проходивших практику на предприятиях Ворошиловградской, Донецкой и Одесской областей. Разведка Ирана предпринимает определенные шаги и для подставы агентов САВАК на вербовку советским органам государственной безопасности. Например, находившийся на практике в г. Новокузнецке иранский инженер «Акбар» признался, что он является агентом САВАК. Перед выездом в СССР ему была отработана соответствующая линия поведения, рассчитанная на внедрение в агентурный аппарат КГБ.

Таким образом, за последние годы разведывательные органы Ирана активизировали свои усилия по сбору военной, экономической и политической информации о нашей стране, особенно о районах Закавказья и Средней Азии, как в собственных интересах, так и в интересах разведывательных служб своих союзников, прежде всего США. Заметно усилилась также деятельность иранских специальных служб по сбору данных о положении и деятельности иранской колонии, разложению политэмигрантов, перехвату нелегальных связей Загранбюро ЦК НПИ с Ираном и его компротации.

В общей системе подрывных мероприятий, осуществляемых иранской разведкой против Советского Союза, нередко в тесном контакте с разведывательными органами США и по их инициативе, важное место отводится враждебной работе против советских учреждений и граждан **непосредственно на территории Ирана**. Иранские специальные службы всячески стараются ограничить общение сотрудников советских учреждений с местным населением, затрудняют выполнение ими служебных обязанностей, усиленно разрабатывают их с помощью агентуры, наружного наблюдения, оперативно-технических средств.

Для оперативной обстановки в Иране в настоящее время характерно дальнейшее усиление административно-полицейского и контрразведывательного режима, значительная активизация враж-

дебной деятельности против советских учреждений и граждан со стороны иранских специальных служб, переход последних к более острым формам и методам работы, что, в частности, находит свое выражение в активных попытках осуществлять вербовочные акции в отношении граждан СССР. На 1 января 1975 года в Иране находилось свыше 40 советских учреждений и организаций, а также отдельных групп специалистов, принимающих участие в строительстве 69 промышленных и иных объектов. Общая численность советских граждан составляла свыше 4000 человек. Самая большая группа советских специалистов (свыше 2300 человек с членами семей) сосредоточена в районе Исфагана на строительстве металлургического комбината и смежных объектов.

Об активизации деятельности САВАК свидетельствуют вербовочные подходы к отдельным советским гражданам, попытки склонения к невозвращению на Родину некоторых из них, факты установки техники подслушивания в представительствах и организациях СССР. Например, после ремонта здания аппарата советника по экономическому сотрудничеству при посольстве Советского Союза в Тегеране в 12 служебных помещениях было обнаружено 18 микрофонов подслушивания¹.

Для изучения и разработки советских людей специальные службы Ирана широко используют агентов из местных граждан, ранее проживавших на территории нашей страны, иранцев, работающих в советских учреждениях и организациях, а также лиц, прошедших производственное обучение в СССР, которые в какой-то мере знакомы с условиями жизни в Советском Союзе, советской действительностью, бытом, нравами и обычаями советского народа.

Анализ ряда имеющихся оперативных материалов показывает, что в большинстве случаев основой для проведения активных агентурно-оперативных мероприятий САВАК против отдельных советских граждан является нарушение ими норм поведения за границей. Так, например, в августе 1971 года САВАК предпринял провокации в отношении советского специалиста Петрова². Агенты САВАК провели сначала активную антисоветскую обработку Петрова, втянули его в контрабандные сделки и в связи с женщиной, пытались с применением угроз и шантажа завербовать его или склонить к невозвращению на Родину. Предложения о невозвращении в СССР были сделаны также советским гражданам Борисову и Шмелеву.

За последние годы с целью разведки объектов Военно-Морского Флота СССР, а также выявления характера и количества достав-

¹ Ориентировка о подрывной деятельности специальных служб капиталистических государств против советских граждан за границей № 74сс от 23 ноября 1971 года, стр. 13.

² Фамилии изменены.

ляемых в Ирак грузов, следующих из Советского Союза морским путем через Оманский и Персидский заливы, все активнее стали привлекаться иранские боевые корабли¹.

В работе специальных служб Ирана в приграничных районах проявляется стремление к установлению жесткого контроля за деятельностью советских граждан, временно оказавшихся на иранской территории, и выявлению агентуры советской разведки. Любое обострение внутривнутриполитической обстановки в стране сопровождается провокационными действиями и усилением контрразведывательных мероприятий на границе. С конца 1969 года органами САВАК, иранской военной контрразведки и жандармерии проводится активная проверка сигналов о связях местного населения с советской стороной, сопровождаемая арестами подозреваемых².

Имеющиеся в органах КГБ материалы свидетельствуют о том, что американские специальные службы, действующие на территории Ирана под официальным прикрытием, с согласия иранских властей непосредственно принимают участие в агентурно-оперативных мероприятиях, проводимых против советских учреждений, организаций и отдельных граждан. Разведка США планирует и проводит как самостоятельно, так и в контакте с иранскими специальными службами вербовочные акции в отношении советских граждан. Через своих советников, а также через агентуру в руководящих звеньях иранских специальных служб американская разведка имеет доступ к их информации об СССР и советских учреждениях и организациях в Иране, широко использует возможности иранских специальных служб для разработки советских граждан. В последнее время резидентура ЦРУ стала все активнее практиковать и личное участие американских разведчиков в разработке и вербовочных мероприятиях в отношении советских граждан в Иране. Так, в конце 1972 года американский разведчик Рингленд, работающий под прикрытием должности атташе посольства США в Тегеране, сделал вербовочное предложение представителю отделения «Ингосстраха» Советского Союза в Тебризе Алехину. При этом американский разведчик пытался шантажировать Алехина, угрожая в случае отказа от сотрудничества с ЦРУ довести до сведения советских властей якобы имеющиеся у американцев компрометирующие Алехина материалы, полученные в результате внедрения техники подслушивания к нему на квартиру и в учреждение. Несмотря на полученный отпор, на следующий день американский разведчик снова явился к Алехину в отделение «Ингос-

¹ См. Деятельность сил иностранных разведок у берегов Советского Союза и в других районах мирового океана в 1972 г. Изд. РО Главного штаба Военно-Морского Флота, 1973, стр. 54.

² Ориентировка о враждебной деятельности противника на государственных границах СССР № 50с от 12 августа 1970 г., стр. 9—10.

страха» в сопровождении неизвестного иранца, в присутствии которого снова пытался склонить Алехина к сотрудничеству с американской разведкой за денежное вознаграждение. В результате правильного поведения Алехина и принятых мер вербовочная акция американской разведки была сорвана. Еще до вербовочной акции Рингленд был известен резидентуре КГБ как разведчик ЦРУ, пытающийся заводить знакомства с советскими гражданами, отдельным из которых он делал провокационные предложения. Было установлено, что в разработке Алехина ЦРУ активно взаимодействовало с САВАК, использовало его агентуру и другие возможности для предварительного изучения Алехина и обеспечения самой вербовочной акции.

Таким образом, за последние годы американские специальные службы, действующие на территории Ирана, наряду с осуществлением советнических и консультативных функций в отношении иранской разведки, заметно активизировали подрывную деятельность против советских представительств, организаций и отдельных граждан на территории этой страны как самостоятельно, так и в тесном взаимодействии с иранскими специальными органами.

Анализ имеющихся в распоряжении органов КГБ оперативных материалов убедительно свидетельствует о том, что при проведении подрывной деятельности против Советского Союза и национально-освободительного движения на Ближнем и Среднем Востоке разведка Ирана не только продолжает¹, но и значительно расширяет **сотрудничество с разведывательными органами США и других капиталистических стран.**

Через многочисленные официальные и неофициальные американские учреждения, советнические аппараты, имеющиеся в разведывательных, контрразведывательных и жандармско-полицейских органах Ирана, ЦРУ и РУМО в последние годы как во взаимодействии с иранскими специальными службами, так и самостоятельно значительно усилили разведывательно-подрывную деятельность против СССР с территории Ирана. Используя антикоммунистические настроения в правящих кругах Ирана, а также в иранских органах безопасности, официальные представители разведок США и других западных стран настойчиво принимают меры к подрыву позиций СССР в Иране, пытаются убедить шаха в том, что целью советской внешней политики в Иране является якобы изменение государственного строя этой страны, а потому проводимая в настоящее время Советским Союзом политическая линия на развитие советско-иранских отношений является лишь тактическим шагом.

При проведении подрывной работы против СССР иранские спе-

¹ См.: Горохов А. А. Разведка Ирана. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 68—74; Труды Высшей школы КГБ, 1971, № 3, стр. 161—164.

специальные органы, как и в прошлом, тесно взаимодействуют с разведками других стран — участниц империалистических военных блоков. Характерным примером, подтверждающим наличие широких контактов между разведками Ирана, США, ФРГ и Турции, служат материалы следствия по делу Темирбекова, которые свидетельствуют что Темирбеков, изменив Родине, бежал в Иран, где был передан иранскими властями разведке США, прошел специальную подготовку в одной из американских разведывательных школ в ФРГ, а затем с территории Турции нелегально через границу переброшен в Советский Союз¹.

Органам государственной безопасности Советского Союза хорошо известно о тесной связи иранской разведки с разведывательными службами других азиатских стран — участниц военного блока СЕНТО — Турции и Пакистана, а также тесно примыкающего к ним по своей политике Израиля². В течение последних четырех лет между специальными службами Ирана, Турции и Израиля, в соответствии с заключенным соглашением, поддерживается постоянное сотрудничество при проведении совместных агентурно-оперативных мероприятий против СССР и стран Арабского Востока, налажен систематический обмен разведывательной информацией, оперативной техникой, а также имеющимся опытом. В этих целях создан так называемый Координационный совет, состоящий из представителей специальных служб указанных стран и известный под кодовым названием «Трезубец». По имеющимся данным, в создании «Трезубца» самое активное участие принимали специальные службы США, фактически осуществляющие в настоящее время закулисное руководство его деятельностью. В разработанном Координационным советом плане совместных мероприятий особое внимание обращается на координацию действий разведок указанных стран в южных районах Советского Союза — на Кавказе и в Средней Азии.

Координационный совет ежегодно проводит совещания на уровне руководителей разведывательных органов Ирана, Турции и Израиля поочередно на территории одной из стран. Очередное совещание Координационного совета, о котором имеются достоверные сведения, состоялось в середине 1972 года в Стамбуле. В его работе, кроме представителей специальных служб трех указанных стран, принимали участие сотрудники ЦРУ. Предметом обсуждения на этом совещании были «вопросы усиления разведывательной деятельности против Советского Союза, активизации работы по склонению к измене Родине и вербовке советских граж-

¹ Ориентировка о враждебной деятельности противника на государственных границах СССР № 50с от 12 августа 1970 года, стр. 8.

² См.: Горохов А. А. Разведка Ирана. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 72—73; Труды Высшей школы КГБ, 1971, № 3, стр. 162—164.

дан, находящихся на территории Ирана, Турции и Израиля, и дальнейших действий по подрыву позиций СССР в странах Ближнего Востока и Средиземноморья».

Указанные выше факты убедительно свидетельствуют о том, что иранские специальные службы, находящиеся под влиянием американской разведки, выступают как составная часть общего механизма подрывной работы разведывательных органов империалистических держав, действующих против СССР. Это обстоятельство обязывает советские контрразведывательные органы уделять значительное внимание враждебным действиям иранской разведки, прилагать серьезные усилия по вскрытию и пресечению разведывательно-подрывных замыслов противника.

Кандидат юридических наук доцент
полковник *В. П. Ерошин*

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА В США**
(Оценка оперативной обстановки
и выявление объектов политических репрессий)

Для современной внутренней политической обстановки в США характерны сложность социально-политических и классовых противоречий, отсутствие стабильности, проявление недовольства со стороны самых разнообразных слоев американского населения, неуклонный рост преступности, свидетельствующий о разложении значительной части американского общества. По-прежнему неразрешимой для правящих кругов США остается негритянская проблема, а также проблема молодежи. В США периодически возникают кризисные ситуации, которые сопровождаются массовыми антиправительственными выступлениями.

Все эти процессы привели к временному усилению ультралевого и ультраправого крыла в системе политических сил. Сторонники этих политических течений своими действиями создают угрозу возникновения стихийных бунтов, которые отвлекают трудящихся от целенаправленной и организованной классовой борьбы и облегчают правящим кругам применение жестких репрессивных мер при подавлении прогрессивных антиимпериалистических выступлений¹.

¹ См. Новая программа Компартии США. «США: Экономика. Политика. Идеология», 1971, № 17, стр. 85.

В этих условиях ФБР, органы военной контрразведки, полицейские и другие специальные службы США активизировали деятельность в сфере политического сыска. Согласно официальной американской терминологии эта деятельность именуется «внутриполитической разведкой», главными целями которой являются постоянное, преимущественно скрытое наблюдение за развитием нежелательных для американского империализма социально-политических процессов внутри страны, обнаружение признаков активизации этих процессов и назревания внутренних политических кризисов, выявление формирования опасных для правящих кругов политических организаций и групп, агентурное проникновение в них для подавления деятельности этих организаций. Несмотря на достаточно сильное влияние ультралевых экстремистских тенденций в молодежном и негритянском движении, воздействие маоистских, троцкистских и анархистских концепций, стимулирующих террористическую и диверсионную деятельность, основные усилия внутриполитической разведки направлены на борьбу против Коммунистической партии США, поскольку в американских коммунистах правящие круги видят наиболее последовательных борцов против империализма.

Внутриполитическая разведка не ограничивается сбором сведений в целях обеспечения репрессивной политики. По мнению правящих кругов США и теоретиков разведывательной деятельности, она призвана поставлять исходные данные для планирования внутриполитического курса в целом, выявлять «негативные» тенденции в социальных процессах и заблаговременно выдавать правящим кругам рекомендации о мерах борьбы с ними. «Раннее предупреждение» о возникновении угрозы политическому господству правящих кругов рассматривается теоретиками и практиками внутриполитической разведки как важнейшая ее функция.

Современные американские теории внутриполитической разведки и их влияние на практику агентурно-оперативной деятельности

В настоящее время в американской научной литературе оживленно дебатировается вопрос о разработке теории внутриполитической разведки, которая, по мнению буржуазных специалистов, должна быть положена в основу организации политического сыска. К разработке теории внутриполитической разведки привлечены такие хорошо известные американские юристы и социологи, как Э. Этциони, Л. Пай, Н. Лонг, Дж. Сколник, и другие. Они считают, что подобная теория может быть создана на основе использования методологии, применяемой при исследовании социально-политических процессов и политической борьбы. Теоретические

концепции социальной структуры американского общества, механизма развития социальных конфликтов рассматриваются американскими социологами в качестве научной основы для разработки теории внутриполитической разведки, а сама деятельность по добыванию и оценке внутриполитической разведывательной информации признается как разновидность социальных исследований.

Наибольшее распространение в США получили социологическая, институционалистская и социометрическая теории внутриполитической разведки.

Социологическая теория внутриполитической разведки рассматривает разведку как средство, обеспечивающее политическое руководство обществом, как инструмент социального контроля и управления. Согласно взглядам американских теоретиков внутриполитическая разведка занимается тотальным изучением всего общества и основным критерием этого изучения является отношение индивидуума или социальной группы к существующему политическому и общественному строю. Политические и государственно-правовые институты объявляются системой абсолютных ценностей, и негативное отношение к ним оценивается как «социальная аномалия»¹.

Теория внутриполитической разведки выделяет социальные группы и определенные формы социально-политической деятельности, которые должны являться объектами разведывательного интереса, с учетом различного отношения представителей этих групп к «стратегическим» ценностям «американского образа жизни». Сторонники социологической теории внутриполитической разведки стараются затушевать классовую природу политических институтов, сохранность которых призвана обеспечивать внутриполитическая разведка. *В конечном счете внутриполитическая разведка изображается как процесс выявления и познания общественных явлений, связанных с недовольством существующим политическим строем.* Поэтому социальные группы американского населения классифицируются по признаку наличия недовольства, его глубины и форм проявления, а также по признаку той сферы общественных отношений, характер которых вызывает недовольства (религиозные, расовые отношения, реагирование на политическую репрессивную деятельность государства, отношение к американо-израильскому альянсу, к развитию советско-американских связей и т. п.)².

Согласно такой классификации в категорию проявляющих недовольство попадают социальные группы как прогрессивной левой,

¹ Long N. Indicators of Change in Political Institutions. The Annals of the American Academy of Political and Social Science, vol. 388. March, 1970, p. 37.

² Long N. Op. cit., p. 37.

так и ультраправой ориентации, поскольку и те и другие могут быть недовольны существующим положением вещей и требовать его изменения¹. Однако характер требований и политическая направленность желаемых изменений могут быть диаметрально противоположны. Американские теоретики разведки утверждают, что и левые и правые должны быть объектами интереса внутривнутриполитической разведки, поскольку последняя обеспечивает репрессивную защиту статус-кво применительно к существующему политическому строю и системе ценностей, которая поддерживает этот строй².

Правые экстремисты, выражая интересы самой реакционной части империалистической буржуазии, добиваются изменений не в существе политического строя, а в политическом режиме, стремясь отеснить от власти либеральную часть правящих кругов. Группы левой ориентации отвергают или подвергают конструктивной критике основополагающие принципы политического строя и настаивают на радикальных социально-экономических и политических преобразованиях. Поэтому при классификации социальных групп, являющихся объектами интереса внутривнутриполитической разведки, учитывается не только наличие недовольства, но главным образом классовый характер политических симпатий данных групп, которые отражают цели, преследуемые ими в политической борьбе. Об этом критерии социально-политической классификации буржуазные теоретики внутривнутриполитической разведки предпочитают умалчивать. Однако на практике, и особенно в отчетных документах ФБР, такой принцип определения объектов деятельности в сфере политического сыска проявляется довольно отчетливо³.

При определении объектов внутривнутриполитической разведки учитывается, как указывалось выше, степень социально-политической активности какой-либо группы или организации. По утверждению американского социолога Милбрейта, в буржуазном обществе существует своеобразная «иерархия активности участия в политической деятельности». Милбрейт считает, что только один или два процента американского населения могут быть отнесены к категории «политических бойцов», которые принимают или будут принимать сознательное участие в политической борьбе. При рас-

¹ «Движение за гражданские права, гражданские беспорядки, движение протеста черных экстремистов и студентов, равно как и другие группы правой и левой ориентации, ставят под сомнение истинность существующих взглядов и государственных институтов, рассматривая их как объекты, подлежащие изменению», — пишет профессор политических наук Иллинойского университета Н. Лонг в статье «Индикаторы перемен в политических институтах» (указ. соч., стр. 37).

² Long N. Op. cit., p. 41.

³ Senate Hearings before the Committee on Appropriation. Wash., 1972, pp. 264—267.

ширительном толковании данного понятия к категории «политических бойцов» может быть отнесено от 1 до 5—7% населения¹.

Таковы выведенные буржуазными социологами количественные показатели, характеризующие социально-политические процессы в американском обществе. Ни Милбрейт, ни другие сторонники социологических методов исследования политических процессов не приводят обоснованных аргументов в подтверждение своих выводов, которые, однако, имеют далеко идущие последствия, непосредственно проявляющиеся в масштабах и организации политического сыска и прежде всего агентурной деятельности. Если ориентироваться даже на низший предел определения численности «политических бойцов», указанный Милбрейтом (1% от 203 млн. населения США), и допустить, что они распределяются поровну между антагонистическими политическими группировками, то на стороне активной антиправительственной оппозиции окажется около 1 млн. человек. По мнению американских теоретиков, эта масса людей должна быть выделена из всего населения и находиться под пристальным вниманием внутривнутриполитической разведки. Данный вывод и обосновывает необходимость использования системы массового политического агентурного осведомления.

В последнее десятилетие в буржуазной социологической теории политической разведки все больше внимания уделяется проблеме исследования политической динамики. Сторонники этой концепции выступают против «институционалистской» теории внутривнутриполитической разведки, которая предлагает фиксировать лишь проявления, направленные против «стратегически важных» политических институтов. «Институционалистская» концепция, которая дает апологетическую оценку всем существующим в США политическим институтам, считая их незыблемыми, ориентирует на подавление каждого отдельно взятого действия, направленного на подрыв этих институтов. При этом враждебные господствующим политическим институтам действия, предпринимаемые конкретными социальными группами, рассматриваются изолированно от характера другой политической деятельности, проводимой ими.

Сторонники социологических направлений критикуют «институционалистов» за их стремление сузить осведомительную деятельность внутривнутриполитической разведки рамками лишь «негатив-

¹ В соответствии с этой концепцией от 2 до 14 млн. американцев являются активными участниками политической борьбы. В это число входят как активные защитники политического строя, так и активные его противники, которые и должны являться основными объектами внутривнутриполитической разведки. По мнению Милбрейта, примерно 60% населения имеет определенную политическую ориентацию, но выполняет роль наблюдателей в политических процессах и около 30% представляет собой политически пассивную массу людей (The Annals of American Academy of Political and Social Science, vol. 388, March, 1970, p. 33).

ных» групп, считая, что эта концепция может быть полезна лишь для обоснования репрессивной охраны внутренней безопасности. Приверженцы социологической теории предлагают исследовать весь комплекс социальных потребностей каждой общественной группы и выявлять как совпадения в оценках социально-политических институтов у отдельных групп, которые могут привести к возникновению альянсов, так и противоречия, которые могут вызвать политические столкновения между ними и способствовать сближению одной из враждующих сторон с правительством. Сторонники социологических концепций считают, что внутривнутриполитическая разведка должна исследовать развитие внутренних противоречий и связей в сфере оппозиции и внутри социальных слоев, поддерживающих правительство. Это еще один довод, выдвигаемый для обоснования необходимости тотального наблюдения за всеми слоями общества с помощью массовой агентуры.

Социологическая теория разведки ставит задачу воздействовать на социально-политические процессы во всем обществе и осуществлять скрытое политическое влияние в стране в стратегическом плане. Оценка возможностей правительства управлять социально-политическими процессами в стране выдвигается как важнейшая задача внутривнутриполитической разведки. В связи с этим социологическая теория разведки уделяет большое внимание изучению механизма вовлечения широких народных масс в политическую борьбу как на стороне оппозиции, так и на стороне правительства.

Сторонники **социометрической** теории стремятся дать количественную характеристику состоянию внутривнутриполитической обстановки. Для оценки возможностей какой-либо социальной группы вести за собой народные массы вводятся такие категории, как «социальная мобилизация», а для количественной и качественной оценки — «потенциал социальной мобилизации». «Социальная мобилизация» — это процесс, в ходе которого общественная группа получает контроль над социальными ресурсами, не находившимися ранее в ее распоряжении¹. Иными словами, это процесс быстрого вовлечения в социальную борьбу других слоев населения, получения от них экономической, политической и моральной поддержки. «Потенциал социальной (или политической) мобилизации» — это реальная возможность быстро получить и использовать в политической борьбе поддержку. Масштабы этой поддержки характеризуют величину, или силу, потенциала.

На внутривнутриполитическую разведку возлагается задача определить «потенциал политической мобилизации», которым располагает или будет располагать правительство, а также каждая из оппозиционных или дружественных по отношению к правительству

¹ A. Etzioni. The Active Society. A Theory of Social and Political Process. New York, 1968, p. 26.

группировок. Опасность политической группировки, партии или организации оценивается не путем сложения ее наличных сил или влияния, которым она пользуется в данный момент, а путем оценки ее потенциальных возможностей, измеряемых вероятным числом сторонников, которых она сможет привлечь на свою сторону в будущем. Способность политической организации к выживанию, ее иммунитет против поглощения другими политическими движениями также является важной характеристикой мобилизационного потенциала. Поэтому внимание политического сыска обращается прежде всего на наиболее устойчивые в организационном и идейно-политическом плане оппозиционные группы, даже если они в данный момент малочисленны и не пользуются широкой поддержкой среди населения. Они рассматриваются как более важные объекты агентурного проникновения по сравнению с массовыми, но недолговечными политическими альянсами. С таких позиций подходят руководители ФБР и военной контрразведки к определению объектов, против которых должны быть сосредоточены основные усилия в области политического сыска. Именно поэтому правящие круги и руководители спецслужб США выделяют партию американских коммунистов в качестве главного объекта политического сыска. Ошибки в определении тенденций развития политического потенциала оппозиционных партий и организаций рассматриваются как наиболее тяжелый по своим последствиям просчет внутривнутриполитической разведки.

Теория «подрывной деятельности» и «нелояльности» и ее использование для обоснования правомерности накопления оперативной информации. Анализируя динамику развития политической борьбы, внутривнутриполитическая разведка концентрирует свое внимание на выявлении и оценке таких проявлений политической борьбы, которые согласно американской терминологии именуются «подрывной деятельностью» и «нелояльностью», и на определении их взаимосвязи и взаимообусловленности.

«Подрывная деятельность» в официальных документах ФБР и военной контрразведки определяется как «злонамеренные акты, которые не могут быть квалифицированы как саботаж, шпионаж, измена или призыв к мятежу, но которые имеют целью оказание помощи и моральной поддержки лицам, группам и организациям, выступающим за свержение правительства США с применением насилия, или которые имеют целью нанесение ущерба национальной безопасности Соединенных Штатов»¹. По американским взглядам, «подрывная деятельность» — это не правовой термин, а категория политической борьбы, применяемая для обозначения любой деятельности, проводимой с целью ослабления или свержения существующего в США строя. С точки зрения американских юри-

¹ US Army Regulations, 381—130.

стов, «подрывная деятельность» не рассматривается как явно противоправная и наказуемая. По мнению сторонников этой концепции, она находится на «границе уголовного закона», а участники «подрывной деятельности» могут быть привлечены к совершению в политических целях указанных выше преступлений или по крайней мере к оказанию помощи лицам, совершающим их. «Подрывная деятельность» как социально-политический термин используется американскими теоретиками и практиками политической разведки для обозначения действий, в отношении которых применяются меры политического подавления. Социометрическими теориями понятие «подрывной деятельности» используется для количественной оценки социальных сил, ведущих активную борьбу против правительства. Поскольку каждое лицо, совершающее подрывные действия, относится к числу «политических бойцов», суммированная их оценка дает количественную характеристику враждебных правительству сил.

«Нелояльность» рассматривается как «отрицательное отношение к власти или отсутствие преданности правительству и конституции США»¹. Иными словами, это пассивная форма недовольства существующим политическим строем, социально-политическими условиями жизни в стране без целенаправленной деятельности, устремленной на подрыв «американского образа жизни». Определение степени этого недовольства рассматривается американскими теоретиками в качестве основного показателя при оценке социальных сил, которые могут быть вовлечены в политическую борьбу против правительства. В отличие от термина «подрывная деятельность» термин «нелояльность» используется для обозначения не реальной, а потенциальной угрозы для политического господства буржуазии. Поэтому главной задачей борьбы против «нелояльности» считается изоляция социальных сил, проявляющих нелояльность, от сил, ведущих «подрывную деятельность», и парализация их недовольства. Все нежелательные для правящих кругов социальные процессы изображаются как проявления «подрывной деятельности» или «нелояльности» в самых разнообразных сочетаниях и взаимосвязях. Наивысшая угроза для «внутренней безопасности» США с точки зрения этой теории возникает тогда, когда «нелояльность» перерастает в «подрывную деятельность», создающую «явную и наличную опасность» буржуазному политическому и государственному строю, и проявляется в формах как открытой и насильственной, так и тайной борьбы, которая подавляется всеми имеющимися в распоряжении государства средствами.

На основе этих взглядов производится оценка политической ситуации в стране и накопление информации в интересах внутриполитической разведки. Выводы о стабильности положения и воз-

¹ US Army Regulations, 381—130.

никновении угрозы политическим институтам делаются главным образом на основе исследования «подрывной деятельности» и «нелояльности» или недовольства и выведения количественных и качественных показателей характера, взаимосвязи и взаимообусловленности этих двух социальных явлений.

Устанавливая взаимосвязь между активными формами политической борьбы и пассивным недовольством, внутривнутриполитическая разведка должна определить, развивается ли недовольство под влиянием «подрывной деятельности» или же оно обусловлено другими объективными факторами. При оценке взаимодействия между активными формами политической борьбы и пассивным недовольством, а также взаимосвязи между социальными силами, участвующими в «подрывной деятельности», и социальными слоями, выражающими «нелояльность», руководители ФБР и политические лидеры США не только идут по пути расширительного толкования сформулированного буржуазными теоретиками понятия «подрывная деятельность», но и преднамеренно искажают социально-политическую природу и классовые корни этих явлений. Любое проявление антиимпериалистической борьбы они стараются изобразить как «подрывную деятельность» или как результат «международного коммунистического заговора» и доказать, что «нелояльность» развивается главным образом под воздействием «подрывной деятельности коммунистических агитаторов». При этом преувеличивается идеологическое и политическое влияние оппозиционных организаций на формирование политической идеологии населения США, а кроме того, нередко стирается грань между «подрывной деятельностью» и «нелояльностью»¹.

Руководители министерства юстиции и ФБР, опасаясь возникновения внезапных «социальных взрывов», боясь проглядеть переход молчаливого недовольства в острую борьбу, расширяют сферу политического осведомления и репрессий. Они преднамеренно делают «ошибки в интересах усиления безопасности», рассматривая лиц, проявляющих недовольство, в качестве «подрывных элементов», действуя по принципу, что лучше сделать преждевременные, чем запоздалые, оценки, осуществить превентивное подавление и ущемить права вероятного противника, чем опоздать при осуществлении репрессий в отношении реального.

¹ В одном из документов конгресса США говорится, что «политическая разведка постоянно расширяет свои операции на основе преувеличения численности, мощи и намерений врагов, ведущих подрывную деятельность. Проводя операции, разведка не только расширяет понятие подрывной деятельности, но и неизбежно порождает поток пропаганды, распространение страха при оценках собранных разведывательных сведений. В современный тревожный период этот процесс интенсифицируется, увеличивается число объектов, находящихся под наблюдением. Пропаганда, стимулируемая разведывательными службами, драматизирует ведущуюся ими борьбу не на жизнь, а на смерть с подрывной деятельностью» (Congressional Record, vol. 117, May 6, 1971, p. E-4101).

Давая расширительное толкование подрывной деятельности, американские теоретики не включают в это понятие шпионаж, саботаж, подстрекательство к мятежу и другие деяния, определяемые американским уголовным правом как преступления, посягающие на национальную безопасность. Тем самым они отграничили подрывную деятельность от противоправных и наказуемых деяний и отнесли это понятие к категории политической борьбы. Это сделано, прежде всего, в пропагандистских целях, чтобы рекламировать «демократизм» американского права, которое якобы не предусматривает уголовных наказаний за внутривнутриполитическую борьбу, в том числе и за «подрывные действия». Но в то же время такая концепция не исключает возможности подавления «подрывной деятельности» с помощью административных мер и путем применения неправовых форм репрессии. Кроме того, подобное разделение имеет значение для обоснования правомерности тайного сбора информации государственными органами в интересах внутривнутриполитической разведки и определения правового статуса этой информации. Дело в том, что совершение шпионажа, саботажа или измены влечет за собой уголовную ответственность для лиц, виновных в этих деяниях. Сбор контрразведывательными службами и полицией доказательств в отношении лиц, совершивших эти действия, в том числе и тайная слежка за ними, по американскому праву рассматривается как расследование, которое представляет собой часть правоприменительной деятельности. Но правоприменительная деятельность согласно американской официальной доктрине осуществляется лишь в тех случаях, когда имеются данные о совершении или подготовке к совершению преступления или иного правонарушения. При проведении правоприменительной деятельности государственные органы в интересах расследования и «восстановления справедливости» обладают компетенцией ограничивать права и интересы нарушителей закона. К числу таких ограничений относится тайный сбор информации о правонарушителях, установление за ними полицейской слежки, использование осведомителей и оперативно-технических средств и т. п. Все это рассматривается как законное вторжение в сферу личных интересов. Таким образом, обнаружение подрывной деятельности формально не создает правовой основы для официального ведения расследования или заведения дела оперативной разработки, которая в американских контрразведывательных и полицейских службах именуется «предварительным расследованием». Информация, собранная в процессе агентурной разработки или административного расследования, может быть предъявлена в суд в качестве доказательства и официально рассматриваться как компрометирующий материал, который дает основание выразить политическое недоверие, признать наличие угрозы для «национальной безопасности» США («секьюрити риск») и принять определенные меры

правового ограничения в отношении лица, о котором собрана информация.

В ходе политического сыска также осуществляется тайный сбор информации, в том числе информации о конкретных лицах. Согласно американской теории внутривнутриполитической разведки ее функция состоит в исследовании политической и оперативной обстановки и оценке возможной и реальной угрозы для национальной безопасности, но не в ведении расследования действий конкретного лица. При организации массового политического осведомления одновременно осуществляется агентурный поиск лиц, создавших угрозу «национальной безопасности» США, поступают первичные сигналы о противоправных действиях. Агентурный поиск, использование оперативно-технических средств в интересах национальной безопасности выходят за рамки всех видов расследования, в том числе и разработки, которая начинается лишь после получения первичных сигналов. В соответствии с данной концепцией информация, добываемая в процессе ведения внутривнутриполитической разведки, собирается якобы не в целях репрессий за нарушение закона, как при расследовании, а в целях создания информационной основы для управления обществом, для формирования и осуществления политического курса¹. Объектом интереса внутривнутриполитической разведки, утверждают ее теоретики, являются не отдельные лица и их действия, а социальные процессы. Сведения об отдельных лицах попадают в учетные и информационные аппараты политического сыска как об участниках определенных процессов и выразителях социально-политических тенденций и выполняют функции единицы измерения количественной и качественной стороны социальных процессов. Эти сведения используются для оценки оперативной обстановки, для выработки общих мер в сфере политического сыска и контрразведки.

Исходя из этой концепции, информация, полученная в ходе внутривнутриполитической разведки, может быть использована только

¹ Выступая в июне 1971 года перед Ассоциацией адвокатов штата Вирджиния, министр юстиции Митчелл, отвечая на вопросы о правомерности расширения политического осведомления, подчеркнул, что «президент США имеет постоянные полномочия собирать любую информацию, которая необходима для обоснования как текущих, так и перспективных решений, используя при этом все силы и средства, находящиеся в его распоряжении. На основе этой информации президент определяет «явную и наличную угрозу» для национальной безопасности. Он не может и не должен ждать момента, когда совершится нападение, саботаж или восстание» (Congressional Quarterly Weekly Report, vol. XXIV, N 32, August 6, 1971, p. 1672). В другом официальном заявлении министра юстиции, сделанном в 1970 году, говорится, что статья 2 Конституции США дает президенту право в интересах обеспечения безопасности организовывать сбор разведывательной информации внутри страны и что исполнительная власть вправе наблюдать как за незаконной, так и за законной политической деятельностью (Congressional Record, vol. 116, N 38, March 12, 1970, p. S-3645).

для принятия общих политических решений и не должна быть обращена для обвинения или компрометации конкретных лиц. Контрразведывательный или полицейский орган формально не может давать справок об этой информации. Однако все сведения, поступающие о конкретных лицах, накапливаются и могут быть использованы в будущем в том случае, если в отношении данных лиц будет начато уголовное или административное расследование¹. В этих случаях накопленные сведения легализуются как вновь поступившие от осведомителя или свидетеля в соответствии с запросом органа, производящего расследование. Такой нехитрый маневр позволяет руководителям ФБР, военных контрразведывательных и полицейских служб накапливать информацию об огромном количестве лиц без ее юридического оформления и без обязательных правовых последствий для лиц, в отношении которых поступила эта информация, а кроме того, использовать эту информацию для потребностей аналитической работы и для решения оперативных задач, касающихся конкретных лиц. Применение такого принципа накопления информации в контрразведывательных целях дает возможность ФБР собирать незначительные на первый взгляд сведения об отдельных лицах (например, информацию о зафиксированных контактах американцев с гражданами социалистических стран и др.). Однако в сопоставлении с другими данными они могут оказать серьезную помощь в реализации контрразведывательных задач. Подобный порядок накопления информации позволяет руководителям министерства юстиции утверждать, что ФБР не ведет досье на американских граждан, если в отношении их не проводится расследование².

Социологические и социометрические теории разведки, на основе которых определяются программы и организационные принципы сбора информации в интересах политического сыска, характеризуются узким прагматизмом. Классовые интересы их авторов мешают им объективно осмыслить происходящие в США социально-политические процессы и исследовать причины их возникновения.

¹ В документах Комиссии по внутренней безопасности палаты представителей конгресса США за 1970 год выдвигается тезис о том, что участие в «подрывной деятельности» носит стойкий и даже неизменный характер. В результате этого досье, как бы старо оно ни было, никогда не потеряет своего значения, а проходящее по нему лицо всегда будет являться «объектом интереса». В связи с этим рекомендуется вести тщательное накопление материалов о «подрывной деятельности» для возможного их использования в будущем (A Report on the SDS Riot. October 8—11, 1969 of the Illinois Crime Investigating Commission, Internal Security Subcommittee, Wash., 1970, p. 78).

² Так, летом 1972 года директор ФБР Л. Грей сделал заявление о том, что ФБР не ведет секретных досье на лиц, в отношении которых не проводится официальное расследование. Информация об этих лицах рассматривается как непроверенная и хранится без использования. Такая информация считается секретной и охраняется от разглашения (US News and World Report. July 10, 1972).

Основное внимание американских теоретиков внутривнутриполитической разведки направлено на решение узкоприкладных практических вопросов накопления и оценки информации в интересах ФБР, военной контрразведки и полиции.

Подвергая критике классовую ограниченность и субъективизм теорий внутривнутриполитической разведки, ошибочность их основных методологических установок, следует отметить, что наибольший практический интерес представляют прикладные аспекты информационно-аналитической деятельности. Буржуазные социологи, применяя методику структурного, или системного, анализа и социального моделирования, провели исследования механизма политической борьбы и предложили методику количественной и качественной оценки социальных сил, участвующих в политической борьбе. При изучении политической динамики, и прежде всего аспектов вовлечения в политическую борьбу (проблемы «социально-политической мобилизации»), первостепенное место отводится вопросам оказания политического влияния. Проблемы оказания политического влияния в ходе политической борьбы, и особенно в ходе агентурной деятельности, представляют наибольший интерес для органов КГБ с точки зрения изучения теоретических установок, обуславливающих тактику деятельности специальных служб противника.

Американские теоретики предложили широко использовать в интересах внутривнутриполитической разведки опыт конкретных социальных исследований с применением таких методов, как анкетирование, интервьюирование, изучение общественного мнения и других форм проявления настроений и взглядов определенных социальных групп.

Теории внутривнутриполитической разведки служат для руководителей министерства юстиции и ФБР основой при выработке программ сбора информации, которые определяют цели, объекты наблюдения и исследования, методику выявления и способы фиксирования фактов и данных, интересующих спецслужбы. Расширительное и нечеткое толкование основополагающих категорий теорий внутривнутриполитической разведки («подрывная деятельность», «нелояльность», «потенциал политической мобилизации» и другие) проявляется и в содержании программ сбора информации.

Теория индикаторов социально-политических процессов и ее использование в организации агентурно-оперативной и информационно-аналитической работы. Одна из важнейших проблем, которую пытаются решить американские теоретики разведки, заключается в разработке системы признаков, или индикаторов, которые бы указывали на существо происходящих процессов, помогали проникнуть в их содержание и определить их тенденции. На стадии сбора информации индикаторы, по мнению авторов этой теории, должны способствовать установлению интересующих спецслужбы явлений (наличие подрывных действий и недовольства) и причастных

к ним лиц. На стадии анализа и оценки собранной информации индикаторы призваны указывать на характер динамики социальных процессов, предупреждать о развитии опасной социально-политической напряженности. По признанию ряда видных социологов-теоретиков политической разведки (Н. Лонг, Э. Этциони, Дж. Сколник), в США еще не разработаны теоретические обоснования для выделения таких индикаторов, а также методологические основы их применения и выявления характера взаимосвязи индикаторов с изучаемым явлением. По мнению профессора Лонга, индикаторы должны, кроме того, выполнять социометрические функции и являться единицей измерения социально-политических процессов¹.

Профессор Спрингер в статье «Развитие социальных индикаторов» поддерживает идею о том, что разработка теоретически обоснованной системы индикаторов может повысить эффективность и целенаправленность отбора и анализа информации, а следовательно, и эффективность прогнозов, вырабатываемых внутривнутриполитической разведкой. Добиваясь поддержания политического конформизма в стране, правящие круги США требуют заблаговременно выявлять опасные для «американского образа жизни» идеи и политические течения и давать перспективную оценку им с точки зрения вероятной угрозы национальной безопасности, с тем чтобы «перехватить негативные идеи, прежде чем они появятся открыто, помешать их распространению, подавить силой или декретом»².

Напуганные невиданным ранее ростом негритянского и молодежного движения, массовостью выступлений противников войны во Вьетнаме, а также усилением тенденций ко все более широкому применению террористических методов в политической борьбе со стороны как правых, так и левых экстремистов, правящие круги США уделяют особое внимание в области внутривнутриполитической разведки сбору информации об угрозе массовых беспорядков в стране. В связи с этим еще в 1965 году была разработана программа предупреждения о возникновении беспорядков в США, к выполнению которой были привлечены ФБР, армейская контрразведка и полицейские службы штатов³. В министерстве юстиции был создан междепартаментский отдел информации, где сосредоточивается и анализируется информация об угрозе возникновения беспорядков в стране⁴.

В связи с массовыми антиправительственными выступлениями в США были предприняты попытки комплексного изучения причин возникновения внутривнутриполитических кризисов и развития насиль-

¹ Long N. Indicators of Change in Political Institutions. The Annals of the American Academy of Political Science, vol. 388, 1970, p. 35.

² Цит. по кн.: Caughy J. In Clear and Present Danger, Chicago, 1958, p. 138.

³ Congressional Record, vol. 116, N 38, March 12, 1970, p. S-3635.

⁴ Current History. June 1971, vol. 60, p. 339.

ственных методов в политической борьбе. Приказом президента Джонсона в 1965 году была создана комиссия по проблемам насилия в американском обществе во главе с профессором Сколником и комиссия по гражданским беспорядкам, которую возглавил профессор Кернер. Доклады комиссий Сколника и Кернера были изданы в 1968 и 1969 годах¹. Позднее к изучению этих вопросов президентом Никсоном была подключена комиссия, изучавшая причины волнений в университетах, доклад которой был опубликован в 1970 году².

Эти комиссии сделали попытку выработать систему индикаторов внутривнутриполитической напряженности, предупреждающую о возникновении массовых беспорядков. Однако при разработке основ выделения признаков политической напряженности члены комиссии не справились с возложенной на них задачей, проявив в ряде случаев теоретическую и методологическую беспомощность. Проблема выявления прямых признаков, непосредственно указывающих на совершение определенных действий, не вызывает особых споров, поскольку каждый из них отражает объективную или субъективную сторону того или иного действия. Что касается косвенных признаков, указывающих на опосредствованную связь между различными социально-политическими явлениями, и признаков, характеризующих не отдельные действия, а политическую и оперативную обстановку в целом и тенденции развития социальных процессов, то классификация таких признаков вызвала серьезные разногласия.

Американские социологи и специалисты политической разведки стремятся найти взаимосвязь и взаимозависимость между различными частными проявлениями недовольства, которые фиксируются институтами по изучению общественного мнения, и определить количественные и качественные показатели их перерастания в открытые антиправительственные выступления. Они стараются, например, на основе комплексного анализа фактов отрицательного отношения к некоторым аспектам внешней политики США, недовольства негритянской общественности действиями белых расистов, распространения наркомании среди молодежи и т. п. предсказывать вероятность студенческих и негритянских выступлений. Вышеуказанные комиссии предложили систему индикаторов, характеризующих общий уровень насилия в США, которая охватывает показатели применения насилия при совершении преступлений и насилия, осуществляемого властями при подавлении массовых беспорядков и в борьбе с преступностью. Согласно заключению про-

¹ Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders. New York, 1968; Violence in America. Historical and Comparative Perspectives. A Report of the National Commission on the Causes and Prevention of Violence. Wash., 1969, vol. I, II.

² The Report of the President's Commission on Campus Unrest. New York, 1970.

фессора Сколника эти индикаторы связаны между собой. Уровень насилия в одной из областей социальной жизни соответствует уровню реального или вероятного насилия в другой, прямо не связанной с ней сфере общественных отношений. Например, индикаторы уровня насилия при совершении преступлений и при деятельности белых расистов, по мнению Сколника, могут быть использованы для выводов о вероятном применении насилия в других областях политической борьбы. Несмотря на несовершенство подобных индикаторов и серьезные методологические ошибки, допускаемые американскими социологами при их выделении, попытки создания информационной системы, характеризующей внутривнутриполитическую обстановку в стране, и разработка системы накопления информации, собираемой внутривнутриполитической разведкой, представляют определенный интерес.

Организация массового политического осведомления

Характерной чертой организации сбора информации в интересах внутривнутриполитической разведки является отделение этой деятельности от расследования, в том числе и в форме агентурной разработки. Это означает, что сбор информации о внутривнутриполитической обстановке, о деятельности легально действующих оппозиционных политических партий и организаций, получение первичных сигналов о противоправных действиях, то есть агентурный поиск объектов разработки, осуществляется специальными подразделениями ФБР и полиции штатов.

Функциональное отделение агентурной разработки и расследования в целом от деятельности по общему осведомлению находит свое отражение в специализации и подготовке оперативных работников и агентов, используемых на каждом из этих функциональных направлений. Подразделение, собирающее информацию об оперативной обстановке, обращает основное внимание на исследование социально-политических процессов, деятельность политических партий и организаций. На основе наблюдения и сопоставления единичных фактов и действий отдельных людей делаются выводы об опасности той или иной тенденции и предпринимаются попытки познать взаимосвязь между фактами. В процессе общего осведомления сигналы об отдельных лицах собираются как на носителей опасных, с точки зрения правящих кругов, тенденций и как на вероятных исполнителей противоправных действий. При этом оперативный работник не концентрирует внимания на закреплении доказательств. Изучение и оценка собранной информации в значительной степени приобретает характер социологического исследования, навыки проведения которого необходимы оперативным сотрудникам, занимающимся организацией работы по массовому осведомлению.

Агентурная сеть общего осведомления ориентирована на фиксирование признаков «подрывной деятельности», «нелояльности» в действиях многих людей, а также среди массы социальных явлений.

Оперативный работник, занимающийся агентурной разработкой или предсудебным расследованием деятельности конкретного лица, сосредоточивает внимание на изучении частного проявления. Его задача состоит не только в том, чтобы найти признаки совершения этим лицом противоправных действий, но и в том, чтобы получить доказательства, которые бы отвечали требованиям процессуального права и могли быть приняты судом или административным органом при осуществлении правовой репрессии. Такому оперативному работнику необходимо иметь навыки негласного сбора и закрепления доказательств, гораздо большие правовые знания, быть осведомленным в области индивидуальной психологии. Агенты, используемые в разработках, ориентированы на работу с отдельными лицами, на выявление конкретных доказательств. Такие агенты должны обладать навыками индивидуального подхода и распознавания психологических особенностей личности, умением оказывать влияние на разрабатываемых и побуждать их к выгодным для расследования действиям. Подобное разделение труда в ФБР, военной контрразведке и полиции наряду со специализацией по признаку политической ориентации наблюдаемой группы или вида правонарушений способствует, по мнению американских специалистов, повышению эффективности и гибкости оперативной деятельности.

С 1967 года в Соединенных Штатах стало практиковаться создание объединенных разведывательных оперативных групп, в которые входят представители ФБР, органов военной контрразведки и полицейских служб, действующих в городе, округе или штате США. Эти группы организуют совместное изучение оперативной обстановки как в интересах внутривнутриполитической разведки, так и в интересах борьбы с уголовной преступностью¹.

Комплексное изучение оперативной обстановки сначала ограничивалось задачами борьбы с организованной преступностью. Затем под воздействием выводов правительственных комиссий по изучению причин насилия и возникновения массовых беспорядков данная форма координации оперативной деятельности была распространена и на сферу политического сыска.

Такое объединение отражает принятую ФБР и полицейскими службами тактическую линию подавления политических выступлений под видом борьбы с уголовной преступностью. Проводя комплексное изучение оперативной обстановки, руководители ФБР и полиции стараются изыскать возможности для уголовного пресле-

¹ Hearings before a Subcommittee of the Committee on Appropriations, House of Representatives. Wash., 1970, pp. 353—354.

дования лиц, принимающих участие в антиправительственных выступлениях. Следует подчеркнуть, что такие возможности иногда встречаются, так как к левым экстремистским, негритянским и молодежным организациям подключаются деклассированные и преступные элементы, участие которых в деятельности данных организаций продиктовано отнюдь не политическими соображениями. Комплексное исследование оперативной обстановки позволяет ФБР и военной контрразведке использовать агентурный аппарат уголовной полиции в интересах политического сыска¹. По мнению ряда руководящих работников полиции, такое объединение сил дает выгоду лишь внутривнутриполитической разведке и контрразведке, так как основное внимание при сборе информации и оценке оперативной обстановки уделяется политическому аспекту, а борьба с уголовной преступностью отодвигается на второй план².

По официальным данным, в сфере внутривнутриполитической разведки заняты большие силы. Около 2000 специальных агентов ФБР, 1200 сотрудников армейской контрразведки и огромное количество сотрудников местных полицейских служб собирают информацию о «подрывной деятельности» и «нелояльности». В материалах конгресса подчеркивается, что все без исключения органы полиции, в том числе автодорожные патрульные службы, создали подразделения внутривнутриполитической разведки³.

Возложены ли на эти объединенные органы и полицейские подразделения, выполняющие функции внутривнутриполитической разведки, задачи изучения оперативной обстановки и добывания первичной информации в интересах контрразведки, в иностранных материалах, с которыми удалось ознакомиться автору, не говорится. Однако есть основания полагать, что такие функции данными под-

¹ В последние годы в деятельности ФБР наблюдается тенденция к расширению вербовки лиц, разоблаченных в совершении незначительных уголовных преступлений, в целях внедрения их в прогрессивные организации. В официальных документах конгресса США отмечается, например, что угроза наказания за столь широко распространенное преступление, как курение марихуаны, весьма часто используется как для подавления политической деятельности, так и для принуждения к секретному сотрудничеству с ФБР (Congressional Record, vol. 117, N 66, May 6, 1971, p. E-4099).

² «Наш растущий интерес к подрывной деятельности и воинствующим элементам с их разговорами о вооруженной революции увел нас в сторону от проблемы организованной преступности», — заявил начальник полиции штата Иллинойс Дж. Макквейер (Harris R. Justice. The Crisis of Law, Order and Freedom in America, New York, 1969, p. 135).

³ Хотя эти подразделения носят различные наименования («Отряды по борьбе с подрывной деятельностью», «Разведывательные отделы», «Отделы по борьбе с гражданскими беспорядками», «Подразделения по изучению общественных отношений»), все они ведут тотальное наблюдение за антиправительственными выступлениями, засылают агентов в молодежные и негритянские организации и выполняют другие функции политического сыска (Congressional Record, vol. 117, N 66, May 6, 1971, pp. E-4095—4096).

разделениями выполняются. Во-первых, в соответствии с официально принятой концепцией «международного коммунистического заговора» все «левые радикалы», «красные агитаторы» и другие «подрывные элементы» рассматриваются как агенты иностранных держав или их действия квалифицируются как результат воздействия внешних сил¹. Во-вторых, поскольку ФБР, являющееся главным контрразведывательным органом США, координирует усилия всех полицейских служб в области внутривнутриполитической разведки, оно всегда будет использовать возможности полицейских служб и в интересах контрразведки.

Для сбора внутривнутриполитической информации стали широко применяться средства радиотехнической разведки, в том числе и системы Агентства национальной безопасности. Разработаны меры, имеющие целью повысить эффективность получения информации путем перлюстрации корреспонденции и периодических негласных обысков в помещениях, занимаемых оппозиционными организациями, а также путем осуществления секретных выемок. Такие меры особенно активно проводятся против организаций, использующих нелегальные методы работы.

Агентурное проникновение в прогрессивные политические организации

Расширительное толкование понятия «подрывная деятельность», преувеличение активности и потенциальных возможностей внутренних политических противников обусловлены отсутствием четкого определения объектов деятельности внутривнутриполитической разведки. В ряде официальных документов говорится, что ни теорией, ни практикой не установлено точных критериев выбора политической разведкой объектов наблюдения и агентурного проникновения.

Практика массового насаждения агентуры активизируется в связи с тем, что руководители полицейских служб и местных органов ФБР не в силах предотвратить массовые политические выступ-

¹ «Идеологический стереотип «агитатора — иностранного агента» приводится в оценках политической разведки, даваемых участникам всех социальных движений, если их рассматривать от центра влево», — говорится в одном из документов конгресса США (Congressional Record, vol. 117, N 66, May 6, 1971, p. E-4100).

В секретном «Плане сбора информации о гражданских беспорядках», подготовленном в 1968 году армейской контрразведкой, указывается, что «движение за мир, против войны и призыва в армию направляется из-за рубежа, поскольку оно поддерживает враждебные для США цели (Appendix B. «Intelligence» — to the Department of the Army, Civil Disturbance Plan and to Department of the Army Civil Disturbance Informations Collection Plan. Congressional Record, vol. 117, N 66, May 6, 1971, p. E-4101).

ления. Поэтому при осуществлении политического сыска наблюдается потеря избирательности в определении наиболее важных объектов и стремление охватить все и вся агентурным наблюдением¹.

Деятельность по сбору информации в интересах внутривнутриполитической разведки приобрела настолько широкие масштабы, что практически в значительной мере потеряла конспиративный характер. Федеральным бюро расследований, военной контрразведкой и местными полицейскими органами для ведения наблюдения за митингами, демонстрациями и другими проявлениями политического протеста используется такое огромное количество осведомителей и действующих под прикрытием оперативных работников, сотрудников службы наружного наблюдения, а также оперативно-технических средств, что практически ни одно открытое выступление прогрессивных организаций не остается без внимания².

Такое тотальное наблюдение, говорится в ряде документов, ведется с целью вскрытия «инфраструктуры» антиправительственных движений, то есть с целью взятия на учет всех без исключения участников таких выступлений, а также лиц, проявляющих к ним симпатии, с тем чтобы иметь представление о враждебном правительству потенциале в определенных городах и районах страны. Наряду с общим осведомлением и сбором характеризующих данных в США налажена система фотографирования и кино съемок участников митингов, собраний и демонстраций³.

При осуществлении агентурного проникновения в общественные и политические организации и наблюдения за их деятельностью нет никаких ограничений в определении количественного соотношения агентов и членов организации либо участников собрания или митинга. Из опубликованных американской прессой секретных документов ФБР видно, что руководители ФБР стремятся заслать

¹ Начальник разведывательного подразделения полиции в Чикаго, выступая на судебном процессе в 1968 году, заявил, что его подразделение осуществляет наблюдение за любой организацией, которая могла бы вызвать беспокойство у города и страны. Такой же линии придерживаются и руководители армейской контрразведывательной службы (Congressional Record, vol. 117, N 66, May 6, 1971, pp. E-4099—4101).

² По заявлению заместителя начальника чикагской полиции Д. Малькрона, в 1968 году около 500 сотрудников полиции действовало под различными прикрытиями. Несколько десятков полицейских проникли на проводившуюся в том же году ежегодную конференцию организации «Студенты за демократическое общество» (Harris R. Justice, pp. 135—136).

³ Сотрудники и агенты, оснащенные фото- и киноаппаратурой, выступают под видом корреспондентов газет и телевизионных компаний. В ряде случаев фотографирование производится открыто и демонстративно с близкого расстояния и сопровождается насмешками и угрозами в адрес фотографируемых с целью оказания психологического влияния на демонстрантов.

в оппозиционные организации как можно больше агентов. В результате этого иногда «концентрация» осведомителей ФБР и полиции оказывается очень высокой, что приводит к серьезным качественным изменениям в характере собрания или митинга. Особенно это относится к собраниям и митингам малочисленных антиправительственных групп; в некоторых случаях один осведомитель приходится на трех-четыре участников собрания¹.

Вывод о массовой засылке агентуры можно сделать на основе анализа материалов многих судебных процессов и расследований, проводившихся против прогрессивных организаций. В большинстве таких процессов высок процент осведомителей, выступающих в качестве свидетелей. Многие из осведомителей являлись членами организаций в течение ряда лет и принадлежали к их активу или входили в руководящие органы².

Стараясь оказать выгодное для себя психологическое воздействие на участников антивоенного и негритянского движения, членов прогрессивных организаций различных направлений, включая Коммунистическую партию США, и подорвать их авторитет среди американцев, руководители ФБР в ряде случаев преднамеренно публикуют изобличающие агентурные материалы, преимущественно клеветнического характера, раскрывая при этом источник получения информации. С этой целью некоторые осведомители ФБР, в течение длительного времени занимавшие различные посты в прогрессивных организациях, вызываются на заседания комиссии внутренней безопасности палаты представителей конгресса США,

¹ По официальному заявлению одного из сотрудников ФБР на одном из собраний, проводившемся в 1969 году Вашингтонским комитетом мобилизации сил в защиту мира, из 32 присутствовавших членов совета 9 человек были агентами ФБР (*Congressional Record*, vol. 117, N 66, May 6, 1971, p. E-4101).

² В опубликованных в 1966 году официальных документах Совета по контролю за подрывной деятельностью имеются данные об использовании осведомителей ФБР по ряду дел в связи с расследованиями, проводившимися против Коммунистической партии США и других прогрессивных организаций. Из 19 свидетелей, выставленных министерством юстиции и дававших показания в Совете против Компартии США, 16 человек оказались бывшими членами Компартии США, в том числе 11 — осведомителями ФБР. Из 14 свидетелей, выступавших против Лиги рабочей молодежи, 11 человек — осведомители ФБР. При обвинении в подрывной деятельности Совета американо-советской дружбы 9 из 18 свидетелей были осведомителями ФБР, являвшимися членами этой организации. В числе 24 свидетелей министерства юстиции, выступавших против Конгресса защиты гражданских прав, было 13 осведомителей ФБР и один оперативный работник нью-йоркской полиции, внедренный в Коммунистическую партию США и принимавший участие в работе конгресса (*Reports of the Subversive Activities Control Board*, vol. 1, Wash., 1966, pp. 301, 380, 381, 531—538, 648).

Во время судебного процесса, состоявшегося в 1968 году в Чикаго, 30 из 40 свидетелей обвинения были осведомителями ФБР, засланными в антивоенные организации (*Congressional Record*, vol. 117, N 66, p. E-4096).

где дают развернутые показания о сотрудничестве с ФБР¹. Возможности широкого агентурного проникновения для ФБР облегчаются тем, что прогрессивные организации, за небольшим исключением, проводят преимущественно легальную деятельность и, стараясь расширить свое влияние среди населения США, активно вовлекают в свои ряды всех желающих.

Одной из основных стратегических задач внутривнутриполитической разведки является оказание выгодного правящим кругам США влияния на социальные процессы с помощью агентов, внедренных в различные звенья и организации, ведущие политическую борьбу в США. Придерживаясь установок социологической теории внутривнутриполитической разведки, руководители министерства юстиции надеются в какой-то мере воздействовать на развитие политических процессов в стране, рассматривая осведомителей в качестве инструмента политического контроля. Ставка делается на агентов, выполняющих задания по оказанию активного влияния на деятельность политических организаций, а не на пассивных наблюдателей и регистраторов их действий². Внедренные в эти организации агенты-провокаторы стремятся проявить наибольшую активность, выступают за проведение наиболее острых и опасных акций. По мнению ряда специалистов, изучавших агентурную деятельность политического сыска, агенты-провокаторы ФБР редко использовали свое влияние в целях снижения активности организации, в которую они проникли. Однако их воздействие в плане чрезмерной интенсификации деятельности вело к тому, что нарушалась координация и организованность действий, усиливались анархистские тенденции и идеологические шатания в организации. Это, как правило, ослабляет ее и облегчает проведение против нее карательных акций. Выступая в роли провокаторов и подстрекателей к совершению противоправных действий, агенты ФБР и полиции уводят организацию с пути,

¹ В 1969 году на заседание комиссии внутренней безопасности для дачи показаний был вызван внедренный в студенческие организации и Компартию США оперативный работник ФБР Кирк. С 1965 года Кирк являлся членом организации «Студенты за демократическое общество», существовавшей в Чикагском университете. Он посетил около 100 собраний, на некоторых из них председательствовал, участвовал в разработке планов проведения пропагандистских и политических акций. В 1966 году он вступил в компартию и по рекомендации окружного комитета Компартии США штата Иллинойс был выдвинут председателем секции «Клуба Дюбуа» для организации пропаганды марксизма среди студенчества. В 1967 году его избрали директором секции «Клуба Дюбуа» при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Затем он учился на курсах руководящих работников коммунистической партии для ведения идеологической работы среди участников «нового левого» движения. В 1969 году по указанию ФБР Кирк вышел из партии и легализовался (Committee on Internal Security, Annual Report for the Year 1969, Wash., 1970, p. 75).

² The Theory and Practice of American Political Intelligence. Congressional Record, vol. 117, N 66, May 6, 1971, p. E-4101.

намеченного ее программой, чем способствуют компрометации этой организации в глазах общественности.

Такая линия довольно активно проводится агентами-провокаторами, завербованными ФБР среди приверженцев правоэкстремистской идеологии и внедренными в левые организации. ФБР стало широко практиковать вербовки подобных агентов, которые, являясь фанатиками правого экстремизма, делают все возможное, чтобы разложить прогрессивную организацию и вызвать против нее репрессии.

Засылая агентов в прогрессивные организации, ФБР ставит задачу любыми путями проникать в их руководство¹. Показная активность провокаторов нередко создает им благоприятные условия для продвижения в руководящие звенья этих организаций. Дело в том, что многие из рядовых членов антивоенных и других организаций, выступающих против политического курса правительства США, воздерживаются от активного участия в их деятельности и не стремятся входить в руководящие органы, опасаясь возможных репрессий со стороны властей. У агента ФБР нет оснований для таких опасений, он берется за выполнение любых поручений, показывает крайнюю «революционность» и продвигается в руководящие звенья².

В ряде документов ФБР подчеркивается, что запугивание американцев чрезмерно широкими агентурными возможностями Федерального бюро расследований проводится с целью психологического воздействия на оппозицию, а также для того, чтобы побудить американцев по собственной инициативе сообщать в ФБР о своих подозрениях и расширить тем самым приток информации в ФБР³. Этот тактический прием применяется и в контрразведывательных целях. Рядовому американцу настойчиво внушается мысль о том, что, информируя ФБР о всех контактах с иностранцами, и особенно с гражданами социалистических стран, он снимает с себя ответственность за правильность оценки характера такого контакта, перелагая эту ответственность на ФБР, в то время как умолчание может быть расценено как преднамеренное укрывательство. Хотя агентурные возможности ФБР сознательно преувеличиваются и

¹ Такие указания содержатся в ряде директив, подписанных бывшим директором ФБР Гувером и похищенных в числе других 800 документов из отделения ФБР в г. Медиа (Congressional Record, vol. 117, N 43, March 25, 1971, p. H-2029).

² Один из агентов-провокаторов, внедренный в студенческую организацию, выступая на суде в качестве свидетеля обвинения, заявил, что лучший способ проникновения в студенческие организации, приобретения авторитета и продвижения в них состоит в том, чтобы изображать из себя радикального экстремиста. Такая линия поведения создает лучшее прикрытие для агента (Congressional Record, May 6, 1971, p. E-4101).

³ Congressional Record, May 6, 1971, p. E-4095.

рекламируются его руководством, нельзя недооценивать многочисленные факты агентурного проникновения ФБР в прогрессивные организации США. С расширением связей между Советским Союзом и США агентурные позиции ФБР в общественных организациях могут быть использованы не только в контрразведывательном, но и в разведывательном плане. Имея значительные агентурные позиции в студенческих, негритянских и других организациях, которые стремятся расширять свои международные связи, ФБР будет прилагать усилия к тому, чтобы совместно с ЦРУ использовать эти позиции для активизации подрывной работы против СССР и других социалистических стран. Данные о координации агентурной деятельности между ФБР и ЦРУ в интересах внутренней безопасности и внешней разведки поступали и ранее¹. Весьма вероятно, что эта тенденция в современных условиях может усилиться. О необходимости осуществления более четкой координации деятельности по сбору, оценке и использованию информации в сферах политического сыска, контрразведки и внешней разведки и налаживанию систематического обмена информацией между ФБР, Разведывательным управлением министерства обороны США и другими органами военной разведки и контрразведки, Агентством национальной безопасности и ЦРУ говорится в секретном докладе специальной правительственной комиссии, подготовленном для президента США Никсона. Особое внимание в этом документе обращается на использование возможностей для маневрирования агентурой и оперативно-техническими средствами при добывании информации разведывательного, контрразведывательного и политического характера.

Ведя борьбу против прогрессивного движения, руководители министерства юстиции и ФБР стараются обеспечить наилучшие условия для агентурного проникновения во все организации политической оппозиции. В связи с этим перед руководителями ФБР возникает противоречивая на первый взгляд проблема регулирования тяжести репрессий против политических противников, с тем чтобы по возможности сохранять их легальный статус. Усиление репрессий, установление суровых наказаний за участие в работе оппозиционных организаций, запрет и объявление их вне закона затрудняют деятельность, снижают активность данных организаций, ведут к выходу из них части членов и даже к прекращению существования менее жизнестойких организаций. Но эти же меры оказываются недостаточно эффективными в отношении сплоченных политических организаций, которые переходят к подпольной деятельности, переводят наиболее активных своих членов на нелегальное положение и усиливают меры, защищающие их от проникнове-

¹ См. Горбатенко А. М., Ерошин В. П., Казаков П. А. и др. Разведка США. М., изд. ВКШ КГБ, 1970, стр. 486.

ния полицейских провокаторов. Руководители ФБР, являясь сторонниками «гибкого» применения репрессивных мер, опасаются, что организации, представляющие наибольший интерес с точки зрения охраны внутренней безопасности, будут загнаны в подполье. Именно поэтому бывший директор ФБР Э. Гувер проявлял недовольство «крайностями» маккартизма в преследовании Коммунистической партии США и других прогрессивных организаций. Он считал, что это может создать условия для развития нелегальных форм политической борьбы, что серьезно осложнило бы агентурную деятельность ФБР¹. Такая линия проводится и нынешним руководством ФБР.

Усиление агентурного проникновения, организуемого ФБР, военной контрразведкой и полицией, в легально действующие организации вызвало с их стороны защитные меры обеспечения безопасности. Ряд левых организаций создает специальные группы безопасности, которые занимаются выявлением агентов-провокаторов, предпринимает попытки внедрять своих членов в ФБР и полицию и приобретать источники получения информации в этих органах, ориентируясь на молодежь и прибегая к услугам коррумпированных элементов, находящихся в полиции. Результатом проникновения в некоторые подразделения ФБР и полицию явилось раскрытие ряда их осведомителей и хищение секретных документов. В качестве меры безопасности левые организации стали практиковать публикацию списков выявленных провокаторов и документов, разоблачающих их деятельность, добиваясь не только прекращения действий раскрытых провокаторов, но и снижения активности других осведомителей и создания препятствий вербовочной деятельности ФБР и полицейских служб².

Руководители ФБР высказывают озабоченность в связи с участвовавшими попытками проникновения в ФБР и в полицию, которые предпринимаются также ультраправыми организациями типа ку-клукс-клана, «минитменов», а также гангстерскими корпорациями организованной преступности. Идеологическая близость многих сотрудников ФБР и особенно полиции штатов к организациям правых экстремистов и распространение коррупции в полицейских органах создают благоприятные предпосылки для такого проникновения. Подобная тенденция активизации агентурного проникновения политических противников в спецслужбы, а организованных

¹ Congressional Record, vol. 116, N 38, March 13, 1970, pp. S-3648—3649.

² По мнению руководителей ФБР, применяемая левыми силами тактика диффамации полицейских осведомителей сводит на нет пропагандистские меры ФБР по созданию «паблисити» для провокаторов, лишая их ореола славы, которым их пытается окружить официальная пресса, и серьезно подрывает вербовочные возможности ФБР и полиции (Harry and Bonaro Overstreet, FBI in Our Open Society. New York, 1969, p. 147; Congressional Record, May 6, 1971, p. E-4099).

преступников — в полицию представляет немалый интерес для изучения ее органами КГБ.

Происходящий в настоящее время процесс улучшения отношений между Советским Союзом и США в определенной мере оказывает влияние на внутривнутриполитическую обстановку в Америке, способствуя некоторому спаду политической напряженности. Вместе с тем развитие связей между США и СССР содействует усилению прогрессивных тенденций во внутренней жизни Америки, особенно в молодежном и негритянском движении и в выступлениях рабочего класса. Происходит некоторое возрастание влияния Коммунистической партии США среди населения. Все это, в свою очередь, обуславливает усиление среди американцев симпатий к идеям социализма, к нашей стране и другим социалистическим государствам. Естественно, правящие круги США будут внимательно следить за развитием этих социально-политических процессов и изыскивать возможности для воздействия на них в выгодном для американского империализма направлении. Очевидно, это скажется на дальнейшем развитии политического сыска и вызовет более тесное переплетение его с контрразведывательной деятельностью. В спецслужбах США в настоящее время обращается особое внимание на прогнозирование развития внутривнутриполитических процессов и на более тесную увязку аналитических оценок в сфере политического сыска с аналитическими выводами контрразведывательных и разведывательных служб.

Изучение развития прогрессивных тенденций и симпатий американского населения к социалистическим странам осуществляется американскими специальными службами прежде всего в целях оценки имеющихся у советской разведки возможностей по развитию оперативных контактов и проведению вербовочной работы в США. Американские спецслужбы будут также стремиться определить эффективность вероятных пропагандистских и иных активных политических акций по оказанию идеологического влияния, проводимых Советским государством в отношении США.

Процесс интенсивного развития экономических, научных и культурных связей между СССР и США окажет известное воздействие на расширение разведывательных и контрразведывательных возможностей противника для использования агентов, внедренных в прогрессивные организации, поскольку именно эти организации наиболее активно участвуют в развитии контактов с нашей страной. Учет этих обстоятельств, несомненно, имеет важное значение для органов КГБ при организации контрразведывательной работы.

Кандидат юридических наук
подполковник В. Н. Еремин

БУРЖУАЗНАЯ РАЗВЕДКА И ПРАВО (предмет исследования и подход к проблеме)¹

Соотношение буржуазной разведки и права — одна из крупных проблем в комплексе проблем изучения противника, требующих исследования. В данной статье рассматриваются следующие аспекты этой проблемы:

- общие вопросы соотношения буржуазной разведки и права;
- общественные отношения, возникающие в процессе разведывательной деятельности, и право;
- разновидности разведывательной деятельности буржуазного государства (разведка против внешних и внутренних противников, отрасли разведывательной деятельности) и право.

Общие вопросы соотношения буржуазной разведки и права

Анализируя общие вопросы соотношения буржуазной разведки и права, можно отметить следующие характерные моменты:

- наличие правовых норм, имеющих значение для буржуазной разведки;

- существование открытых и закрытых правовых норм, имеющих значение для буржуазной разведки;

- развертывание классовой борьбы в процессе принятия и применения правовых норм, имеющих значение для буржуазной разведки.

Правовые нормы, имеющие значение для буржуазной разведки. Круг таких норм включает в себя ряд норм национального права (страны, ведущей разведывательную деятельность, и стран, против которых эта деятельность ведется) и международного права. Одна часть этих норм прямо регламентирует разведывательную деятельность, другая часть лишь влияет на разведывательную деятельность, облегчая или затрудняя ее ведение.

Нормы, регламентирующие разведывательную деятельность, относятся главным образом к национальному праву страны, ведущей эту деятельность. В случае взаимодействия нескольких государств в области разведывательной деятельности регламентирующие нормы нередко содержатся в соответствующих международно-правовых актах. Нормы, влияющие на разведывательную

¹ Данная статья является продолжением публикации, начатой в Трудах Высшей школы КГБ (1972, № 4, стр. 165—183).

деятельность, относятся и к национальному праву (страны, ведущей разведывательную деятельность, и стран, против которых эта деятельность ведется), и к международному праву.

Организуя охрану государственной безопасности СССР от посягательств со стороны империалистических государств, необходимо четко знать, какие нормы права противник может использовать против нас и какие правовые нормы можно применить в борьбе с противником.

Открытые и закрытые правовые нормы. Нормы права, имеющие значение для ведения разведывательной деятельности, могут быть открытые и закрытые. Открытые нормы содержатся в публично провозглашенных, общеизвестных и общеобязательных актах. Закрытые нормы содержатся в секретных актах, предназначенных для обращения внутри узкого круга лиц.

Нормы, регламентирующие разведывательную деятельность, в большинстве своем носят закрытый характер. Закрытый характер имеет и определенная часть норм, влияющих на разведывательную деятельность. Сравнительно немногочисленные открытые нормы содержат лишь самые общие положения, касающиеся разведывательной деятельности, но этим нормам придается большое значение, так как ими официально допускается эта деятельность. Так, в материалах конгресса США, относящихся к принятию закона «О национальной безопасности», подчеркивалась роль этого закона как «юридической основы» разведывательной деятельности¹.

Закрытые нормы, регламентирующие разведывательную деятельность, как правило, не соответствуют существующим открытым правовым нормам. Теоретически возможны следующие варианты этого несоответствия:

в открытых и закрытых нормах по одному и тому же вопросу могут содержаться прямо противоположные предписания, вследствие чего одно и то же деяние может быть противоправным согласно открытым правовым нормам и правомерным согласно закрытым правовым нормам;

вышестоящий орган, принимая открытый правовой акт, может разрешить нижестоящему органу делать отступление от него, а нижестоящий орган, делая отступление, оформляет его закрытым актом. Предписание, противоречащее открытым правовым нормам, излагается в закрытом нормативном акте, который с точки зрения иерархии актов стоит выше открытого акта, содержащего ранее принятую норму. В этих случаях открытые правовые нормы утрачивают силу для тех, кто действует в соответствии с закрытыми нормативными актами;

¹ См. Буржуазное законодательство о разведывательной деятельности. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 13.

открытые правовые нормы могут формулироваться настолько неясно, расплывчато, что иногда трудно определить, какие предписания (запреты, разрешения, требования) относительно разведывательной деятельности заложены в них¹;

закрытыми правовыми нормами могут регулироваться такие отношения, которые открытыми правовыми нормами не регулируются (открытыми нормами не регулируются приемы, способы, «технология» разведывательной борьбы), в этих случаях нарушаются не открытые правовые нормы, а принципы буржуазной демократии;

определенная часть приемов, способов, «технологий» разведывательной деятельности не регулируется даже закрытыми правовыми нормами и выполняется в соответствии с традициями, неписаными правилами, устоявшимися обычаями; процедура применения закрытых норм не полностью регламентируется в закрытых нормативных актах.

Следует иметь в виду, что отступление разведывательных органов от открытых правовых норм может быть прямо санкционировано в открытых нормативных актах².

Таким образом, разведывательная деятельность частично регламентируется открытыми нормами, частично — закрытыми, а некоторые области этой деятельности правовыми нормами вообще не регламентируются. Закрытыми правовыми нормами регламентируется значительная часть разведывательной деятельности (степень регламентации различна для каждой отрасли данной деятельности). Выявлению и изучению этих норм должно быть уделено особое внимание.

Тот факт, что существует нерегламентируемая часть разведывательной деятельности противника, мобилизует советские органы государственной безопасности на соответствующую реакцию при любых неожиданных действиях врага. В то же время для органи-

¹ Так, законы ФРГ весьма неконкретно регламентируют поводы для возбуждения дознания и процедуру дознания, что позволяет проводить его без строгого соблюдения всех процессуальных норм, привнося в эту процедуру много элементов агентурной деятельности. Наиболее распространенный повод для возбуждения дознания в отношении политических деяний — это наличие агентурно-оперативных материалов (см. Козыкин А. Ф. Порядок расследования и рассмотрения дел о государственных преступлениях по законодательству ФРГ. Диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ, 1971, стр. 189—195).

² В американском законе 1949 года «О Центральном разведывательном управлении» неоднократно указывается на право ЦРУ действовать «вопреки положениям закона, запрещающим подобные действия». По этому закону ЦРУ получило возможность «не принимать во внимание федеральные законы и постановления», выполнение которых повлекло бы разглашение «сведений о структуре, функциях, именах, официальных названиях, окладах и численности персонала, занятого в управлении».

зации противодействия разведывательной деятельности империалистических государств со стороны советских органов государственной безопасности большое практическое значение имеет изучение той части разведывательной деятельности противника, которая регламентируется правовыми нормами. Достаточно широкая регламентация деятельности разведывательных органов буржуазным правом, главным образом его закрытыми нормами, обеспечивает строгое соответствие разведывательной деятельности классовой воле империалистической буржуазии, так как именно в закрытых нормах возможно наиболее концентрированное и незамаскированное выражение этой воли.

Классовая борьба в процессе принятия и применения правовых норм, имеющих значение для буржуазной разведки. Область принятия и применения правовых норм, имеющих значение для ведения разведывательной деятельности империалистическим государством, представляет собой поле острой классовой борьбы. Правящие круги империалистических государств стремятся привести нормы, регламентирующие разведывательную деятельность, в соответствие с планируемым ими масштабом и характером этой деятельности. Так, в империалистических странах отмечается тенденция интерпретировать открытые нормы так, будто ими допускаются тайная контрразведывательная деятельность и тайный политический сыск.

Отношение разведывательных органов к правовым нормам, влияющим на их деятельность, выражается в том, что они используют нормы, облегчающие разведывательную деятельность, и пытаются нейтрализовать негативное воздействие норм, затрудняющих ее ведение (обойти их или нарушить). Правящие круги империалистических государств с большей или меньшей степенью активности (в зависимости от конкретной внутривнутриполитической и международной обстановки) принимают меры к развитию норм, облегчающих разведывательную деятельность, и к устранению норм, затрудняющих ее. В империалистических странах сейчас отмечается, в частности, тенденция к тесному смыканию закрытых норм, регламентирующих разведывательную деятельность, с открытыми нормами, облегчающими ее. Такое смыкание происходит, например, тогда, когда данные, полученные в ходе разведывательных мероприятий (регламентируемых закрытыми нормами), принимаются (на основании открытых уголовно-процессуальных норм) в качестве судебных доказательств.

Вокруг вопроса о регламентации правовыми нормами разведывательной деятельности, о контроле за ней со стороны представительных органов время от времени вспыхивают дискуссии на страницах печати или в залах парламентов. Так, в американском конгрессе раздавались обвинения в адрес администрации Никсона в нераспорядительности и ошибках, которые якобы явились при-

чиной превышения военной контрразведкой своих полномочий. В ходе подобных дискуссий на поверхность может «всплыть» информация, представляющая интерес для органов КГБ.

Общественные отношения, возникающие в процессе разведывательной деятельности, и право

В предыдущей статье автора давалась классификация субъектов общественных отношений, возникающих в ходе разведывательной борьбы. Степень и характер участия каждого из этих субъектов в разведывательной борьбе определяются двумя факторами: статусом субъекта (как действительным, так и тем, который используется для прикрытия) и общественными отношениями, которые устанавливаются у него с другими субъектами (очевидно, что статус влияет на устанавливаемые общественные отношения).

Говоря о статусе, мы имеем в виду прежде всего правовой статус. Что касается отношений, которые устанавливаются между участником разведывательной борьбы и другими субъектами, то эти отношения могут приобретать характер правоотношений (например, отношения иммиграционной службы с выявленными или предполагаемыми представителями противников буржуазного государства, проникающими в страну нелегально), а могут и не приобретать такого характера (например, отношения органа контрразведки с выявленным или предполагаемым представителем противника, складывающиеся в процессе разработки этого лица). Но и в последнем случае те действия, которые составляют существо отношений, в значительной степени регулируются правом — закрытыми нормами, действующими внутри органа контрразведки.

Регулирование отношений между участниками разведывательной борьбы, выступающими на стороне империалистического государства. Современный лагерь империализма охарактеризован в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии как «последняя, но самая мощная из всех существовавших эксплуататорских систем»¹. Эта же характеристика может быть отнесена и к лагерю участников разведывательной борьбы, выступающих на стороне империалистического государства. Империалистическая буржуазия стремится использовать право для укрепления отношений между звеньями, образующими этот лагерь, и внутри каждого звена.

Анализируемая проблема далее будет нами рассмотрена применительно к исполнительным и координирующим разведывательным органам одного и нескольких империалистических государств, к органам, осуществляющим высшее руководство разведывательной деятельностью, к органам (организациям), предоставляющим прикрытия для разведки, а также участвующим в создании и под-

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971, стр. 17.

держании правового режима безопасности, к органам (организациям), обслуживаемым разведкой.

Значение права для функционирования государственных разведывательных органов состоит прежде всего в том, что нормативными актами в той или иной степени оформляется создание разведывательного органа, его статус (включая компетенцию в отношениях с другими участниками борьбы на стороне империалистического государства и компетенцию в отношениях с противником), внутренняя структура, статус подразделений и сил, вплоть до отдельного сотрудника (включая компетенцию в отношениях с другими участниками борьбы на стороне империалистического государства и в отношениях с противником). Это регулирование осуществляется главным образом закрытыми правовыми нормами. Особенно велик удельный вес закрытых норм при регулировании перечисленных вопросов в области внешней разведки, а также в области «острых» форм разведывательной борьбы с внутренними противниками (террор).

Так, образование Исследовательского бюро при кабинете министров Японии (основного разведывательного органа страны) предусматривалось Указом 1952 года об организации канцелярии премьер-министра. В данном Указе задачи бюро формулировались лишь в общем виде. Открытые нормы не содержат ни малейшего указания на полномочия бюро вести внешнюю разведку, которая активно осуществляется им, вероятно, на основании закрытых норм. В США закон «О национальной безопасности» 1947 года «разрешает Совету национальной безопасности (что фактически означает — президенту) возлагать на ЦРУ определенные функции и обязанности в области разведки в дополнение к конкретно перечисленным в законе. Эти обязанности не предаются гласности»¹.

Специфическими моментами правового регулирования в отношении государственных разведывательных органов являются также использование статуса неразведывательных органов для прикрытия разведывательных органов, легального статуса для прикрытия сотрудников разведывательных органов, предоставление разведывательным органам и их сотрудникам полномочий нарушать открытые правовые нормы.

Регламентация взаимоотношений разведывательных служб внутри одного государства основывается на нормах национального права. Так, в США специальными соглашениями регламентируется разграничение компетенций между ФБР и органами военной контрразведки. Потребность в такого рода регламентации усиливается в связи с непрекращающейся междоусобицей среди органов разведки. Противоречия между различными спецслужбами

¹ Дэллес А. Искусство разведки. Перев. с англ. М., «Прогресс», 1964, стр. 10.

того или иного буржуазного государства являются объективным процессом, который не может быть ликвидирован посредством регламентации. Примером противоречий такого рода может служить расширяющееся вторжение американской военной контрразведки в сферу агентурной работы среди гражданского населения США, то есть в область компетенции ФБР, что является нарушением упомянутых соглашений.

Когда возникают отношения сотрудничества между разведывательными органами нескольких империалистических государств, регулирование этих отношений носит международно-правовой характер. При этом одной из задач правового регулирования является преодоление разногласий между разведывательными органами различных империалистических государств, поскольку «ни процессы интеграции, ни классовая заинтересованность империалистов в объединении усилий для борьбы против мирового социализма не устранили противоречий между империалистическими государствами»¹.

Знание правового регулирования взаимоотношений между разведывательными органами империалистического государства необходимо для советских органов государственной безопасности, так как оно позволяет правильнее распределять усилия в борьбе с подрывной деятельностью противника, осуществлять проникновение в один из органов с позиций, созданных в другом органе. Знание правового статуса отдельных сотрудников вражеских разведывательных органов помогает правильно выбрать мероприятия для компрометации этих сотрудников (с учетом ответственности их внутри органов и перед судом своей страны), определить возможности наших агентов, работающих в данных органах, делает более предметными наши рекомендации по правовой защите таких агентов, выявленных противником.

С учетом правового регулирования взаимоотношений между разведывательными органами различных империалистических государств органы КГБ могут повысить эффективность мероприятий по внесению разлада между разведками противника, а также осуществлять проникновение в разведывательные органы одного империалистического государства, используя позиции в таких органах другого империалистического государства.

Большой практический интерес представляет правовая регламентация статуса объединенных разведывательных органов нескольких империалистических государств. Очевиден и тот практический эффект, который дало бы знание правового регулирования, относящегося к органам координации разведывательной деятельности противника. Отношения между координирующими органами и собственно разведывательными органами, а также внутри каж-

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971, стр. 15.

дого координирующего органа регулируются главным образом закрытыми нормами. Предписания о создании координирующего органа и общие указания о его компетенции могут содержаться и в открытых актах.

Важным нормативным актом в области координации разведывательной деятельности американского империалистического государства явилась в свое время директива президента США от 22 января 1946 года «О координации федеральной разведывательной деятельности за границей». Во Франции создание такого координирующего органа, как межминистерский комитет по разведке, и его задачи были закреплены в нормах, содержащихся в ордонансе № 59-147 от 7 января 1959 года и в декрете № 62-1298 от 17 сентября 1962 года.

Проявлениями тенденции к усилению координации деятельности разведывательных органов служат такие факты, как создание правительством Брандта соответствующего комитета во главе с руководителем ведомства федерального канцлера и наделение директора ЦРУ в соответствии с указанием президента США от 5 ноября 1971 года новыми полномочиями относительно других разведывательных органов. Эта тенденция находит свое отражение и в праве.

Общее руководство всеми разведывательными органами (исполнительными и координирующими) осуществляют высшие органы государственной власти и государственного управления. Они же непосредственно руководят разведывательными органами центрального подчинения. Руководящие звенья отдельных государственных ведомств выполняют директивную и контрольную функции в отношении ведомственных органов разведки¹. В США высшее руководство разведкой возложено на Совет национальной безопасности в соответствии с законом «О национальной безопасности» 1947 года.

Отношения руководящих органов с разведывательными службами развиваются в направлении все большего сокращения контроля за разведкой со стороны представительных органов с одновременным повышением роли исполнительно-распорядительных руководящих органов, при постоянном стремлении к усилению централизации в руководстве разведкой. Ярким примером такого развития является реорганизация руководства разведкой США, осуществленная осенью 1971 года. Именно в этих отношениях с наибольшей силой проявляется общая тенденция развития буржуазной государственности «от парламентаризма к министерализму».

¹ Например, руководящее звено министерства обороны США осуществляет контрольные функции в отношении разведывательного управления этого министерства.

В «Черной книге о полиции», изданной в Японии, приводятся примеры ответов, которые даются в японском парламенте на запросы депутатов о предоставлении им материалов о деятельности основного органа контрразведки и политического сыска современной Японии — Управления расследований общественной безопасности (УРОБ): «Ответ по своему содержанию принадлежит к тайнам расследования, поэтому здесь я, к сожалению, изложить его не могу» (ответ директора УРОБ); «Это служебная тайна, поэтому ответить не могу» (ответ министра юстиции)¹.

Открытые нормы, установленные парламентом, а также другими органами власти и управления, регламентируют рассматриваемые отношения лишь в общем виде. Важное значение для разведывательной деятельности имеет то обстоятельство, что кажущееся руководство этой деятельностью со стороны парламента создает вокруг разведки ореол служения «национальным интересам»². В основном же эти отношения регулируются закрытыми нормами, которые содержатся в правительственных либо ведомственных актах.

К органам, руководящим разведкой, по своему положению примыкают органы суда и прокуратуры (их можно относить также к органам, способствующим разведывательной деятельности путем поддержания правового режима безопасности). Номинально и они в состоянии давать разведывательным органам предписания и контролировать их выполнение, но фактически эти возможности весьма ограничены.

Важную роль в подрывной деятельности играют органы, организации и отдельные лица, привлекаемые разведывательными службами к решению разведывательных задач (субъекты, обеспечивающие прикрытие, сюда не включаются). Использование их разведывательными органами регламентируется главным образом закрытыми нормами.

Отношения между разведывательным органом и используемой стороной могут превращаться в правоотношения, когда, например, с агентами заключаются контракты, из которых они узнают о правовом регулировании их отношений с разведкой.

В целях использования государственными разведывательными органами других органов, организаций и отдельных лиц важно знать, каков статус используемых субъектов, и особенно обладают ли они возможностью вступать с противником буржуазного государства в отношения, выгодные для разведывательных органов. С этой точки зрения представляет интерес, например, компетенция государственных органов уголовного сыска, деятельность которых сама по себе носит разведывательный характер, но осуществ-

¹ Нумура Х. и др. Черная книга о полиции. Токио, 1969, стр. 277.

² В законе США «О национальной безопасности» цель разведывательной деятельности ЦРУ от имени конгресса сформулирована как «обеспечение национальной безопасности».

вляется не в сфере государственной безопасности. Государственные разведывательные органы извлекают выгоду из использования эмигрантских организаций, имеющих статус негосударственных объединений. Недавно перед мировой демократической общественностью было разоблачено использование разведывательными органами США антисоветских радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа», обладающих статусом неправительственных организаций. В качестве общего правового основания для деятельности негосударственных организаций против противников империалистического государства обычно выдвигаются конституционные положения о свободе политической деятельности.

Знание правового регулирования отношений разведывательных органов с используемыми ими иными органами, организациями и отдельными лицами позволяет органам КГБ решать ряд разнообразных практических задач: правильнее распределять усилия, компрометировать идею использования названных субъектов разведывательными органами, осуществлять проникновение в разведывательные органы с позиций в используемой ими среде и т. д.

Отношения, которые складываются между разведывательными органами и органами (организациями), предоставляющими им прикрытие, могут приобретать и не приобретать характер правоотношений¹. Например, можно с уверенностью сказать, что предоставление органам внешней разведки позиций в зарубежных представительствах министерства иностранных дел носит характер правоотношений между разведывательным органом и ведомством внешних сношений.

Есть все основания предполагать, что расстановка разведывательными службами империалистического государства своих кадровых сотрудников на позициях в посольствах этого государства за рубежом регламентируется закрытыми нормами (соглашения между разведывательной службой и ведомством внешних сношений, предписания главы государства или правительства и т. п.). Известны случаи довольно сложных отношений, возникающих при использовании упомянутых позиций. Сама сложность этих отношений дает основания полагать, что они не могут осуществляться без нормативного регулирования.

Так, по данным 2-го Главного управления КГБ при Совете Министров СССР, деятельность атташе по вопросам обороны посольства Японии в Москве финансируется по линии Управления национальной обороны (военное ведомство) и по линии министерства

¹ В 1960 году заключено соглашение между тремя английскими государственными органами — департаментом по культурным связям с заграницей, министерством иностранных дел Англии и СИС — об использовании разведкой английских студентов, обучающихся в СССР, для получения от них разведывательной информации, а также для вербовки из их числа агентов для работы среди советских студентов и аспирантов, находящихся в Англии.

иностранных дел Японии. Такое двойное финансирование, вероятно, регулируется определенной нормой. В посольстве функционирует «исследовательская группа», состоящая из представителей ряда разведывательных ведомств (министерства внешней торговли и промышленности, банка Японии и др.). Группа готовит доклады для Исследовательского бюро при кабинете министров. Вряд ли без нормативной регламентации может быть осуществлено «тройственное» руководство членами группы (ведомство — посол — Исследовательское бюро).

На выбор и использование разведывательным органом прикрытия влияют статус органа или организации, намечаемых для этой цели, возможности, которыми они обладают для вступления в отношения с известным или предполагаемым противником буржуазного государства.

Знание правового регулирования отношений между разведывательными органами и «прикрывающими» их учреждениями позволяет органам КГБ решать как частные задачи (например, выявлять отдельные находящиеся под прикрытием звенья разведывательных органов, использовать трения между разведывательными органами и «прикрывающими» их учреждениями), так и общие задачи (например, вскрывать принципы создания разведывательных позиций).

«Прикрывающие» субъекты не приносят разведывательным органам практической пользы, пока разведывательные органы не создадут в них необходимых позиций. Иначе обстоит дело с органами (организациями), участвующими в создании и поддержании правового режима безопасности (следственные органы, прокуратура, таможенная и иммиграционная службы, пограничная охрана, паспортные подразделения органов охраны порядка и др.), которые выполнением своих прямых обязанностей уже способствуют деятельности разведывательных служб. Но для более эффективного содействия деятельности разведывательных служб со стороны органов, участвующих в создании и поддержании правового режима безопасности, нередко устанавливаются специальные отношения между разведывательными службами и данными органами. Такие отношения могут регулироваться открытыми и закрытыми нормами и носить характер правоотношений. Так, правовым основанием для координации деятельности органов дознания и специальных служб ФРГ является, в частности, директива № 220, согласно которой органам, ведущим дознание по делам о «защите государства», предлагается вступать в контакты с БФФ (Ведомством по охране конституции), БНД, МАД и другими спецслужбами¹.

¹ См. Козыкин А. Ф. Порядок расследования и рассмотрения дел о государственных преступлениях по законодательству ФРГ. Диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ, 1971, стр. 196.

Степень и характер содействия разведывательной деятельности со стороны каждого органа, участвующего в создании и поддержании правового режима безопасности, зависят от статуса этого органа, от возможностей, которыми он располагает для вступления с реальными или предполагаемыми противниками империалистического государства в отношения, выгодные для ведения разведки. Разведывательной деятельности империалистического государства, особенно в ее контрразведывательной отрасли, способствует, например, режим пребывания и занятий иностранцев, нормы которого содержатся, в частности, в американском законе 1940 года «О регистрации иностранцев» (закон Смита), который в послевоенный период был признан Верховным судом США «конституционным», в японском законе № 125 «О регистрации иностранцев» 1952 года и др.

Представителям советских органов государственной безопасности, действующим в сфере применения империалистическим государством своих правовых средств, важно знать нормы, способствующие разведывательной деятельности империалистического государства, чтобы избежать коллизии с ними, и нормы, препятствующие этой деятельности, чтобы использовать их.

«Обслуживая» государственные органы буржуазного государства и негосударственные организации буржуазии, разведывательные органы сталкиваются с необходимостью вступать с «обслуживаемыми» субъектами (например, с фирмами — производителями военной техники, обслуживаемыми контрразведкой) в такие правоотношения, когда разведывательный орган дает им обязательные для них предписания. Это несколько меняет упрощенное представление, согласно которому «обслуживание» есть прежде всего подчиненность. Но дело в том, что узкие интересы отдельного «обслуживаемого» субъекта могут расходиться с общеклассовыми интересами буржуазии. Вопросы регламентации отношений между Федеральным ведомством по охране конституции (основной орган контрразведки и политического сыска ФРГ) и «обслуживаемыми» им государственными органами затрагивались в Инструкции по секретному делопроизводству для федеральных учреждений от 8 июня 1956 года, где, в частности, говорилось, что данное ведомство «помогает осуществлять Инструкцию».

Регулирование отношений с противниками империалистического государства (отношений разведывательной борьбы). Отношения разведывательного органа с противником в процессе разведывательной борьбы не принимают характера правоотношений. В то же время в процессе разведывательной борьбы правоотношения с противником возникают у «прикрывающих» учреждений и органов поддержания правового режима безопасности.

Действия самого разведывательного органа, совершаемые в процессе разведывательной борьбы и направленные на противни-

ка, все же до известной степени регулируются правом, главным образом закрытыми правовыми нормами. Регулирование разведывательных акций в разведывательной борьбе с противником — основа правовой регламентации всей системы разведывательной деятельности империалистического государства, предмет наибольшего интереса со стороны советских органов контрразведки и внешней разведки. Регулирование этих акций не сводится к определению компетенции разведывательного органа или отдельного его сотрудника, оно шире, им предопределяются действия органа, подразделения, сотрудника в целом ряде вероятных ситуаций, применение определенных способов, сил и средств, а кроме того, указываются общие пределы действий, предвидение и заблаговременная регламентация которых невозможны или нецелесообразны. В этом регулировании заложены все главные противоречия, существующие между закрытыми и открытыми нормами, все основные дозволения нарушать открытые нормы, в нем находит наиболее концентрированное выражение воля буржуазии, направленная на борьбу прежде всего с ее классово антагонистическими противниками.

Взять, к примеру, такое разведывательное действие, как секретное подслушивание телефонных переговоров. Во французской юридической литературе подчеркивается, что тайна телефонных разговоров «является абсолютным принципом французского права». Тем не менее на основании закрытых норм подслушивание ведется и принимаются новые нормы, направленные на совершенствование дела подслушивания. «В 1959 году премьер-министр Франции решил упорядочить систему неофициального телефонного подслушивания и подчинил все соответствующие службы непосредственно своему кабинету»¹.

Открытые нормы регулируют разведывательную борьбу в самом общем виде. Отмечается стремление правящих кругов империалистических государств и представителей разведывательных органов обосновывать эти действия путем расширительного толкования открытых норм, доказать, будто признание деятельности противника противоправной есть не только «освящение» борьбы с ним, но и признание правомерности такой борьбы.

Авторы «Черной книги о полиции» категорически протестуют против того, что Управление расследований общественной безопасности ведет разведывательную деятельность на основании закона «О предотвращении подрывной деятельности». Они отмечают: «Расследования, которые ныне осуществляет УРОБ в отношении различных организаций, начиная с прогрессивных партий и профсоюзов, и отдельных лиц, не только совершенно не имеют

¹ Буржуазное законодательство о разведывательной деятельности. М., изд. ВКШ КГБ, 1969, стр. 74—75.

правовых оснований, но являются также искажением сути расследования. При этом осуществляемые им подкуп, шантаж, соблазн выгодами, секретное подслушивание, кражи и другие действия полностью представляют собой злоупотребление служебными полномочиями и неправомерное нанесение ущерба основным правам человека»¹.

Для результатов разведывательной деятельности в целом немалое значение имеют правоотношения, возникающие между органами, участвующими в создании и поддержании правового режима безопасности, и противником, конкретные административно-правовые и уголовно-правовые последствия, угрожающие противникам империалистического государства, вся система правового режима безопасности. Характерной особенностью правоприменительной практики в этой области является выискивание оснований для привлечения к административной или уголовной ответственности лиц, разрабатываемых контрразведкой и политическим сыском, путем инкриминирования им общеуголовных преступлений. Это делается в тех случаях, когда невозможно инкриминировать им государственные преступления или когда это нецелесообразно по политическим соображениям.

Знание правового регулирования отношений империалистических разведывательных органов с их противниками позволяет предвидеть возможные способы деятельности империалистической разведки против СССР, допустимую империалистическим государством степень интенсивности разведывательных акций, рамки дозволенных разведывательным силам действий, не оговоренных в нормах.

В закрытых актах, имеющих силу внутри разведывательных органов, должны, вероятно, содержаться перечень основных разведывательных действий, варианты применения их в типичных ситуациях, установка на большую или меньшую активность разведывательной деятельности в соответствии с установками политической стратегии на данном этапе, а также указание на пределы инициативы отдельных органов, разведчиков, агентов.

Разновидности разведывательной деятельности буржуазного государства и право

В предыдущей статье автора отмечалось сходство по ряду позиций разведывательной деятельности буржуазного государства, осуществляемой против его внешних и внутренних противников.

¹ Нумура Х. и др. Черная книга о полиции. Токно, 1969, стр. 91.

Это сходство прослеживается при сопоставлении внешней разведки, контрразведки и политического сыска.

С точки зрения соотношения разведки и права такое сходство позволяет буржуазному государству использовать как против внешних, так и против внутренних противников одни и те же нормы административно-правовых режимов охраны государственной тайны, предписания об изъятии из гражданского оборота оружия, множительных аппаратов, режимные нормы учета населения и т. п., которые затрудняют конспиративные действия и внешних, и внутренних противников, способствуют разведывательной борьбе против тех и других.

Практика показывает, что выяснить картину правового регулирования разведывательной деятельности империалистического государства против его внутренних противников легче, чем составить представление о такой деятельности против внешних противников. Один из возможных методов изучения правового регулирования разведывательной деятельности против внешних противников — выдвижение предположений, основанных на известных данных о правовом регулировании такой деятельности против внутренних противников. Разнообразные закрытые документы, регламентирующие деятельность разведывательного аппарата японской полиции в области внутренней разведки, стали достоянием демократической общественности Японии. Анализ этих документов позволяет сделать предположительную модель правового регулирования некоторых аспектов внешней разведки данной страны¹.

Правящие круги буржуазных государств и руководители спецслужб стремятся развернуть в своих странах систему тотального сбора внутривнутриполитической информации. Поскольку такая информация может использоваться в интересах внешней разведки и контрразведки данного буржуазного государства, что осложнило бы оперативную обстановку для работы органов КГБ, представляют интерес попытки дать правовое обоснование развертыванию внутривнутриполитического шпионажа. Так, министерство юстиции США заявило в 1970 году, что статья 2 американской Конституции дает президенту право в интересах обеспечения безопасности организовать сбор разведывательной информации внутри страны и что исполнительная власть вправе наблюдать как за незаконной, так и за законной политической деятельностью. В 1968 году армейская контрразведка США подготовила секретный документ «План сбора

¹ См. Сугимура Тосимаса и др. Подлинное состояние послевоенной тайной полиции. Киото—Токио, 1960, стр. 33—207.

О предположительной модели см. Еремин В. Н. Японское законодательство о государственной безопасности и использование его специальными службами Японии в подрывной деятельности против СССР. Диссертация. Спецфонд ВКШ КГБ, 1974.

информации о гражданских беспорядках», где утверждается, что «движение за мир, против войны и призыва в армию направляется из-за рубежа». Наличие этого документа позволяет сделать следующие выводы и предположения: во-первых, еще раз подтверждается участие военной контрразведки во внутривнутриполитическом шпионаже; во-вторых, очевидно, что эта деятельность имеет и внешнюю направленность; в-третьих, сам документ является одним из примеров закрытого нормативного акта, регламентирующего разведывательную деятельность.

Отрасли разведывательной деятельности, имея известное сходство, в то же время существенно различаются между собой. Основное различие заключается в специфике условий, в которых ведутся внешняя разведка, контрразведка и внутренняя разведка: первая осуществляется в основном вне сферы суверенитета своего государства, а вторая и третья — главным образом в пределах этой сферы. Для регулирования контрразведки и внутренней разведки принимается значительно больше открытых норм, чем для регулирования внешней разведки. Слабо регулируется внешняя разведка в закордонных условиях, где труднее предусмотреть типовые ситуации, подлежащие фиксации в нормах. Для каждой отрасли разведывательной деятельности имеют значение не только те нормы, которые прямо регламентируют разведывательную деятельность, но и те нормы, которые лишь влияют на нее. Контрразведка и внутренняя разведка испытывают способствующее воздействие права (своей страны) в большей степени, чем внешняя разведка (последняя вынуждена преодолевать препятствующее воздействие национального права страны противника и международного права, а порой и открытых норм национального права своей страны).

В правовом регулировании разведывательной деятельности государств противоположного социально-экономического типа находит свое отражение и принципиальное различие классовой сущности этой деятельности. Империалистическое государство в закрытых нормах санкционирует своим органам разведки применение жестоких, антигуманных средств и способов борьбы, сознательно оставляет простор для неправовых действий, стимулируя произвол.

Вместе с тем в предыдущей статье автора отмечалось некоторое внешнее сходство (по ряду чисто «технологических» позиций) между разведывательной деятельностью буржуазного государства и разведывательной деятельностью его противников. Такое сходство, во-первых, дает возможность при изучении правового регулирования разведывательной деятельности империалистического государства, когда в нашем распоряжении отсутствует соответствующий правовой материал, выдвигать предположения о том, какие аспекты разведывательной деятельности регламентированы

неизвестными нам нормами, каким субъектам могут быть адресованы предписания норм и т. п. Во-вторых, это сходство позволяет находить в правовом регулировании разведывательной деятельности империалистического государства такие юридико-технические моменты, которые можно заимствовать (в допустимых пределах).

Вопрос о необходимости исследовать на базе соответствующего правового материала применение империалистическим государством права в интересах подрывной деятельности впервые в ВКШ был поставлен Е. Б. Песковым еще в 1955 году в работе «Послевоенное законодательство США по вопросам разведки — орудие подрывной политики американского империализма». С тех пор к этой проблеме обращались многие авторы. Однако потребность в фундаментальных исследованиях по этим вопросам имеется и сейчас.

Изучение роли и места буржуазного права в подрывной деятельности империалистических разведок против СССР имеет практическое значение для организации контрразведывательной работы органов КГБ. Важно знать, как регламентирована система разведывательных служб противника, что входит в компетенцию каждой службы, как регулируются отношения между службами, а также их отношения с используемыми ими государственными и негосударственными учреждениями и организациями. Эти знания облегчают, в частности, решение таких задач, как нарушение взаимодействия между службами противника, компрометация разведывательных служб с раскрытием антиконституционности закрытых норм, разрешающих им вести разведку, выяснение механизма использования противником прикрытий, а кроме того, постановку задач нашим агентам из кадрового состава служб противника с учетом их компетенции.

Весьма важно знать, как регламентируется агентурная деятельность разведывательных служб противника. Надо полагать, что в секретных нормативных актах содержится выкристаллизовавшийся опыт разведки в этой области, отражаются принципы агентурной деятельности, ее формы и методы, организационные особенности.

Для внешней разведки органов КГБ большую ценность представляют также знания о том, как в контрразведывательной деятельности противника используются отдельные правовые режимы, образующие совокупный правовой режим безопасности, как регламентируется взаимодействие органов контрразведки с органами поддержания правового режима.

Подполковник С. И. Строцкис

УЧАСТИЕ ЛИТОВСКИХ АНТИСОВЕТСКИХ ЭМИГРАНТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДИВЕРСИИ ИМПЕРИАЛИЗМА

Современный этап общественного развития характеризуется резким обострением идеологической борьбы между капиталистической и социалистической системами. «Мы живем в условиях неутраченной идеологической войны, — подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, — которую ведет против нашей страны, против мира социализма империалистическая пропаганда, используя самые изощренные приемы и мощные технические средства»¹.

Особое место в этой борьбе империализм отводит идеологической диверсии, ставшей в современных условиях одной из основных форм подрывной деятельности. Для ее осуществления привлечен громадный пропагандистский аппарат, многочисленные разведывательные службы, государственные, общественные и эмигрантские организации.

В идеологической диверсии, проводимой империалистическими государствами против СССР, против всего социалистического содружества, определенная роль отводится литовским антисоветским эмигрантским организациям, таким, как: «Верховный комитет освобождения Литвы» (ВЛИК), «Сантара-Швеса», «Общий фонд литовцев Америки» (БАЛФ), «Совет литовцев Америки» (АЛТ), «Всемирное объединение литовцев» (ПЛБ), «Комитет свободы Литвы» (ЛЛК), и др. Эти организации литовских буржуазных националистов тесно связаны с империалистическими разведывательными службами, которые используют их возможности для пропаганды идеи о «неравноправии» народов нашей страны, о необходимости их борьбы за «самостоятельность» и выход из состава СССР для оказания враждебного, националистического воздействия на советских людей с целью побудить отдельных из них к организованной антисоветской деятельности.

Анализ подрывной деятельности литовских антисоветских эмигрантских организаций позволяет сделать вывод, что в идеологической экспансии империализма против СССР, против всего коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения они используются, с одной стороны, в качестве прикрытия, а с другой — в качестве орудия.

Роль прикрытия литовские антисоветские эмигрантские организации могут выполнять благодаря своему правовому статусу и положению, занимаемому в капиталистических странах. Являясь

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971, стр. 90—91.

организациями негосударственными, пользуясь статусом общественных, они служат удобным прикрытием для идеологической и другой подрывной деятельности империалистических государств и их разведок, которые стараются создать впечатление, что подрывная работа ведется не ими, а антисоветскими эмигрантскими организациями, действующими по собственной инициативе. При этом подобная деятельность всегда выдается за проявление «общественного» мнения всей литовской эмиграции, якобы борющейся за свободу и независимость своей родины.

Роль орудия идеологической диверсии литовские антисоветские эмигрантские организации выполняют потому, что, формально являясь самостоятельными организациями, фактически не занимают сколько-нибудь независимого положения в пропагандистском и идеологическом аппарате империализма. Они не располагают собственными денежными и техническими средствами, достаточными для проведения идеологической диверсии, и вынуждены пользоваться тем, что предоставляют им империалистические государства и их разведки. Поэтому они не могут выступать в антисоветской борьбе самостоятельно, хотя и стремятся создать такое впечатление. Таким образом, они являются лишь орудием империалистических государств и их разведок в проведении идеологической диверсии. Их деятельность непосредственно определяется, направляется и контролируется разведывательными службами противника.

Выполняя волю своих хозяев и объявляя себя «жертвами коммунизма», антисоветские эмигрантские организации пытаются убедить мировую общественность в том, будто в 1940 году Литва и другие Прибалтийские республики были насильственно присоединены к Советскому Союзу, что Советская власть в Литве является «чужеродной». Демагогическими лозунгами «борьбы за освобождение родины» литовские антисоветские эмигрантские организации прикрывают свою подрывную идеологическую работу. При этом они прибегают к чудовищным измышлениям, придумывают концепции о «насильственной оккупации», «советском колониализме», «русификации» и т. п.

В отдельных случаях они даже призывают реакционные империалистические силы к развязыванию войны, в которой многие из них видят единственную возможность для восстановления в Литве своего прежнего политического господства. Поэтому проводимая литовскими антисоветскими эмигрантскими организациями идеологическая диверсия во многом совпадает с политикой, пропагандируемой наиболее реакционными силами США, которые до сего времени отстаивают ту точку зрения, что только война может решить исторический спор между социализмом и капитализмом.

Пытаясь всеми силами и средствами повлиять на общественное мнение Запада, и надеясь привлечь на свою сторону как можно

больше сторонников, литовские антисоветские эмигрантские организации в последнее время резко увеличили выпуск антисоветских пропагандистских материалов. Выходит много претендующих на «научную фундаментальность» работ, которые полны всяческих небылиц о положении литовского народа в СССР. Например, в США и странах НАТО литовскими националистами издано на 87 языках более 200 книг и брошюр антисоветского содержания, некоторые тиражом в полмиллиона и более экземпляров. Кроме того, в США издается более 30 литовских антисоветских газет и журналов.

Наряду с изданием и распространением антисоветской литературы литовские реакционные эмигранты организуют митинги, демонстрации, шествия и манифестации с требованием предоставить «независимость» Литве. Такие провокационные акции, широко освещаемые в реакционной печати, неоднократно проводились в Нью-Йорке перед зданием ООН и в других городах США.

Однако кульминационной точки антисоветская пропаганда эмигрантских организаций достигает в дни празднования так называемых «юбилеев», «знаменательных дат буржуазной Литвы». Например, в связи с 50-летием «независимости буржуазной Литвы» ВЛИК, БАЛФ, ПЛБ и другие эмигрантские организации развернули широкую антисоветскую кампанию с целью скомпрометировать политику СССР перед мировой общественностью, ввести в заблуждение западного обывателя относительно действительного положения народов в Советском Союзе.

С усилением идеологической борьбы империализма литовские антисоветские эмигрантские организации стали активнее участвовать в идеологической диверсии против всего коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, чтобы поднять свой авторитет и заручиться поддержкой правящих империалистических кругов. Главари литовской эмиграции в своих газетах заявляют, что «литовская общественность морально и материально поддерживает политику США в Азии, Африке и Латинской Америке».

Эти заявления подкрепляются и практическими действиями. Когда сотни тысяч американцев участвовали в походе против агрессивной политики США в Латинской Америке, литовские эмигрантские организации провели демонстрацию у Белого дома в поддержку американской политики в латиноамериканских странах; в разгар антивоенных выступлений американской молодежи против агрессии во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе литовские реакционные эмигранты провели митинг и демонстрацию в Нью-Йорке в поддержку агрессивной политики США в Индокитае.

Пропагандистские акции литовских антисоветских эмигрантских организаций, разумеется, наруку империалистам США. Подобные акции помогают обманывать общественное мнение, изобра-

жать американский империализм «защитником» народов Азии, Африки и Латинской Америки от «коммунистической опасности», дискредитировать в глазах народов этих стран социалистический общественный строй, клеветать на Советский Союз.

Литовские буржуазные националисты совершают поездки в страны Азии и Африки, публикуют там антисоветские «информационные материалы», организуют так называемые «недели порабожденных народов» и антисоветские выставки, участвуют в различных антикоммунистических конференциях, семинарах, проводимых реакционными кругами этих стран. Основное содержание их выступлений и «посланий» — клевета на Советский Союз, на его национальную политику, рассчитанная на то, чтобы отвлечь внимание народов развивающихся стран от подлинных колонизаторов, оправдать политику неокOLONиализма и вооруженной агрессии против национально-освободительного движения, попытаться помешать вступлению отсталых стран на социалистический путь развития.

Именно поэтому правящие круги империалистических государств и их разведывательные службы активно поддерживают и всячески поощряют идеологические акции, проводимые литовскими эмигрантскими организациями. Это поддержка не только материальная, но и моральная. Непризнание правительством США и правительствами ряда других капиталистических государств вхождения Литовской ССР в состав Советского Союза и разрешение «дипломатическим представительствам» давно несуществующего буржуазного государства Литвы функционировать на территории своих стран — серьезный моральный стимул антисоветской деятельности литовских эмигрантских организаций. Более того, видные государственные деятели США приглашают к себе главарей антисоветских организаций, «послов» и «членов дипломатических представительств» (обычно по случаю так называемых «юбилейных» дат) или же направляют им послания и телеграммы, в которых выражают надежду на предоставление «независимости» Литве. Госдепартамент США ежегодно направляет в «посольство» Литвы в Вашингтоне ноту, подтверждающую непризнание правительством США вхождения Литвы в состав Советского Союза.

Следует подчеркнуть, что с приходом к власти бывшего президента США Р. Никсона антисоветская деятельность литовских антисоветских эмигрантских организаций стала стимулироваться еще больше. Какое значение придавал президент Никсон и другие государственные деятели США антисоветской деятельности литовской эмиграции, показывают, например, события, связанные с попыткой советского моряка Симаса Кудирки изменить Родине, за что он был привлечен к уголовной ответственности. Антисоветские эмигрантские организации развернули по этому поводу пропагандистскую кампанию, создали «Комитет спасения Кудирки», орга-

низовали демонстрации в его защиту в разных городах Америки, обратились с письмом к бывшему президенту США Р. Никсону. В своем официальном ответе Р. Никсон заверил главарей эмиграции, что поддержит их требования, а заместитель государственного секретаря США Дэвис заявлял в то время, что если бы С. Кудирка остался на американской территории, то это якобы улучшило бы «климат советско-американских отношений»¹.

Такие официальные заявления видных государственных деятелей США свидетельствуют о том, что они заинтересованы в литовской антисоветской эмиграции и поддерживают ее антисоветскую деятельность.

В условиях, когда Советский Союз посещают миллионы иностранцев и тысячи эмигрантов, которые имеют возможность собственными глазами увидеть советскую действительность, когда правда о миролюбивой политике Советского государства проникает в самые отдаленные уголки земного шара, антисоветская клевета литовских националистов не находит поддержки у общественности Запада. Поэтому антисоветские эмигрантские организации в настоящее время все чаще пытаются активизировать свои подрывные идеологические действия непосредственно на территории СССР, что находит выражение в подрывной пропагандистской и организационной деятельности.

Преследуя цель «оторвать» Литву от СССР и «реставрировать» в ней буржуазный режим, антисоветские эмигрантские организации проводят подрывную пропаганду, направленную прежде всего на то, чтобы вызвать у литовцев враждебное отношение к русскому и другим народам СССР. Для этого они пытаются повлиять на национальные чувства литовцев, опорочить программные положения Коммунистической партии в национальном вопросе, приравнять пролетарский интернационализм к отрицанию нации. Они распространяют ложные слухи о том, что в Литве якобы усиливается «русификация», идет процесс «денационализации», «культурной нивелировки», «экономического закабаления», и др. Эта грубая ложь кочует из одной книги в другую, из статьи в статью, широко пропагандируется по радио.

Например, так называемый сейм ВЛИКа принял специальное решение, в котором призвал эмигрантов шире пропагандировать в «свободном мире» проблему «русификации», обратил внимание на необходимость использовать для этих целей все имеющиеся средства информации, а также издавать больше «научных» трудов, порочащих национальную политику Советского Союза. В январе 1969 года правление ВЛИКа разработало тематику рефератов, предназначенных для книги «О русификации Литвы»: «Засилье русских, занятие ими руководящих позиций в Литве», «Решающее

¹ Ориентировка КГБ при СМ СССР № 74сс, 1971 г., стр. 20.

слово русских в вопросах внутренней и внешней политики Литвы», «Искусственное привитие русской культуры в Литве» и др. Попав в нашу страну, подобная «литература», с антисоветских и националистических позиций трактуя национальную политику КПСС и Советского правительства, может, разумеется, оказать отрицательное воздействие на отдельных граждан Советской Литвы, активизировать в какой-то мере деятельность националистических элементов.

«Преследование» религии в Советской Литве — еще одна из излюбленных тем современной подрывной пропаганды литовских эмигрантских организаций. Клеветническая кампания под флагом защиты религии резко усилилась после того, как в декабре 1971 года за границей было опубликовано письмо о «преследовании» католической веры в Литве, якобы подписанное 17 тысячами верующих католиков, и после самоожжения в мае 1972 года Р. Каланты в г. Каунасе. Националисты стремятся создать из верующих организационные звенья или так называемую «идейную оппозицию», которую они могли бы использовать во враждебных целях.

Лидеры эмигрантских организаций литовских националистов, опираясь на ложную концепцию «центробежной дезинтеграции», пытаются доказать, что эти процессы неизбежно приведут к ослаблению, подрыву единства и сплоченности советского народа, а это, в свою очередь, к выходу Литвы из состава СССР. Так, один из руководителей националистической эмиграции Гурекас писал в журнале «Метменис»: «Все наиболее значительные силы, которые ведут к ослаблению Советского Союза, таятся непосредственно в общественной структуре этой страны и возникшем напряжении внутри коммунистического мира».

Исходя из этого ложного тезиса, литовские антисоветские эмигрантские организации в настоящее время усиленно ищут националистов, которые не отказались от своих прежних взглядов и убеждений, а также лиц, ставших под их влиянием на националистические позиции. На эти «внутренние силы» антисоветские эмигрантские организации возлагают большие надежды, рассчитывая, что при поддержке из-за рубежа они способны вести организованную борьбу за «освобождение» Литвы. Они стремятся оказывать постоянное идеологическое воздействие на эти «внутренние силы», возбудить у них желание, а затем и решимость приступить к организованным антисоветским действиям.

Антисоветская деятельность националистических элементов стимулируется путем оказания моральной и материальной поддержки. «Делать все, что возможно, — говорится в программном документе АЛТ, — оказывать моральную, финансовую и материальную помощь гражданам Литвы в их стремлении освободиться от власти иностранцев и добиться свободы, создать независимое

государство с собственной формой правления»¹. Исходя из этого, антисоветские эмигрантские организации всячески поддерживают националистические элементы, пытаются поднять их моральный дух, вселить уверенность в успехе антисоветской деятельности. Для морального стимулирования используются средства информации, позволяющие воздействовать в нужном направлении на сознание националистических элементов, поддерживать у них антисоветские настроения. Материальное стимулирование выражается в направлении им посылок, подарков, денежных переводов и других подачек.

Стимулируя морально и материально националистические элементы, антисоветские эмигрантские организации одновременно стремятся предостеречь их от тактических ошибок. В обращении ВЛИК говорится: «Мы должны признать, что героическое вооруженное сопротивление оккупации стоило многих человеческих жертв. Было бы самоубийством, если бы мы и сейчас наших героев побуждали на это дело... Но мы должны предпринять все, чтобы наша общественность вела бескомпромиссную борьбу во имя свободы и независимости Литвы»².

Прислушиваясь к голосу из-за рубежа, националистические элементы в республике пытаются приспособиться к новым условиям, меняют тактические приемы антисоветской и антиобщественной деятельности. Современная тактика антисоветской и антиобщественной деятельности националистических элементов предусматривает использование новых, более изощренных методов: антисоветская пропаганда, замаскированная под безобидные на первый взгляд суждения по вопросам национальной культуры, искусства, науки; распространение нелегально издаваемой литературы, документов тенденциозного и клеветнического характера («трактатов» по национальному и другим вопросам, обращений и писем в партийные и правительственные инстанции, органы суда и прокуратуры, общественные организации). К этим документам близки по характеру воспоминания бывших лидеров политических партий и государственных деятелей буржуазной Литвы, а также письма и обращения-протесты, полулегально или легально распространяемые националистическими элементами среди населения и нелегально переправляемые за границу.

Однако практика показывает, что в своей организационной деятельности литовские антисоветские эмигрантские организации не ограничиваются подстрекательством отдельных националистических элементов к совершению антиобщественных и антисоветских действий. Одновременно они прилагают усилия к тому, чтобы

¹ КГБ при Совете Министров Литовской ССР, дело № 421.

² Архив КГБ при СМ СССР, арх. № 85251, т. 4, стр. 50—60.

объединить националистов в группы и организации для последующего использования их в антисоветской и антиобщественной деятельности. Для этого антисоветские эмигрантские организации подыскивают националистически настроенных лиц, которые способны взять на себя роль руководителей групп и организаций, и пытаются установить с ними контакт, чтобы через них осуществлять организационное руководство деятельностью этих групп.

Главная роль здесь отводится направляемым в Советский Союз эмиссарам, в задачу которых входит поиск и установление лиц, способных выполнять организационные функции. Эмиссары ориентируются прежде всего на убежденных националистов: бывших деятелей буржуазных политических партий, участников вооруженных националистических банд и националистического подполья и, наконец, на реакционную часть католического духовенства. Эти националистически настроенные, враждебно относящиеся к советскому строю лица имеют опыт антисоветской деятельности (как с легальных, так и с нелегальных позиций), обладают навыками организационной работы, пользуются авторитетом среди своих единомышленников и способны объединить их в организации и группы, руководить их антисоветской и антиобщественной деятельностью.

Такие лица по-прежнему представляют особую ценность для литовской антисоветской эмиграции, но их мало, они, как правило, известны органам государственной безопасности и находятся в поле их зрения. Это обстоятельство заставляет антисоветские эмигрантские организации искать сообщников среди других социальных групп. Определенный интерес для антисоветских эмигрантских организаций представляют лица с отсталыми, обывательскими взглядами, политически заблуждающиеся, зараженные духом стяжательства и карьеризма, ставящие превыше всего свои узкоэгоистические интересы, недооценивающие высокие идеалы социалистического общества, созидательный труд народа. Попав в поле зрения антисоветских эмигрантских организаций, эти лица подвергаются усиленной националистической обработке, под влиянием которой могут создавать враждебные группы или организации.

Особое место в организационной деятельности антисоветских эмигрантских организаций занимает работа с молодежью и интеллигенцией. В этой среде они пытаются выявить идейно неустойчивых лиц, установить с ними контакт и подвергнуть их националистической обработке. Такую обработку молодых людей эмиссары антисоветской эмиграции ведут под видом «сохранения национальных традиций», возвеличивания национальных «героев» прошлого. Именно так действовал, например, эмиссар литовской антисоветской эмиграции Шилбайорис при обработке аспиранта Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева Григаса, который под его влиянием создал несколько лет назад из обучающихся в Москве

аспирантов-литовцев «Клуб литовских аспирантов» и пытался придать его деятельности националистическую направленность.

Таким образом, для организационной деятельности литовских антисоветских эмигрантских организаций характерно стремление к объединению и консолидации националистов в группы и организации, подстрекательство их к совершению организационных антисоветских и антиобщественных действий, к разжиганию националистических тенденций. Эти группы представляют повышенную опасность, которая может возрасти в случае осложнения международной обстановки, а в военное время они могут стать потенциальной базой для возникновения вооруженных националистических банд. Все это обязывает органы КГБ тщательно выявлять организованные действия и проявления националистических элементов, пресекать их в зародыше, вести борьбу за каждого оступившегося человека, лишать антисоветские эмигрантские организации потенциальной базы для организационной антисоветской деятельности.

Эффективно бороться с организационной деятельностью антисоветской эмиграции можно лишь активными, наступательными методами. Этого требует от нас Центральный Комитет КПСС. На наш взгляд, целесообразно использовать при определенных условиях легендированные группы для отвлечения на них усилий антисоветских эмигрантских организаций, создания предпосылок для парализации их организационной деятельности и сведения к минимуму ее результатов. Это способствовало бы также агентурному проникновению в эмигрантские организации и облегчило завязывание с ними оперативных игр.

Настойчивое стремление идеологических диверсантов проникнуть в среду советских людей, попытки повлиять на них в антисоветском духе, заразить идеями буржуазного национализма также обязывают органы госбезопасности принимать решительные меры к ограждению советских граждан от подрывных действий зарубежных националистов. Разумеется, оперативные меры органов КГБ могут дать здесь должный эффект лишь в том случае, если будут дополнены разъяснительной работой. Существенное значение приобретает профилактика, как в гласных, так и в негласных ее формах.

Советские органы государственной безопасности должны правильно оценивать происходящие социальные процессы, своевременно информировать партийные органы о планах и устремлениях антисоветской эмиграции, об изменении методов и приемов идеологической обработки советских людей, а также о фактах и ситуациях, которые способствуют возникновению политически вредных проявлений. Партия обязывает чекистов немедленно реагировать на события, которые могут стать причиной националистических и антисоветских проявлений, организованных антиобщественных вы-

ступлений антисоветских и националистических элементов внутри страны¹. Чекисты должны добиться, чтобы общественность не проявляла безразличия к подобным явлениям, негативным ситуациям, а сразу же давала принципиальную оценку поведению националистически настроенных лиц.

Эффективно бороться с идеологической диверсией антисоветской эмиграции в наше время возможно, лишь опираясь на прочный фундамент политических, философских и экономических знаний, а также знаний в области права, психологии, социологии и т. п. В настоящее время принимаются меры к тому, чтобы поставить борьбу органов госбезопасности с идеологической диверсией империализма и антисоветских эмигрантских организаций на научную основу. Жизнь настойчиво требует этого. Научная организация работы органов госбезопасности даст возможность усилить наступательный характер борьбы с идеологической диверсией, найти новые методы борьбы с ней, особенно в области предупреждения враждебных идеологических акций со стороны антисоветских эмигрантских организаций и националистических элементов внутри страны.

¹ Конкретные указания на этот счет даны в закрытых письмах ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок враждебных элементов» от 19 декабря 1956 года, «О повышении роли общественности в борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка» от 5 ноября 1959 года, «О повышении революционной бдительности» от 2 июля 1960 года, и др.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Кандидат юридических наук доцент
подполковник *А. П. Фролов*,
кандидат юридических наук
капитан *Ю. А. Ведяев*

ПОЛЕЗНОЕ ПОСОБИЕ ПО АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ

(рецензия на монографию *А. А. Шиверского*
«Некоторые вопросы теории аналитической работы
контрразведывательных аппаратов органов государственной безопасности»)

Различные факторы, усложнившие современную оперативную практику, привели к резкому повышению значения научного обоснования деятельности контрразведывательных аппаратов на важнейших направлениях борьбы с подрывной деятельностью империалистических разведок на территории СССР.

Расширяется фронт исследований наиболее важных вопросов теории и практики не только в учебных заведениях и научно-исследовательских подразделениях КГБ при Совете Министров СССР, но и в практических подразделениях, в связи с чем у оперативных работников появилась потребность в овладении научными методами исследования конкретных практических вопросов. Однако многие вопросы аналитической работы в органах КГБ еще не получили в чекистской литературе достаточного освещения. В связи с этим вышедшая в конце 1971 года монография кандидата юридических наук *А. А. Шиверского* «Некоторые вопросы теории аналитической работы контрразведывательных аппаратов органов государственной безопасности» имеет большое теоретическое и практическое значение. В ней на современном научном уровне поднимаются и рассматриваются основные вопросы аналитической работы органов КГБ с учетом последних достижений в области теории контрразведывательной деятельности. Работа написана доступным языком. Автор в основном дает четкие определения, достаточно веско аргументирует свою точку зрения по обсуждаемым в монографии вопросам и не злоупотребляет использованием терминов из других областей знаний, не нашедших пока «признания» в теории и практической деятельности органов КГБ.

Монография содержит большой, глубоко продуманный и стройно изложенный материал. Особо следует отметить, что при ее написании использовались материалы оперативной практики.

Во введении автор останавливается на причинах, которые обусловили необходимость повышения уровня информационно-аналитической работы в органах КГБ и, как следствие этого, — написание рассматриваемой работы.

Однако, говоря о необходимости повышения уровня информационно-аналитической работы в органах КГБ в настоящее время, следовало бы отметить то обстоятельство, что для этого существуют и объективные возможности, связанные с научно-технической революцией.

В связи с этим представляется не совсем точным высказанное автором положение о том, что он видит влияние научно-технической революции лишь на разведку противника. Современная научно-техническая революция порождает сходные процессы и в социальных и в капиталистических странах. Результаты научно-технических достижений одинаково активно используются как в советской разведке и контрразведке, так и в разведке и контрразведке противника.

В первой главе — «Понятие и содержание аналитической работы» — подняты важные в теоретическом отношении вопросы аналитической работы. Автор монографии четко определил свою точку зрения на трактуемый по-разному в чекистской литературе вопрос об оперативной информации. Он считает, что оперативная информация представляет собой сведения, получаемые в основном с помощью негласных сил и средств, которые используются в оперативной деятельности органами КГБ в целях обеспечения безопасности Советского государства.

Нам представляется, что в качестве основания классификации информации, используемой в оперативной деятельности органов КГБ, можно взять ее источники, если под источниками информации понимать то, что существует объективно, что генерирует информацию. Может быть, потому, что автор считает источниками оперативной информации негласные силы и средства, поднятый им вопрос о соотношении оперативной и контрразведывательной информации в книге не получил достаточно полного и аргументированного обоснования.

В монографии дан подробный анализ содержания аналитической, информационной и научно-исследовательской работ. Однако нельзя не заметить, что, правильно оценив некоторые частные специфические особенности этих видов работ, автор не смог показать в достаточной мере отличающие их существенные признаки. Несколько упрощенно, на наш взгляд, дано изложение вопроса об этапах (стадиях) аналитического исследования, в частности этапа непосредственного исследования поставленной проблемы, имеющего основополагающее значение для правильной и эффективной организации аналитических исследований на практике.

Вторая глава — «Методы оценки оперативной информации» — написана с учетом достижений современной научно-технической революции. Автор справедливо подчеркивает важность количественного и качественного анализа оперативной информации, который может быть применен в теоретической и практической деятельности органов КГБ.

Однако в книге, по нашему мнению, недостаточно обоснована необходимость применения количественных методов в чекистской теории и практике. Автор по существу ограничился лишь замечанием о том, что поскольку эти методы сейчас широко применяются в различных областях научной и практической деятельности, то «нужно искать критерии и для количественного выражения ценности, смысла и других сторон оперативной информации».

В третьей главе — «Методы исследования, используемые в аналитической работе» — основательно освещены логические и статистические методы. Автор совершенно правильно акцентирует внимание на важной роли статистических методов, о чем в чекистской литературе еще сказано недостаточно; квалифицированно, с применением статистических данных иллюстрирует ряд теоретических положений. С нашей точки зрения, параграф о статистических методах является одним из наиболее удавшихся частей книги.

Наряду с этим параграф «Моделирование» данной главы, по нашему мнению, написан на более низком теоретическом уровне. Автор ограничился лишь общими рассуждениями о понятиях модели и моделирования и их классификации, взятых из открытой литературы по вопросам философии и кибернетики.

На наш взгляд, автор прав, когда пишет, что «необходимость и возможность использования моделей для исследования различных сторон разведывательной и контрразведывательной деятельности все больше получает подтверждение в чекистской, научной и учебной литературе». Однако он не счел нужным сослаться на эту литературу или привести те обоснования необходимости и возможности применения моделирования, которые в ней содержатся, в результате чего верный по существу тезис остался бездоказательным и читатель не видит, где можно найти указанные обоснования.

В третьей главе видны и некоторые методологические просчеты автора монографии. Так, например, рассмотрение вопроса о применении статистических методов вне рамок моделирования, по существу, привело к их противопоставлению, а попытка автора показать различие между модельным и следственным экспериментами неправомерна. Известно, что эксперименты делятся на прямые и косвенные (модельные). Оба эти вида экспериментов могут применяться и в оперативной и в следственной работе. Поэтому сравнивать модельный эксперимент со следственным — это значит сравнивать метод со сферой его применения, что, конечно, недопустимо.

Отмеченные недостатки не умаляют достоинств рассматриваемой работы. Наиболее существенным из них является то, что в ней достаточно полно освещается методология и технология аналитических исследований в решении различного характера теоретических и практических вопросов контрразведывательной деятельности.

Думается, что монография А. А. Шиверского будет полезным пособием для широкой чекистской аудитории.

Доцент полковник *А. И. Цветков*

ЛЕНИНСКИЕ ПРИНЦИПЫ КОНТРОЛЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

(рецензия на монографию *А. И. Чугунова*
«Органы социалистического контроля РСФСР 1923—1934»)

Коммунистическая партия на всех этапах строительства коммунизма уделяла большое внимание вопросам контроля и проверки исполнения. Важное место отведено им и в решениях XXIV съезда КПСС. Съезд потребовал поднять ответственность каждого руководителя за своевременное выполнение планов и заданий, за совершенствование систем и методов управления, планирования и контроля.

В последние годы в Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах проделана значительная работа по созданию научной системы контроля. Эта система представляет собой совокупность форм и действий, выполняемых определенными методами и имеющих целью на основе проверки исполнения и получения необходимой и своевременной информации обеспечить успешное выполнение задач, стоящих перед органами государственной безопасности. Для передачи и обработки информации система контроля предусматривает наличие специализированных подразделений и использование разнообразных технических средств.

В связи с этим важное значение приобретает глубокая теоретическая разработка ленинских принципов контроля на основе опыта социалистического строительства в СССР, а также оперативной деятельности органов государственной безопасности.

Одним из трудов, обобщающих опыт работы органов социалистического контроля, в частности в Российской Федерации, является вышедшая в 1972 году монография сотрудника Комитета госу-

дарственной безопасности при Совете Министров СССР подполковника А. И. Чугунова¹.

Автору удалось из большого фактического материала выбрать наиболее ценные сведения о зарождении, становлении и развитии социалистического контроля в нашей стране, уделив особое внимание специальным и ведомственным органам контроля.

В монографии подчеркивается, что именно по инициативе В. И. Ленина и под его непосредственным руководством в Советском государстве впервые были созданы контрольные органы. При этом автор приводит интересный исторический факт. Свой первый трудовой день на посту Председателя Совнаркома (27 октября 1917 года) Ленин начал с разработки «Проекта положения о рабочем контроле», который был принят и утвержден ВЦИК 4(17) ноября 1917 года. Этот исторический документ имеет актуальное значение и в настоящее время.

Монография состоит из введения, девяти глав и заключения, в которых автор обстоятельно показывает становление и развитие местных рабоче-крестьянских инспекций, специальных и ведомственных органов контроля; участие трудящихся в осуществлении контроля; деятельность контрольных органов в различных областях народного хозяйства.

Такая структура рассматриваемой работы в принципе возражений не вызывает, хотя можно было ограничиться и семью главами, объединив, например, главы третью и четвертую, пятую и шестую. Кроме того, на наш взгляд, было бы целесообразно выделить в самостоятельный раздел материал о деятельности органов контроля по ликвидации бандитизма, что дало бы возможность читателю представить разработку этого малоизученного вопроса в более законченном виде.

В первой главе, характеризующей становление и развитие местных рабоче-крестьянских инспекций, обращает на себя внимание глубокое освещение автором принципов социалистического контроля.

В книге подчеркивается, что уже в ранний период своей революционной деятельности В. И. Ленин на основе научного анализа капитализма в России пришел к выводу о необходимости установления общественного контроля над производством.

На II съезде РСДРП он выдвинул этот вопрос как программный, а несколько позднее, в 1905 году, писал, что «крупная машинная индустрия, в отличие от предыдущих стадий, настоятельно требует планомерного регулирования производства и общественного контроля над ним»².

¹ См. Чугунов А. И. Органы социалистического контроля РСФСР 1923—1934. М., «Наука», 1972.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 545.

В дальнейшем проблема контроля прочно вошла как составная часть в учение В. И. Ленина о государстве. Он не мыслил создания социалистического государства без строгого всенародного контроля.

В. И. Ленин считал, что в основе контроля и проверки исполнения во всех областях партийного, государственного и хозяйственного строительства должны лежать следующие принципы.

Систематичность и непрерывность контроля. Очень важно, как подчеркивал В. И. Ленин, «...проверять исполнение *систематически*»¹. Систематический строгий контроль, регулярные проверки состояния дел обеспечивают более эффективное выполнение приказов и распоряжений руководства.

«По каждому «делу», — требовал В. И. Ленин, — надо от времени до времени (1 раз в неделю, 1 раз в месяц или в два месяца, смотря по характеру и важности дела, а затем *внезапно*) производить *проверку реального* выполнения. Это самое важное и самое необходимое»².

Массовость контроля. «Учет и контроль, которые необходимы для перехода к социализму, — говорил В. И. Ленин, — могут быть только массовыми»³. Он считал, что массовый контроль является наиболее эффективным, действенным, всеобщим, всенародным. Именно такой контроль предполагает не покушение на принцип единоначалия и авторитет руководителей, а умение руководителей опираться на мнение масс.

Обратная связь. В. И. Ленин подчеркивал, что во всяком деле — большом и маленьком — должен быть организован взаимоконтроль: распоряжения центра должны контролироваться практикой на местах, а практика на местах должна контролироваться руководством центра. Только при этом условии, говорил Владимир Ильич, мы можем быть уверены в действенности нашего контроля⁴.

Доведение дела до конца. Непременным условием всякого контроля В. И. Ленин считал умение не только проверять, но и доводить дело до конца, то есть добиваться устранения выявленных недостатков, практического воплощения в жизнь результатов контроля. Роль руководителей, указывал Ленин, заключается не только в том, чтобы давать «советы и руководящие указания», но главным образом в том, чтобы «...провести в жизнь эти советы и указания, провести практический контроль за тем, чтобы слово превращалось в дело»⁵.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 94.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 162.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 200.

⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 273.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 202.

Значительный интерес представляет **вторая глава** монографии, в которой основное внимание уделено анализу становления и развития контрольных органов в армии и на флоте, что сыграло значительную роль в укреплении обороноспособности страны.

Поскольку эта проблема пока еще не нашла должного освещения в нашей исторической литературе, попытка автора в какой-то мере восполнить этот пробел заслуживает всяческого одобрения.

В монографии отмечается, что первыми контрольными органами в Советских Вооруженных Силах являлись созданные в марте 1918 года военный и морской отделы Центрального контроля. Они были объединены в единый военно-морской отдел Наркомата госконтроля. В феврале 1920 года, в связи с созданием Рабоче-крестьянской инспекции, отдел был реорганизован в Военно-Морскую инспекцию, которая вошла в состав Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции (НКРКИ) РСФСР. В военных округах создавались окружные, на флотах — морские, в действующих армиях — полевые инспекции. Основными задачами Военно-Морской инспекции являлись не только контроль и проверка, но и глубокое всестороннее изучение вопросов, связанных с претворением в жизнь решений ЦК партии, Советского правительства, Реввоенсовета в плане организации, вооружения, технического оснащения, материального обеспечения, обучения и воспитания личного состава Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск ОГПУ.

Автор подробно рассматривает историю развития и практической деятельности Военно-Морской инспекции и делает вывод, что она под руководством ЦК ВКП(б) осуществляла постоянный контроль за развитием и совершенствованием Советских Вооруженных Сил, оказывала огромную помощь Коммунистической партии и Советскому правительству в повышении их боеготовности и боеспособности.

Третью главу автор посвятил анализу форм связей Контрольной комиссии Рабоче-крестьянской инспекции (КК — РКИ) с широкими массами трудящихся. Эта важная проблема освещается на большом фактическом материале, главным образом в плане теоретического обобщения и анализа практического опыта Коммунистической партии и Советского государства. Раскрывая сущность и характер разносторонних связей КК — РКИ с трудящимися, А. И. Чугунов убедительно показывает закономерности этого важного процесса.

Внимание читателя привлечет **четвертая глава**, в которой четко определяется роль органов партийно-государственного контроля в совершенствовании работы различных местных органов управления (губернских, областных, окружных, районных) и, что особенно важно, сельских Советов, о чем явно недостаточно говорится в ли-

тературе, посвященной КК — РКИ. Автор довольно подробно рассматривает основные направления деятельности центральных органов по совершенствованию государственного аппарата, структуры, форм и методов работы государственных и хозяйственных органов, улучшению делопроизводства, учета и отчетности.

Много поучительного найдет читатель в **пятой главе**, посвященной деятельности местных органов КК — РКИ в области научной организации труда и управления. В работе указывается, что, опираясь на поддержку трудящихся масс, местные КК — РКИ активно внедряли НОТ в производство и управление, являлись своеобразными штабами по регулированию научной организации труда.

Благодаря совместным усилиям органов контроля, профсоюзов, широкой общественности к началу 30-х годов НОТ имела научно обоснованную стройную систему, четко определившиеся формы и методы работы. На промышленных предприятиях, транспорте, стройках, в учреждениях, вооруженных силах и базе НОТ заметно повысилась производительность труда, улучшилось качество выпускаемой продукции, эффективнее стали использоваться техника и оборудование, укреплялась трудовая дисциплина и организованность.

Несомненный научный и практический интерес представляет **шестая глава**, в которой обстоятельно освещается вопрос о многогранной деятельности КК — РКИ в области промышленности и улучшения материально-бытового положения рабочего класса. В ней рассказывается о работе местных органов партийно-государственного контроля, способствовавшей развитию кустарной и мелкой промышленности, которая играла в те годы важную роль в народнохозяйственном развитии страны; показывается, как органы контроля боролись за проведение в жизнь курса Коммунистической партии на быстрее восстановление и развитие промышленности, на социалистическую индустриализацию страны. Заслуживает также внимания материал, посвященный раскрытию действия органов контроля местным партийным и советским учреждениям в организации труда и быта рабочего класса, в борьбе с безработицей.

К недостаткам главы следует, пожалуй, отнести несколько схематичный показ борьбы органов контроля за режим экономии, который имел в то время весьма важное значение для становления народного хозяйства молодой Советской республики.

В **седьмой главе** получила довольно обстоятельное освещение деятельность контрольных органов по социалистическому преобразованию деревни. В ней убедительно раскрываются узловые звенья этой работы, которые позволили Коммунистической партии и Советскому государству оказывать действенное влияние на процесс социалистического преобразования на селе. На опыте работы орга-

нов социалистического контроля крупнейшей союзной республики — РСФСР автор довольно подробно показывает роль контрольных учреждений в совершенствовании системы управления сельским хозяйством, в определении мероприятий по аренде земли, найму рабочей силы, налогообложению, проведению хлебозаготовок, землеустройству, механизации, по организации и упорядочению помощи государства крестьянству в ходе коллективизации.

С интересом читается **восьмая глава**, где раскрывается многогранная деятельность местных контрольных органов по осуществлению политики партии в деятельности советских торговых учреждений, а также показывается их роль в борьбе с частной торговлей и контрабандой. При этом на ряде убедительных примеров автор сумел дать достаточно полную картину тех мероприятий, которые проводили партия и Советское государство по усилению охраны государственной границы, особенно на Дальнем Востоке.

В **девятой главе** монографии показано, как органы контроля Российской Федерации совместно с ОГПУ принимали активное участие в борьбе за нового человека. Это особенно ярко проявилось в становлении и развитии системы народного образования, трудовых колоний, в борьбе с беспризорностью, в осуществлении политики Коммунистической партии по подготовке высококвалифицированных специалистов для различных отраслей народного хозяйства.

К достоинствам монографии можно отнести подробные постраничные примечания, достаточно полный перечень источников и литературы, а также указатель имен.

В целом монография является ценным пособием по изучению становления и развития органов социалистического контроля в нашей стране. Она убедительно раскрывает ленинские принципы контроля, подчеркивает, что контроль является объективной потребностью коммунистического общества не только в его первой фазе (при социализме), но и в высшей фазе (при коммунизме).

Значение ленинских принципов контроля для органов государственной безопасности трудно переоценить. Они подтверждены практикой коммунистического строительства в нашей стране, нашли свое отражение в решениях XXIV съезда КПСС и пленумов ЦК нашей партии и в настоящее время помогают Коммунистической партии воспитывать советских людей, в том числе и чекистов, в духе высокой ответственности за порученное дело, неукоснительного соблюдения советских законов. И в этом смысле монография, несомненно, имеет большое познавательное и воспитательное значение и послужит хорошим подспорьем в подготовке высококвалифицированных чекистских кадров.

Кандидат юридических наук доцент
подполковник *И. Е. Тараканов*,
кандидат юридических наук
подполковник *И. В. Сабуров*

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА,
ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**
(по материалам научно-практической конференции)

В июле 1973 года на Курсах усовершенствования руководящего и оперативного состава КГБ при Совете Министров СССР в г. Киеве состоялась научно-практическая конференция, посвященная проблеме задержания лица, подозреваемого в совершении государственного преступления. В конференции приняли участие представители следственного отдела КГБ при Совете Министров УССР, УКГБ при Совете Министров УССР по Киевской области, Краснознаменного ордена Трудового Красного Знамени Западного пограничного округа, Высшей Краснознаменной школы КГБ имени Ф. Э. Дзержинского, руководящий и преподавательский состав Курсов, слушатели отделения руководящего состава из различных республик и областей страны.

Проведению конференции предшествовала большая подготовительная работа, в процессе которой были намечены для обсуждения актуальные вопросы, подготовлены доклады и сообщения, разработан порядок проведения конференции.

Во вступительном слове начальник Курсов генерал-майор Шевченко В. Г. подчеркнул, что ЦК КПСС и Советское правительство постоянно уделяют внимание вопросам соблюдения социалистической законности и улучшения правового образования в нашей стране. Указания такого рода имеют самое непосредственное отношение и к деятельности органов КГБ, о чем свидетельствует, в частности, специальный приказ председателя КГБ при Совете Министров СССР № 0150 от 4 мая 1971 года «Об усилении правовой работы в органах КГБ». Далее тов. Шевченко отметил, что проблема задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, всегда была и остается актуальной. Практическим работникам органов государственной безопасности приходится задерживать подозреваемых в совершении преступления в разных условиях и ситуациях. Задержание всегда является острым мероприятием и, как правило, проводится в самом начале расследования совершенного или готовящегося преступления. Нередко от того, как квалифицированно оно проведено, зависит успех всего расследования. Поэтому дальнейшее совершенствование деятельности органов КГБ по осуществлению задержания подозреваемых в совершении преступлений, разработка соответствующих теорети-

ческих положений должны быть в центре внимания научных и практических работников.

На конференции были заслушаны три доклада и ряд выступлений.

С докладом о некоторых вопросах теории и практики органов КГБ по задержанию подозреваемых в совершении преступлений выступил старший преподаватель Курсов заслуженный юрист СССР полковник Теньков А. А. Проанализировав нормы закона, теоретические исследования, касающиеся рассматриваемой проблемы, и обобщенные данные практики по задержанию органами государственной безопасности лиц, подозреваемых в совершении преступления, он высказал ряд рекомендаций по некоторым спорным вопросам.

По мнению докладчика, правовая природа института задержания подозреваемого в уголовно-процессуальном законе регламентирована не совсем четко, а в юридической литературе на этот счет имеются противоречивые, недостаточно аргументированные точки зрения и рекомендации. Это обстоятельство не может способствовать улучшению следственной практики, а иногда приводит к серьезным ошибкам и даже к нарушениям закона. В частности, нередко вместо того, чтобы арестовать лицо, следственные органы прибегают к его задержанию без всяких к тому оснований.

Раскрывая существо, цели и задачи института задержания подозреваемого, тов. Теньков обратил внимание участников конференции на неоднократность правовой природы задержания. С одной стороны, задержание подозреваемого представляет меру процессуального принуждения, а с другой — следственное действие, в результате которого фиксируются фактические данные, имеющие для дела силу судебных доказательств.

Докладчик подчеркнул необходимость четкого разграничения задержания и ареста лиц, подозреваемых в совершении преступления, указав, что такое разграничение следует производить по содержанию, целям и процессуальной форме этих действий.

В докладе было уделено внимание проблеме исчисления срока задержания подозреваемого. В теории и на практике по этому вопросу имеются различные мнения.

Остановившись на некоторых особенностях тактики задержания лиц, подозреваемых в совершении особо опасных государственных преступлений, тов. Теньков подверг критическому анализу ряд ошибочных, по его мнению, рекомендаций, содержащихся в научной литературе.

Начальник цикла советской криминалистики подполковник Пашенко Р. И. выступил с докладом о соотношении уголовно-процессуального и административного задержаний. Характеризуя подрывную деятельность противника на современном этапе, докладчик подчеркнул необходимость более широкого применения

органами государственной безопасности гласных мер административного принуждения.

Специфической мерой административного пресечения является административное задержание граждан, производимое работниками органов КГБ на основании и в порядке, установленном нормативными актами. Право производить административное задержание лиц, допускающих нарушение установленного порядка в местах и на объектах, охраняемых органами государственной безопасности постоянно или во время проведения общественно-политических и других мероприятий, предоставлено сотрудникам, ведущим агентурно-оперативную работу. Однако к этой мере следует прибегать лишь в том случае, если интересы государственной безопасности не могут быть обеспечены иными средствами.

Вопросы соотношения уголовно-процессуального и административного задержаний, возможность перехода от одного вида задержания к другому представляют определенный интерес. В связи с этой проблемой докладчик проанализировал основания уголовно-процессуального и административного задержаний, остановился на целях административного задержания.

Чтобы не допускать нарушений социалистической законности, необходимо четко представлять отличительные признаки задержания, производимого в административном или уголовно-процессуальном порядке. Нельзя один вид задержания подменять другим, так как они имеют различную юридическую природу. Административное задержание заключается в кратковременном ограничении свободы лица в связи с совершением административного правонарушения. Уголовно-процессуальное задержание применимо лишь по подозрению в совершении преступления, за которое по закону может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Административное задержание не может явиться законным основанием для допроса задержанного в качестве лица, подозреваемого в совершении преступления.

Докладчик остановился также на соотношении сроков уголовно-процессуального и административного задержаний, возможности принятия решения об их продлении.

В докладе было уделено внимание негласному административному задержанию и высказано соображение, что оно может осуществляться по оперативным соображениям, но при наличии тех же оснований, по которым применяется гласное административное задержание.

О процессуальном оформлении задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, сделал доклад заместитель начальника цикла советской криминалистики кандидат юридических наук подполковник Тараканов И. Е. Обратив внимание на необходимость строжайшего соблюдения процессуальной формы и соответствующего оформления следственных действий в целях соблю-

дения социалистической законности, докладчик выразил мнение, что в процессуальном оформлении задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, на практике нередко допускаются существенные ошибки. В частности, в протоколах задержания, которые согласно закону являются судебными доказательствами по уголовному делу, далеко не всегда полно и объективно фиксируются фактические данные об обстоятельствах задержания, а отражается лишь факт захвата подозреваемого. По мнению докладчика, необходимо дальнейшее совершенствование некоторых примерных схем протоколов задержания, рекомендованных ВКШ КГБ имени Ф. Э. Дзержинского.

Преподаватель цикла специальных дисциплин подполковник Маслов А. С. в своем сообщении уделил внимание проведению оперативных мероприятий, предшествующих задержанию подозреваемых в совершении преступлений, в процессе реализации дел оперативного учета (оперативной разработки, оперативной проверки, оперативного розыска). В частности, к числу подготовительных мероприятий относятся действия по физическому захвату с поличным подозреваемых лиц, не имеющими права на задержание в уголовно-процессуальном смысле, с последующим доставлением задержанного в орган следствия или дознания.

Объективная необходимость оперативной подготовки к задержанию лиц, подозреваемых в проведении преступной деятельности, по мнению тов. Маслова А. С., вытекает из необходимости зашифровки оперативных сил, средств и методов работы органов КГБ, своевременного пресечения преступления и получения доказательств в процессе задержания подозреваемого. Он поделился опытом проведения практических занятий со слушателями по осуществлению оперативной подготовки к задержанию агентов противника при совершении ими тайниковой операции. Дальнейшее совершенствование проведения этих практических занятий, приближение их к условиям, близким к действительности, является одним из необходимых элементов улучшения подготовки оперативных работников органов КГБ.

Зарождению и становлению в органах государственной безопасности института задержания подозреваемого в совершении преступления посвятил свое выступление преподаватель цикла криминалистики кандидат юридических наук майор Сабуров И. В. На конкретных примерах из практики ВЧК и нормативных актах того периода он показал, что уже на заре становления Советского государства задержание подозреваемого в совершении преступления в условиях ожесточенной классовой борьбы, когда решался вопрос «кто — кого», применялось лишь при наличии достаточных оснований и мотивов, а не произвольно.

Анализ института задержания в органах ВЧК дал основание выступающему сделать вывод, что принцип социалистической за-

конности, который является основополагающим принципом в деятельности органов государственной безопасности, применительно и к обсуждаемому вопросу нашел свое практическое применение еще в период зарождения органов государственной безопасности.

О практике органов КГБ при Совете Министров СССР по задержанию подозреваемых в совершении преступлений в процессе расследования уголовных дел сообщил старший следователь следственного отдела КГБ при Совете Министров СССР майор Кольчик Н. М. Он отметил, что практика КГБ при Совете Министров СССР идет по пути задержания подозреваемых только по возбужденному уголовному делу. Однако иногда в силу исключительных обстоятельств возникает необходимость в решении вопроса о задержании подозреваемого немедленно, еще до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. В связи с этим существующее мнение о правомерности задержания подозреваемого до возбуждения уголовного дела имеет принципиальное значение. Желательно, чтобы этот вопрос был более четко регламентирован непосредственно в уголовно-процессуальном законе.

Старший офицер разведотдела Краснознаменного Западного пограничного округа КГБ при Совете Министров СССР подполковник Васильев В. С. поделился накопленным опытом по задержанию нарушителей государственной границы и пограничного режима. Он сообщил, что задержание нарушителей государственной границы и пограничного режима в соответствии со статьей 122 УПК РСФСР производится по возбужденному уголовному делу. Выступающий перечислил наиболее типичные действия правонарушителей, свидетельствующие о подготовке к незаконному переходу государственной границы, которые и являются основанием для задержания подозреваемых в соответствии со статьей 122 УПК РСФСР. Органам дознания пограничных войск при решении вопроса о задержании подозреваемого в подготовке к переходу государственной границы необходимо тщательно анализировать его действия и давать им правильную оценку, что является одной из основных гарантий соблюдения законности при задержании подозреваемого.

Тов. Васильев сообщил также о практике задержания нарушителей государственной границы из числа иностранцев.

Старший преподаватель цикла советской криминалистики майор Галица А. С. в своем выступлении остановился на некоторых особенностях задержания подозреваемых, пользующихся автомобилотранспортными средствами.

На конференции по многим основным, а также спорным вопросам выступил начальник кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКШ КГБ при Совете Министров СССР имени Ф. Э. Дзержинского доцент подполковник Дорохов В. Я. Он подтвердил ранее высказанное им мнение о том, что правовая приро-

да задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, может быть двойственной. Задержание, являясь мерой процессуального принуждения, может являться и способом собирания доказательств в тех случаях, когда в протоколе задержания фиксируются относящиеся к делу фактические данные. В силу двойственной природы задержания не лишено основания предложение о том, чтобы оформлять задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, двумя процессуальными документами: постановлением и протоколом.

Тов. Дорохов сказал, что, по мнению кафедры, задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, возможно лишь по возбужденному уголовному делу. Это положение разделяется и практикой работы органов государственной безопасности. Однако он отметил, что задержание может быть произведено и до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, но в этом случае до момента задержания должно быть принято решение о возбуждении уголовного дела, которое после осуществления задержания немедленно фиксируется в постановлении.

Необходимо отметить, что не по всем обсуждавшимся вопросам выступающие пришли к единому мнению, не все замечания и предложения, высказанные на конференции, бесспорны. Некоторые из них нуждаются в более тщательном изучении и осмыслении. Однако это ни в коей мере не умаляет положительных результатов работы конференции. Рекомендации, высказанные в докладах, несомненно, будут способствовать совершенствованию деятельности органов государственной безопасности в борьбе с враждебными элементами и укреплению социалистической законности в свете решений XXIV съезда КПСС.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Подполковник <i>В. П. Роженцев</i> . О понятии агентурной деятельности специальных служб противника	3
Полковник <i>Ю. Б. Долгополов</i> . К вопросу о понятии государственной безопасности СССР	11
Старший лейтенант <i>С. В. Володин</i> . Понятие и сущность безопасности Советского государства	21
Подполковник <i>Н. П. Маркин</i> . К вопросу о деятельности особых отделов КГБ по розыску агентов противника в военное время	36
Подполковник <i>В. П. Фомищев</i> , майор <i>В. В. Титаренко</i> . Предупреждение посягательств на государственную безопасность СССР	50
Майор <i>А. Н. Яцушко</i> . К вопросу о понятии управленческого решения, его видах и формах	64
Подполковник <i>В. А. Кальман</i> . О понятии разведывательной научно-технической информации, добываемой органами КГБ	77
<u>Полковник <i>Б. В. Лугинин</i>. О понятии конспирации и структуре конспиративных отношений</u>	82
Капитан <i>И. М. Вяхирев</i> . Об обнаружении разведчика объектом наблюдения	95

ОРГАНИЗАЦИЯ И ТАКТИКА КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Подполковник <i>А. И. Уразлин</i> . Некоторые стратегические установки по борьбе органов КГБ с научно-технической разведкой противника, проводимой им с использованием международного экономического и научно-технического сотрудничества СССР	105
--	-----

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

- Капитан *А. И. Бажанов*. Из истории чрезвычайных комиссий Северного Кавказа 112
- Подполковник *А. М. Плеханов*. Дзержинский и печать 128

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

- Майор *С. В. Дьяков*. Мотивы и их роль при добровольном отказе от совершения государственных преступлений 145
- Майор *Ю. И. Сучков*. Некоторые вопросы квалификации контрабанды 160
- Майор *П. И. Самойленко*. Правовая оценка выдачи государственной или военной тайны и действий органов КГБ по пресечению этого преступления 168
- Подполковник *В. Ф. Журавлев*. Из истории развития советского уголовного законодательства об ответственности за нарушение национального и расового равноправия 176
- Полковник *Н. М. Коньков*, майор *Ю. Ф. Карасев*. К вопросу об отношениях следователя органов КГБ с прокурором и начальником следственного отдела в процессе предварительного следствия 184
- Майор *Ю. Я. Коршунов*, майор *В. А. Соболев*. О понятии и классификации мер административного принуждения, применяемых органами и войсками КГБ 191
- Подполковник *Э. И. Кирсанов*, майор-инженер *Э. И. Родин*. Понятие криминалистической техники и ее отличие от оперативной 209

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

- Капитан *Б. Ф. Кулинич*. О понятии «специальное умение» и путях его формирования в учебном процессе чекистского вуза 216
- Полковник *С. А. Куприянов*. Пути совершенствования полевой выучки слушателей 226

ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОТИВНИКА

- Полковник *А. А. Горохов*, генерал-майор *Г. В. Пипия*. Подрывная деятельность иранской разведки против Советского Союза 232
- Полковник *В. П. Ерошин*. Теория и практика организации политического сыска в США (оценка оперативной обстановки и выявление объектов политических репрессий) 244
- Подполковник *В. Н. Еремин*. Буржуазная разведка и право (предмет исследования и подход к проблеме) 270
- Подполковник *С. И. Строчкис*. Участие литовских антисоветских эмигрантских организаций в идеологической диверсии империализма 287

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Подполковник *А. П. Фролов*, капитан *Ю. А. Ведяев*. Полезное пособие по аналитической работе (рецензия на монографию А. А. Шиверского «Некоторые вопросы теории аналитической работы контрразведывательных аппаратов органов государственной безопасности») 297

Полковник *А. И. Цветков*. Ленинские принципы контроля в деятельности органов государственного управления (рецензия на монографию А. И. Чугунова «Органы социалистического контроля РСФСР 1923—1934») 300

Подполковник *И. Е. Тараканов*, подполковник *И. В. Сабуров*. Некоторые вопросы теории и практики задержания лица, подозреваемого в совершении преступления (по материалам научно-практической конференции) 306

Всего пронумеровано 315 стр.

Редактор Л. В. Каленская

Литературные редакторы: Г. П. Устинова, А. М. Зотова,
Е. С. Туркина

Технический редактор Л. А. Ромашко

Корректоры А. Н. Горшкова, Л. И. Никифорова

Сдано в набор 5/IV 1975 г. Подписано к печати 23/VI 1975 г.

Формат бумаги 60×90/16. Авт. л. 20,51. Уч.-изд. л. 21,21. Усл. печ. л. 19,75.

Изд. № 4211. Заказ № 010т.

Типография редакционно-издательского отдела
Высшей Краснознаменной школы КГБ при Совете Министров СССР
имени Ф. Э. Дзержинского